

По ту сторону "зеркала"

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ

В. С. ПОЛИКАРПОВ

ЕСЛИ БЫ...

В. С. ПОЛИКАРПОВ

ЕСЛИ БЫ...

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ

ФЕНИКС

РОСТОВ-НА-ДОНУ

1995

Оформление С. Царев
Научный редактор Ю.Г. Волков. д. ф. н.

Поликарпов В. С. Если бы... Исторические версии.
Издательство «Феникс», Ростов-на-Дону, 1995—512 с.

В книге рассматривается одна из увлекательных и неразработанных проблем науки — неосуществленные сценарии развития человеческого общества, когда моделирование «небывшего» в истории мировой цивилизации дает возможность раскрыть темные места истории, выявить многовариантный и нелинейный характер истории, выработать подходы к управлению «ходом» истории. Данная проблема приобретает ныне особую актуальность и потому, что будущее мировой цивилизации непредсказуемо, что резко упала вера в исторический прогресс, а перед всем человечеством раскрывается веер исторических альтернатив.

ISBN 5 – 85880 – 089 – 2

© Поликарпов В.С., 1995

© Издательство «Феникс»
оформление, 1995 г.

От редакции

Сегодня, как никогда ранее, возрос интерес читателей к историческим работам, в которых авторы пытаются с новых позиций осмыслить ход истории. И это понятно. В переломные моменты развития общества, когда рушатся устои прежнего, устоявшегося порядка и отношений, человек, вглядываясь в прошлое, стремится глубже и полнее понять происходящие перемены и предугадать ход событий. Это тем более естественно, что в самой отечественной исторической науке протекает процесс переосмысления многих имевших место фактов и событий, как в далеком так и в относительно недавнем прошлом, что вызвано потребностью выявить истинные причины, их породившие, очищаясь от стеснявших до сей поры научную мысль догм и ограничений. В этой нелегкой работе определенную роль играет знакомство с историческими, социологическими, философскими работами ученых прошлого и современности, отечественных и зарубежных, доступ к которым по идеологическим соображениям был еще недавно фактически закрыт, а их идеи и взгляды зачастую транслировались в искаженном виде. Сегодня эти пробелы научной информации быстро восполняются.

И тем не менее для широкой читательской аудитории трудности ознакомления с первоисточниками по разным причинам сохраняются. Поэтому несомненный интерес вызывает предлагаемая работа, в которой автор приобщает своих читателей к проблемам, волнующим ныне человечество.

В чем смысл истории, какая роль принадлежит культуре и религии в развитии общества, каково само понимание цивилизации, пути и перспективы ее развития — вот стержень, вокруг которого концентрирует аргументацию своего видения этой проблемы автор. Сегодня цивилизационный подход к периодизации истории общества приобретает все большее число сторонников. Поэтому с этой точки зрения имеет большое познавательное значение предлагаемая книга, знакомящая читателей с различными взглядами на суть, содержание, истоки и исторические судьбы цивилизации. Несомненно, что и сама форма изложения, яркая и оригинальная, живая и эмоциональная, не оставит читателя равнодушным. Выбрав из бесконечной вязи исторической драмы человечества целый ряд эпизодов различной исторической значимости — порой трагических и судьбоносных, порой — не оставивших никакого следа, автор в форме своеобразных эссе-раз-

мышлений рисует читателям картины того, каковы были бы последствия рассматриваемых событий, повернись они не так, как это было в действительной истории, а иначе. Применяемый прием заключается в том, что, основываясь на реальных фактах, в рамках и условиях которых протекали описываемые события, изображая эти факты и условия широкими и обобщенными мазками и отталкиваясь от противоположного их исхода, писатель творческим воображением выстраивает сценарий возможного их осуществления, как бы мысленно моделирует развитие заложенных в них тенденций.

Представляется, что в научном отношении такой прием не выдерживает критики, хотя бы потому, что исторический прогресс общества обуславливается столь многообразными факторами и столь сложным их переплетением и взаимосвязью, что ни один самый современный компьютер не может просчитать все возможные варианты их сочетаний и причинно-следственных связей. Тем более недоступно это человеку, каким бы мудрым и всесторонне образованным он бы ни был. Следовательно, остается одна автором избранная альтернатива свершившегося. Спрашивается, почему именно такая, предложенная автором? И здесь приходится сделать заключение, что и сами выводы, и цепочка причинно-следственных связей, приводящих к конечному итогу размышлений, в которой, кстати сказать, самому главному, самому фундаментальному при освещении конкретных событий — состоянию и уровню развития производительных сил и производственных отношений общества, их взаимосвязи и противоречий как причины развития, не остается надлежащего места, вполне демонстрирует и мировоззренческие позиции автора, и его личные идейные и политические симпатии и привязанности. Поэтому читателю, воспитанному в традициях материалистического понимания хода истории, некоторые постановки вопросов и выдвигаемые положения автора покажутся спорными.

Но верно и то, что, давая пищу для сопоставления различных концепций в философии истории, культурологии и методологии науки, предлагаемая книга дает возможность выбора среди этого многоголосия идей собственной позиции. В любом случае размышления автора о судьбах цивилизации, опирающиеся на весьма внушительный список литературных источников (использована как философская и историческая классика, так и современная отечественная и зарубежная литература, в том числе и переведенная на русский язык), поданные в весьма яркой и увлекательной манере, безусловно привлекут внимание читателя, будут восприняты с немалой пользой и интересом.

Введение

На пороге третьего тысячелетия в общественном сознании все более утверждается мысль о том, что человечество находится на крутом переломе, о чем свидетельствуют не только катаклизмы XX столетия (две мировые войны, ряд революций, в ходе которых проявилась отвратительная жестокость, разрушение общечеловеческих ценностей, социальный, нравственный, экономический и интеллектуальный хаос, различного рода геноцид в отношении целого ряда народов и т. д.), но и глобальный кризис общества, показателем коего являются надвигающаяся экологическая катастрофа, исчерпание ресурсов, наркомания и многое другое. Неудивительно, что с прилавков книжных магазинов моментально исчезают книги, в которых рассматриваются пути развития различных цивилизаций на протяжении всей истории, судьбы блестящих империй и могущественных государств, излагаются концепции прогностического характера относительно будущего современной цивилизации. В последнее время вышел ряд книг, посвященных смыслу истории, ее характеру, природе различных цивилизаций и их судьбам, а именно: В.М. Массон «Первые цивилизации», Л.Н. Гумилев «Этногенез и биосфера Земли», Н.Я. Данилевский «Россия и Европа», И. Шафаревич «Есть ли у России будущее?», Л. Февр «Бои за историю», К. Ясперс «Смысл и назначение истории», П. Сорокин «Человек. Цивилизация. Общество», А.Дж. Тойнби «Постижение истории», Н.Н. Моисеев «Пути к созиданию» и другие. В них основной является проблема смысла истории человечества, размышления над которой позволяют обнаружить знаки будущего современной цивилизации, осмыслить глобальный кризис как рождение новой цивилизации с присущими ей ценностями и отношением к миру [138, 52, 55, 222, 197, 232, 182, 188, 142].

Именно с проблемой смысла истории человечества связан целый круг вопросов, относящихся к интерпретациям мирового исторического процесса, путей развития цивилизаций, смены культур, сегодняшней ситуации в мире. О зна-

чимости смысла истории К. Ясперс пишет следующее: «Взгляд на человеческую историю ведет нас к тайне нашего человеческого бытия... Тот факт, что мы вообще имеем историю, что благодаря истории мы суть то, что мы суть... позволяет нас спросить: откуда она происходит? куда она ведет? что она означает?» [232, 20–21]. Иными словами, проникновение в глубины истории должно дать ответ на вопрос о том, какие возможности для будущего развития современной цивилизации скрываются в прошлом.

Не случайно, что сейчас внимание ученых и методологов все больше привлекает одна из увлекательнейших и неразработанных проблем науки — *неосуществленные сценарии* развития человеческого общества, когда моделирование «небывшего» в истории мировой цивилизации дает возможность раскрыть темные ее места, выявить многовариантный и нелинейный характер истории, выработать подходы к управлению «ходом» истории. Данная проблема приобретает ныне особую актуальность и потому, что будущее мировой цивилизации непредсказуемо, резко возросли сомнения в неотвратимости исторического прогресса, а перед обществом, точнее перед всем человечеством, раскрывается веер исторических альтернатив.

Как известно, *историческая альтернатива* — это объективно существующая тенденция общественного развития, коренящаяся в условиях жизни общества, которые содержат возможность определенного исторического действия. Каждая такая тенденция складывается из объективных (материальных) и субъективных (социальные силы, их политическая организация, социально-психологический климат общества, психология его различных слоев, их ментальность и т. п.) факторов. Их сложное переплетение определяет вероятность осуществления той или иной альтернативы. Так как цивилизация — социокультурный комплекс, или социокультурная общность — имеет гетерогенный характер, то в ней существует спектр различных тенденций-альтернатив, причем каждая из них имеет свои реальные основания.

В данной книге вопреки мнению многих историков, согласно которому история не знает сослагательного наклонения (к ней неправомерно применять принцип «если бы...», «то

история была другой»)), показывается не только веер вероятных альтернатив общественного развития в прошлом, но и возможность осуществления некоторых из них на новом цивилизационном уровне. Ведь люди стремятся управлять ходом истории, сознательно выбирать пути развития своей цивилизации, несмотря на то, что на протяжении тысячелетий она развивается стихийно — общественный результат, как конечный итог деятельности людей, далеко расходится с преследуемой ими целью. Альтернативный характер истории, ее насыщенность неосуществленными возможностями позволяет человеку постигнуть саму природу и смысл движения истории, что дает ему шансы сознательно и достаточно эффективно влиять на ее ход.

История носит вероятностный характер, поэтому «законы», управляющие «развитием общества, открывают достаточный простор для свободной деятельности людей, в том числе широкие возможности для выбора разных вариантов своего социального бытия», хотя «те же законы вводят деятельность людей, включая свободу выбора возможностей, в определенные рамки, рамки исторической необходимости» — подчеркивает П.В. Волобуев [40, 33].

Существенным является тот факт, что в современном мире многовариантность развития возрастает, и если исходить из того, что в истории существуют определенные ритмы, пульсации, то становится вероятным осуществление в будущем некоторых из несостоявшихся актов мировой драмы человеческой цивилизации. Понятно, что здесь имеется в виду повторение уже в действительности важнейших сценариев прошлого цивилизации, не реализованных по тем или иным причинам. С одной стороны, в истории философии известно понятие о «размытой реальности» (Гегель), означающее равную вероятность осуществления всех возможностей в данной ситуации. С другой — Демокрит считал, что «пустота — небытие и что небытие существует нисколько не менее, чем бытие» [137, 56]. Иными словами, все варианты мироустройства, в том числе и альтернативы истории, имеют равные права на существование. Общеизвестно, что в истории человеческого общества (цивилизации) альтернатива и есть и ее нет, т. е., образно говоря, она приходит, затем уходит,

чтобы потом снова вернуться. Вот почему в данной книге идея о неосуществленных сценариях мировой цивилизации используется для прогнозирования путей развития человечества в будущем.

Здесь в качестве исходного положения берется идея о том, что **человек** как системообразующий фактор цивилизации представляет собою **космопланетарный феномен, космо-биопсихосоциальное единство** [162, 90]. Это значит, что исследование путей развития различного рода цивилизаций, возможностей осуществления нереализованных сценариев мировой цивилизации должно учитывать космопланетарные основания человеческой истории — функционирование биосферы нашей планеты, активность космоса и единое земное информационное поле. Такой подход позволяет пролить свет на поиски смысла Истории, который А. Тойнби и К. Ясперс усматривали в некой Трансцендентности, определяющей измерения человеческой экзистенции. Такой подход является нетрадиционным и дает возможность совершенно по-иному интерпретировать происшедшие катаклизмы в XX веке [254], что, в свою очередь, объясняет их становлением новой цивилизации, названной О. Тоффлером «обществом Третьей волны». Понятно, что автор не претендует на некую абсолютную истину, а предлагает читателю свое видение одной из интереснейших проблем современного научного поиска и надеется, что оно внесет вклад в решение задачи, связанной с магистральными путями развития человечества.

Автор выражает благодарность за обсуждение и советы чл.-корр АН РАН Ю.А. Жданову, члену Российской академии гуманитарных наук В.Е. Давидовичу, доц. В.В. Гаташову, доц. Н.П. Заграю и за помощь в подборе литературы сотрудникам научно-технической библиотеки ТРТУ Л.Н. Брюховецкой, Н.В. Сенекову, Л.Ф. Чернышеву и сотруднице библиотеки им. А.П. Чехова г. Таганрога Э.В. Тимошенко.

Часть первая. Природа цивилизации

Биологическая эволюция и культурогенез

Проблемы современной цивилизации, которые угрожают существованию человечества и жизни на планете — опасность ядерной войны, экологическая катастрофа, истощение невозобновляемых ресурсов, наркомания и многое другое, — представляют собой результат длительной эволюции общества, изменения его места и роли в истории нашей планеты. Они порождены активной деятельностью человечества и особенностями формировавшейся на протяжении миллионов лет «природы» человека, что требует также рассмотрения становления цивилизации в рамках глобального или универсального эволюционизма. Иными словами, проникновение в природу цивилизации, поиски ее оснований, размышления о будущем цивилизации, о возможных перспективах существования человеческого рода требуют опоры на некое общее видение мира, причем такая «картина мира» должна включать в принцип эволюции и самого человека. Это значит, что прошлое, историю человека и его цивилизации следует освещать с позиций универсального эволюционизма, когда в ходе космической эволюции возникает земная жизнь, когда биологическая эволюция приводит к появлению человека и цивилизации.

В соответствии с концепцией универсального эволюционизма 15-20 миллиардов лет тому назад все вещество нашей Вселенной (случай «закрытой» модели) концентрировалось в «сингулярности» — определенном физическом состоянии, не подчиняющемся обычным законам физики (в случае «открытой», бесконечно протяженной модели Вселенной в на-

чале эпохи расширения, сингулярность присуща каждой точке бесконечного пространства). Новейшие исследования на стыке космологии и физики элементарных частиц высоких энергий показывают, что эта «сингулярность», или «сверген», был создан из «ничего» [191], причем из этого «свергена» по каким-то внутренним законам развития возникла наблюдаемая в настоящее время Вселенная с ее невообразимо сложной структурой и процессами, в том числе и процессами разумной жизни. Наша Вселенная родилась из «сингулярности» в результате «Большого взрыва» (огненной вспышки); ее эволюция закономерно привела к возникновению земной жизни. Последняя сама стала эволюционировать, о чем свидетельствуют не только данные палеонтологии, но и учение Дарвина, которое в XX столетии модифицировалось в синтетическую теорию эволюции (наряду с ней имеется сформулированная шведским биологом А. Лимаде-Фариа концепция «эволюции без отбора»), биологическая революция, связанная с открытием структуры ДНК, и генная теория [128, 250, 20].

В науке установлено, что жизнь представляет собой непрерывный обмен веществ, который конкретно выражается во взаимодействии синтеза и распада органического вещества. Отсюда следует предположение, что жизнь на ранних этапах своего становления была связана не с отдельными организмами, а со становлением земной биосферы. Согласно учению В.И. Вернадского, происхождение жизни представляет собой фактически происхождение биосферы Земли — сложной саморегулирующейся системы, выполняющей различные геохимические функции [36, 37].

Биосфера — это единая, целостная, самоорганизующаяся система, включающая в себя жизнедеятельность живых организмов, человека и его цивилизации.

Эволюционирует вся биосфера в целом, а не виды, как показал отечественный ученый В.А. Кордюм; это связано с обменом информацией между всеми организмами планеты. Причем сам обмен происходит не только при помощи генетических информационных процессов, но и посредством энергетически слабых и сверхслабых сигналов, без которых не могут функционировать любая живая клетка и все живое. На

это обращает внимание в работах А.Г. Гурвича, В.П. Казначеева и его сотрудников [146, 88, гл. 2]. В ходе эволюции биосферы в ней обычно выделяются следующие моменты: в кембрийском периоде появление у ряда групп животных скелета; выход растений на сушу в девонском периоде создал вместе с тем предпосылки для миграции на сушу животных; в четвертичный период возникает человек. Последнее событие весьма знаменательно — оно положило начало резкому ускорению эволюции биосферы и превращению ее в ноосферу. Появление человека не случайно, оно — неизбежный результат закономерного, длящегося миллиарды лет природного процесса эволюции биосферы, ее неотъемлемая часть.

В научной литературе отмечается, что космические излучения, генерируемые ядром Галактики, нейтронными звездами, ближайшими звездными системами, Солнцем и планетами, пронизывают биосферу, пронизывают всю ее и все в ней. В этом потоке разнообразных излучений Космоса основное место принадлежит солнечной радиации, которая обуславливает коренные черты функционирования механизма биосферы, космопланетарного по своему существу. В.И. Вернадский пишет об этом следующее: «Солнцем в корне переработан и изменен пик Земли, пронизана и охвачена биосфера. В значительной мере биосфера является проявлением его излучений; она составляет планетный механизм, превращающий их в новые разнообразные формы земной свободной энергии, которая в корне меняет и судьбу нашей планеты» [36, 232]. И если ультрафиолетовые и инфракрасные лучи Солнца косвенно влияют на химические процессы биосферы, то химическая энергия в ее действительной форме получается из энергии солнечных лучей при помощи живого вещества — совокупности живых организмов, выступающих в качестве преобразователей энергии. Это значит, что земная жизнь отнюдь не является чем-то случайным, она входит в космопланетарный механизм биосферы.

Эволюция биосферы сопровождается гибелью одних видов, выживанием вторых и появлением новых. Например, вымерли динозавры, сохранились кораллы, появились млекопитающие. В ходе эволюции остаются те организмы, ко-

торые своей жизнедеятельностью увеличивают свободную химическую энергию в биосфере, т. е. эволюция идет в определенном направлении. В.И. Вернадский подчеркивает значимость указания американского геолога Д. Дана о том, что «в ходе геологического времени, говоря современным языком... наблюдается (скачками) усовершенствование — рост — центральной нервной системы (мозга), начиная от ракообразных, на которых эмпирически и установил свой принцип Дан, и от моллюсков (головногих) и кончая человеком. Раз достигнутый уровень мозга (центральной нервной системы) в достигнутой эволюции не идет уже вспять, только вперед» [37, 507]. Таким образом, появление человека есть закономерный результат развития биосферы, функционирования ее космопланетарных механизмов¹. В свете последнего положения и следует рассматривать проблему происхождения человека, относящуюся к числу важнейших вопросов мировоззрения и науки. *Согласно современным научным данным, наиболее адекватной действительностью является эволюционная теория происхождения человека от животного предка.* Мы не говорим уже о том, что в глубокой древности идея происхождения человека от животных была бессознательно зафиксирована в тотемистических верованиях, в мифах, легендах и сказках. На родство человека с животным миром указывают исследования в области сравнительной анатомии и физиологии человека

¹ Польский исследователь М. Рашкевич в своей первой книге «Обитатели альтернативных миров» обосновывает тезис, что «в истории жизни на Земле было множество групп животных, из которых могло появиться мыслящее существо», а во второй книге «Как стать человеком — эволюционное предписание» доказывает обратный тезис, согласно коему вся история Земли способствовала возникновению человека [266, 267]. Таким образом, исследователь использует одни и те же факты, чтобы обосновать две взаимоисключающие концепции относительно появления человека на нашей планете. Необходимо отметить, что человек является одной из многих попыток Природы «создать» подобные ей разумные структуры — удавшейся попыткой в условиях Земли [143, 11]. Интересно и то, что имеется много общего между современными данными о Космосе, биосфере, их развитии и общечеловеческой этикой [146, 35]. Во всяком случае несомненно одно — эволюция биосферы шла в направлении к разумному существу.

и животных, эмбриологии, иридодиагностики, генетики, молекулярной биологии и нейробиологии [166, 217, 45]. Оказывается, что человек и современные человекообразные обезьяны являются двумя ветвями одного ствола, т. е. происходят от одного общего предка — древних, давно вымерших «обезьян». От них эволюция шла в разных направлениях: путем дивергенции¹ образовались предки современных человекообразных обезьян (орангутангов и гиббонов), а также — дриопитеки (древесные обезьяны). В свою очередь, с одного из дриопитеков началось развитие предков современного человека — австралопитеков (некоторые ученые считают, что род человека и австралопитеки сосуществовали). Во всяком случае, существенно то, что мозг человека по объему в три раза превышает мозг австралопитека.

Американский ученый Э. Харт прослеживает историю возникновения человека и смену его форм от австралопитека до «гомо сапиенс» и отмечает, что вся история «гомо» была историей культуры, сменившей в конце концов историю биологической эволюции [250, 22]. Культура же обязана своим существованием и своей историей способности человека приспособляться к любым меняющимся условиям, которая сама есть чисто человеческая черта. Э. Харт называет ее «**прометеевским геном**», приобретенным человеком в результате трехкратного увеличения его мозга по сравнению с предком. Культура передается не путем биологического наследования, а при помощи коммуникации между поколениями.

Если рассматривать нашу планету как всеохватывающую систему, то правомерна предпринимаемая сейчас попытка понять культуру с биосферной точки зрения, т. е. следует учитывать тот момент, что культурогенез естественным путем вытекает из биологической эволюции. В биологии различают два вида знаний о внешнем мире — знание видов собственной экологической ниши и знание им соседних ниш; причем в ходе эволюции биосферы некоторые сложные надклеточ-

¹ Дивергенция (биол.) — расхождение признаков при развитии какого-либо вида животных или растений, в результате чего возникают новые виды, роды, семейства и т. д.

ные структуры, обладающие высокой эволюционной пластичностью, смогли быстро проникнуть в другие адаптивные зоны [7, 179]. Именно человеческий вид сумел совершить прорыв в новую адаптивную зону и благодаря культуре, внутри себя дифференцируемой на различные виды культур, получить представление о биосфере в целом, что позволяет человеческому виду выжить в изменяющейся среде, приспособляться к ней.

В настоящее время вполне утвердилось представление об аналогии эволюции культур (хотя и на ином уровне) процессу биологической эволюции. Нельзя не согласиться с высказыванием американского культуролога П. Рикс-Марлоу, что «подобно биологическому виду, каждый вид культур следует рассматривать как уникальную хронику попыток приспособиться к вечно меняющейся окружающей среде, и приобрести в ней энергетические преимущества над другими» [94, 145]. Такой научный подход в области изучения культуры признают столь разные мыслители, как Лоренц, Скиннер, Докинс и Эриксон: он обладает большим эвристическим потенциалом.

Этот подход показывает, что *культуро́генез связан с эволюцией мозга гоминид, достигшего наибольшего объема у человека*. Эволюцию мозга гоминид в плейстоцене следует считать весьма особым процессом, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, в связи с ее темпами: это был один из наиболее быстрых, наиболее бурно протекающих процессов макроэволюции в истории позвоночных, если не в истории животного мира вообще. Во-вторых, в связи с его феноменальными последствиями: этот процесс привел к возникновению уникального в животном мире биосферы явления, каковым является человеческая психика, неотъемлемая от культуры. Здесь речь идет о следующих связанных между собой ее свойствах: 1) оперирование образами и понятиями, содержание которых свободно от ограничений пространства и времени и может относиться к воображаемым, никогда и нигде не существующим событиям; 2) познавательная способность, основанная на проникновении в структуру мира и построении модели мира; 3) способность как соблюдать существующие моральные нормы поведения, так и к разруше-

нию и саморазрушению; 4) самосознание и саморефлексия, проявляющиеся в способности созерцать собственное существование и осознавать смерть [235].

Возникает *проблема объяснения особенностей психики человека (и соответственно культурогенеза)*.

В науке выдвинут ряд гипотез, которые пытаются разрешить эту проблему: мутации в клетках мозга гоминид, вызванные жесткими излучениями вспышки Сверхновой звезды, либо инверсиями геомагнитного поля, либо мутант среди гоминид появился в результате теплового стресса.

Рассмотрим кратко эти гипотезы в изложенном порядке.

В рамках сформировавшегося в последнее время такого направления научных исследований, как «**космический катастрофизм**», выдвинута гипотеза о возникновении современного человека (и человеческой цивилизации) в связи со вспышкой близкой Сверхновой звезды [98]. Зафиксировано то весьма удивительное обстоятельство, что вспышка близкой Сверхновой звезды по времени (один раз в 100 млн лет) приблизительно соответствует возрасту древнейших останков «человека разумного» (порядка 35-60 тыс. лет назад). К тому же ряд антропологов считает, что появление современного человека обусловлено мутацией, а импульс гамма- и рентгеновского излучения от вспышки близкой Сверхновой звезды сопровождается кратковременным (в течение года) увеличением числа мутаций. В итоге эти жесткие излучения могли вызвать необратимые изменения в клетках мозга некоторых животных, в том числе и гоминид, что привело к формированию мутантов вида «человека разумного». Во всяком случае, со вспышкой Сверхновой звезды связано: 1) образование Солнечной системы, 2) происхождение жизни и 3) возможно, происхождение современного типа человека с его цивилизацией.

Другая гипотеза исходит из того, что **современный человек — мутант**, возникший вследствие инверсии земного магнитного поля [149]. Установлено, что геомагнитное поле иногда ослабевает, тогда и происходит перемена его полюсов. Во время таких инверсий степень космических излучений на нашей планете резко возрастает; известно, что в течение последних 3 млн лет магнитные полюса Земли четырежды меня-

лись местами. Некоторые обнаруженные останки первобытных людей относятся к эпохе четвертой геомагнитной инверсии. Такое необычное стечение обстоятельств приводит к мысли о возможном влиянии космических лучей на появление человека. Эту гипотезу усиливает факт, что человек появился в то время (3 млн лет назад) и в тех местах (Южная и Восточная Африка), в которых сила радиоактивного излучения оказалась наиболее благоприятной для изменения человекообразных обезьян. Такой подход вполне правомерен, ибо известна роль геомагнитного поля в жизнедеятельности организмов, в том числе и человека [209].

Оригинальна и интересна гипотеза о росте массы мозга у гоминидов в силу его адаптации к экстремальному тепловому стрессу. Ее содержание сводится к следующим положениям: 1. Вполне вероятно, что наиболее ранняя форма охоты у гоминидов — это охота индивидуальным способом, «состязание на выносливость», применяемым до сих пор, например, бушменами. Такая охота требует многочисленных марш-бросков в тропической саванне и должна вызывать сильный тепловой стресс, который угрожает расстройством деятельности нейронов коры мозга. Последние весьма чувствительны к росту температуры — в итоге наступает временное нарушение пространственной ориентации и памяти. 2. Адаптация гоминидов к этому стрессу в отличие от животных (у них имеются специальные приспособления для поддержания постоянной температуры в сосудах мозга) основывалась на создании дополнительных нейронов коры и увеличении числа связей между ними. Все нацелено на то, чтобы функционирование мозга как целостности оставалось действенным даже тогда, когда нарушается деятельность части нейронов. Такая адаптация вытекает из теории Дж. фон Неймана, согласно которой стабильность функционирования сложной системы, состоящей из нестабильных элементов, может быть достигнута увеличением числа элементов и числа связей между ними. 3. Подобного рода естественный отбор рассчитан на создание мозга не столько «разумного», сколько устойчивого к периодическим, экстремальным сильным тепловым стрессам. Возникший таким образом мозг приобрел усиленный интеллектуальный по-

тенциал, однако последний является только побочным эффектом устойчивости к тепловому стрессу. 4. Эти новые потенции были потом использованы для целей, к которым он первоначально вовсе не был предназначен, т. е. «абстрактному мышлению», символической коммуникации и др. С этого момента дальнейшая эволюция мозга гоминидов происходила уже путем отбора на «разумность» [235]. В целом эта гипотеза может быть весьма плодотворной в выяснении происхождения человека, ибо она связана с процессами терморегуляции живого вещества биосферы.

Заслуживает внимания стохастическая¹ модель куптурогенеза, выдвинутая одним из тончайших мыслителей XX века С. Лемом; в ней речь идет о физических, биологических и социальных детерминантах культуры [258, 123]. Согласно этой модели, исходящей из понимания культуры как игры, культура возникает потому, что Природа является «ареной» возмущений и неалгоритмических (непредсказуемых) изменений. Эволюция — это непрерывный процесс, причем каждая эволюционная стратегия является одновременно неопределенной и компромиссной. Компромисс, продиктованный неопределенностью видовых решений и тенденцией к минимизации, которая навязана отбором, осуществляется в рамках биполярной альтернативы. Организмы могут «воспринимать» изменение условий среды как переходное или как длительное, при этом различие между флуктуацией и стационарным состоянием невозможно провести. Вот почему они реагируют на изменение обратимым способом (фенотипически)² либо необратимым (генотипически)³. В первом случае стратегия организмов имеет тот плюс, что позволяет отказаться от принятого решения, однако адаптивная пластичность фенотипов имеет границы; при их переходе наступают необратимые генотипические изменения. Второй случай привлекает тем, что генотипические изменения дают возможность совершить переход в масштабе от клона до человека,

¹ Стохастический (от греч. *stochastikos* — умеющий отгадывать) — случайный, вероятностный, находящийся в неупорядоченном движении.

² Фенотип — совокупность всех признаков и свойств организма, сформировавшихся в процессе индивидуального развития.

³ Генотип — наследственное основание организма.

но они запрещают «пересмотреть» принятые решения. Тот же клон в отличие от смерти может «войти» при неблагоприятных условиях в состояние обратимой смерти, образуя стабильную фигуру.

А ведь эволюционный прогресс является одновременно приобретением и потерей, риском и выигрышем. Как же решает эту дилемму эволюция? Она применяет особый прием, называемый нейтрализацией организмов: находясь в клещах фенотипической недостаточности и генотипической необратимости, эволюция находит новый компромисс — создает организмы, сильно детерминированные генотипически, но весьма пластические фенотипически. «Этим компромиссом и является, — пишет С. Лем, — мозг, ибо он, обусловленный генотипически, усиливает фенотипическую адаптивность» [258, 20]. Именно мозги человеческих индивидов создают культуру как стратегию выживания, когда вид «гомо» может менять стратегии, не теряя при этом своей генотипической идентичности.

На антропологическом уровне стратегические решения «принимаются» уже не в среде наследственного материала (биоплазме), а в культурной системе. *Культура делает возможным то, что биологически невозможно — создание стратегий одновременно революционных и обратимых*, т. е. дающих возможность пересматривать решения и преобразовывать среду в темпе, недостижимом для наследственной плазмы. Ведь происходящая в этой плазме дифференциация требует миллионов лет. По меньшей мере миллион лет потребуется для эволюционного упрочения нового биологического вида. В культуре специализация (дифференциация) происходит максимум за тысячу лет, а когда культурогенез ускоряется, тогда для самых крупных стратегических преобразований достаточно несколько десятков лет. Такого рода миллионкратное ускорение темпов эволюции на нашей планете порождает различного рода опасности и никого винить в этом нельзя, ибо в соответствии с правилами теории игр и теории нелинейного программирования эволюция сделала все, что было в ее силах.

Культурогенез связан со стохастичностью мира и сущес-

твоманием в нем бифуркационных¹ механизмов, связанных с неопределенностью мирового эволюционного процесса. Биосфера в своем развитии породила человека с его культурой и обществом; ее место в глобальной эволюции Н.Н. Моисеев определяет следующим образом: «На некотором этапе развития Вселенной как единой системы она начала с помощью человека, его Разума познавать себя и обрела способность целенаправленно влиять на ход собственного развития» [142, 68].

Становление культуры (культурогенез) является результатом необратимой эволюции биосферы, длительного процесса взаимовлияния биологической и социальной эволюций, причем именно человек выступает единственным субъектом культуры, одновременно творя ее и формируясь под ее воздействием. Мир культуры тесно связан с процессом гоминизации, с процессом перехода от животного к человеку, одним из аспектов которого является переход от определенных инстинктивных, рефлекторных реакций животного на мир к неопределенности человеческого знания. Действительно, животное обладает инстинктами, связанными с научением, регулирующим его поведение в каждый момент жизни. Исследования в области этологии показывают, что поведение одних животных, живущих в относительно стабильной и неизменной среде, в основном заранее запрограммировано и следует строгому шаблону, тогда как поведение других животных в условиях изменяющегося окружения требует отклонения от стандарта и выбора из нескольких поведенческих альтернатив [131]. Можно сказать, что у животного мир восприятий и мир действий (поведения) сопряжены. У человека же эти два мира опосредованы миром социальной истории, и в связи с этим только человек находится зачастую в ситуации, когда он действительно не знает, что должен делать.

Таким образом, у человека возникла потребность в принятии надежного решения и определения этой надежности. Именно эта потребность и лежит в основе культуурогенеза (происхождении мифологии, религии, искусства, науки и пр.),

¹ Бифуркация — разделение, разветвление чего-либо.

когда в распоряжении человека оказывается арсенал разнообразных физических и духовных техник. Только культура дает возможность человеку строить свое поведение на основе предсказания будущих, еще не существующих событий при помощи различных стратегий. Культура имеет люфт (полосу свободы) в отношении Природы, что объясняет существование чисто культурно изменяемых форм и смыслов. Об этом С. Лем пишет так: «Стохастическая модель культурогенеза предполагает, что полоса свободы, которую мир оставляет в распоряжение эволюционирующего общества, уже выполнившего долг адаптации, то есть набор неизменных заданий, заполняется комплексами поведения, поначалу случайными. Однако со временем они застывают в процессах самоорганизации и перерастают в такие структуры норм, которые формируют внутрикультурный образец «человеческой природы», навязывая ему схемы долженствований и повинностей. Человек (особенно в начале своего исторического пути) вырастает в случайности, которые и решают, каков будет он и его цивилизация. Отбор альтернатив поведения — в сущности потеря; но это не значит, что столь же потерейна композиция того, что получится» [123, 51-52]. Иными словами, человек в исходной точке является аксиологически нейтральным существом, и станет он «чудовищным дикарем» или «невинным простаком» зависит от кода культуры, которые различны в разных цивилизациях. Ведь коды, или языки, культур коррелируют и стабилизируют поведение социальных организмов, выражают культурные смыслы и показывают степень соизмеримости и несоизмеримости культур и цивилизаций. Коды культур неразрывно связаны с особенностями той или иной цивилизации, что требует выяснения генезиса и сути цивилизации.

Происхождение цивилизации и ее характер

Объяснение природы цивилизации невозможно без обращения к вопросу о генезисе ее, при этом необходимо учитывать момент сопряженности понятий «цивилизация» и «культура». Не следует забывать и того, что эти понятия относятся к числу необычайно емких и многозначных, что для них характерно смысловое многоцветье. В связи с этим становится понятным многообразие в науке представлений о цивилизации и культуре, о соотношении между ними, а, следовательно, и различие в интерпретации исторических процессов.

В культурологической и историко-методологической литературе можно выделить *две крайних точки зрения* на отношение между цивилизацией и культурой.

Одна из них отождествляет их, считая эти понятия синонимичными; такая позиция наиболее последовательно представлена в работе Э.С. Маркаряна [135], причем предпочтение отдается «культуре» как фундаментальной основе человеческого бытия. Подобного рода познавательная установка вполне правомерна в ходе исследования опредмеченной деятельности людей, принадлежащих той или иной культуре, и она используется в этнографии и археологии. Однако как методологическая установка в исследовании мирового культурно-исторического процесса она вызывает сомнение, ибо «смазывает» тонкие диалектические взаимоотношения и взаимодействия между цивилизацией и культурой, способствует деформированному «восприятию» истории человечества и элиминирует проблему происхождения цивилизации, отождествляя ее с культурогенезом.

Другая точка зрения представлена О. Шпенглером в его знаменитом произведении «Закат Европы»; она перечеркивает парадигму общественного прогресса, разработанную рационалистами и просветителями Западной Европы XVIII столетия, и исходит из схемы множественности эквивалентных культур. Вот как красочно он описывает всемирную историю: «Но у «человечества» нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, так же как нет цели у вида бабочек или орхидей. «Человечество» — пустое слово. Стоит только исключить этот фантом из круга проблем исторических форм, и на его месте перед нашими глазами обнаружится неожиданное богатство настоящих форм... Вместо монотонной картины линейно-образной всемирной истории... я вижу феномен множества мощных культур... и каждая из них нападает на свой материал — человечество — свою собственную форму и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть. Вот краски, свет, движение, каких не открывал еще ни один умственный глаз. Есть расцветающие и стареющие культуры, народы, языки, истины, боги, страны, как есть молодые и старые дубы и пинии, цветы, ветки и листья, но нет стареющего человечества. У каждой культуры есть свои собственные возможности, выражения, возникающие, зреющие, вянущие и никогда вновь не повторяющиеся. Есть многочисленные, в самой своей сути друг от друга отличные, пластики, живописи, математики, физики каждая с ограниченной жизненной деятельностью, каждая замкнутая в себе, подобно тому как у каждого вида растений есть свои собственные цветы и плоды, свой собственный тип роста и смерти. Культуры эти, живые существа высшего порядка, вырастают с своей возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле... Во всемирной истории я вижу картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм» [227, 19-20]. Здесь всемирная история описывается как жизнь множества культур по аналогии с миром живой природы в ее многоцветье и мозаичности.

Вместе с тем существенно то, что каждая из множества культур, пройдя стадию роста, достигает стадии омертвления, или цивилизации, т. е. цивилизация есть логическое завершение и исход культуры, своего рода ее антипод. Согласно О. Шпенглеру, характерными признаками цивилизации являются: возникновение мирового города с его огромным скоплением людей, превращение народов в безликие массы, деградация искусства и литературы, развитие индустрии и техники, представляющих собою демонические силы: «Чистая цивилизация, как исторический процесс, представляет собой постоянную разработку (уступами, как в копях) ставших неорганическими и отмерших форм» [227, 31]. Таким образом, цивилизация является судьбой культуры, теряет «душу» и превращается в мертвое, неорганическое тело. Цивилизация означает смерть культуры со всеми вытекающими отсюда последствиями в плане понимания процессов мировой истории; для нас существенно то, что генезис цивилизации связан с переходом культуры в фазу омертвления, когда происходит уничтожение души культуры, когда господствует чистый интеллект.

В этих крайних точках зрения на соотношение цивилизации и культуры схвачены вполне реальные моменты, однако они абсолютизированы. Истина же, как правило, лежит посередине — происхождение цивилизации обусловлено противоречиями в развитии первобытного общества, когда «в ходе культурной эволюции человек перестает довольствоваться простым поддержанием собственной жизни и существованием своего вида [119, 77-78]. Ему свойственен постоянный поиск новых форм поведения, чтобы повысить свою конкурентоспособность в борьбе за жизнь. Перед нами проблема соотношения культуры и человеческой природы, которая находится в центре дискуссий, инициированных социобиологами. В своей книге «Цивилизация и неудовлетворенность ею» З. Фрейд подчеркивал, что биологические мотивы находятся в конфликте с требованиями культуры. Он считал, что цивилизация требует от человека подавления таких биологических побуждений, как сексуальность и агрессивность. На иной позиции стоит известный этнолог Б. Малиновский, который рассматривает социальные инсти-

туты как изобретения, позволяющие человеку удовлетворить свои желания. Например, семья и ухаживание легитимизируют секс, тогда как организованный спорт дает выход агрессивности без вреда для окружающих [268, 57]. Как бы там ни было, очевидно одно, а именно: *культурная эволюция в условиях первобытной жизни привела к возникновению цивилизации.*

Исследования древнейших цивилизаций Старого и Нового Света дали основания отечественному ученому В.М. Массону сделать вывод о том, что «с точки зрения культурогенеза сложение цивилизации можно рассматривать как своего рода культурную революцию, находящуюся в теснейшей причинно-следственной связи со становлением классового общества и государства» [138, 31]. Эта культурная революция произошла благодаря внутренней дифференциации культуры и появлению культурных инноваций, а также кризису в развитии первобытного, или «примитивного» (А. Тойнби), общества. Именно культурные инновации, каково бы ни было их происхождение, придали принципиально новый облик первым цивилизациям, интегрировались в них; в итоге с момента своего появления цивилизация становится способом бытия культуры, т. е. развитие и функционирование культуры становится возможным только на основе цивилизации, и поэтому в определенном смысле понятия «цивилизация», «высшая культура», употребляющиеся в культурологической литературе, тождественны. Во всяком случае несомненно одно: понятие цивилизации связано в одном из своих аспектов с фиксацией качественного перелома в истории человеческого общества.

Иное дело, что не существует единой точки зрения на природу генезиса первых цивилизаций — перед нами разброс различных мнений и суждений. Так, А. Тойнби считает, что «независимые» цивилизации представляют собой результат мутации «примитивных» обществ; причем он происходит из значимости мимесиса¹ в примитивных общест-

¹ Мимесис — подражание; термин древнегреческой философии, характеризующий сущность человеческого творчества.

вах и цивилизациях: в первых мимесис ориентирован на прошлое, на обычай, тем самым консервируя общество и придавая ему статичную форму, во вторых мимесис связан с будущим, стимулирует деятельность творческих личностей, динамизируя общество. «Динамическое движение, — пишет А. Тойнби, — характерно для цивилизации, тогда как статичное состояние свойственно примитивным обществам. Однако, если спросить, является ли это различие постоянным и фундаментальным, ответ будет отрицательным. Все зависит от времени и места» [188, 94]. Иными словами, раскрыть причины происхождения цивилизации А. Тойнби до конца не удалось, хотя определенные моменты им схвачены верно, а именно: происхождение первичных цивилизаций — результат мутации примитивных обществ, связанной с трансформацией в функционировании социальной памяти.

Это интересно и заслуживает внимания, однако все же неясно, почему же примитивные общества преобразовались и превратились в цивилизации. Ведь сам А. Тойнби весьма образно и наглядно показывает колоссальную разницу между теми и другими. Уподобляя их кроликам и слонам, он указывает, что примитивных обществ много, что они мелкие, малочисленны, занимают немного места, существуют недолго и быстро увеличиваются в количестве посредством сегментации, т. е. давая начало новым. Цивилизации, напротив, характеризуются большим населением и территорией, длительным существованием и т. п. [274, т. I, 148-149]. Вместе с тем попытка свести всю сложность проблемы генезиса цивилизации к деятельности творческих личностей, составляющих меньшинство общества, является упрощением, и поэтому А. Тойнби обращается к своей излюбленной мифологеме «Вызов — Ответ», играющей «ключевую роль» в его «картине человеческих отношений» [274, т. XII, 254]. Данная концепция имеет два слоя истории — «сакральный» и «мирской». В «сакральном» слое каждый «Вызов» есть стимул к осуществлению людьми абсолютно свободного выбора между Добром и Злом, который предоставил им Бог. В «мирском» слое «Вызов» — проблема, с которой сталкивается цивилизация (общество) на пути исторического развития:

ухудшение природных условий (похолодание, наступление пустыни, джунглей и пр.) и изменение человеческой среды. Генезис цивилизации А. Тойнби объясняет концепцией «Вызов — Ответ»: «Вызов» природы и «Ответ» на него со стороны человека сыграли решающую роль первоотлчка и запустили в действие весь сложный механизм взаимодействующих факторов, приведший к генезису цивилизации [274, т. XII, 271].

Не все в концепции А. Тойнби удовлетворительно, в ней много слабых мест, что вызвало не только критику, но и появление иных концепций и подходов. Слабые места концепции А. Тойнби были пересмотрены в работах некоторых его последователей; среди них первое место принадлежит работе Р. Кулборна, посвященной именно происхождению цивилизаций. В ней на основе анализа целого ряда материальных факторов формулируется несколько новых положений. В первую очередь отмечается, что самым необходимым условием возникновения цивилизации является зерновое земледелие, представляющее основной вид занятия населения. Однако этого было недостаточно для генезиса цивилизации, ибо для появления нового социокультурного феномена требовался целый комплекс благоприятных условий. К их числу Р. Кулборн относит, во-первых, природно-климатический фактор — наличие плодородных речных долин с их аллювием и периодическими разливами, с широкими возможностями для ирригации (в них, собственно, и возникли все первичные цивилизации); во-вторых, процессу генезиса очагов этих первичных цивилизаций способствовало смешение племен и культур на относительно компактной и ограниченной территории, т. е. первичная цивилизация есть итог амальгамации примитивных коллективов с их уровнем культуры; в-третьих, генезис цивилизации также обусловлен прежде всего не урбанизацией или письменностью, а способностью к быстрым изменениям, внешним влияниям (диффузия культур), циклическим развитием и силой контроля над средой; в-четвертых, свою роль сыграла формировавшаяся в недрах каждой возникающей цивилизации новая религия, представлявшая собой конгломерат элементов старых религий;

в-пятых, новая цивилизация вырабатывала свой стиль, имеющий элементы, как сходные с другими, так и свои собственные, присущие только ей [242, 9-24], и этот момент весьма существенен.

В труде Р. Кулборна фактически отмечено все то, что сыграло важную роль в процессе происхождения первичных очагов цивилизации. Однако в нем не получил ответа один вопрос, а именно: каков механизм процесса генезиса цивилизации, названный известным археологом Г. Чайлдом «городской революцией», что подчеркивает революционизирующую роль этого важнейшего качественного скачка в истории развития человеческого общества [215, 193]. Вместе с тем современная наука располагает данными, которые свидетельствуют о том, что эта «городская», или «вторая», революция сама является производной от предшествующей ей неолитической революции, подготовившей материально-технические предпосылки «городской революции». Отечественный исследователь Г.Ф. Сунягин отмечает «... возникновению цивилизации предшествовал кардинальный переворот в труде как способе обмена веществ между людьми и природой, который именуется в науке «неолитической революцией» и который в конце концов привел к замене присваивающей системы хозяйствования производящей. Уже тот факт, что мы не знаем ни одной цивилизации, возникшей на базе охоты и собирательства, а также то, что древнейшие цивилизации складываются на базе очагов древнейшего интенсивного земледелия, позволяет, на наш взгляд, сделать вывод, что цивилизация — продукт производящей системы хозяйствования и в этом смысле проблема генезиса цивилизации — это, прежде всего, проблема генезиса земледелия как качественно новой по сравнению с охотой бытия «родовых сущностных сил» человека» [212, 16]. В связи с этим следует выявить причины появления земледелия в истории человеческого общества, тем более, что оно определило магистральный путь истории.

Возникновение земледелия представляет собою довольно сложную проблему, для ее решения потребовалось привлечение ботанических, археологических, исторических, эт-

нографических, геологических, географических и других свидетельств. Ведь «объяснение процесса перехода от охотничье-собирательского хозяйства к возделыванию растений и одомашниванию животных лежит в глубоком понимании сопряженного участия в этом процессе нескольких факторов — геологического (палеографического), флористического, фаунистического и антропологического, — которые действовали и последовательно, и синхронно» [170, 302]. В четвертичном периоде геологический (определяющий) фактор привел к похолоданию и аридизации¹; последняя же обусловила вытеснение многолетних древесных форм травянистыми с однолетним циклом жизни. Широкое распространение травянистых покрытосеменных подготовило необходимые условия существования и развития человека. И когда в конце позднего палеолита, на исходе ледникового периода, человек занял все охотничьи угодья на планете, когда охотничье-собирательское хозяйство достигло своего предела, тогда наш биологический вид столкнулся с ситуацией — рост числа охотников и собирателей и сокращение добываемой пищи. В итоге, замечает П. Кууси, «человечество как вид приобрело способность к освоению новых форм поведения... и постепенно перешло к сельскому хозяйству» [119, 126].

Именно «аграрная революция» привела к изменению человека — на земледельческой основе выросли цивилизации и города. Их признаки Г. Чайлд перечисляет в следующем порядке: 1) поселения с большим и плотным населением; 2) специализация ремесел и труда; 3) концентрация богатств; 4) монументальная общественная архитектура; 5) общество, построенное на классах; 6) письмо и системы исчисления; 7) зарождение науки; 8) высокие стили искусств; 9) обмен на большие расстояния; 10) возникновение государств [241, 3–17]. Эти признаки и показывают характер изменения поведения человека; перед нами коренное преобразование в развитии человечества. Нельзя не согласиться с высказыванием Н.Н. Моисеева о двух бифуркациях (перестройках) — мезолитической и неолитической ре-

¹ Аридизация — обезвоживание, превращение в пустыню.

волюциях: «В результате первой произошло затухание внутривидовой борьбы и естественного отбора, характер эволюционного процесса коренным образом изменился: чисто биологическая эволюция уступила место эволюции общественных форм бытия человека. В результате второй возникла частная собственность, и снова качественно изменился характер эволюции, но теперь уже самого общества. Иными стали общественные отношения — появились новые стимулы его развития. В обоих случаях произошло резкое ускорение всех процессов развития» [142, 73].

Однако не становление земледелия вообще привело к возникновению цивилизации, а один из его специфических вариантов, который позволил разорвать первобытную однородность и возникнуть первому очагу цивилизации. Таковым, как известно, является ближневосточный вариант, исследование которого и лежит в основе формирования понятия «неолитическая революция». Как раз-таки здесь, на Ближнем Востоке, интенсивное земледелие послужило основой кардинального преобразования всего общества. По мнению Г. Сунягина, возникновению цивилизации способствовали следующие моменты: 1) уникальные обстоятельства, сложившиеся в достаточно ограниченном районе; они связаны с взрывными возможностями земледелия как первой производящей формы хозяйствования; 2) уникальным обстоятельством является и то, что Ближний Восток — это межконтинентальный перекресток, обладающий богатейшим генетическим фондом; 3) не менее существенно то, что усиление аридности заставило различные человеческие группы спуститься с предгорий и поселиться рядом, расшатывая тем самым тотемический традиционализм; 4) освоение заболоченных земель в Месопотамском котле требовало концентрации человеческих усилий и привязывало индивидов к определенному месту; 5) в основе земледелия оказались наиболее перспективные культуры — пшеница и ячмень в сочетании с поддающимися приручению наиболее перспективными животными; 6) отсутствие в заболоченной долине камня — традиционного материала первобытного общества, и пото-

му стали осваивать «нетрадиционные» материалы [212,17]. Все это ускорило значительно темпы культурной эволюции и привело общество к принципиально новому качественно-му состоянию — цивилизации.

В тех регионах, где не существовало обстоятельств, способствующих в дополнение к интенсивному земледелию возникновению цивилизации, последняя просто не возникла. Так, из-за невозможности перехода к оседлому образу жизни (Центральная Африка), из-за отсутствия в регионе перспективных для культурного освоения растений (Юго-Восточная Азия), из-за разобщенности отдельных земледельческих сообществ (Горная Бухара) и других причин примитивная производящая экономика интегрировалась в системе первобытных общественных институтов и не смогла породить цивилизации.

По мнению других исследователей, представление о неолитической революции как о переходе от одного качественного состояния общества к другому характеризует необходимое, но не достаточное условие генезиса цивилизации. Типичен пример Трипольской культуры (она существовала на огромной территории от Нижнего Дуная до Днепра между 4000 и 2200 гг. до н. э.), которая сформировала крупные, многотысячные агропоселения, но не смогла преодолеть барьер цивилизации. Вот почему осуществляется поиск условий, достаточных для генезиса цивилизаций.

На них указывает отечественный исследователь В.Л. Глазычев в работе «Генезис цивилизации: деятельность и ее социальная организованность». Во-первых, одним из условий генезиса цивилизации является ограниченность пространственной экспансии — условие пространственной стационарности. Во-вторых, наличие достаточного количества ресурсов для скачка к цивилизации. В-третьих, существование тысячелетней «цезуры» между высокими культурами малых долин и цивилизациями великих долин, т. е. специфического переходного периода активной социально-культурной инновации. В-четвертых, появление и обособление самой инновационной деятельности (ее иногда называют протопроектной) человека от воспроизводящей и ее закрепление в со-

циально организованной форме. В-пятых, вычленение социально санкционированных средств воплощения результатов инновационной деятельности и ее автономизация от собственно трудовых процессов воспроизводства [212, 35-37].

Такой подход дает возможность отказаться от сосредоточения внимания на предметных признаках цивилизации, перечисленных выше. Нам известны цивилизации, в которых не было укрепленного города, противостоящего деревне (Древний Египет): цивилизации, в коих ни военная, ни религиозная власть не сумели выиграть в борьбе за монополию и на первый план выступает классово детерминированная правовая организация (Месопотамия), тогда как в других право не обособляется до его позднего и насильственного привнесения извне (Древний Египет). Нам известны цивилизации, где сословная иерархия не была связана с частной собственностью (Иранская империя) и не сложилась письменность «классического» типа и т. д. В данных случаях предметные признаки не «срабатывают» в качестве критерия. Генезис цивилизации вполне объясним указанными выше условиями и прежде всего обособлением инновационной деятельности и вычленением того или иного социального механизма воплощения инноваций на практике. В рамках изложенного подхода делается вывод, что «цивилизацию определяет фаза существования культуры, отмеченная ставшими формами обособления деятельности по производству и внедрению инноваций во всех видах материального и духовного производства» [212, 39]. Излюбленная писателями-фантастами ситуация передачи инновационной деятельности вне человеческого разуму означает конец существованию таким образом понятой цивилизации.

В специальной литературе высказывается мнение, отождествляющее возникновение первых, или первичных, цивилизаций с первыми городами. Это основано на том, что в эпоху существования родовой общины городов попросту не могло быть и их действительно не было, несмотря на существование у общины своеобразной сложно-иерархической организации. Отечественные ученые В.В. Вербовский и В.А. Капустин считают, что «цивилизация является результатом

разделения труда между крестьянином, ремесленником, купцом, воином и жрецом, результатом обмена между трудовыми сословиями крестьян и ремесленников, на основе которого рождаются нетрудовые сословия купцов, воинов и жрецов» [212, 57]. Логика рассуждения здесь такова: город есть порождение радикального изменения первобытного способа производства и следующего из этого не менее коренного изменения форм разделения труда. Начинает развиваться товарное производство, появляется избыточный продукт, который служит основой возникновения первого нетрудового сословия — купечества, на чьи торговые доходы формируется город с храмами, мощёными улицами, водопроводами и пр.

Однако процесс обогащения одних сопровождается обеднением других, происходит поляризация богатства и бедности. И если одни из бедноты обслуживают богатых, то другие скатываются на социальное дно. В итоге появляются такие неперемённые атрибуты цивилизации, как «нищий, проститутка и вор» [212, 55]. Чтобы оградить свое богатство, купец создает полицию; для его защиты на караванных путях организуется охрана. Но богатство вызывает алчность и у целых народов (достаточно вспомнить викингов, монголов и др.), которые совершают опустошительные набеги на города. С необходимостью появляются и армии, состоящие из хорошо обученных военному делу профессиональных воинов. Возникает сложная иерархия города — купечество, верхушка воинства, сфера обслуживания купечества и воинства, городской плебс; она нуждается в системе управления, которую и берут в свои руки жрецы. Ведь исторически сложилось так, что жречество — это не только религиозная корпорация, но и институт хранения и умножения знания, и орган управления.

В результате появляются классы и государство; культура расслаивается на профессиональную и люмпенскую культуры. Вот почему цивилизацию отождествляют с культурой (ведь она ее стимулирует) и одновременно их противопоставляют — цивилизация разлагает и извращает культуру. Последний момент и фиксирует А.П. Скрипник в своей монографии «Моральное зло»: «Грабежи и акты вандализма

являются типичным способом самовыражения в обществе, где превыше всего ценится знатность рода и место в социальной иерархии. Колоссальная бессмысленная растрата богатств, созданных людьми, и самих человеческих жизней — неизлечимая язва такой цивилизации» [174, 101]. Таким образом, цивилизация рождается и развивается благодаря производству прибавочного продукта, прибавочному труду, создающему общественное богатство и город.

Свою схему генезиса первичных цивилизаций предлагает и крупный востоковед Л.С. Васильев в своей монографии «Проблемы генезиса китайской цивилизации». Он представляет процесс эволюции человека и его культуры в виде своеобразной многоступенчатой пирамиды. Нижний ярус — это эпоха верхнего палеолита, в рамках которой эволюционируют многочисленные орды, стремящиеся подняться на следующую ступень пирамиды, символизирующую эпоху мезолита. В силу ряда благоприятных условий (теплый климат, обилие пищи и пр.) некая серия взаимодействующих орд прорывается в мезолит. Другие же этого не успевают сделать; они оттесняются, ассимилируются и уничтожаются (подобно вымершим тасманийцам).

Такая же картина наблюдается при попытке продвинуться со второй ступени на третью. Некоторые сильно продвинутые вперед мезолитические культуры воспользовались инновациями неолита, чтобы занять лучшие для земледелия места и начать быстро распространяться по ойкумене. Возникает сложная и пестрая картина населения ойкумены¹, включающего в себя передовых и несколько отстающих земледельцев, племен с развивавшимся скотоводством, неземледельческих племен, знакомых и не знакомых с комплексом неолитических инноваций. В ходе культурных контактов эта пестрота подверглась нивелированию, но с течением времени действие этого механизма замедлилось. И наконец, четвертая ступень пирамиды — это генезис очагов первичных цивилизаций, где действовал тот же принцип. Но здесь имеется своя специфичность: «Процесс генезиса цивилизации,

¹ Ойкумена — совокупность тех областей земного шара, которые заселены человеком.

который более всего может быть уподоблен мутации, отличался тем, что основное направление развития данного первичного очага цивилизации шло не вширь, как это бывало прежде, а вглубь» [31, 33]. Иными словами, роль внешних контактов становится меньше, значимая роль отводится внутреннему развитию (в некоторых случаях возникают замкнутые цивилизации). Сами же очаги первичных цивилизаций (месопотамский и др.) оказали воздействие на генезис новых очагов цивилизации посредством таких важнейших импульсов эволюции, как миграции, диффузия культурных инноваций и конвергентное (самостоятельное) развитие техники и культуры в рамках данной общности, что и привело к многообразию путей развития цивилизаций, членению мирового культурного континуума на ряд альтернативных цивилизаций.

Единство и многообразие цивилизаций

генезисом и развитием цивилизации в различных регионах нашей планеты связан вставший во всей своей остроте вопрос о смысле всеобщей истории — *является ли всеобщая история человечества мечтой или реальностью?* Тем более, что много шума наделала статья Ф. Фукуямы «Конец истории?», в которой утверждается тезис о конце человеческой истории, причем в «постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории» [202, 148]. То есть речь идет о конце цивилизации с ее североатлантической и азиатской ветвями. Все это предполагает рассмотрение концепции о всемирно-историческом единстве современной цивилизации и наличии общих основных закономерностей ее развития и альтернативы в виде теории «плюрализма цивилизаций».

Прежде, однако, необходимо иметь в виду иерархическую организованность смыслового поля понятия «цивилизация», что позволит нащупать ключ к решению проблемы единства и многообразия цивилизаций. В этом плане представляется наиболее адекватной поставленной цели схема, предложенная Л.С. Васильевым в его работе «Исторические типы цивилизации (традиции-цивилизации)». Здесь используется образ четырехступенчатой пирамиды, организующей систему иерархически соподчиненных явлений и понятий. Вершина пирамиды — это мировая (человеческая, планетарная) цивилизация в сопоставлении с взнезменными гипотетическими цивилизациями, рассеянными в необозримых просторах Вселенной. Следующая сту-

пень иерархической пирамиды показывает понимание цивилизации как определенный и достаточно высокий уровень культуры, удовлетворяющий указанным выше признакам и противопоставленный доцивилизационному уровню культуры, который иногда именуют дикостью и варварством.

Третья ступень представлена несколькими цивилизациями, называемыми Л.С. Васильевым условно «традициями-цивилизациями» и выступающими в качестве дочерних к той объединяющей всех их цивилизации, которая находится ступенькой выше. Не следует забывать, что формация принимает свой конкретный облик в рамках традиции-цивилизации, что одна формация может сменить другую в рамках все той же, например, европейской цивилизации. И наконец, к четвертой ступени иерархической пирамиды семантического поля понятия цивилизации относятся таковые наиболее частного и локального характера, тесно связанные с тем или иным из этносов или государств — японская, русская, немецкая, древнегреческая, шумерская и т. п. В более узком смысле понятие «цивилизация» обычно уже не употребляется [242, 27-29]. Исходя из данного замечания, перейдем к рассмотрению *концепций, подчеркивающих единство цивилизаций или настаивающих на плюрализме цивилизаций, а также представляющих собой синтез альтернативных подходов.*

Длительное время в западной философии истории господствовала точка зрения Гегеля, согласно которой всемирная история есть процесс самореализации «мирового духа» в объективном мире, что развитие человеческой культуры (цивилизации) заключается в прогрессивном переходе от одной фазы к другой в линейном времени. Множество культур как бы имеет параллельную эволюцию, фокусирующую исторически и логически внутри них универсально и рационально человеческие элементы и поглощающие достижения общего культурного наследия человечества. В этом случае цивилизация подобна яркому многоцветному гобелену, где социально-историческое развитие локальной культуры вплетается в широкий марш человечества.

Гегелевская философия истории имеет ряд особенностей, следующих из сущности философской системы великого диалектика. Во-первых, это философия прогресса, ибо история целенаправленна и движется к торжеству разума и духа, или к «абсолютному знанию». Во-вторых, перед нами диалектическая философия: каждая ступень общественного развития носит переходящий характер, так как внутренние противоречия неизбежно ведут к кризису и переходу на новую ступень. В-третьих, это философия необходимости, которая признает только единственную цель исторического индивида (отдельная личность или целый народ): осуществление требований «мирового разума», адекватных данному историческому моменту, без всяких попыток обогнать, остановить или повернуть вспять это движение. «Великие люди (Александр Македонский, Цезарь, Наполеон) и великие народы (греки, римляне, пруссы) обязаны своей судьбой, — отмечает Э. Терре, — именно тому, что сумели почувствовать эти требования, взять их за основу и тем самым внести свой вклад в поступательное движение к торжеству «духа» [186, 39].

Торжество «духа» у Гегеля означает достижение «абсолютного знания», т. е. фактически знаменует конец истории человечества, истории цивилизации. Вместе с тем следует иметь в виду, что сам конец истории представляет собой неясную перспективу типа второго пришествия Христа или какие-то более конкретные сроки — однозначного ответа здесь нет. Во всяком случае несомненно одно — единство цивилизации в гегелевской философии истории основано на целенаправленном линейном, прогрессивном развитии «мирового разума», воплощенного в земные формы своего «инобытия». Существенно то, что в основе так понимаемой всеобщей истории лежит прогресс европейской цивилизации, впитавшей в себя достижения предшествующих ей средиземноморских цивилизаций. Это значит, что история человечества как бы сводилась к истории западной цивилизации, принимая европоцентристский характер и игнорируя тем самым равноправность и своеобразие других цивилизаций неев-

ропейского типа. Неудивительно, что современный индийский исследователь Р. Мукерджи в своей книге «Судьба цивилизации» квалифицирует западную философию истории, исходящую из Гегеля, как ошибочную [261,4]. Ради исторической справедливости следует отметить, что одним из первых подверг критике гегелевскую философию истории наш замечательный ученый и мыслитель прошлого века Н.Я. Данилевский. Он написал более 120 лет назад книгу «Россия и Европа», в которой на богатом эмпирическом материале выдвинул теорию «культурно-исторических типов», оказавшую исключительно большое влияние на современную западную философию культуры. Эта теория представляет собой теорию множественности и разнокачественности человеческих культур (или цивилизаций). Отечественный ученый характеризуется на Западе как основатель популярного там ныне подхода пространственно-временной локализации явлений культуры. Кроме того, Н.Я. Данилевский выразил критическое отношение к европоцентристской, однолинейной схеме общественного прогресса, что было подхвачено затем такими мыслителями, как О. Шпенглер, Ф. Нортроп, А. Шубарт, П.А. Сорокин и А. Тойнби.

В его труде «Россия и Европа» отмечается, что формы исторической жизни человечества разнообразятся по культурно-историческим типам, или цивилизациям, причем об историческом движении можно говорить относительно пределов цивилизации. Все самобытные цивилизации делятся на три больших класса: положительные, отрицательные деятели и служащие чужим целям цивилизации. Первый класс составляют в хронологическом порядке: египетская, китайская, ассирийско-вавилонно-финикийская (древнесемитическая), индийская, иранская, еврейская, греческая, римская, арабийская (новосемитическая), германоромановская (европейская) и славянская. К ним следует добавить еще не успевшие завершить своего развития мексиканскую и перуанскую цивилизацию. Эти культурно-исторические типы представляют собой положительных деятелей в истории человечества, они содействовали прогрессу человеческого духа. Второй класс образуют отри-

цательные культурно-исторические типы (гунны, монголы, турки), которые помогают «испустить дух борющимся со смертью цивилизациям». К третьему классу относятся те начинающие развиваться цивилизации (финны и др.), коим не суждено сыграть ни созидательной, ни разрушительной роли в истории человечества, ибо они вошли в состав других цивилизаций «в качестве этнографического материала» [55, 88-90].

Согласно теории Н.Я. Данилевского, человечество отнюдь не является чем-то единым, «живым целым», оно скорее представляет собой живую стихию, отлитую в формы, аналогичные организмам. Самые крупные из этих форм и есть «культурно-исторические типы» или цивилизации, имеющие свои линии развития. Между цивилизациями имеются общие черты и связи, выражающие общечеловеческое, которое существует только в народности. Вот что он пишет: «Народы каждого культурно-исторического типа не вотще трудятся; результаты их труда остаются собственностью всех других народов, достигающих цивилизационного периода своего развития, и труда этого повторять незачем». Так, «развитие положительной науки о природе составляет именно существеннейший результат германо-романовской цивилизации, плод европейского культурно-исторического типа; так точно, как искусство, развитие идеи прекрасного было преимущественно плодом цивилизации греческой; право и политическая организация государства — плодом цивилизации римской; развитие религиозной идеи единого истинного Бога — плодом цивилизации еврейской» [55, 128].

Оригинальность основной идеи Н.Я. Данилевского состоит в том, что отвергается единая нить в развитии человечества, отвергается мысль об истории как прогрессе некоего общего, или «мирового», разума, некоей общей цивилизации, которую отождествляют с европейской. Такой цивилизации просто-напросто нет, существует многообразие развивающихся отдельных культурно-исторических типов, каждый из которых вносит плод в общую сокровищницу человечества. И хотя эти цивилизации сменяются и исчезают, человечест-

во живет, постоянно пользуясь этими общими сокровищами, становясь все более богатым. Вот в какой области и какой прогресс в общем ходе истории признавался теорией нашего соотечественника.

Концепция Н.Я. Данилевского оказала сильное влияние на творчество немецкого мыслителя О. Шпенглера, предвосхитив многие положения автора знаменитой книги «Закат Европы». В ней вынесен суровый приговор современной западной цивилизации за ее голый техницизм и отсутствие животворящих органических начал. О. Шпенглер различает возможную как идею и действительную в виде тела идеи культуру, доступную восприятию человека: поступки и настроения, религия и государство, искусство и науки, народы и города, экономические и общественные формы, языки, право, обычаи, характеры, черты лица и одежды. История, подобно жизни в ее становлении, является осуществлением возможной культуры: «Культуры суть организмы. История культуры — их биография... Феноменами отдельных, следующих друг за другом, рядом вырастающих, соприкасающихся, затеняющих и подавляющих одна другую культур исчерпывается все содержание истории. История культуры есть осуществление ее возможностей» [227, 111].

В шпенглеровской концепции культуры несоизмеримы друг с другом, ибо у каждой из них имеется свой прасимвол (душа), своя специфическая математика, свое искусство и т. д. Например, нет никакой математики, которая была бы обязательной для всех культур: «Число в себе не существует и не может существовать... Мы встречаем индийский, арабский, античный, западноевропейский числовой тип, каждый по своей сущности совершенно своеобразный и единственный... Таким образом, существует несколько математик» [227, 65]. Мировая история в целом представляет собой как бы пестрый луг, на котором растут совершенно различные цветы, не похожие друг на друга.

Вместе с тем следует отметить, что подобно организмам, культуры имеют свои фазы развития, а именно: весну, лето, осень и зиму. В отношении духовной жизни это означает соответственно пробуждение окутанной снами души и созда-

ние ею мощных произведений, близкое к зрелости сознание, высшая точка строго умственного творчества и угасание душевной творческой силы. Отсюда следует и гибель западной цивилизации. Самим названием своего труда О. Шпенглер подчеркивает обреченность европейской цивилизации. Однако широкому читателю не очень-то известно, что в конце своей жизни О. Шпенглер пересмотрел свои взгляды относительно исчезновения западной цивилизации и пришел к выводу о том, что Запад возродится в будущем, буквально он звучит так: «Восход Европы» [277, 123-173]. В истории философии О. Шпенглера просматривается культурный релятивизм, в ней наблюдаются предпосылки нигилизма и катастрофизма.

Попытку преодолеть релятивизм в культуре предпринимает немецкий мыслитель Ясперс в своем труде «Истоки истории и ее цель»; здесь центральными понятиями являются «единство теории» и «единство человечества», раскрываемые концепцией «эпохи поворота», или «осевого времени». В ясперовском понимании «осевое время» обозначает особый период мировой культуры истории Китая, Индии и Запада, между 800 и 200 гг. до н. э. «В это время происходит много необычайно-го. В Китае жили тогда Конфуций и Лоа-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии — в Индии, как и в Китае, — были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки — Илия, Исая, Иеремия и Второи-сайя; в Греции — это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга [232, 32-33].

Возникает вопрос: что общего между этими тремя географически разделенными культурными мирами?

Во-первых, связывает их прежде всего возникшее новое, которое сводится к тому, что человек осознает бытие в це-

лом, самого себя и свои границы. Другим полюсом этого осознания является постановка человеком целей и проблем, его стремление к свободе, постижение абсолютности и «ясности трансцендентального мира». Происходит рождение осознания свободы экзистенции: появляется резкое различие между экзистенцией и трансценденцией и прорастает и развивается индивидуальное сознание.

Во-вторых, эти упомянутые культурные миры связывает впервые возникшее в истории самосознание, размышления о самом мышлении.

В-третьих, настало время универсализации разума и религии. В эту эпоху появились универсальные, фундаментальные и до сих пор используемые категории мышления и осознания мировых религий.

В-четвертых, наступила пора рефлексии, скептицизма, критики традиции и ее изменений.

В-пятых, эпоха «осевого времени» венчает конец мифологического периода, проникнутого покоем и очевидностью основных принципов. Рациональная мысль рассматривает миф, рационализирует его, выясняет его причины, но не уничтожает, а метафорически преобразуя его, творит новые мифы. Возникает бунт в сфере морали против политеизма, стремление к монотеистической религии, происходит демифологизация. Человек ощущает свою неуверенность, что делает его открытым новым неограниченным возможностям опыта, однако поставленные им проблемы остаются неразрешимыми. Этой неразрешимости К. Ясперс придает универсальный, транскультурный характер.

В-шестых, в эпоху «осевого времени» появляются философы как выдающиеся индивиды, для которых, несмотря на различные способы выражения, общи духовная автономия и способность рассматривать вещи на расстоянии, бунт против людей, Бога и трансцендентального мира. Перед нами новый тип человека, способного к тончайшим абстракциям, стремящегося к свободе и счастью на земле и пытающегося достигнуть их путем взлета к идее, атараксии¹, медитации, саморефлексии, нирваны. Дао или Бога. Формиру-

¹ Атараксия — невозмутимость, спокойствие духа.

ется в человеке чувство одиночества, способность отворачиваться от мира общества. Под влиянием великих людей (аутентичного человека) народные массы изменяются, в итоге человечество как целое совершает скачок [232, 33-35]. На основе концепции «осевого времени» К. Ясперс показывает, что возникшие синхронно в эту эпоху ценности являются фундаментальным элементом единства истории как науки и человечества, что они образуют «идеальную» ось, вокруг которой с тех пор «кружится» реальная история человечества.

Ясперовская идея о единстве человечества (многообразия цивилизаций) дополняет положения итальянского мыслителя XIX столетия Дж. Феррари, составляющих каркас модели всемирной истории. Эта модель выявляет ее «общечеловеческую сущность», обнаруживает структурное и ритмическое единство «ноосферы» (сферы человеческого сознания) и позволяет видеть в любой эпохе и цивилизации непреходящие черты наряду с количественными изменениями. Его теория синхронности мировых процессов проявляется в самых различных произведениях XX века; в «Жизни Вивекананды» Ромен Роллан рассматривает отдельные истории как «ветви одного дерева, которые одинаково реагируют на смену времен года», в попытках создать сравнительную историю искусств (Эли Фор), философских систем (Поль Массон-Урсель), литератур (Рене Этьембль), в трудах многих историков и востоковедов (К. Поланьи, Л. Мамфорд, Ф. Бродель, Дж. Нидэм и др.). Французский историк Р. Бонно так характеризует значимость идей Дж. Феррари: «Именно идеи Феррари возникают перед исследователями, когда они с удивлением обнаруживают, что совершенно не похожие друг на друга культурные и геополитические ареалы движутся в одном направлении, подчиняясь единому ритму, одновременно переживая периоды подъема и застоя, и что, несмотря на различия форм и степени изменений, вкуче они дают средние показатели в масштабе всей планеты, по которым можно составить общие для всего человечества графики, вычислить переломные моменты ноосферы» [42, 42].

Модель Дж. Феррари не получила широкого признания из-за ряда препятствий, а именно: отставание западных исторических исследований по «незападным» народам и цивилизациям, далее «здравый смысл», который допускает синхронность в развитии цивилизаций при условии их контакта, обмена информацией. Кроме того, развитие мировой истории, охватывающей весь мир, идет неравномерно и зависит от особенностей локальной цивилизации. Следует добавить сюда и незаметность всемирных параллелей и синхронизмов в силу того, что новая история носит весьма «западный» характер (хотя этот период всемирной истории представляет собой исключение). Наконец, «модель Феррари» гениальна, но преждевременна, ибо еще не разработана теория, построенная на мировых ритмах [18, 42]. Иными словами, бесчисленные попытки создания подлинной картины всемирной истории до сих пор не увенчались успехом.

В этом плане заслуживает внимания подход А. Тойнби, предпринявшего поиск способа моделирования истории; альтернативного линейному прогрессизму, и развеявшего европоцентристские иллюзии. Для него характерен синтез концепций локальных цивилизаций и универсализма истории, диалектичность метода, сочетающего то, что кажется несочетаемым. «Постоянный и регулярный элемент в истории, — пишет Тойнби, — природа человека» [271, 26]. Отсюда и лейтмотив его философско-исторической системы — августиновское представление о принадлежности человека Граду Земному и Граду Божьему, истолкованное им в христианском духе китайской мифологии Инь-Янь. В китайской традиции Инь и Янь, сочетаясь, образуют фундамент вселенной гармонии, у А. Тойнби зачастую — резко противостоят как Зло и Добро. Так, конечная цель истории местопологается им в гармоничном, непротиворечивом «царстве Инь» [273, т. III, 389-390]. В соответствии с его антропоцентризмом человек — связующее звено между различными цивилизациями.

А. Тойнби подчеркивает, что «цивилизации различаются по образу мышления, и, к счастью, есть широкие

возможности урегулировать взаимоотношения между представителями различных цивилизаций» [275, 36]. Именно человек является основой попытки А. Тойнби синтезировать циклическое и линейное моделирование истории — повторяющиеся цивилизационные циклы отражают закономерность исторического бытия Града Земного как предпосылки духовного прогресса человечества на его пути к Граду Божьему. «В действии тех сил, что ткнут ткань человеческой истории, действительно можно различить элемент простой повторяемости, — пишет А. Тойнби, — ... Однако челн, что постоянно снует взад-вперед по ткацкому стану Времени, в своем движении создает ткань, — и здесь очевиден «целенаправленный прогресс», а не просто «бесконечное повторение»... Движение колеса... повторяется по отношению к его оси, но само колесо сделано и насажено на ось с тем, чтобы двигался экипаж, коего колесо — лишь часть, причем двигался отнюдь не по траектории карусели...» [273, т. V, 34-35]. История в этом случае предстает перед нами как нелинейный процесс, в коем органически взаимосвязаны локальные и мировая цивилизации посредством природы человека — двуликого Януса, один лик которого обращен к будущему, другой же вглядывается в прошлое.

Именно существование единой природы человека лежит в основе взаимосвязи разнообразных цивилизаций и тенденции к их глобализации, к формированию планетарной цивилизации. Эта тенденция в зародыше обнаруживается уже на заре человеческого общества, когда культурная эволюция с необходимостью привела к генезису цивилизации [270, 69; 195]. Ведь овладение некоторой средой (частью суши, островами, тропиками или Арктикой) какой-либо человеческой группой, создание какого-нибудь орудия, служащего борьбе человека за существование (а цивилизация и представляет собой такое своеобразное орудие), имеет свое значение в осуществлении единой цели человечества, которой является его общее развитие, доминирование в природе и интегрирование в одну весьма сложную целостность. В определенном смысле историю челове-

чества, за исключением его предыстории, можно представить как смену космогенной цивилизации техногенной, которой сейчас угрожает гибель, означающая, однако, не конец истории, как думает Ф. Фукуяма, а становление «антропогенной» (Г. Дилигенский) цивилизации, начало новой истории [57, 42]. В основе смены цивилизаций лежит совокупность различных факторов социокультурного и природного порядка, причем в последнее время все большее внимание привлекает значимость природы в эволюции цивилизации как таковой, независимо от того, является она мировой, локальной, традицией-цивилизацией или этнической. Поэтому и перейдем к рассмотрению роли природы в развитии и функционировании цивилизации, что особенно актуально на пороге XXI столетия, чреватого целым набором экологических угроз.

Цивилизация и природа

3

начимость природы в существовании и эволюции цивилизации следует из того, что прежде всего человек является системообразующим фактором цивилизации, что человек обладает двойственной социоприродной сущностью. Вместе с тем необходимо учитывать то, что природа человека, несмотря на многообразие теорий, до сих пор остается непроясненной, она таит в себе немало тайн и загадок. В многообразии теорий, концепций и образов человека просматривается нечто, подобное графическому изображению множества Мандельброта — грандиозному сплетению узоров, напоминающих деревья, глаза, туманности и электрические разряды. Все это связано с тем, что природа человека является многомерной, нелинейной и многоэтажной, подобно Вселенной, чьим отражением и выражением она служит: поэтому мы говорим о всеобщей человеческой природе с ее единством упорядоченности и хаотичности.

Одновременно человек представляет собой еще и общественное существо — в нем в свернутом виде «дано» общество со всеми его возможными состояниями: *человек есть общество в миниатюре*. Природа человека (чаще рассуждают о сущности человека) в этом случае имеет два аспекта: жестко-детерминированный и случайно-вероятностный. Следовательно, и в развитии цивилизации нужно различать жесткую (порядок) и мягкую (хаотичность) программы. Им соответствуют повторяемость и необратимость в истории человечества. Ведь человечество (мировая цивилизация) и природа — это слагаемые биосферы

нашей планеты [142, 83]. Случайные моменты обусловлены массой потенциалов, а жесткая детерминация задана кодом, программирующим развитие и функционирование био- и социальной систем.

Природа человека является *космобиопсихосоциокультурной*, ибо он живет не только в социальном мире и сфере культуры, но и представляет собой порождение Вселенной, мира природы, бесконечного в пространстве и времени. Вся сумма накопленных знаний за всю историю человечества показывает процесс появления на нашей планете в результате космической эволюции и формирования в рамках биосферы социального мира, ноосферы. Именно в сфере мысли многие ученые усматривают спасение человечества от грядущих опасностей, порожденной современной техногенной цивилизацией. Так, Э. Харт пишет: «Мы приходим к тому, чтобы видеть в «мысли» третьего партнера, вершину треугольника: ген — мысль — культура, новый могущественный агент, имеющий свои эволюционные законы, отличающиеся от законов генетической и культурной эволюции. Изобретение мысли как системы управления, находящейся между «есть» и «должен», в конце концов, не так уж отличается от изобретения «случая» для объяснения кувыркания игральной кости. А мысль... недостаточно понятна и заслуживает почтения. Но она не является странной в картезианском смысле оторванности от материи и независимости от мозга. Вместо того, чтобы подписаться под дуализмом «сознание — тело», я скорее вижу мысль основанной физически на огромной сложнейшей системе миллиардов нейронов, отражающей долгую эволюционную историю человечества и также содержащей все образы, когда-либо проходившие перед нашими органами чувств... Этот физический базис... есть источник ее неправдоподобной динамики.

Еще один аспект разума нельзя опустить. Люди обладают сознанием (очевидно, самосознанием — В.П.), которое является еще одним термином, изобретенным нами для обозначения другого множества недостаточно понятых феноменов. Каков бы ни был источник этой уникаль-

ной способности, какой бы мозговой механизм ни отвечал за нее... она нам дает самое могущественное средство для формирования нашей судьбы. Эрвин Шредингер.. в очерке «Мысль и материя» называет сознание наставником, наблюдающим за воспитанием живущей субстанции» [250, 80–81].

Именно сфера сознания, включающая разум и самосознание, дает человеку возможность самоанализа и самоопределения, что позволяет ему осваивать эволюцию цивилизации и служить единственным средством выживания.

И хотя сфера сознания имеет свои особенности, не редуцируемые к социальным, биологическим и физическим основаниям, существенно то, что наукой установлено наличие определенной аналогии между структурой Вселенной, живых организмов и общества. Ведь во всех системах — космических, биологических и социальных — существуют многослойные структуры иерархического типа, чье функционирование невозможно без координации и субординации различных уровней и единства со средой. В этом смысле правомерен подход К. Лоренца, исходящего из биосферного угла зрения при рассмотрении культуры. В своей книге «По ту сторону зеркала» он постулирует, что, во-первых, субъектом эволюции являются целостные системы, во-вторых, более сложные системы обладают свойствами, несводимыми к свойствам простых систем, из которых они состоят; на этом основании им делается попытка проследить историю эволюции систем, начиная от простых клеток и кончая сложными культурами. «Общество, — пишет К. Лоренц, — это наиболее сложная из всех существующих на земле систем... прямое сопоставление видов животных с культурами обычно вызывает противодействие со стороны людей, обостренно ощущающих разницу между системами более высоких и низких уровней организации. Однако тот неопровержимый факт, что культуры являются очень сложными, основанными на интеллекте системами, опирающимися на отражающие культурные ценности символы, часто заставляют нас — особенно при нашей склонности мыс-

лить противоположностями — забывать, что они являются естественными структурами, развившимися естественным путем» [94, 148]. Иными словами, культуры (и цивилизации) являются частью биосферы, которая сама есть частица Вселенной. Все же системы и суперсистемы (каковой выступает Вселенная) представляют собой нелинейные динамические системы, которым присуще хаотическое поведение и которые в рамках относительно больших интервалов времени становятся непредсказуемыми, что связано с необратимостью времени и появления новых свойств у систем.

Во Вселенной, биосфере и обществе идет непрерывная «борьба» между силами хаоса и порядка — происходят взрывы Сверхновых звезд, столкновения галактик, бурные процессы в активных ядрах галактик, наблюдаются катастрофы в биосфере и ее отдельностях (популяциях и организмах), история человеческого общества предстает перед нами как непрестанная борьба интересов индивидов и групп, которая часто выливается в войны, вооруженные конфликты, революции и контрреволюции, бунты и мятежи. И так как история общества, как известно, есть деятельность преследующего свои цели человека, то именно человек является носителем хаоса и порядка. Ведь человек «вписан» в структуру Вселенной, он — дитя Вселенной, в нем потенциально содержится вся история космоса.

В каждом из множества социализирующих колебаний организма человека проявляются пульсации Вселенной, в каждом его вдохе происходит подключение «токов» космоса, каждое его движение совершается вместе с вращением планет, солнца, галактик, скоплений галактик и самой Вселенной, каждую секунду организм человека воспринимает космические излучения и волны, несущие информацию о мире. Так, исследования показали, что на развитие науки оказывают влияние различные факторы, в том числе и солнечная активность, «определяющая электромагнитные характеристики Земли, сказывающиеся на функционировании всей биосферы, вплоть до творческой деятельности ученых» [82, 62]. Спонтанные творческие «озарения», возникающие в результате своеобразных случайных мутаций мыш-

ления ученого, зависят от солнечной активности, которая заметно влияет на земную биосферу. Солнечная активность имеет циклический характер порядка 11 лет и проявляется на Земле в виде магнитных бурь, всплесков интенсивности космических лучей и т. д.

В истории науки это проявляется в повторяемости эпох периодов «бури и натиска», когда в основном и совершались фундаментальные открытия, например, в 1905 году — создание специальной теории относительности, в 1915-1916 — общей теории относительности, в 1925-1927 гг. — квантовой механики.

Подобного рода корреляции обнаружены и в деятельности композиторов: «...Всплески творческой и солнечной активности, как правило, всегда происходят синхронно» [80, 72]. Следует помнить, что речь идет о новых физических и музыкальных идеях, а не экспериментах.

Человек и космос составляют единое целое, которое в силу хаотических процессов фрагментируется и дифференцируется и которое проявляется в деятельности человека, созидающего свой мир цивилизации. Однако мировое целое отнюдь не является «вложенным» в индивида, как один из его принципов, по мнению Конфуция, не является заранее заданной «эталон-схемой» или «монадой», должствующей развиваться, как считал Г. Лейбниц. Космические «вихри», представляющие собой переплетение мириадов стихийных сил и энергий, встречаются в человеке-изобретателе. Его творчество есть конструирование того, чего еще не существует в действительности, что может возникнуть как потенция в вечно становящейся целостной природе. Именно благодаря вечному становлению природы, порождающему постоянно все новые и новые возможности (в человеке и цивилизации это проявляется в виде веера альтернатив), в ней имеется «свободное» пространство, которое служит онтологической основой творческой деятельности человека, его свободного развития. Если же свободное пространство цивилизованного бытия резко сужается, в силу максимальной упорядоченности социальной системы, то общество превращается в мертвую, закостеневшую структуру, неспособную к творческому существованию.

Но в соответствии с правилом Тода в любой упорядоченной системе всегда рождается хаос, следовательно, и в головах отдельных индивидов начинают появляться мысли, идеи и иллюзии о переустройстве цивилизационного порядка. В социальном мире происходит процесс «перелива» этих мыслей, идей, иллюзий и гипотез из сферы субъективной реальности, каковым является духовный мир человека, в сферу социальной действительности посредством их материализации (опредмечивания). Данный процесс материализации идей происходит не столько в сфере производственной деятельности, сколько в области различного рода общественных движений, борьбы между социальными группами и слоями, имеющими свои интересы и потребности. Разумеется, это охватывает и все сферы культуры, где меняются стили в искусстве, концепции в науке, религии, политике и пр.

И самое интересное, что цивилизационным сдвигам в истории человечества соответствует космический коррелят, проявляющийся прежде всего в солнечной активности. Действительно, в учении о биосфере (человечество же, еще раз напомним, является компонентом биосферы) В.И. Вернадский выделял не только ее глобальный геологический масштаб функционирования, но и подчеркивал, что организация биосферы является элементом космической организации [36]. Космос же — сложная, иерархически устроенная (многоуровневая) единая система, многообразно воздействующая на каждую из своих подсистем (или систем, если Вселенную считают суперсистемой). Здесь можно выделить ряд важнейших общесистемных факторов, к коим относятся:

— информационность — космические влияния на Землю и в частности на биосферу, воспринимаются через посредство планетных структур (геосфер), включающих сложно организованную систему положительных и отрицательных связей: последние способны регулировать направление основных потоков энергии в геосферах и сами подвержены влиянию космических факторов. При определенных условиях эта система может усиливать влияние космоса;

— временные циклы — существует иерархическая система

временных циклов разных масштабов; земные циклические процессы могут синхронизироваться космическими; возможна также взаимная синхронизация параллельно протекающих земных процессов при установлении между ними «резонансных» отношений; процессы, протекающие в циклах разных временных масштабов, качественно различны;

— кумулятивность — существуют разные фазы космической динамики и соответственно динамики земных процессов — фаза повышенной активности, во время которой происходит увеличение числа и разнообразия различных активных событий, их соединение и взаимное усиление (кумуляция), а также фаза относительно пассивная, во время которой прежние связи, возникшие благодаря синхронизации, могут частично распадаться, заменяясь более «случайной» системой отношений;

— асимметрия и дисимметрия — во всех интересующих нас системах Космоса, геосфер и живого вещества на всех основных структурных уровнях их организации прослеживается асимметрия и дисимметрия важнейших форм; для космических систем и геосфер — это различные вихревые образования, в которых имеются выделенные направления вращения и происходит перераспределение и трансформация момента количества движения; какой-то аналог характерной для вихря полярности, видимо, имеет место также для живого вещества; в частности для информационного поля в некотором биологически активном состоянии;

— направленность эволюции — имеет место длительный процесс совместной направленной эволюции космической системы, в которую входит Земля, самой Земли (системы геосфер) и живого вещества, хотя этот процесс сильно усложнен временными циклами; поэтому некоторые фундаментальные тенденции развития биосферы обусловлены соответствующими космическими тенденциями изменений, а также основными формами асимметрии космических динамических структур [228, 4-5]. Иными словами, циклические изменения цивилизационного характера зависят от космических ритмов, действующих на земную биосферу; история пульсирует благодаря «вихрям» всебытия.

В данном случае заслуживает внимания построение П. Сорокиным типов культуры в его работе «Социокультурная динамика». На основе тщательного изучения двухтысячелетнего периода античной (греко-римской) и европейской культуры он выделяет два основных типа культуры — идеациональный и чувственный. Первый тип характеризуется наличием носителей культуры, основывающих свои воззрения на господствующим идеям, даже если они и примитивны: второй — доминированием в жизни осязаемых чувствами предметов. Между этими двумя основными типами обнаруживается два переходных типа, один из них П. Сорокин назвал идеалистическим: он являет сочетание двух основных типов (примером служат Золотой век Древней Греции с V по IV век до н. э. и Ренессанс, охватывающий XII-XIV века); другой же представляет собой противопоставление элементов основных типов (состояние Европы в первые века н. э., когда ростки христианства противостояли все еще сильному язычеству). Эти типы «адекватны» положениям теории культурной и социальной динамики, где фиксируется волнообразное изменение культур — от идеационального типа к смешанному и дальше к чувственному типу, через некоторое время обратное движение; следовательно, повторяются центральные темы культур во всем многообразии последних. При этом П. Сорокин полагает, что его теория «волнообразного движения культур» применима к египетской, индийской и китайской культурам, в которые он делает краткие экскурсы [182, 427-504].

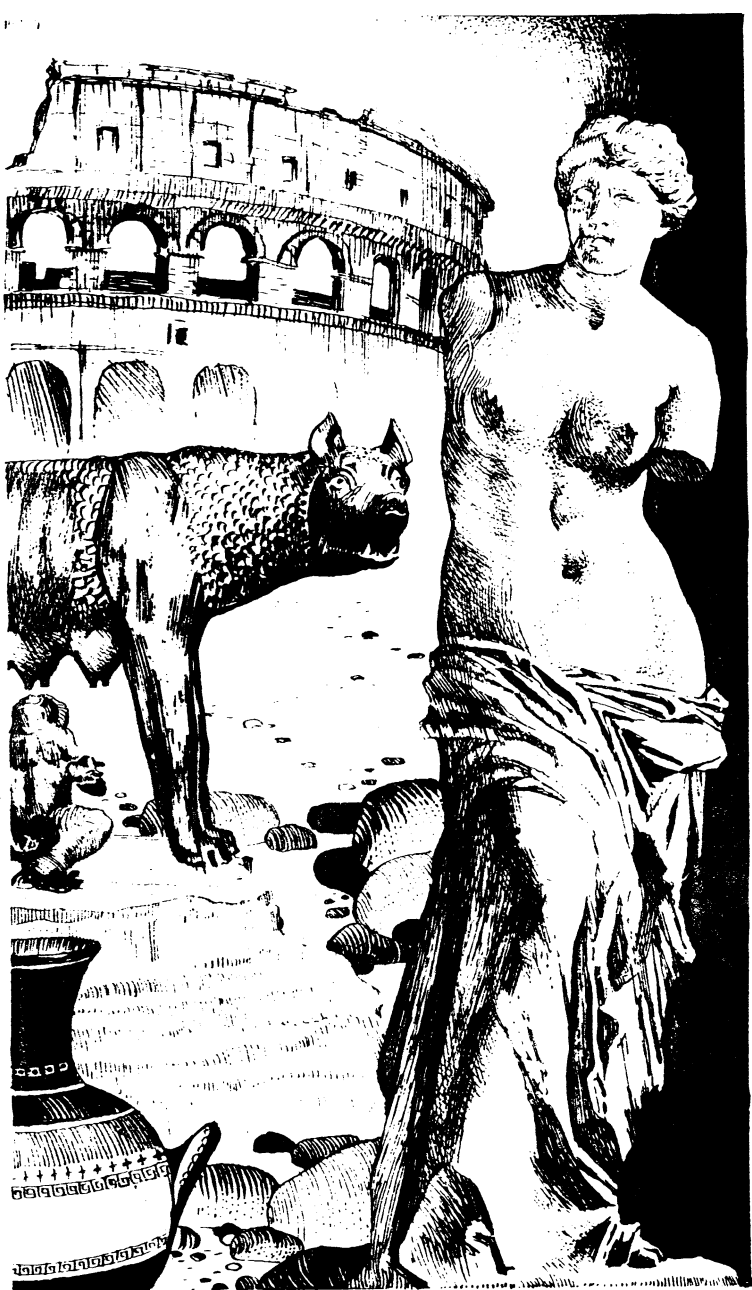
Но почему же происходит изменение культур (или цивилизаций)?

Согласно П. Сорокину, движение культур имманентно, оно не зависит от действия посторонних факторов, как это предполагали эволюционисты. Культуры изменяются в силу их природы — носители культуры стремятся исчерпать заложенные в ней силы и довести их до предела; тогда приходится обращаться к иным принципам и двигаться к иному типу культуры. Однако из принципа единства космоса и человека следует, что в основе «волнообразного движения культур», или цивилизаций, лежат

космические факторы, преломленные через призму условий нашей планеты. Еще в 1929 году в письме В.И. Вернадскому, развивая его учение о биосфере, П.В. Флоренский пришел к мысли «о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т. е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры, или точнее круговорот духа». Он указывает «на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусств» [158, 291]. Такой подход нашел неожиданное подтверждение в исследованиях по современной астрофизике.

В этом плане большой интерес представляют результаты изучения хода солнечной активности за последние 5 000 лет, проведенные американским астрономом Дж. Эдди. При этом обнаружен не вполне регулярный цикл в среднем порядка 500-700 лет на основе анализа радиоактивного углерода, хотя ситуация осложняется особенностями динамики геомагнитного поля, которые определяются как космическими факторами, так и процессами, протекающими в глубинах Земли, очень инерционными во времени по отношению к космическим факторам. И хотя результаты Эдди в дальнейшем будут несколько откорректированы, они несомненно есть хорошее первое приближение и могут быть использованы для анализа и законов солнечной активности и особенностей солнечно-земных связей. Для нас существенно то, что за последние 5 000 лет было по меньшей мере 12 резких отклонений солнечной активности; названия этих отклонений в древности соответствуют историческим эпохам, причем рост и падение всех климатологических кривых происходит в соответствии с длительными изменениями солнечной активности [229, 327]. Как правило, промежуток времени между соседними максимумами солнечной активности — не более 600 лет. Интересно, что в структуре циклов Эдди прослеживается что-то вроде 900-1200-летнего цикла, который, вероятно, состоит из двух полуциклов — длинного ($\approx 600-700$ лет) и короткого ($\approx 200-300$ лет). Структура этих циклов удивительным образом коррелирует с движением культур в теории

П. Сорокина. Например, в наше время начинает повышаться уровень солнечной активности, следующий за так называемым минимумом Маундера, и вместе с тем «чувственная» культура XVI-XX вв. приближается к своему пределу, ее начинает сменять «идеациональная» культура, т. е. происходит цивилизационный сдвиг, характеризующийся целым рядом социальных катаклизмов XX столетия. Итак, имеется неразрывная связь между природой и цивилизацией: что следует учитывать при рассмотрении неосуществленных сценариев истории.

Часть вторая. Эллинизм

Александр Македонский не умер тогда

Историю каждой цивилизации следует рассматривать как часть истории мировой цивилизации, «погруженной» в пространственно-временной континуум. Такой подход дает возможность учесть неосуществленные сценарии локальной цивилизации, чья реализация могла изменить ход истории человечества. В этом плане наибольшее значение придается смерти Александра Македонского в 323 году до н. э. в Вавилоне. Он мог и выжить, если бы слушался советов врачей. Каковы были бы последствия этого? Не будучи в состоянии поставить такой эксперимент в реальности, А. Тойнби осуществил мысленный эксперимент. Он исходил из того, что именно конструирование и исследование возможных альтернатив реального исторического события позволяет проникнуть в его сущность по принципу: «Видя чужие страны — начинаешь лучше понимать свою». Одним из сценариев такого рода мысленного эксперимента и является статья А. Тойнби «Если бы Александр не умер тогда...», в которой описана цепочка не состоявшихся последовательных событий. В отличие от утверждения, что «это — фантастика, игра ума, но, пожалуй, игра полезная» [175, 40], здесь есть вполне реальный смысл. Ведь самые невероятные, фантастические конструкции могут осуществиться на практике, превратиться в действительность, о чем свидетельствует история. Достаточно вспомнить различного рода социальные утопии, воплощенные в жизнь, например, третий рейх Гитлера, государство Пол Пота и т. д.

Итак, в жаркий июнь 323 г. до н. э. в Вавилоне Александр Македонский заболел малярией, что опасно для его

сверхчеловеческого образа жизни. Божественный Александр, сын Зевса и властелин мира, занимался постоянно возведением грандиозного здания империи, прерываясь лишь сном, едой и буйными пирами. Но теперь тело 33-летнего богатыря сотрясают приступы малярии; во время его болезни срочные дела решает государственный совет, состоящий из эллина Эвмена и македонских полководцев Пердикки и Птолемея: «Если этот бог теперь умрет, империя останется без власти и взорвется» [187, 39].

Через два месяца Александр Македонский выздоровел, его жена Роксана родила ему сына — будущего Александра IV, который взошел на престол лишь через 36 лет, начинает А. Тойнби описывать один из неосуществленных сценариев мировой цивилизации.

После болезни Александр Македонский понял необходимость для успешного функционирования мировой империи добротных коммуникаций, дорог. Самые же лучшие тогда дороги были морскими, поэтому он осуществил задуманную морскую экспедицию в Египет через Бахрейн, вокруг незнакомой еще Аравии. Потребность в удобном водном пути от Эллады до Индии заставляет его возобновить построенный при Дарии канал через Суэцкий перешеек; при этом искусные финикийцы-мореходы по приглашению царя заселяют острова Персидского залива. Затем решается целый ряд проблем, без которых невозможно существование мировой эллинистической державы. Вместо того, чтобы построить себе гробницу, наподобие пирамиды, Александр Македонский строит в Александрии достаточно пышную гробницу и одновременно учреждает Академию наук и искусств — будущий культурный центр его государства. Ведь Александрия на Ниле находится в центре империи, посреди великого морского пути Восток — Запад, она является главной столицей мирового государства.

Далее получает разрешение финикийский вопрос: финикийцам-мореходам предоставляются крупные льготы и оказывается помощь в восстановлении разрушенного в начале персидского похода Тира. Чтобы сделать финикийцев заинтересованными участниками дальнейшего расширения империи, Александр Македонский организует под своей геге-

монией конфедерацию финикийских городов. Она подобна созданному его отцом Филиппом конфедерации — Коринфского союза городов Эллады. Этой новой конфедерации дана монополия морской торговли на всем Востоке, взамен требуется строительство финикийцами торговых факторий и городов-колоний с последующим их включением в союз. Таким путем уничтожается конкуренция: эллины господствуют в Средиземноморье, а финикийцы — на Востоке. Поэтому последние прощают Александру Македонскому и разгром Тира, и завоевание в скором будущем Карфагенской державы, основанной тирянами. Финикийцы довольны, и так как им не хватает людей (в Финикии всего шесть крупных городов), то они вербуют сородичей из племен, живущих в глубине Сирии. Для установления контроля над путями через пустыню между гаванями вдоль Великого морского пути они берут в аренду дороги у местных кочевников (сабеев, набатеев, иудеев), втягивая их таким образом в экономическую орбиту империи. Местные племенные боги — например, Яхве — входят в общий пантеон, вроде эллинского, и теряют свою агрессивность.

Еще раньше, в 321 г. до н. э., Александр Македонский наводит порядок в Элладке и вообще на севере, где старый верный Антипатр едва предотвратил общегреческое восстание, когда слух о смерти царя достиг Эллады. И в Малой Азии Антигон малыми силами, проявляя полководческое искусство, защищает от местных вельмож-сепаратистов единственный прямой путь из Македонии в Вавилон. Царь отправляет из Македонии всех боеспособных людей на помощь Антигону, тот умиротворяет Северную Персию вплоть до Кавказа.

Наряду с этим Александру Македонскому приходится улаживать семейные дела, имеющие политический характер, ибо в них замешана царица-мать Олимпиада. Он десять лет не был на родине, а его мать — энергичная и беспредельно деспотичная женщина. Старик Антипатр уже не может выносить ее вмешательств в дела управления страной и поставил ультиматум: либо он, либо Олимпиада. Поэтому царицу-мать деликатно, под предлогом поддержания ее здоровья отправляют на благодатный остров Сокора в Индийском

океане. Ее сопровождает несколько сот престарелых македонских ветеранов, привыкших к теплым краям.

В это же время хитроумный Птолемей в Сицилии подготовил плацдарм для нападения на Карфаген. Он от имени Александра Македонского предложил сицилийским грекам объединиться в конфедерацию типа Коринфской или Финикийской и вместе с македонцами изгнать из Сицилии карфагенян, владеющих одной третью острова. Попутно Птолемей заметил здесь талантливого и честолюбивого молодого военачальника Агафокла и пригласил его в «питомник гениев» — генеральный штаб царя.

В итоге сицилийская и африканская кампании Александра Македонского увенчались успехом: Карфагенская держава была покорена, подобно Тиру. Царь образовал из городов завоеванного Карфагенского государства Утический союз, который занялся торговой и колонизаторской деятельностью к западу от Геркулесовых столпов. Вскоре западные финикийцы повторили подвиг своих предков, обогнувших Африку с востока на запад во времена фараона Нехо II: ныне они обогнули ее в обратном направлении и установили прочную морскую связь со своими сородичами, плавающими в Индийском океане.

Завершая в Иберии (Испании) освоение карфагенского наследия, царь обращает свои взоры на Италию, где давно идет война всех против всех. Здесь сложилась такая ситуация, что не о победе мечтают, а о том, чтобы уцелеть, не попасть в рабство... Так рассуждают и греки-колонисты на юге полуострова, и коренные итальянцы — латины, умбры, вольски; даже грозные этруски перешли к обороне. Только Самний и Рим спорят из-за гегемонии, причем пока шансы на стороне Самния. Поэтому Александр Македонский выступает в роли миротворца и посылает в Италию Птолемея.

Тот переманивает на сторону великого царя жителей греческих полисов-колоний и ведет переговоры с Римом, управляемым отличными, неукротимыми, хладнокровными и изобретательными политиками. Римскому сенату Птолемей сообщает предложения Александра Македонского: за Римом остаются все его владения и союзники, после победы над Самнием Рим получает немалую часть земель и союзников

побежденного, гарантируется нерушимость союза римлян и этрусков. Все же прочие города Северной Италии и греческие полисы на юге получают независимость и свободу объединения в конфедерацию под гегемонией великого царя, а римляне становятся его наместниками в Италии. Римский сенат соглашается с подобными предложениями, ибо ничего лучшего Рим не добьется¹.

Перенаселенные полисы Эллады охотно отдают в помощь Александру Македонскому крупные отряды воинов-добровольцев, замороженных прекрасной землей Самнии. Кампания 317 года до н. э. осуществляется весьма быстро — Самний окружен македонско-римскими войсками и разгромлен. В результате установлено безраздельное господство царя на Западе. Однако после победы в Италии скопился взрывной материал — обездоленные самниты, бруттии и дикие храбрецы-оски, хорошо владеющие и плугом, и мечом. Его необходимо вывезти, но куда?

Лучший способ завоевать доверие побежденного противника — взять его в союзники против нового врага, а таким являлась еще непокоренная большая часть Индии. Все предпосылки для завоевания этого громадного субконтинента у Александра Македонского есть: множество незанятых солдат, закаленных в ходе италийских распрей и готовых идти за непобедимым царем куда угодно, полная царская казна, ибо налоговый механизм в империи уже функционирует

¹ В двухтомнике «Наследие Ганнибала» А. Тойнби размышляет о возможном ходе римской истории в том случае, если бы экспансия Александра Македонского была в свое время направлена на Запад, а не на Восток. Так как Рим едва не был сокрушен Пирром, то более раннего, более массивного вторжения он не выдержал бы. И, возвращаясь к этой мысли при обсуждении географического положения Рима, он делает вывод: «Завоюй Александр Италию, он непременно основал бы на месте Рима новый греческий город, который был бы назван его именем и стал бы столицей его доминиона в Италии, подобно тому, как историческая Александрия на Ниле была столицей доминиона его наследников, Птолемеев, в Египте. Случись это, Александрия на Тибре стала бы ныне одним из известнейших городов мира, а ее исконное название «Рим» было бы предано забвению подобно тому, как было предано забвению исконное название Александрии на Ниле» [272, 272].

исправно. в Индии создана «пятая колонна» из сторонников македонского властелина, во главе которой стоит Чандрагупта.

В 315 году до н. э. Чандрагупта сообщает Александру Македонскому, что все готово к завоеванию Индии. За один год финикийский флот через уже действующий Суэцкий канал перевозит всю армию великого царя к западной границе Магадхи — крупнейшему индийскому царству. В дело вступила тайная армия Чандрагупты, и кампания, возглавляемая самим царем со своим крупным полководцем Селевком, продолжалась не так уже долго. Затем Селевк разгромил отчаянно сопротивляющееся царство Калинга, и все остальные индийские государства признали власть Александра Македонского. Наместником Индии назначается Селевк, а Чандрагупте предлагается пост наместника в еще не завоеванных царствах Напата и Мероз, расположенных в верховьях Нила и похожих на Индию.

Александр Македонский возвращается в основанную им столицу и думает о дальнейшем. Ведь в его руках уже весь цивилизованный мир; завоевание варваров и приобщение их к культуре — удел не божественной личности, а деятелей типа Чандрагупты, совершенствование управления империей является чиновничьим делом. Что же ему делать? Пока царь занят этими меланхолическими размышлениями, в Индии начинает разворачиваться процесс, который значительно изменит культурный лик Ойкумены, подобно политическому преобразованию благодаря войнам Александра Македонского. Дело в том, что впервые эллины встретились с буддистами; впрочем, они еще не осознали того поистине колоссального по своему значению факта, что здесь мировая держава встретилась со своей мировой религией. Тогда буддизм был единственной мировой религией. Она не ограничена этническими рамками, требует от своих приверженцев только стремления к самосовершенствованию (и ничего другого), не посягает на прерогативы светской власти и очень терпима к местным верованиям (она не объявляет их заблуждением, а рассматривает как различные пути достижения общего идеала — нирваны). Лучшие умы Эллады могут освоить всю глубину буддизма и модифицировать, сделать его учение до-

ступным для рядовых эллинов. Около 300-го года Эпикур и Зенон — достойные наследники Сократа — создают в Афинах две школы, в которых преподают разные варианты «западного буддизма». Происходит культурное объединение Ойкумены, Афины возвращают себе статус духовного центра Средиземноморья.

Александру Македонскому не до этого, так как от греков-колонистов из Северного Причерноморья он получил известия о существовании далеко на востоке, в другом конце Великой Степи, большой страны со своей особой цивилизацией, не похожей на эллинскую, персидскую или индийскую. Царь воспрянул духом — ему, сыну Зевса, нужно выполнить свою задачу до конца, объединить весь культурный мир. Но как же добраться до этой страны со странным названием Чжунго? Разумнее всего отправиться туда от Яксарта (Сырдарья) — из северо-восточного угла державы Александра Македонского. Правда, новый поход еще более опасен, чем персидский. Однако божественный долг необходимо выполнять, и царь вновь собирает войско.

В поход идут персы и греки-колонисты Востока, привычные к горам и пустыням; в качестве полководцев избираются Антигон, блестяще проявивший себя в горах Кавказа, и его достойный соперник, молодой сицилиец Агафокл. Весной 311 года до н. э. отборная армия Александра Македонского преодолела Тянь-Шань и узкую часть Гоби и встретила посольство из Чжунго. От него узнали, что население Чжунго гораздо многочисленнее, чем во всей Ойкумене, объединенной великим царем, что там имеется семь царей, ведущих между собой жестокие войны. Посольство, встреченное македонской армией, направлено шестью восточными царствами к племени исседанов, чтобы создать военный союз против седьмого, западного царства Цинь. Последнее стремится уничтожить всех своих соперников так же, как Македония при Филиппе поглотила всю Элладу. Сама Цинь представляет собой как бы двойник Македонии — крепкая варварская держава на горной окраине цивилизованного мира. Она в культурном отношении отстала, но развита в военном и стремится к господству над своей Ойкуменой. Это спасение, что Александр Македонский пришел в Чжунго сейчас, а

не через десять лет. В противном случае Цинь успела бы завоевать все восточные царства и объединить всю Чжунго, как Филипп — Элладу. Тогда храбрые воины Цинь численно подавили бы небольшую (по меркам Чжунго) македонскую армию, несмотря на ее лучшее вооружение и выучку.

Александр Македонский заключает сразу союз против Цинь с шестью восточными царствами. Когда летом 311 года вся армия Цинь спустилась на Китайскую равнину, чтобы разгромить войска своих соперников, то накануне решающего сражения она узнала о сожжении своей столицы неведомым врагом, вторгшимся с Запада. Эта весть парализовала боевой дух войск Цинь, и они были полностью разгромлены.

Союзники пришли к решению о полном уничтожении державы Цинь, поэтому ее территория была отдана Александру Македонскому для колонизации иранцами и греками. Царя-избавителя единодушно признали гегемоном конфедерации восточных царств Чжунго; она заключила вечный союз с западной державой Александра Македонского. «Так было организовано, — пишет в заключении своего сценария А. Тойнби, — дальнейшее сосуществование Запада и Востока: Александр мог считать себя властелином мира, а жители Чжунго при своей многочисленности и культурном единстве не бояться поддаться под реальное владычество западных пришельцев; при этом связи между Чжунго и Ойкуменой через бывшую Цинь крепки год от года» [187, 42]. Еще в Цинь Александр Македонский узнал, что океан омывает восточный край его владений. Поэтому, вернувшись в свое царство, он поручил финикийцам отыскать морской путь из Индии в Чжунго.

Так завершилась блестящая карьера великого сына Зевса — героическая эпоха завоеваний кончилась, царь стал быстро стареть и скончался в 287 году до н. э. в состоянии полного маразма. И многие тогда говорили, что лучше бы ему умереть в расцвете сил — тогда, в Вавилоне.

В противовес этому мнению А. Тойнби пишет следующее: «Нам — гражданам державы, основанной Александром Великим, — это мнение представляется нелепым. Ведь в таком случае не было бы нашего нынешнего прекрасного мира,

которым правит сейчас Александр XXXVI. Нет, нам очень повезло — и тогда, в Вавилоне в 323 году, и после, когда триумvirат министров Александра взял в свои руки всю фактическую работу по управлению империей» [187, 42].

После смерти Александра Великого в империи вспыхнули небольшие беспорядки: дикари-фракийцы разграбили оставленную без гарнизона столицу Македонии Пеллу, и Деметрий — сын и преемник Антигона — взбунтовался в бывшей Цинь. Деметрий убил Агафокла (тот сам хотел убить его, но не успел) и объявил себя царем Востока. Однако все сподвижники Деметрия — эллины, персы и жители Чжунго — понимают опасность истребительной войны между народами Востока и Запада и приканчивают самозванца-царя, выразив лояльность сыну Александра Великого.

Александр IV верно оценил опасность междоусобиц и пришел к выводу, что именно конфедерации городов являются самыми стабильными образованиями державы. Поэтому он всю свою жизнь посвятил задаче сплочения всех других ее составных частей в такие же конфедерации, поощряя при этом местную инициативу горожан. Александр IV заявил: «Монархия есть почетное рабство», — и успешно решил поставленную задачу.

Удачам сына Александра Великого способствовали его соратники, ибо триумвиры подготовили себе хорошую смену. Младший сын Птолемея основал университет в Александрии и стал его ректором. Своей деятельностью он стимулировал блестящий прогресс науки, в результате которого александрийский ученый Герон изобрел паровую машину, преобразовавшую производство. Немалую роль в этом сыграл и царь Александр XII, способствовавший внедрению изобретения Герона в хозяйство.

Во время царствования Александра IV появились и другие таланты, в том числе организаторские. Так, Ашока — внук Чандрагупты — ненавидел войну и благодаря своему глубокому уму и гуманности стал первым и непревзойденным министром здравоохранения державы.

Продолжали рождаться и люди, характером и способностями подобные Александру Великому, и они находили для себя достойное дело. К примеру, Гамилькар из бывшего Кар-

фагена, возглавил работу по освоению Тропической Африки, вовлекая ее в лоно цивилизации. Уроженец бывшей Цинь — Мэн Тянь — осуществил нечто подобное в джунглях Южной Азии. «Наконец, сын Гамилькара, Ганнибал, — завершает свой сценарий А. Тойнби, — более похожий на Александра Великого, чем любой другой смертный за истекшие 2300 лет, повторил подвиг Александра на море. Он построил корабль нового типа и отплыл на нем из Африки на Запад, заявив, что если Земля — шар, то он доберется до Шанхая. Это ему не удалось, зато он открыл Атлантиду, о которой писал еще Платон. Освоение этой удивительной страны сделало нашу цивилизацию истинно всемирной» [187, 42].

В реальной же истории со смертью Александра Македонского произошел быстрый распад его гигантской державы. Его соратники — Пердикка, Антипатр, Леоннат, Непарх, Кассандр и другие — вступили в кровавые распри. Его жена Роксана с маленьким сыном были тайно уничтожены.

Возникает вопрос: *отчего же так быстро развалилась мировая империя Александра Македонского, по существу так и не начавшая функционировать как единое целое?*

В научной литературе это обычно объясняют тем, что огромный и пестрый комплекс завоеванных стран скреплялся македонской армией, что единство и сила самой армии (следовательно, и эллинистической империи) обуславливались личностью выдающегося вождя, который вел ее от победы к победе малой кровью (за весь десятилетний поход Александр Великий потерял не более трети своей армии) и захватил немыслимые богатства. Но самое главное — несмотря на введение единообразной политико-административной системы на всей территории державы, отдельные области империи Александра Великого оставались разобщенными [42, 346].

Смерть великого царя, таким образом, отнюдь не является причиной гибели его державы, как казалось античным мыслителям и некоторым современным исследователям (В. Тарн и др.), а только эпизод в закономерном процессе исторического развития. Это дает основание советскому ученому Э. Берзиню следующим образом квалифицировать данный неосуществленный сценарий мировой цивилизации,

представляющий собой исследование «небывшего»: «Тойнби в своей разработке возможных вариантов прошлого подходит к истории слишком узко, разбирая лишь верхний слой событий. Для него — во всяком случае в этом эссе — историческая случайность сводится к особенностям расстановки личностей как шахматных фигур истории. С Александром остальные реальные лица, события и процессы играют в поддавки. И выходит, что благодаря неповторимой личности в IV в. до н. э. могла быть создана глобальная держава, так и не появившаяся за всю историю человечества» [84а, 38].

К мнению Э. Берзиня присоединяются историки С. Арутюнов и Е. Черных, отмечая, что у А. Тойнби в его сценарии отсутствует общая экономическая основа функционирования мировой империи. К тому же буддизм был неприемлем для Южной Европы и Ближнего Востока:

Им возражает историк В. Логинов: «Нам важно понять конструкцию схемы, предложенной Тойнби. Английский историк попытался представить себе, какими путями мир мог бы прийти к созданию идеального общечеловеческого общежития — без войн и взаимного истребления. ему кажется, что ликвидация противостояния Запада и Востока дает ключ к решению. На это направлена его гипотеза, здесь ее суть. Пути, которые он указывает, выписаны им, на мой взгляд, с достаточной долей юмора, и вряд ли стоит слишком уничижительно анализировать детали его конструкции» [84а, 39].

Думается, что правы те исследователи, которые усматривают вполне реальные основания для мысленного эксперимента А. Тойнби, проделанного с возможным вариантом судьбы империи Александра Великого.

Так, французский историк П. Левек в своей прекрасной книге «Эллинистический мир» подчеркивает, что македонский царь стремился не к уничтожению и подчинению завоеванных народов, а к слиянию их «с греками в единое гармоничное целое, в которое каждый внес бы свою лепту», что он проводил весьма гибкую политику [122, 9-10]. Александр Великий старался приспособить греческие учреждения, обычаи и верования к восточным культурам, культу-

вировал религиозную терпимость, признавал самоуправление покоренных народов и их равноправие.

Распад мировой империи Александра Великого связан с надломом эллинизма, связанного с экономическим и демографическим кризисами, приведшим к разложению греческого общества. Польский кибернетик культуры Й. Коссецкий пишет: «Уже в период господства Александра Великого... греческое население, хотя и весьма многочисленное для того времени, составляло меньшинство в населении всей империи. Если бы еще некоторое время среди греческого населения сохранялся соответствующий естественный прирост, тогда его доля во всем эллинистическом мире возрастала» [257, 31].

Однако этого не произошло, и поэтому мечта Александра Великого о мировой, универсальной империи не осуществилась. Но его труды не пропали даром — его походы «сыграли заметную роль в сближении европейской и восточной цивилизаций» [59, 345]. Именно он впервые в истории призвал к единению, согласию и общежитию на равных правах людей разной крови, разных рас, происхождения, языков и культур [269, 17]. *И значимость неосуществленного сценария развития в дальнейшем мировой империи Александра Великого состоит в том, что человечество на пороге XXI столетия движется к его осуществлению.*

Карфаген победил Рим

Одним из весьма популярных вопросов исторической фантастики является следующий: в войне Рима с Карфагеном победил не Рим, как это произошло в действительности, а Карфаген.

Какие изменения произошли бы тогда в мире?

По мнению Е. Черных, «принципиального поворота в истории не произошло бы. Карфаген взял бы на себя роль Рима» [84а, 39], ибо каждый из них являлся типичным развивающимся городом эллинистической эпохи, причем оба в равной степени могли претендовать на роль политического центра Средиземноморья. С ним солидаризируется Э. Берзин, согласно которому для большой истории несущественно, кто победил бы — Карфаген или Рим, ибо это не имеет значения: характер общественного развития Южной Европы и Северной Африки остался бы тем же самым. Историк Г. Федоров-Давыдов считает, что история человечества практически ничего не почувствовала бы, разве что ход этнического и языкового развития оказался бы иным — во Франции говорили бы на пуническом языке [84а, 39].

Попытаемся проделать мысленный эксперимент, исходя из победы Карфагена над Римом, и посмотрим на полученные гипотетические результаты. В связи с этим полезно будет заглянуть немного в историю самого Карфагена и выявить его особенности. Как правило, такой подход помогает проследить возможный вариант развития исторических событий в том или ином регионе мира.

С наступлением VIII столетия до н. э. Ближний Восток находится в полосе расцвета — благодаря финикийским пор-

там и греческим городам оживает море. Их корабли и моряки осваивают западную часть средиземноморского региона и закрепляют свое присутствие на этих землях. По завершении этой колонизационной акции исторически Средиземное море представляет собой нечто целое, от Леванта до Геркулесовых столпов.

Это движение в направлении к Западу, начиная с VIII в. до н. э., сравнивают с колонизацией американского континента, осуществляемой Европой после 1492 года, что позволяет пролить свет на ход событий [238, 66]. Ведь в обоих случаях речь идет о колонизации достаточно далеких мест, о встрече с новыми землями, отнюдь не безлюдными. «Доколумбова» Америка имеет своих автохтонов, а средиземноморский Далекий Запад — своих народов, ведущих оседлую жизнь земледельцев. Основывались новые города на побережьях обширных стран, чье население было настроено дружелюбно или враждебно, в зависимости от конкретного случая и эпохи. К тому же, если продолжать сравнение с освоением Америки, колонисты из Леванта обнаружили на дальних западных землях гораздо лучшие условия жизни, нежели в Греции или Финикии. Взять хотя бы гирлянду греческих городов на Сицилии: Карфаген («новый город») в период своего расцвета по численности населения в десять раз превышает Тир, свою метрополию.

Необходимо учитывать тот существенный момент, что Финикия охватывала цепь портов, расположенных у подножия гор на полуостровах и островах, как бы не желающих иметь ничего общего с континентом. В этом плане типичным является Тир, который существовал исключительно благодаря торговле и ремесленному производству [260, 17-19]. Финикийские купцы захватили в свои сети весь Левант, достигли Красного моря, стали продвигаться в направлении Индийского океана. После разведки Запада они достигли Гибралтара и вышли на просторы Атлантики. В Библии имеется указание на то, что снаряженный царем Соломоном корабль в составе финикийского флота достиг Тартеса в Испании и вернулся оттуда после трех лет. До сих пор неизвестно точно, когда и как финикийцы появились в западных водах, во всяком случае возникновение

Кадиса и колоний в Африке датируется 1100 г. до н. э., или вскоре после Троянской войны, а самая великая колония — Карфаген — была основана в 825 или 814 г. до н. э. [260, 58; 238, 224].

В морских коммуникациях между Тиром и Испанией Карфаген долгое время выполнял роль только промежуточного порта, ибо Финикия выступала метрополией. Однако сложившаяся обстановка, когда финикийские города-метрополии подвергались нападениям со стороны ассирийцев и вавилонян (Сидон был разрушен, а Тир дважды находился в опасности), что нарушало торговые контакты с другими районами Средиземноморья, способствовало процессу превращения Карфагена в самостоятельное образование. Центр жизни финикийцев окончательно переносится в этот город, лежащий на стыке восточной и западной частей средиземноморского бассейна. Карфаген, удобно расположенный на перекрестке торговых морских путей в центре Средиземного моря, стал уже в VI в. до н. э. богатой и могущественной метрополией, посылающей новых колонистов, чтобы закрепиться в Северной Африке, Южной Италии, Сицилии и Западном Средиземноморье. Здесь будет развиваться и дальше финикийская цивилизация, сохраняющая старые и одновременно приобретающая новые черты, подобно развитию европейской цивилизации на американском континенте.

Такой характер цивилизации обусловлен как удаленностью от Финикии, так и смешанным этническим составом населения Карфагена. Ведь этот «новый город», выросший в «американском темпе», является местом, особенно благоприятствующим смещению этнических групп. Он несет на себе налет «американизма» также и из-за своей «приземленной», «меркантильной» цивилизации, предпочитающей солидность утонченности. Динамизм развития Карфагена привлекает в него моряков, ремесленников и наемных воинов со всех сторон; поистине он становится космополитическим городом.

Несмотря на все это, он прочно придерживается финикийских традиций. Прежде всего Карфаген и далее продолжает оставаться тесно связанным с морем, продолжает

даже традиции морских открытий Тира. Предполагается, что около 600 г. до н. э. по повелению фараона Нехо II финикийцы из Тира, выйдя в Красное море, обогнули африканский континент. Карфагенские корабли под предводительством Гимилькона в поисках олова исследовали европейские побережья Атлантики аж до Британских островов. Через четверть века в погоне за золотом Ганно изучил атлантические побережья Африки вплоть до нынешних Габона и Камеруна.

Отличие состоит лишь в том, что Карфагену, в противоположность финикийским городам, не угрожали с тыла огромные империи. Основанные им на африканском побережье базы постепенно превратились в поселения или города, поддерживающие торговые отношения с ним. Существовал все более усиливающийся симбиоз между Карфагеном и другими приморскими городами центра Северной Африки. Последняя, едва вышла из каменной эпохи, быстро продвигалась в освоении природных богатств. Здесь произрастали плодовые деревья (оливы, виноград, инжир, миндаль, гранаты), развивались техника земледелия, производство вин и множество ремесел. Правы французские историки Ф. Бродель, Ф. Коарелли и М. Эймар, когда утверждают, что «Карфаген выполнял в отношении этого региона роль учителя и оставил на нем глубокое пятно» [238, 71].

В духовной жизни значительное место занимала религия, которая вначале ориентировалась на тирийский образец, где главенствовала троица семитских богов — главный бог Баал-Хаммон, богиня-мать Танит, сестра месопотамской Астарты, или Иштар, и бог солнца, или размножения, Мелькарт. Затем резко возросла значимость Танит, чей культ с V в. до н. э. отодвигает на задний план древнего бога Баала-Хаммона. С этого времени Карфаген живет «под знаком Танит»: археологи обнаружили сантуарий¹ в Саламбо, называемый тофет; в нем сохранились тысячи керамических сосудов с сожженными костями детей. Чтобы отвратить от себя опасность, Карфаген приносил в жертву богам, и прежде всего Танит,

¹ Сантуарий — хранилище костей умерших.

сынов наиболее именитых граждан. Перед нами удивительный феномен — тогда как экономическая жизнь Карфагена устремлена в будущее, религиозная жизнь связана с глубоким прошлым, с его кровавыми человеческими жертвоприношениями.

И тем не менее, духовная жизнь Карфагена не смогла избежать небывало заразных культурных влияний, которые эллинизировали весь средиземноморский регион. В жизнь карфагенян вторгалась греческая религия. Так, в договоре, заключенном Ганнибалом и Филиппом V, клятва со стороны Карфагена содержит греческие имена своих богов, как если бы пунийцы стремились показать близость обоих пантеонов. Неудивительно, что в Карфагене появилась эллинистическая эсхатология¹. У греков была позаимствована кремация, свидетельствующая о существовании веры в переселение душ, освобождаемых огнем. Понятно, что все эти заимствования не носили глубокого характера: «Главными богами оставались Баал-Хаммон и Танит, разве что ужасные ритуалы в тофетах смягчились в результате замены в ритуале жертвоприношений детей животными. Даже будучи широко открытыми в сторону Средиземноморья, т. е. греческого мира, Карфаген не изменил своему семитскому прошлому» [122, 184-185].

И все же греческое влияние постепенно распространялось по территории обширной империи, созданной Карфагеном.

Во второй половине V — середине III в. до н. э., как известно, Карфаген был самым могущественным государственным образованием в западной части Средиземноморья и одним из крупнейших во всем Средиземноморье. В основе его могущества лежали высокоразвитая экономика, динамизм социальной жизни и устойчивая политическая структура олигархии. Карфаген вел активную и успешную внешнюю политику, и к 60-м годам III в. до н. э. он встретился с новой силой, вышедшей на арену Западного Средиземноморья, —

¹ Эсхатология — религиозное учение о конечных судьбах мира и человечества, о конце света и страшном суде.

с рабовладельческим Римом. Между ними началась ожесточенная борьба за господство в этой части морского бассейна. И хотя карфагенская держава была гораздо богаче Римской республики, она потерпела поражение в Первой Пунической войне, продолжавшейся двадцать три года, с 264 по 241 год до н. э.

Через двадцать два года началась Вторая Пуническая война, и Карфаген послал знаменитого в истории полководца Ганнибала, который в течение пятнадцати лет не давал покоя Риму и сеял страх среди римлян. Однако несмотря на поражения и бедствия, римляне не сдавались и неистово сражались с ненавистным врагом. Наконец, в 216 г. до н. э. в битве при Каннах Ганнибал одержал блестящую победу, когда римская армия была полностью уничтожена. Крупнейший римский историограф Тит Ливий рассказывает, что пунические офицеры, поздравлявшие Ганнибала с победой, советовали ему дать отдых себе и усталым воинам [127, 51, 1-4]. Только начальник конницы Махарбал предлагал, не теряя ни минуты, двинуться на Рим [112, 140].

Чтобы не упустить открывшихся благоприятных возможностей, Ганнибал принял этот совет — ведь основная цель Карфагена состояла в ниспровержении и уничтожении Рима любыми средствами. Но план Махарбала с военной точки зрения оказался неудачным: нумидийская конница только опустошила окрестности Рима, а пехота подошла к городу слишком поздно — через две недели, и эффект внезапности был утрачен. Поэтому карфагенские войска начали осаду и через некоторое время овладели Римом. Могущественный соперник Карфагена был добит последним решительным ударом и на римском пепелище была закончена война.

После окончательного поражения и разрушения Рима Карфаген значительно усилил свое могущество. Ганнибал стал господином почти всей Италии и овладел Сицилией, что позволило ему поддерживать тесные связи с далеким Карфагеном. В довершение этого им был заключен союз с македонским царем Филиппом V. Победа Ганнибала дала возможность его брату Гасдрубалу, возглавлявшему кар-

фагенские войска в Испании, разгромить действующую там римскую армию, в итоге Пиринейский полуостров вошел в состав Карфагенской державы.

В Испании (Иберии) карфагеняне полностью сохранили старую племенную систему, причем в отличие от ливийцев иберы служили в карфагенской армии в качестве наемников, а не как набранные принудительно [Diod. XIII, 54, 1]. Как и ливофиникийцы, они имели право вступать в брак с карфагенянами. Нет ничего удивительного, что Гасдрубал и Ганнибал женились на дочерях испанских царьков; и хотя эти браки носили политический характер, они были заключены на основе существовавших правовых норм. Это свидетельствует о том, что карфагеняне осуществляли над иберами верховное господство типа протектората и не вмешивались без нужды в их внутренние дела. Главное состоит в том, что Карфаген получил возможность эксплуатировать рудные богатства Пиринейского полуострова. К тому же он стал базой для дальнейшей экспансии пунийцев на север Европы.

Победа в Ганнибаловой войне имела колоссальное международное значение. Став владыкой Западного Средиземноморья, Карфаген превратился в сильнейшее государство средиземноморского мира той эпохи.

Ганнибал устанавливает господство над Тропической Африкой, используя могущественное влияние Карфагена в ее континентальных частях. Карфагеняне стремились не разглашать данных о своих связях с внутренними частями африканского континента. Эти связи осуществлялись при посредничестве древних обитателей Феццана — гарамантов, которые располагали сведениями о самых удаленных областях. Они проникали на юг по расположенной в пустыне цепи оазисов; главные из них находились на полпути к озеру Чад. По этому пути, известному с древнейших времен, из пустыни вывозились драгоценные камни (карбункулы) и рабы. Часть из них продавались в Карфаген (в пунических могильниках найдены скелеты негроидов). Негры использовались также в качестве воинов и входили в состав армии Ганнибала, занявшей Италию во время Второй Пунической войны [163, 9]. Возможно, именно тогда

римляне познакомились с теми, кого позже стали называть «эфиопами».

На побережье Африки карфагеняне создали целую цепь новых городов, чтобы осуществлять морские связи со своей огромной державой и системой протекторатов, расположенных на черном континенте.

Затем карфагеняне обратили свои взгляды на Восток, где истоцали себя в непрерывных войнах эллинистические монархи, преемники Александра Великого. Искусно используя давние противоречия, Карфаген поддерживал политический разлад между эллинистическими государствами. Карфагенский совет (а Ганнибал провел в Карфагене демократические реформы) верно сориентировался в сложившейся ситуации и пришел к выводу, что союз эллинистических правителей мешает карфагенской экспансии на Восток, имевшей целью приобрести находившиеся там несметные богатства. Ослепленные взаимной ненавистью, преемники Александра Великого недооценивали силу нового государства и пытались использовать его в своих корыстных целях, приближая тем самым свою гибель.

В Греции длившаяся более двух лет Вторая Македонская война окончилась победой Карфагена. Республиканское устройство пунийцев, их гибкая политика, выражающаяся в предоставлении покоренным государствам самостоятельности в решении внутренних дел, т. е. политика протектората, привлекли на их сторону Этолийский и Ахейский союзы. Имущие слои граждан этих объединений видели в них силу, которая способна обеспечить их интересы без одиозной для демоса монархической формы правления. Македония лишилась всех своих владений в Греции, Эгейском море и Малой Азии. Карфаген, торжественно объявив на Истмийских играх (196 г. до н. э.) «свободу» греческих полисов под своей эгидой, тем самым сделала первый шаг в распространении пунийского господства в Восточном Средиземноморье, ставшем началом нового этапа в развитии эллинизированного мира.

Следующим весьма важным событием была так называемая Сирийская война Карфагена с Антиохом III. Последний упрочил границы царства Селевкидов Восточным

походом 212-204 г.г. до н. э. и победой над Египтом, что дало ему возможность расширить свои владения в Малой Азии и Фракии за счет полисов, освобожденных карфагенянами от власти Македонии. Это привело его к столкновению с Карфагеном и его греческими союзниками Пергамом и Родосом. В итоге война привела к разгрому войск Антиоха III и потерей Селевкидами малоазийских территорий.

Победа карфагенян и их союзников над крупнейшей эллинистической державой — царством Селевкидов — кардинально изменила политическую ситуацию: уже ни одно из эллинистических государств не могло претендовать на гегемонию в Восточном Средиземноморье. Последующая политическая история эллинистического мира — это история постепенного подчинения одной страны за другой карфагенскому господству. «Предпосылкой этого являются, с одной стороны, — говорится в монографии «Древние цивилизации», — тенденции экономического развития античного общества, требовавшие установления более тесных и устойчивых связей между Западным и Восточным Средиземноморьем, с другой — противоречия во внешнеполитических взаимоотношениях и внутренняя социально-политическая неустойчивость эллинистических государств» [59, 363].

Начался процесс активного проникновения карфагенян на Восток и приспособления восточных экономических центров к новым условиям существования. В результате экспансионистской гибкой политики Карфагена создается «мировая держава», простирающаяся от Пиренейского полуострова до Евфрата, от скифских степей Северного Причерноморья до стран Тропической Африки. Умные и дальновидные правители Карфагена различными способами проводят политику, направленную на единение громадной империи. Это единение достигается прежде всего экономическим обменом, торговлей. Карфагенские товары и изделия, произведенные искусными ремесленниками, драгоценные камни, золото, благовония и другие предметы роскоши проникают во все ее уголки. Наряду с торговлей карфагеняне внесли вклад в развитие горного дела и ме-

таллургии в различных частях своей державы. Они способствовали также распространению достижений финикийского народа в области техники, кораблестроения, архитектуры, а также в управлении среди других народов своей пестрой империи. Известный исследователь испанец Помпоний Мела подчеркивал: «**Финикияне были мудрым народом, который процветал и в войне, и в мире. Они преуспевали в письменности и литературе и в других искусствах, в морском деле, в военном деле и в управлении империей**» [48, 48]. Единению разнородных частей карфагенской империи способствовали также введение единой монеты — карфагенские монеты, чеканенные по единому весовому стандарту и заменившие в Азии более тяжелые дарики. Двигала же ими страсть к наживе, стремление получить как можно больше богатств, чем и объясняются их поистине «капиталистическая» предприимчивость и динамизм.

Не менее важным средством единения колоссальной и разнородной державы карфагенян явилось использование уже испытанной в Испании **формы управления** в виде протектората. Империя была разделена на ряд протекторатов, каждый из которых находился под контролем карфагенского наместника. Все же внутренние дела решаются представителями коренного населения. Карфагеняне переняли от метрополий Финикии способность осваивать и подражать всем стилям, всем техникам чужих народов и культур, что давало им возможность легко находить общий язык с самыми различными народами, находящимися под их владычеством.

Немалую роль играет в интеграции древней империи и культура, получившая значительный импульс в своем развитии. Большое значение имело распространение пунического языка как средства общения между метрополией и протекторатами. В Карфагене была развита историография, известен был также карфагенский философ Гасдрубал, возглавивший во II в. до н. э. в Афинах одну из философских школ. Процветала и грамматическая наука [84а, т. 2, 412]. После утверждения карфагенской державы в качестве мировой, подчинившей себе многие народы, эти

и другие отрасли знания, а также архитектура, искусство, литература и богословие стали развиваться бурными темпами, впитывая все ценное, что было накоплено и на Востоке, и в Греции.

Следует коснуться и места религии карфагенян в функционировании их империи. Ю.Б. Циркин в своей интересной книге «Финикийская культура в Испании» показывает на обширном материале, что финикийская религия оказала влияние на религиозные представления местного населения в силу их длительного сосуществования [213, гл. III]. Интересно и то, что тесные контакты карфагенян с народами Средиземноморья привели к отождествлению пунических богов с египетскими, греческими и римскими, не говоря уже о том, что исконная религия пунийцев является семитской и в принципе ничем не отличается от иудейской [84а, т. 2, 411, 238, 76]. Для единства карфагенской державы имели значение и религиозная терпимость, и родственность пунической религии ближневосточным религиям.

И здесь перед нами исключительно интересный момент, связанный с особенностями религии карфагенян, указанными выше: возникшее в середине I в. н. э. христианство (иерусалимская община) так и осталась одной из сект иудаизма. Ведь карфагеняне были проникнуты духом космополитизма, не навязывали своей религии другим народам, и поэтому не было причин для проповеди христианства среди неиудеев; следовательно, христианство не смогло стать мировой религией, подобно буддизму.

Карфагенской мировой империи пришлось в начале первых веков нашей эры столкнуться с великим переселением народов, вызванным движением большой коалиции племен во главе с гуннами из прикаспийских степей в западном направлении. Это великое переселение народов оказало громадное влияние на положение дел в Европе, во всем Средиземноморье, на судьбы рабовладельческого карфагенского общества, всего античного мира. Во всяком случае, свою роль сыграло то, что Карфагенская держава имела весьма отличное от классического полиса устройство. В ней было немало варварских элементов, что позволяло ей смягчить наступившие социальные потрясения и оказать влияние на возникшие

в Европе варварские королевства, чье развитие ничем не отличалось от циклической эволюции азиатских цивилизаций.

В действительности же Рим уничтожил Карфаген дотла и повлиял на ход истории Запада и всего человечества. «Если культура античной и средневековой Западной Европы была латинской, а не карфагенской, то произошло это прежде всего потому, что римляне смогли одолеть своего самого страшного противника, разгромить его и уничтожить» [112, 6]. Неосуществленный сценарий мировой цивилизации в виде карфагенской империи — это неудавшаяся экспансия Ближнего Востока, того мира, который потом стал и есть сейчас исламским [238, 77]. Только Рим имел достаточно сил, чтобы остановить в 146 г. до н. э. экспансию Ближнего Востока под мирской маской Карфагена и превратиться в победителя Ближнего Востока.

Антоний выиграл битву при Акциуме

Необычайный интерес представляет неосуществленный сценарий движения мировой цивилизации, связанный с решающим сражением между флотами Антония и Октавиана близ западного побережья Греции, у мыса Акциум, или Акций, которое произошло 2 сентября 31 г. до н. э.

По мнению О. Шпенглера, здесь должен был победить Антоний: «Решалась совсем не борьба между Римом и эллинизмом; эта борьба была доиграна при Каннах. При Акциуме нерожденная арабская культура стояла против дряхлой античной цивилизации» [167, 29].

Однако в реальности ситуация сложилась так, что флот Антония был разбит.

Клеопатра в разгар боя отплыла с доверенной ей частью флота в Египет, Антоний бросился за своей возлюбленной; сухопутная армия Антония сдалась без сражения. Летом 30 г. до н. э. Октавиан начал наступление на Египет и 1 августа торжественно вступил в Александрию. Антоний и Клеопатра покончили с собой. Египет был присоединен к римским владениям.

Теперь посмотрим, что привело к сражению при Акциуме, что за арабская культура, но выражению О. Шпенглера, могла родиться на свет и что собой представляла в этом случае последующая история.

Прежде всего выясним, какое содержание вкладывает в понятие «арабская», или магическая, культура автор концепции множественности культур, вроде бы «непроницаемых» друг для друга.

В 1-м томе своей книги «Закат Европы» он следующим образом проводит различие между аполлоновской, фаустовской и магической душой: «Я буду называть душу античной культуры, избравшую чувственно-наличное отдельное тело за идеальный тип протяженности, аполлоновской. Со времени Ницше это обозначение стало для всех понятным. Ей противопоставляю я фаустовскую душу, прасимволом которой является чистое беспредельное пространство, а «теплом» — западная культура, расцветшая на северных низменностях между Эльбой и Тахо одновременно с рождением романского стиля в X столетии. Аполлоновским является изваяние нагого человека; фаустовским — искусство фути. Аполлоновские — механическая статика, чувственные культы олимпийских богов, политически разделенные греческие города, рок Эдипа и символ фаллуса; фаустовские — динамика Галилея, католически-протестантская догматика, великие династии времени Барокко с их политикой кабинетов, судьба Лиры и идеал Мадонны, начиная с Беатриче Данте до заключительной сцены второй части Фауста. Аполлоновская — живопись, отграничивающая отдельные тела резкими линиями и контурами; фаустовская — та, которая при помощи света и тени творит пространства. Так отличаются друг от друга фреска Полигнота и масляная картина Рембрандта... Стереометрия и анализ, толпы рабов и динамомашинны, стоическая атараксия¹ и социальная воля к власти, гекзаметр и рифмованные стихи: таковы символы бытия двух в основе своей противоположных миров. И в стороне, хотя и служа посредником, заимствуя, перетолковывая, передавая по наследству формы, появляется магическая душа арабской культуры, пробудившаяся во времена Августа в странах между Евфратом и Нилом, со своей алгеброй и алхимией, мозаикой и арабесками, со своими калифатами и мечетями, со своими богослужебными ритуалами и «кисмет» [227, 187].

¹ Атараксия — невозмутимость, полное спокойствие души. к которому, по учению стоиков, должен стремиться мудрец.

И далее во втором томе «Заката Европы» О. Шпенглер в понятие «арабская» культура включает самый широкий круг явлений позднеантичной, византийской, иудейско-талмудической и других культур. При таком понимании «арабы» — это и грек Плотин, продолжающий линию платоновской мысли, и африканский латинянин Августин, тысячью нитями связанный с Цицероном и Вергилием, и творцы Талмуда, фиксировавшие специфическую устную традицию понимания Библии.

«Арабская» культура имеет свою предысторию, которая лежит в регионе древнейшей вавилонской цивилизации, служившем на протяжении двух тысячелетий добычей сменявшихся друг друга завоевателей. И вот после 300 г. до н. э. молодые народы этого региона, где от Синая и до Загра доминировала арамейская речь, рождается новое отношение человека к богу, совершенно новое ощущение мира пронизывает все сохранившиеся религии (зороастризм, иудаизм и др.) и в результате, как отмечает О. Шпенглер: «Дело шло об аполлоновском или магическом духе, о богах или едином боге, о принципе или халифате. Победа Антония освободила бы магическую душу; его поражение подчинило регион этой души окаменевающему цезаризму» [167, 29].

«Арабская» культура не могла развернуть свободно свои творческие силы в этот период, ибо она находилась под тяжестью греко-римской культуры, подкрепленной мощью Рима. И если в исходных регионах античной культуры — Греции и Италии, — а также в Африке, Испании и Галии происходит убыль населения, духовное опустошение, то в провинциях, относящихся к магическому миру, наблюдается расцвет и экономико-политических, и религиозно-метафизических возможностей сирийцев, парфян и других народов.

Запад начинает дряхлеть. Восток пробуждается и молодеет, что требует своего политического выражения. Восток в регионе Средиземноморья стремится эмансипироваться от идущего к своему концу Запада и развивать свои творческие потенции. Все это проявляется в революционных войнах между Марием и Суллой, Цезарем и Помпеем, Антонием и Октавианом.

Существенную роль в этом процессе сыграла и знаменитая Клеопатра VII, которую обычно знают по произведениям художественной литературы как сладострастную и притягательную женщину. В 51 г. до н. э. она заняла александрийский престол. Клеопатра была первым представителем династии Птолемеев, изучившим египетский язык (вообще же, она была полиглотом). Вот что пишет о ней в своих «Сравнительных жизнеописаниях» известный древнегреческий историк Плутарх: «Красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимой прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове и в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад — на любое наречие, так что лишь с немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще сама беседовала с чужеземцами — эфиопами, троглодитами (по-видимому, имеется в виду какое-то нубийское племя, жившее в пещерах на западном берегу Красного моря: — Авт.), евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами... Говорили, что она изучила и многие иные языки, тогда как цари, правившие до нее, не знали даже египетского, а некоторые забыли и македонский» [130, 43].

Очевидно, Клеопатра занималась самовоспитанием и самообразованием, так как годы ее становления приходятся на краткий период правления Береники, не имевшей времени заниматься сестрой. Любознательность подтолкнула Клеопатру изучить множество языков, чтобы черпать знания из книг и разговоров умных людей. Это способствовало постижению ею сильных и слабых сторон человеческой природы, безмерное же честолюбие «заставило использовать приобретенные знания для достижения намеченных целей» [130, 44]. Свое достоинство фараона Клеопатра действительно трактовала гораздо серьезнее, нежели ее предшественники, и всячески стремилась осуществить свои далеко идущие замыслы.

Для этого сложились вполне реальные предпосылки. Дело

в том, что в поздний период эллинизма почти через весь цивилизованный мир прошла волна социальных движений и потрясений. На Востоке еще перед приходом римлян они приобретали также окраску борьбы с чуждым, греческим господством. Такие же процессы были присущи и Египту, последней, еще, по крайней мере, формально независимой великой эллинистической монархии. Эту страну уже с конца III в. до н. э. постоянно сотрясали восстания, направленные против центральной власти в Александрии, против всех богатых и находившихся у власти греков. Древнее египетское пророчество, переведенное на греческий язык, вещало о приходе таинственного царя-Обновителя и гибели приморского «все пожирающего города, который станет местом для сушки рыбацких сетей» [269, 361]. Социальные и этнокультурные мотивы накладывались и взаимно проникали друг в друга. Картина жизни усложнялась происходящей борьбой внутри династии. В результате здесь не смогла возникнуть новая общая цивилизация, хотя именно господству Птолемеев над Нилом обязан своим появлением греко-египетский слой лиц, воспитанных в основном греческой культурой.

В такой-то ситуации и оказалась Клеопатра, стремящаяся осуществить замыслы, по масштабу равные целям Александра Великого.

Она умела мыслить и действовать, используя все доступные ей средства, а так как прежде всего была женщиной, то — также и оружие женщин. Например, когда возник раздор между нею и ее царственным супругом Птолемеем XIII, поддерживаемым умным и проницательным царедворцем-евнухом Потинном, то она переделалась простолюдинкой, залезла в мешок, который ее доверенный слуга Апполкодор доставил Цезарю. В беседе с ним Клеопатра, зная о его сладострастии, применила самое действенное свое оружие — любовное искусство, приобретенное ею в древних храмах. Цезарь не смог устоять перед зовом прекрасной царицы, покорился ее воле и провозгласил ее наряду с Птолемеем XIII правителем Египта, не превращая его в римскую провинцию [130, 46-47]. Цезарь настолько подпал под очарование Клеопатры, что даже хотел (по крайней мере, по слухам) перенести столицу из Рима в Александрию. Более того, ориентализм

его политики проявился даже в таком внешнем жесте, как реформа календаря на основе эллинистической египетской (александрийской) науки.

Однако Клеопатре не удалось осуществить свои планы, посредством Цезаря управлять Римом, а через него и миром, ибо Цезарь был убит заговорщиками. Это ее все же не остановило, ибо она мыслила масштабнее, «чем Митридат, стремилась осуществить мечту Александра о едином государстве, охватывающем всю Ойкумену от Геракловых Столбов до Инда» [269, 361]. Рим не опасался царя Митридата, но боялся Клеопатры. И для этого у него были реальные основания. Ведь она сумела подчинить своей воле Антония, одного из членов триумvirата, осуществлявшего власть после убийства Цезаря. В результате ожесточенной и кровавой борьбы к концу 36 г. до н. э. власть в Римской державе оказалась поделенной между двумя триумвирами — Октавианом, управляющим Западом, и Антонием, господствовавшим на Востоке. И если Октавиан оставался в Риме, то Антоний находился на Востоке. Он публично заявил о своем браке с Клеопатрой. В борьбе с Октавианом Антоний явственно выступал как деятель, ориентирующийся на Восток. Это выразилось и в его фактическом положении (рядом с Клеопатрой) монарха восточного стиля. Он начал дарить Клеопатре и своим детям от нее отдельные части восточных римских провинций, чеканил монеты с изображением себя и Клеопатры. Эти действия вызывали крайнее раздражение римлян, чем воспользовался Октавиан — римский сенат объявил Антония «врагом республики». Столкновение между ними было теперь неизбежным.

И оно произошло в морской битве 31 г. до н. э. у мыса Акциум, где благодаря действиям Антония и его полководцев войска Октавиана были разгромлены. Победитель взял Рим, расправился со всеми сторонниками Октавиана, казнил самого Октавиана и стал единым правителем огромной Римской державы. Ситуация в ней коренным образом меняется, ибо битву при Акциуме пропаганда изображает как победу Востока над Западом: «Чудища — боги идут и псоглавый Анупис с оружием против Нептуна на бой и Венеры против Минервы», — пишет о сражении при Акциуме Вергилий

в «Энеиде» [35, 280]. И все начинает меняться как в Римской державе — она превращается в империю восточного типа, — так и на эллинистическом Востоке.

Прежде всего Антоний переносит столицу из Рима в Александрию. Этот акт был грандиозным символом, ибо он произошел в решающее для становления ранней магической культуры время. Александрия, основанная македонским завоевателем на месте рыбацкой деревушки Ракотиды, воплощала все великолепие Востока. Путано, но правдиво о ней говорит в «Мимиамбах» Геронда, старая сводня: «Все, что может существовать или случиться на земле, есть в Египте: богатство, спорт, власть, голубое небо, слава, зрелища, философы; золото, прекрасные юноши, храмы богов адельфов, добрый царь, Мусей, вино, все хорошее, чего можно пожелать, и женщины, сколько женщин...» [122, 60]. Александрия представляла собою самый космополитический город на всем эллинистическом Востоке, где проживало, по свидетельству Страбона, более миллиона человек — греков, египтян, сирийцев, евреев и представителей других народностей.

Александрия находилась на перекрестке торговых путей между Востоком и Западом, Югом и Севером. Через нее транзитом снабжалось все Средиземноморье дарами Центральной Африки (слоновой костью, золотом, страусовыми перьями, черными рабами, дикими животными), арабских стран и Индии (пряностями, ароматическими веществами, благовониями, шелком). Александрия — это политический и экономический центр империи Антония и Клеопатры, использующий для управления громадный бюрократический аппарат, а также производящий различные товары, в том числе и предметы роскоши, известные во всем мире. И наконец, Александрия — один из наиболее оживленных культурных центров мира эллинизма. Блеском своей культуры она обязана знаменитым поэтам, ученым, философам, эрудитам, скульпторам, резчикам и другим представителям творческих профессий. Рим же, лишенный своего центрального положения, превращается в один из провинциальных городов громадной эллинистически-восточной монархии. Именно о такой монархии в свое время мечтали и Сулла, и Цезарь, заплатившие за это жизнью.

Клеопатра вместе с Антонием занялись укреплением своей империи, учитывая условия Востока и вместе с тем ориентализируя Рим и западную часть Средиземноморья. Держава была поделена на провинции, во главе которых стояли наместники, чья военная и гражданская компетенция напоминала положение стратегов, стоящих во главе номов (в Египте) или сатрапов (в государстве Селевкидов). Верховные правители использовали свою абсолютную власть весьма гибко, чтобы подчинить и удержать в руках те государства эллинистического Востока, в которых имелись специфические условия (например, в Пергаме, где цари во II в. до н. э. сумели совместить свою монархическую власть с внешне демократическими формами правления). На востоке новой империи сильны были не только традиции эллинизма, но и сохраняли влияние различные сакральные цивилизации — персидская, египетская, сирийская и другие. В восточных обществах этика публичной жизни не была так развита, как некогда в республиканском Риме. Эти общества были издавна приспособлены к деспотической форме правления, и поэтому система управления эллинизированной монархии, основанная Антонием и Клеопатрой, и соответствующая местным традициям и потребностям, дала хорошие результаты. Входящие в империю земли Востока сумели приумножить свой демографический потенциал и сохранить социальную организацию, гораздо более древнюю, чем римская в ее республиканских формах.

Теперь Клеопатра получила возможности осуществить на практике то, что не удалось Александру Великому — создать мощную и прочную мировую империю. Понятно, что это требует учета сложившейся социально-политической реальности, которая в Азии выглядит совершенно иначе, чем в районах Рейна и Дуная или Африки в верховьях Нила и Сахары.

За двадцать два года до битвы при Акциуме здесь произошло разделение сфер политических влияний, когда войска царя парфян, Орода II, нанесли под Каррами сокрушительное поражение римским легионам. Это сражение положило конец восточной экспансии Рима, который, несмотря на

многочисленные последующие попытки продвинуться дальше, вынужден будет удовлетвориться границей по Евфрату.

Плутарх рассказывает, как вместе с головой побежденного римского предводителя, Красса, Ороду доставили весть о победе. Парфянский царь, не первый из династии Аршакидов знающий в совершенстве греческий язык, в это время смотрел представление трагедии Еврипида «Вакханки». В конце пьесы царь Фив, Пенфей, попадает в руки взбешенных почитательниц Диониса, которые его разрывают на части из-за того, что он выступал против культа вина и веселья. Вакханками предводительствует его собственная мать, Агава, и она-то появляется на сцене с головой сына. Играющий эту роль трагический актер Ясон выступил перед Ородом с головой Красса [160, 231].

Это повествование имеет почти ценность символа — мир за Евфратом отличался от греко-римского. Он в определенной мере еще оставался варварским, но уже был пронизан греческой культурой. Не следует забывать, что по обе стороны этой реки жили эллины, в основном эллины по духу. «Греческий» Восток — это не только Александрия, Антиохия, крупные города Малой Азии и тонкий слой культурной элиты в Египте, Сирии или Анатолии. Более или менее истинных эллинов мы встречаем при дворе парфянских царей, которые сами называя себя «филэллинами» и даже сделали греческий язык государственным. Эти правители содействовали также возникновению нового искусства, основывающегося на персидских и весьма выразительно греческих образцах. Эллины встречаются также в городах, расположенных в глубине Парфии, в Селевкии — над Тигром или в Сузе и даже далеко за границами царства Аршакидов. Они живут также над Оксом или Индом. Этот эллинский Восток сыграл важную роль в истории культуры и цивилизаций.

После битвы при Каррах мир, по мнению греческих и латинских авторов, был разделен между Римом и Парфией. И если население крайних восточных владений Рима нередко видело в парфянах потенциальных освободителей от римского ига, то подданные Парфянской державы, жившие на ее западных границах, часто питали надежды на помощь Рима. Вот почему Рим пытался завоевать Парфию. Однако

парфянская война Марка Антония окончилась поражением. После смерти Антония (он умер в 26 г. до н. э., ибо обладание Клеопатрой длительное время не проходит даром) Клеопатра, сохранившая свое обаяние и красоту, завлекает в свои любовные сети парфянского царя Фраата IV. Используя все средства, находящиеся в ее распоряжении, она добивается того, что огромное парфянское царство переходит под ее владычество.

Утверждению ее власти способствовало то, что в Парфии сохранились города полисного типа, греческая культура, а также селевкидские апархии и гипархии, «видимо, сохранившиеся в ведении сатрапий» [201, 261]. Чтобы укрепить свои позиции, Клеопатра поощряла брачные союзы своих родственников и приближенных с парфянами и местной аристократией (иранцами). Преемники могущественной монархии получили от нее завоеванное при помощи регулярной парфянской армии государство Бактрия и столкнулись с китайской империей Хань в Восточном Туркестане. Однако это не привело к вооруженным конфликтам. Напротив, были установлены египетско-парфяно-китайские торговые связи. Открытие в I в. до н. э. муссонного течения способствовало облегчению торговли пряностями и предметами роскоши, которые шли в Александрию из Индии и стран Дальнего Востока.

В первые столетия нашей эры громадная держава, основанная Антонием и Клеопатрой, фактически превращается в ранний халифат. О нем О. Шпенглер пишет следующее: «Этого молодого мира первых столетий нашей эры наши специалисты по древней истории и по теологии просто не видят... в те же ранние века возникает... великолепная схоластика и мистика магического стиля, которые процветают в прославленных высших школах всего арамейского региона: в персидских школах Ктасифона, Решаина, Гунджишапура, в иудейских школах Суры, Нехардеи и Пумбадиты, в школах прочих «наций» в Эдессе, Нисибине, Киннесрине. Здесь расположены центры процветающей магической астрономии, философии, химии и медицины...» [167, 31, 32].

Магическая душа, скованная римскими путами, освобо-

дилась. И заложенное в пророческих религиях как предчувствие, проступавшее в метафизических контурах к эпохе Александра Великого, теперь осуществляется в цивилизации, пробудившей к жизни первобытное чувство страха и вытекающее отсюда мировосприятие «покорности», или «ислама». Эта цивилизация ассимилировала не только иудаизм и традиции Авраама, но также культуры, религии и обычаи всего региона Ближнего Востока.

Цивилизация «покорности» единому богу вобрала в себя и возникшее христианство с его общечеловеческими ценностями, что и придало новой религии статус мировой, вполне соответствовавший универсальной империи типа халифата. Эта религия является не просто ядром культуры, но и представляет собою образ жизни. Она способствовала духовному объединению народов громадной империи, о котором мечтал еще Александр Великий. К ней приобщился и слой многочисленной и зажиточной «буржуазии», извлекавшей доходы прежде всего из торговли, ремесла, а иногда и скупки земель. Материальный и интеллектуальный уровень последней был весьма высоким, что вызвало глубокие изменения в быту. Эта «буржуазия» любила не только радости жизни, вкусную пищу, куртизанок, удобные дома, но и более утонченные удовольствия, доставляемые поэзией, искусством, философией.

Именно этот слой «буржуазии» способствовал экономическому объединению империи, растянувшейся от Индии до Испании и Британии. Ремесленники и организаторы различного рода производств выезжали из Египта, Сирии, Малой Азии, Греции и в недавних варварских провинциях создавали предприятия, чьи товары распространялись не только по всей империи, но и за ее границами. Из варварских стран Севера Александрия ввозила меха, янтарь и другие ценные товары, поставляя взамен изделия из керамики, стекла и металла, вина и монеты. Из портов на Черном море расходились пути, по которым александрийские товары доходили до Урала. Караваны перевозили коренья, масла, бижутерию и другие предметы сбыта через пустыни Аравии и Месопотамии, а также морским путем в Индию. Флот, курсирующий между Египтом и Индией, снабжал александрийский рынок

не только индийскими, но и китайскими товарами (впрочем, последние доставлялись и через Туркестан). Прежде всего доставлялись такие товары, как слоновая кость, жемчуг, драгоценные камни, корни, шелк и наркотики. Индийский и китайский импорт оплачивался золотыми монетами, которые сегодня обнаруживают при археологических раскопках на территории от Индии до Китая.

В Европе из-за распространения цивилизации «покорности» мы не найдем ничего похожего на христианскую церковь. Здесь расцветает блестящая культура мусульманского типа. Возникают новые философские школы, такие же, как на Востоке, рождаются мистические системы, подобные суфизму. В Европе, как и во всем мире к западу от Китая, происходит интеллектуальный подъем. Принятие Европой «арабской» (магической) культуры привело к тому, что она ничем принципиально не отличалась от Азии с ее вечным подходом к миру. Пути ее развития стали такими же, что и классические траектории эволюции цивилизаций Востока.

В действительности же поражение Антония у мыса Ациум предопределило иной путь развития Запада и задержало на несколько веков рождение исламо-арабской цивилизации.

Часть третья. Восток

4. В. С. Поликарпов

Ашока мирным путем объединяет цивилизации

Весьма своеобразен неосуществленный сценарий мировой цивилизации, в основе которого лежат вполне реальные отношения между странами древнего мира — ненасильственные отношения, чьим горячим поборником был могущественный властитель из индийской династии Маурьев Ашока (273-236 гг. до н. э.). О нем в своей «Краткой истории человечества» Г. Уэллс пишет следующее: «Среди десятков тысяч имен монархов, заполняющих страницы истории, их величеств, их светостей, королевских высочеств и тому подобных имя Ашоки светит почти как одинокая звезда. Повсюду, от Волги до Японии, его имя окружено почетом. Китай, Тибет и даже Индия, хотя она и отошла от его учения, хранят предания о его величии. Людей, бережно хранящих память о нем, больше, чем таких, которые хотя бы понаслышке знают о Константине или Карле Великом» [144, т. I, 106]. Это высокая похвала, и она вполне заслуженная, ибо Ашока — действительно уникальная фигура среди монархов всего мира. Впрочем, его деятельность миротворца имеет свои реальные основания.

Царь Ашока, внук Чандрагупты Маурьи, начавшего объединение Индии, наиболее ярко выражает в своей деятельности особенности «осевой эпохи» (К. Ясперс), когда формировалась ось мировой истории. В своей другой книге «Краткая история мира» Г. Уэллс придает особое значение VI в. до н. э. в истории всего человечества: «ибо в то самое время, когда греческие философы стремились прийти к ясному представлению о мире и выяснению роли чело-

века в нем, когда Исаяя поднял пророческий дух еврейства до небывалой высоты, — в Индии... начал учить Гаутама Будда, а в Китае — Конфуций и Лао-цзы» [195, 96]. Это значит, что от Афин и до Тихого океана происходило пробуждение человеческого духа и разума, Индия же находилась посередине между крайними точками цивилизованного мира.

В середине I-го тысячелетия на Индийском субконтиненте насчитывалось около двух десятков крупных государств и целый ряд мелких княжеств. В конце VI в. до н. э. многочисленные племена и небольшие государства в бассейне Инда подчинились Дарию I и вошли в две новые сатрапии, названные Гандхара и Хинду. Таким образом, были установлены более тесные связи между цивилизацией Индии и культурами ближневосточного и греческого мира. Затем в конце IV в. до н. э. Ахеменидская держава была разгромлена Александром Великим и некоторые племена и государства Индии покорились греко-македонцам добровольно (например, Таксила) или были завоеваны силой оружия. Ко двору Александра Великого явился знатный индиец Сандрокотт и убеждал его продолжить поход на восток, чтобы свергнуть с престола царя из династии Нандов. Однако завоеватели встретили настолько сильное сопротивление, что им пришлось пуститься в обратный путь. Тогда тот же Сандрокотт возглавил антимакедонское движение и после изгнания оставленных Александром Великим гарнизонов, начал объединение Индии, основав династию Маурьев (317-180 гг. до н. э.). Сандракотт, упоминаемый греческими писателями, — это Чандрагупта, который подчинил своей власти Северную Индию от Пенджаба до Бенгалии. Его преемники распространили свою власть и на территорию Декана. Расцвета держава Маурьев достигла в середине III в. до н. э. при внуке Чандрагупты — Ашоке.

Отец его Биндусара правил 25 лет без потрясений. Он поддерживал контакты с греческим миром, при его дворе находились послы Птолемея из Египта и Антиоха Селевка из Западной Азии. При нем процветала торговля с внешним миром — египтяне красили свои ткани индийским индиго,

заворачивали свои мумии в индийский муслин, из Индии вывозились некоторые сорта стекла.

Ашока унаследовал от отца огромную империю, включавшую всю Северную и Центральную Индию и простиравшуюся от Афганистана до Майсора. «Старая мечта об объединении всей Индии под одной высшей властью воодушевила Ашоку, — пишет Дж. Неру, — и он не медля принял завоевание Калинги на восточном побережье, охватывающем примерно территорию современной Ориссы и часть Андхры. Его армии одержали победу, несмотря на мужественное и упорное сопротивление населения Калинги. Эта война сопровождалась жестокой резней, и, когда весть об этом дошла до Ашоки, его охватило раскаяние и он почувствовал отвращение к войне. Единственный из победоносных монархов и полководцев мира, он решил прекратить войну в самый разгар победы» [144, т. I, 203]. Вся Индия признала его власть, исключая южную часть; однако он не стал ее завоевывать и под влиянием учения Будды стал заниматься завоеваниями в области духа.

Почему произошла такая разительная перемена в поведении могущественного монарха?

Ученые дают разные ответы.

Так, советский востоковед Г.М. Бонгард-Левин считает, что при завоевании Калинги Ашока столкнулся с трудностями, которые заставили его изменить методы действий: «главное внимание в этот период обращается на идеополитические средства укрепления огромного государства» [17, 67]. Вот здесь-то и пригодился буддизм, и не случайно Ашока в своих знаменитых «эдиктах», высеченных на скалах по всей империи, обращает внимание на общие нормы поведения и выполнение «дхармы» (благой порядок, закон), предписывающей основные добродетели.

По мнению другого советского специалиста Г.Ф. Ильина, буддизм позволил в качестве идеологической основы решить главную задачу, стоявшую перед Ашокой: не дальнейшее расширение и без того огромной империи, а ее внутреннее укрепление, сплочение в единое целое значительного числа народов, различавшихся по языку, культуре и уровню социального и экономического развития [84а, т. 2, 466].

На другой позиции находится П. Левек, который пишет, что «Ашоку вдохновляли неземные идеалы. «Достичь неба — что может быть важнее!» — восклицал он. Однако временами его мучили угрызения совести, например после завоевания Калинги, за которым последовала резня. Это чувство трудно представить себе у властителей Средиземноморья той эпохи» [122, 208]. С ним солидаризируется известный английский индолог А. Бэшем, указывавший в своей книге «Чудо, которым была Индия» на нравственную и духовную трансформацию Ашоки, на человеколюбие во внутреннем управлении и отказ от агрессивных войн [28, 62-63].

Во всяком случае несомненно одно: монарх-миротворец понял, что духовная власть во много раз сильнее грубой, физической силы, что именно культурное влияние способно прочно цементировать различные народы и соединить в одно целое многие цивилизации той эпохи.

Ашока, любимец богов — дэванамприя, как именуется он в эдиктах, послал своих миссионеров и послов на Запад, в государства Азии, Европы, Африки, и на Восток, в страны Юго-Восточной Азии, Тибет и Китай. Они несли буддизм в качестве мощной идеологии и культурной силы. Известно, однако, что реальных политических результатов — морального главенства над всем цивилизованным миром Ашока не смог достигнуть.

В связи с этим представляет интерес мысленно промоделировать несостоявшийся вариант развития цивилизованного мира в случае успеха его новой политики, чьим основным орудием является этико-идеологическое воздействие на сознание людей.

Прежде всего будем исходить из того, что в индийском обществе доминировала стационарно-информационная система управления с преобладанием этико-идеологических мотиваций. Не следует забывать и то, что такого рода системы управления присущи древним цивилизациям сакрального характера, которые расположены в зоне, тянущейся от Индии через Персию и Месопотамию до северных районов Африки [256, 361]. Древнегреческая же цивилизация имела динамически-информационную систему управления с доми-

нированием познавательной мотивации. Иными словами, между различными цивилизациями древнего мира в описываемую эпоху существовали общие черты. Их-то и хотел использовать Ашока в своем стремлении ненасильственным путем объединить весь цивилизованный мир под своим верховенством.

Большое значение Ашока придавал успеху своей пропаганды в распространении буддизма и идеалов мира и спокойствия в эллинистических и греческих государствах. В его «эдиктах», или «Надписях», сформулирован идеал царской власти, весьма близкий идеалу эллинистического властителя. Очень похожи титулатуры, часто встречается выражение «друг богов, царь с дружеским лицом», которое близко формулам Птолемея и Селевкидов. Ашока объявляет о своей любви к людям — эллинистические монархи тоже провозглашают себя филантропами (друзьями человечества). В этом случае сущность «доброй власти» состоит в справедливости, т. е. одно и то же понимание присуще обоим мирам, теперь неразрывно связанным друг с другом. **«Оставалось главное различие, — пишет П. Левек, — греческий царь был ведом только разумом, Ашока — верой, которую он не переставал распространять, пропагандируя Закон»** [122, 208]. И хотя такого рода устремления были чужды эллинистическим властителям, Ашока сумел преодолеть и это препятствие путем модификации индийского буддизма в приемлемое для средиземноморских культур учение. В Александрии, Эдессе, Афинах и других центрах эллинистических государств были созданы философские школы, где излагался новый вариант буддизма, впитавший в себя местные идеи и верования (не следует забывать колоссальную гибкость буддизма, благодаря которой он способен адаптироваться к любым условиям).

Вот собственные слова Ашоки, приведенные им в «Большом наскальном указе (№ 13)»: **«Когда прошло восемь лет после помазания, царь Пиядаси Годный Богам, покорил Калингу. Сто пятьдесят тысяч человек было угнано оттуда, сто тысяч убито на месте и гораздо более того умерло. Вслед за этим, как только были покорены калингяне, у царя Угодного Богам появилась жгучая потребность в**

дхарме, страстное стремление к дхарме, желание на-
ставлять в дхарме... И сколько бы людей в то время,
когда были покорены капингяне, ни было убито, или умер-
ло, или уведено оттуда, — даже сотая часть этого числа,
даже тысячная часть тяготит теперь мысль Угодного Бо-
гам. И если кто причинит вред, Угодный Богам считает,
что надо прощать, насколько простить можно. Даже пес-
ных жителей, какие живут на земле, покоренной Угод-
ным Богом, даже их он хочет умиротворить и снискать
их расположение. Ведь о своем раскаянии и о причине
его Угодный Богам рассказывает им для того, чтобы они
устыдились и никого не убивали. Ибо Угодный Богам
желает всем живым существам безопасности, самооб-
падания, душевного спокойствия и мягкости. И ту победу
Угодный Богам считает главной, которая одержана с по-
мощью дхармы. И эта победа одержана им здесь и на
всех границах, даже отстоящих отсюда на шестьсот йод-
жан, там, где царь йонов Антийока, а за этим царем
Антийокой еще четыре царя: Турамая, Антикини, Мака и
Аликсудара, и к югу, там, где чолы и пандьи и еще юж-
нее до Тамбапани (о. Шри-Ланка — В.П.)» [210, 114-115].

Новое в политике Ашоки состоит в том, что он традици-
онную стратегию территориальных захватов пытался заме-
нить победой дхармы. Именно таким образом он одержал
много побед, даже над пятью эллиническими царями, чьи име-
на, слегка видоизмененные индийским произношением, в
данном отрывке следует читать: Антиох II Теос — прави-
тель Сирии, Птолемей II Филадельф — правитель Египта,
Антигон Гонат — царь Македонии, Маг — царь Кирены и
Александр — царь Эпира. Подавая пример праведного прав-
ления, используя своих миссионеров и послов, Ашока хотел
убедить правителей эллинистического Востока и Средизем-
номорья в достоинствах своей новой политики и этим завое-
вал колоссальный нравственный авторитет.

Не забыл Ашока и Китай, Корею, Японию, куда проник
буддизм. Его взгляды нашли точки соприкосновения с ки-
тайскими воззрениями той поры, согласно которым можно
создать идеальное общество, где нет ни насилия, ни войн,
где все люди в равной степени пользуются земными блага-

ми, где никто не обижает друг друга. Уже в древнюю эпоху китайской истории были выработаны понятия «Датун» («Великое единение», или «Великая гармония») и «Тайпин» («Великое равновесие», или «Великое спокойствие»). С ними неразрывно связана вся история общественно-политической мысли Китая, в том числе и все философские учения — конфуцианство, даосизм, моизм [99, 3-4]. Поэтому идеи Ашоки, пропагандируемые его миссионерами, монахами возникших подобно грибам буддийских монастырей и послами, упали на благодатную почву, овладели сознанием правителей китайских царств и способствовали их единению в мощную централизованную империю, где основными ценностями считаются гуманность, верность, уважение к старшим, соблюдение норм взаимоотношения между людьми.

Через Китай буддизм проник в Корею и Японию, вызвав огромное уважение к личности Ашоки. Иными словами, и здесь его моральный авторитет стал непререкаемым. Таким образом, общиндийский правитель настойчиво провозглашал свое стремление к «завоеванию праведностью» всего цивилизованного мира и добился этого и на Западе, и на Востоке.

Впервые в истории человечества в цивилизованном мире стали господствовать не грубая сила и вооруженное насилие, а культура и нравственный авторитет, основанные на общечеловеческих ценностях. Все споры и противоречия, возникающие между различными государствами, стали разрешать ненасильственными способами, путем поиска консенсуса на основе высоких законов нравственности. Благодаря этому наметилось сближение восточных и западных цивилизаций. Их стабильность способствовала невиданному развитию философии, искусства, науки, нравственности. Более того, единый цивилизованный мир той эпохи начал оказывать благотворное влияние на варварский мир, передавая ему в ходе культурных контактов свои достижения. Орбита цивилизации древнего мира стала постепенно расширяться, что привело к уменьшению социальной напряженности в обществах Средиземноморья, эллинского Востока, Южной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. С этой эпохи в развитии цивилизаций доминирующую роль стали играть этические

кие идеалы и нормы, исходящие из прекрасного знания человеческой природы. Понятно, что определенную и важную роль в этом играли также собственность и власть. Но в триаде «собственность — власть — нравственность» приоритет отдавался нравственности — без духовности все остальное оказывается мертвым и непрочным.

В реальности же Ашоке так и не удалось стать «моральным правителем» всего цивилизованного мира.

Сам он в конце своей жизни стал буддийским монахом. Но память о нем до сих пор живет на всем Азиатском континенте, его наставления все еще многому могут научить нас. Благодаря покровительству Ашоки буддизм быстро распространился в Индии, Шри Ланке, Бирме, Таиланде, Вьетнаме, Суматре, Яве, Китае, Корее и Японии. Он оказал облагораживающее влияние на «дикие» племена, населявшие в то время Центральную Азию, Афганистан и Монголию. Буддизм стал мировой религией, он сыграл важную цивилизующую роль во многих странах Азии, придя на смену примитивным общинным культам.

Буддизм наложил печать на искусство и архитектуру восточных цивилизаций, способствовал росту вегетарианства и воздержанию от употребления алкогольных напитков. Буддизм проповедовал высокие нравственные идеалы, мир и спокойствие в жизни.

Идея ненасилия, проникшая в сердце Ашоки и руководившая его помыслами и деяниями, сыграла значительную роль в освобождении Индии от британского владычества и получила популярность в наши дни.

В Азии возникает «Пакс Синика»

представляет интерес и неосуществленный сценарий мировой цивилизации, связанный с возникновением «Пакс Синика», подобной «Пакс Романа».

И действительно, империя Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.) чуть было не превратилась в «Пакс Синика» в Восточной Азии.

В эту эпоху в мире господствовали две мощных империи — Рим и Хань, обладающие колоссальными демографическими потенциалами. Население Римской империи в начале нашей эры насчитывало 55 млн жителей, а во втором веке около 80 млн человек, тогда как в Китае в начале тысячелетия проживало около 60 млн жителей. Исходя из того, что все человечество в те времена составляло 200-250 млн человек, можно утверждать, что эти две великие агломерации охватывали свыше половины населения мира. И если принять во внимание, что в Индии проживало несколько десятков миллионов человек (некоторые подсчеты говорят даже о почти 100 млн), причем Индия свою активность проявляла на субконтиненте, и что остальное население было распылено в Африке, Америке, Австралии, Океании, Северной Азии и Северной Европе, то понятны мощь и Рима, и Китая.

Принципиальную роль в организации общества как Рима, так и Китая играли системы этических норм, которые органически выросли из традиций и обычаев народа. Почти одновременно Рим и Хань переживали свой расцвет и упадок, разве что находились на противоположных концах евразийского континента.

Так как история императорского Рима нам известна, то посмотрим на развитие империи Хань.

В эпоху Хань официальной идеологией стало конфуцианство, в котором этическое начало значительно превосходило религиозное — этическим нормам подчинена была вся общественная жизнь. В самой религии китайцы видели не столько мистику, метафизику или теологию, сколько прагматическую и рациональную нравственность, тесно связанную с повседневной жизнью людей — ведь конфуцианство признавало примат разума над чувствами.

В то же время в империи Хань конфуцианская идеология обеспечивала стабильность государства и слаженное функционирование административно-бюрократического аппарата. Именно элита ученых-конфуцианцев, куда доступ открывала сложная система конкурсных экзаменов на знание трудов Конфуция, правила Поднебесной. Благодаря этой элите империя Хань стала одной из сильнейших держав древнего мира, причем ко времени правления императора Уди (140-87 гг. до н. э.) она превратилась в сильное централизованное государство. «Развернувшаяся при этом императоре экспансия, — подчеркивается в книге «Древние цивилизации», — была направлена на захват чужеземных территорий, покорение соседних народов, господство на международных торговых путях и расширение внешних рынков» [59, 268].

Император Уди начал захватнические войны против вьетских государств на юге и в III году до н. э. заставил их покориться, присоединив к империи земли Гуандуна и север Вьетнама. Затем морские и сухопутные войска Хань напали на древнекорейское государство Чосонь и превратили его в своего вассала. Наряду с этим Уди повел решительную борьбу с кочевниками сюнну, которые угоняли тысячи пленных и достигали даже столицы, несмотря на Великую китайскую стену. Ханьские армии оттеснили их от Великой стены, а потом расширили территорию империи на северо-западе и утвердили влияние империи Хань в Западном крае (китайское название бассейна реки Тарим), через который проходил Великий шелковый путь.

На протяжении четырех веков империя Хань стреми-

лась доставить Китаю господство над Азией, создать «Пакс Синика». И только хунны, против которых были двинуты не только армии (на одного хунна приходилось двадцать китайцев), но и дипломатия, и экономика, и обольщения культуры, сумели отстоять свободу народов Великой степи [51, 5]. И хотя держава хуннов в силу внутренних процессов в I в. н. э. оказалась расколотой: часть из них подчинилась Китаю, а другая часть отступила с боями на запад, где в результате смешения с уграми превратилась в гуннов, сяньбийцы во второй половине II в. остановили китайскую агрессию и оттеснили китайцев за линию Великой стены. С этого времени и начался упадок Древнего Китая.

Теперь же проведем мысленный эксперимент и представим себе, что Китай устанавливает свое господство в Азии не путем агрессивных действий, а распространением своей цивилизации и заключения договоров с китаизированными странами, что обеспечивает ему еще более эффективное владычество.

Именно таким образом и возникает «Пакс Синика», мир под властью Китая в Восточной и Центральной Азии.

Какими могли быть составляющие этого процесса?

Выше уже упоминалось о том, что система конкурсных экзаменов стала в руках конфуцианцев орудием поддержания их господства, причем она гарантировала в рамках бюрократической структуры управления китайской империи невозможность замены конфуцианства иной идеологией. Й. Коссецкий в своей книге «Игра сил и интересов в истории» пишет: «Такого рода система управления обществом ограничивала общественное развитие. Не мог Китай также осуществлять большую экспансию за своими границами. Но одновременно именно эта система обеспечила Китаю значительную стабильность» [257, 44]. Действительно, примерно в то же время, когда наступили закат и гибель Рима, а династия Хань столкнулась с аналогичными для Римской империи трудностями, китайское государство не распалось, подобно Риму. Оно сохранилось, хотя не раз сменялись в нем правящие династии. На протяжении многих веков сохранились и бюрократическая китайская

система, и иерархия, основанная на получаемых в ходе очередных экзаменов степенях.

К аналогичному выводу приходит и отечественный востоковед В.В. Малявин, который в своей монографии «Гибель древней империи» пишет, что экспансия китайской империи ограничена довольно жесткими границами, обусловленными так называемой фазой технологии (здесь технология понимается в широком смысле — как всякое мастерство и навык): «Можно дать краткое, но полное определение производственного базиса этой фазы: **интенсивное земледелие при ручном труде. Отсюда проистекает и необычайная устойчивость китайской империи, и ее историческая ограниченность**» [133, 10]. Это значит, что китайская империя прежде всего является фактом хозяйственной экологии, когда высокая интенсивность земледелия и господство ручного труда вызваны ограниченностью ресурсов и демографическим давлением.

В общем можно сказать, что императорский Китай и его цивилизация характеризуются двойственностью, взаимодействием альтернативных путей их эволюции. Здесь переплетаются прогрессивные тенденции — уникальный для доиндустриальной эпохи рационализм государственного устройства, весьма высокий уровень научной и технической мысли, вытеснение мифологического сознания квази-историческим, мотивы индивидуализма в культуре и архаические элементы сознания. В итоге произошел синтез архаического, магико-религиозного и весьма рационального (здесь необходимо учитывать наличие аналогической, корреляционной логики, модель мира типа «Инь — Ян») типов мышления. Эти особенности китайской цивилизации и следует учитывать при рассмотрении ее экспансии, эффективности воздействия на другие страны и народы в ходе возникновения «Пакс Синика».

Итак, начало миру под властью Китая положили действия императора Уди, который в 110 г. до н. э. после установления господства над государствами Елан и Цинь на юго-западе, недалеко от Вьетнама, решил подчинить своей власти территории, протянувшиеся до Бактрии. Чтобы осуществить этот великий проект окружения Центральной Азии с

юга, пришлось заключить договор с горцами в регионе Талифа. Вполне понятно, что пришлось предпринять меры и в отношении Туркестана — он был поставлен в зависимость от Хань. Правители Ферганы и Заревшана послали заложников в китайскую столицу. С этого времени Туркестан попал в сферу влияния китайской цивилизации, что позволило установить контроль над Алтаем.

Характеризуя особенность внешней политики Китая, известный французский синолог М. Гране писал в своем труде «Китайская цивилизация»: «Вполне очевидно, что забота о создании государства была менее сильна, чем стремление к распространению китайской цивилизации» [248, 124]. Не случайно император Уди немало сил положил на пропаганду китайской системы духовных ценностей и образа жизни и колонизацию территорий, расположенных к северу от империи, в том числе Маньчжурию и Южную Сибирь. Правители Хань на эти цели не поскупились — были затрачены миллиарды монет. К тому же, благодаря гибкой политике внутри и вне империи, удалось заключить союзы с воинственными кочевниками.

Для финансирования распространения китайской цивилизации пришлось провести реформы, способствовавшие одновременно и снятию накопившейся социальной напряженности. Крупный ученый-конфуцианец Дун Чжун-шу в связи с этим предложил следующие рекомендации: «Ограничить частное владение землей, чтобы уравнивать с тем, у кого земли недостаточно. Прекратить захват земли. Отдать народу соль и железо. Отменить рабство. Отменить право на убийство рабов. Уменьшить налоги, сократить повинности, чтобы облегчить положение народа. Только тогда можно будет хорошо управлять народом...» [211, 320]. Уди согласился с ученым-конфуцианцем, что позволило предотвратить начинающееся разложение экономических и социальных отношений. Были уменьшены цены на соль и железо, производителю разрешили повышать цены на продукты земледелия; таким образом крестьяне получили свою долю государственных прибылей. Компенсацию потерь казны вследствие проведенных мер стали получать за счет внешней торговли, принося-

щей огромные прибыли и процветающей благодаря союзу с хуннами.

Преемники Уди в осуществлении внешней политики, направленной на дальнейшее распространение китайской цивилизации, руководствовались советами ученых-конфуцианцев строить отношения с хуннами и сюнну на основе мирных, союзных начал. Это принесло богатые плоды. Например, держава хуннов добровольно приняла протекторат Китая. Ее правители посылали своих старших сыновей на придворную службу к китайским императорам, где те жили на положении почетных заложников. Хуннское общество постоянно усваивало казавшиеся вначале чуждыми достижения цивилизации Китая и его культуру, что привело к переработке и обновлению степных традиций.

Возникла оригинальная культура хуннов: появились поэмы — патетические Илиады, мифы — фантастические Эдды, рассказы — не хуже «Тысячи и одной ночи». Широко распространяется грамотность, развиваются ювелирное искусство и аппликация. Рождаются философия, история и естествознание. Китайские эмигранты-колонисты научили хуннов земледелию, согдийцы — художествам и ремеслам, турфанцы — торговле. Перед нами хуннская цивилизация, представляющая собой синтез китайской и степной культур.

В Эрмитаже хранится коллекция вещей, которыми пользовались хунны: здесь и китайские, бактрийские и местные ткани, и произведения искусства, выполненные под обаянием скифского «звериного» стиля, и модная хуннская прическа, когда волосы расчесаны на прямой пробор и привязана к темени коса [50, 191-192]. Благодаря высокому мастерству и хорошему вкусу хуннских мастеров, знающих китайское искусство и иногда подражающих ему, раскрываются богатые возможности собственного самобытного искусства и культуры. В этом процессе сыграло свою роль и создание на базе китайской иероглифической письменности языковой графики. В хуннской культуре I в. до н. э. доминировал дальневосточный идеал красоты над западными элементами, еще сохранившимися в изобразительном искусстве в силу скифской традиции.

Но самое существенное состояло в том, что хунны пере-

ходят к оседлому образу жизни, ибо они уже занимаются земледелием. Некоторая часть из них занимается скотоводством. Их примеру следуют сяньбийцы (древние монголы), цяны (кочевые тибетцы), учуни, китчаки и другие племена. Разумеется, они занимаются земледелием там, где это позволяют климатические условия. Земледельческий Китай оказал значительное цивилизующее влияние на кочевую Центральную Азию с Тибетским нагорьем. Подобно северным китайцам, центрально-азиатские племена и народы создали орошаемые пашни и поддерживали в порядке оросительные системы в цепи оазисов.

Само собой разумеется, что империя Хань в своем развитии подчиняется закону неизбежных внутренних ритмов — она должна развиваться. В конце I в. до н. э. империя Хань достигла тех границ, какие почти две тысячи лет спустя имела Маньчжурская империя. Историк Бань Гу нарисовал великолепную картину величия и упадка империи Хань, высветив их причины: «От государя Вьнь-ди (179–157 гг. до н. э.) сряду при пяти коленах царствовала тишина в народе; империя процветала богатствами, войска сделались многочисленны и сильны: почему, увидя носорога и черепаху, открыли Чжу-й и пр., всего семь областей; польстившись на апельсиновый экстракт и бамбуковые посохи, открыли Цзан-гэ и Юе-суй; услышав о винограде и пошадях небесной породы, проникли в Давань и Аньси. После сего палаты цариц наполнились блестящим жемчугом, узорчатыми черепашинами, прозрачными изделиями из рогов носорога, перьями южных синеворонок... Иностранные редкости со всех сторон стекались... Сын Неба под великолепным щитом, в пышном одеянии, облокотясь на нефритовый столик, открывал винные водремы и мясные леса (залы с искусственными деревьями, на которых развешивалось жареное мясо — В.П.) для угощения иностранных гостей. Музыка, различные фокус-покусы и пляски зверей увеселяли зрение. На подарки и препровождение иностранных гостей, на издержки далеких путешествий... на содержание войск в походах требовались несметные суммы. Когда же не стало денег, то наложили оброк на продажу вина, взяли

в казну продажу соли и железа, отпили серебряную монету, взяли в употребление кожаные кредитные билеты; даже наложили пошлину на телеги, водоходные суда и весь домашний скот. Сипы народа истощились, и государственные доходы оскудели. К сему присоединились неурожайные годы, и повсюду возникли разбои; дороги сделались непроходимыми...» [13, 213-214].

И тем не менее этот упадок китайской цивилизации, а точнее ханьской империи, не закончился гибелью страны, как это случилось с Римом. Свои плоды принесла цивилизующая роль Китая в Центральной Азии — цивилизации хуннов, усуней и других народов влили свежие силы в Китай. После упадка, продолжавшегося два с половиною века, начался новый подъем китайской цивилизации и возрождение империи. Именно «Пакс Синика» способствовала развитию самобытных цивилизаций Восточной Азии, взявших многое от китайской цивилизации и давших в то же время немало и ей и оказавших сильное влияние на мировую историю (например, империя Чингисхана так и не родилась, не говоря уже о том, что гунны не вторглись в Европу).

Однако этот вариант мировой цивилизации не осуществился, история пошла известным нам путем со всеми его перипетиями.

Чингисхан погибает в детстве

Заманчиво промоделировать несостоявшуюся ситуацию в случае гибели Чингисхана в детском возрасте — тогда монголам не удалось бы создать свою мировую империю и оказать колоссальное влияние на развитие человечества.

О влиянии монгольских завоеваний и личности их жестокого и гениального предводителя на мировую историю Г. Уэллс пишет следующее: «Они чрезвычайно расширили географический кругозор европейцев и дали новые импульсы их воображению. Во время владычества великого хана между всей Азией и Западной Европой существовали свободные сношения; все пути были временно открыты для всех, и при дворе в Каракоруме появились представители всех наций. Установленные религиозной распрей христианства с исламом преграды между Европой и Азией были временно сняты. Папство возлагало большие надежды на обращение монголов в христианство. До того времени их религией было шаманство, примитивная форма язычества. При монгольском дворе папские нунции, буддийские священники из Индии, парижские, итальянские и китайские мастера, византийские и армянские купцы ставились в общение с арабскими чиновниками, персидскими и индийскими астрономами и математиками. В истории слишком много говорится о походах монголов и о произведенных ими кровопролитиях и слишком мало — об их любознательности и жажде учиться. Если не в качестве творческого народа, то в качестве проводников знания и научных методов монголы оказали огромное влияние на

мировую историю. Все, что можно узнать о таинственной романтической личности Чингисхана или Хубилая, подтверждает то предположение, что они были не менее просвещенными и творческими монархами, чем блестящий, но эгоистичный Александр Македонский, или энергичный, но невежественный богослов Карл Великий, потрещивший великие тени прошлого» [195, 222-223].

В отличие от большинства великих завоевателей, начавших свою карьеру в молодости, Чингисхан только в 51 год стал Великим ханом. И если у Александра Великого учителем был гениальный философ Аристотель, давший ему широкий кругозор и воспитавший способность мыслить аналитически, то у Чингисхана природный ум соединился с большим опытом жизни. Он обладал военным и организаторским гением, его избрали Великим ханом за безжалостность, жестокость и непобедимость [1; 120]. Огромные размеры монгольской империи, состояние постоянной войны, абсолютизм власти Чингисхана — все дает основание сравнивать ее с империей Хунну времен шаньюя Модэ, империей Аттилы, Тюркской империей VI в.

Согласно историческим закономерностям развития кочевнических культур, должно было возникнуть степное государство монголов. Но Чингисхан сумел сплавить воедино грызущиеся между собой кочевые племена, придать им полностью милитаризованную организацию, нацеленную на завоевание соседних государств и народов [159, 115-117]. Административные деления совпадали с воинскими подразделениями, а каждый уровень управления феодальной организации общества занимали военные командиры. Так, предводитель тумена (корпуса, насчитывающего 10 тысяч человек) осуществлял власть над занимаемой им территорией; сам тумен делился на полки по тысяче человек в каждом, полк — на десять сотен, а сотня — на десять десятков. Предводители полков одновременно выступали в роли гражданских администраторов всех родов и племен, входящих в его подразделение. Они имели над ними неограниченную власть, но сами должны были быть покорными Великому хану, за малейшее неповиновение их казнили.

Армия Чингисхана была первой регулярной армией, име-

ла систему подготовки офицерских кадров, прекрасно функционирующий генеральный штаб, великолепно организованные квартирмейстерскую, разведывательную службу и службу связи. Личная гвардия Чингисхана насчитывала 10 тысяч человек, выполняла вместе с тем роль офицерской школы; в нее осуществлялся специальный отбор, а рядовой гвардеец стоял в воинской иерархии выше офицера обычного подразделения. Именно из гвардии рекрутировались выдающиеся монгольские полководцы, прославившиеся своими военными операциями.

Поток информации в монгольской империи обслуживал прежде всего военные потребности, и поэтому важнейшая информация концентрировалась в руках властителя и в определенной степени его сподвижников. Великий хан получал информацию благодаря прекрасно налаженной системе путей и почтово-курьерских станций, расположенных по всей империи от Кореи и Маньчжурии до Черного моря. Эти пути служили не только для передачи информации и приказов (с необычной для тех времен скоростью), но также и для сбора податей и даней из различных регионов империи [257, 68]. Ими пользовались в то же время чиновники, путешественники, послы и другие лица. Безопасность, кормление и транспорт путешествующим, находящимся под опекой государства, обеспечивало наличие у них так называемой пайцзы — золотые, серебряные и медные пластинки с выгравированными на них надписями.

Основной целью военных походов монголов являлись завоевание новых стран и захват добычи; в связи с этим они организовали широко разветвленную систему разведки и использовали методы психологической войны. Вассальные властелины обязаны были платить хану подати и поставлять ему соответствующие воинские контингенты. Они зависели от него во внешних делах, однако обладали почти полной автономией во внутренних.

Монгольская империя не имела государственной идеологии, в ней господствовала религиозная терпимость. В громадном монгольском государстве сосуществовали рядом в атмосфере полной толерантности буддизм, ислам и несторианство. Сами же монголы, властители империи, отличались

идеологическим индифферентизмом и не навязывали народам какой-либо идеологии.

Монголы во времена Чингисхана и его наследников стали самой могущественной военной и политической силой в тогдашнем мире. Под их владычеством в XIII столетии находились районы Монголии, Маньчжурии, Кореи, Китая, Тибета, Ирана, Месопотамии, даже часть Малой Азии и Кавказ, наконец, русские княжества. Весь Запад дрожал тогда перед монгольским могуществом, и ему повезло, что войска монголов не пошли в глубь Европы, ибо были отозваны в связи со смертью Великого хана Угедэя. Запад вздохнул с облегчением, ибо дело закончилось подчинением монголам русских княжеств.

Следует отметить, что от монголов была перенята их система государственного управления Китаем, Русью и другими странами — это сказалось на их дальнейшем развитии.

В свете изложенного выше заслуживает внимания неосуществленный сценарий мировой цивилизации — Чингисхан погибает в детстве и в силу исторических закономерностей возникает степное государство, не только мощное, но и обширное.

И для этого сценария есть определенные основания, коренящиеся в особенностях личности Чингисхана. Именно о них, основываясь на «Сокровенном сказании», «Золотом сказании» и «Истории монголов», написанных персом Рашид ад-Дином», идет речь в замечательном романе И. Калашникова «Жестокий век» и монографии Е.И. Кычанова «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир».

Темучжин (так звали Чингисхана в детстве) участвовал в убийстве своего брата Бектера. «Даже в те годы, когда наезды, грабежи и убийства были обычными в монгольской степи, убийство брата было событием из ряда вон выходящим» [120, 30]. Весть об этом убийстве быстро распространилась по степи, дойдя до рода тайчиутов. Они получили предлог, если не уничтожить, то хотя бы взять под контроль Темучжина, главного виновника убийства. Он был пойман, привезен в улус тайчиутов: ему на шею надели тяжелую деревянную колодку и приставили стражу [90, 93-95]. Во время одного из праздников Темучжину удалось совершить побег.

Поднятые по тревоге тайчиуты бросились в погоню, обнаружили его, и так как он стал защищаться с ножом в руках, его прикончили.

Это событие, когда погиб неосуществленный организаторский и военный гений Чингисхана, мог внести коррекцию в ход истории, проходившей в степях Евразии.

Какие объективные обстоятельства способствовали возможному изменению хода последующего развития?

В это время происходит брожение в монгольских степях, идет борьба между враждующими племенами за главенство, в разгаре кровная месть. Одни роды возвышаются, другие подчиняются или гибнут. В итоге формируется степное государство монголов под предводительством одного из умных, хитрых и удачливых нойонов (князей). Оно окружено империями Цзинь и Сун, Кыргызским и Кимакскими каганатами с оседло-земледельческой экономикой, племенами уйгуров с оседло-кочевой смешанной экономикой, и карлуков, ведущих скотоводческий образ жизни.

Монгольское общество было дифференцировано на баатуров, которые роднятся между собой и решают судьбу остального населения, и пастухов — неравноправных членов айлов. Баатуры составляли родовую аристократию монгольской этнической общности. Они жаждут легкой наживы в войнах и набегах. И поскольку их аппетиты со временем росли, им уже оказывается мало грабежей внутри своей степи. Поэтому возникший монгольский каганат начинает проводить агрессивную политику против соседних государств и племен. Прежде всего завоеваны Кыргызский и Кимакский каганаты, а также царство кераитов — самое сильное и древнее христианское царство в Центральной Азии. Затем к покорности приводятся «лесные народы» Южной Сибири, подчинены меркиты, карлуки и найманы. Однако монгольский каганат получил отпор от государств тангутов и чжурчженей. Не замедлили это сделать и кипчаки, или восточные половцы.

И тем не менее в результате завоеваний возникает довольно обширное степное государство, протянувшееся от Согдианы до империи Цзинь и от Тибета до «лесных народов» Южной Сибири. Монгольский каганат в ходе своих завоева-

ний разрушал пашни и сады, сжигал поселения, разорял города, уничтожал ремесла и торговлю. Главное для баатуров был захват земель, которые они превращали в пастбища.

Так как монгольский каганат как раннефеодальное государство сильно разросся, то родовые аристократы, ставшие феодалами, стремятся к самостоятельности и начинают вести борьбу с центральной властью — Великим ханом и его приближенными. «Центробежные стремления при слабости центральной власти, наступающей в результате длительного пребывания у кормила одного постепенно вырождающегося рода, — пишет С.А. Плетнева, — неизбежно приводили государство к расколу и краху» [159, 128]. Этой закономерности не избежал и монгольский каганат.

Междоусобицы подогреваются и интригами Цзинь и Сун, не желавшими существования на своих границах мощного и воинственного степного государства. Империи Цзинь и Сун проводят и военные действия против новой степной державы, поддерживая одних феодалов против других и против центрального правительства. К этому следует добавить и метод устранения опасных соперников, практикуемый еще Хань и прижившийся в империи Хунну — узнав о готовящемся походе, Великого хана просто убивали с пути при помощи яда.

Финал закономерен — монгольский каганат в конце концов распался и стал неопасен своим соседям.

Монгольский каганат не мог оказать сколько-нибудь существенного влияния на ход мировой истории. Китай, находившийся на востоке и юге от Монголии, все еще оставался разделенным: на юге располагалась Сунская империя, где властвовала династия южных Сунов; на севере, со столицей в Пекине, — империя Цзинь, или чжурчженей (золотых татар), которые изгнали Сунов. На западе, за пустыней Гоби и дальше, находилась империя Си-Ся, или государство кочевников-тангутов. В Индии, в Дели, правили султаны, которых называли царями-рабами, ибо они по происхождению были рабами и своим возвышением обязаны завоеванию Индии афганцем Шихаб-ад-Дином: этих правителей отличали характерные черты: «Все они были довольно жесто-

кими, и их победы сопровождались разрушением зданий и библиотек, избиением населения, — пишет Дж. Неру. — Они любили также строить, и предпочитали в строительстве крупные масштабы» [144, т. I, с. 300]. Афганцы завоевали Бихар и Бенгалию с необыкновенной легкостью, подобно победам Кортеса и Писарро в Америке.

В Персии и Месопотамии, прямо у границ Индии, располагалось великое мусульманское государство Хорезм со столицей в Самарканде. К западу от него властвовали сельджуки, а в Египте и Палестине — наследники Салах-ад-Дина. Землями вокруг Багдада управлял халиф, который находился под покровительством сельджуков. Все еще процветала Византийская империя, занимая земли вокруг Константинополя. Перед нами период поздних крестовых походов, когда французский король Людовик IX возглавил крестовый поход, был взят в плен турками и затем освобожден за выкуп. Фридрих II — чудо мира, был императором Священной Римской империи. В Англии же наступила эпоха Великой хартии вольностей со всеми последовавшими из нее событиями. Между Священной Римской империей и Русью располагались Венгрия и Польша. Все процессы в мире шли своим чередом, питая поток мировой истории и подчиняясь историческим закономерностям.

В этом плане представляет интерес развитие Руси, расположенной между феодальными государствами Западной Европы и Великой Степью Азии. В это время происходило возвышение ростовско-суздальской земли, населенной великорусским народом. «Суздальские князья отличаются трезвым, практическим взглядом, строгим расчетом, искусством организации, «наряда», — они полагают начало единовластия на Руси в противоположность той разноголосице и нескончаемым междоусобиям, которые причинили так много горя русской земле в так называемый киевский период» [208, 2]. Намечается тенденция государственного объединения Руси. Ее начало было положено самым выдающимся суздальским князем — Андреем Юрьевичем Боголюбским, двоюродным дедом Александра Невского.

Александр Невский — выдающаяся историческая фигура. В нем с особой силой выступают характерные черты суз-

дальских князей (упорство, настойчивость и смелость в достижении намеченных целей, применение крутых мер в случае необходимости), одновременно им унаследованы все блестящие качества южнорусских князей по линии матери, числящейся внучкой знаменитого князя «Удатного». Именно Александр Невский, разгромив в 1242 году войско немецких рыцарей-крестоносцев, объединил все земли Руси и образовал сильное централизованное государство. Возникшая русская держава сумела противостоять экспансии Западной Европы на Восток и обеспечила условия для расцвета славянской цивилизации, втягивая в ее орбиту поляков, чехов, словаков, болгар и других славян. В то же время русское государство решило извечный спор между славянами и степняками (половцами, кипчаками, другими кочевниками) — оно стало их теснить, и на освободившихся землях стало культивировать земледелие. В силу русского характера, способного уживаться с любым этносом, начали интенсивнее заключаться брачные союзы между русскими и степняками, это привело к переходу части их к оседлому образу жизни; другая часть продолжала заниматься скотоводством.

В действительности же Темучжин счастливо убежал от тайчиутов и стал властителем мировой империи.

И если вначале монголы разрушали завоеванные города и государства, то потом стали их отстраивать и создавать новые¹. После смерти Чингисхана его империя развалилась на ряд государств, что вполне закономерно.

¹ Известно, что один из монгольских полководцев хотел вырезать всех китайцев, в силу их непригодности к воинской службе; но советник-китаец убедил Чингисхана этого не делать — можно получить выгоду.

Китай осуществляет морскую экспансию на юг в XV веке

XV столетию в Евразии сложилось несколько регионов с развитой цивилизацией, с высокой культурой. На северо-западной окраине это была Европа; на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке — Османская империя и другие мусульманские государства; на Дальнем Востоке, Юге и Юго-Востоке — Индия, Китай, Корея, Япония, Индокитай и Индонезия. «Кроме Западной Европы только Османская империя и Китай, — пишет отечественный исследователь В.А. Зарин, — обладали материальными и человеческими ресурсами, необходимыми для широкой внешней экспансии и капиталистического развития» [77, 113]. Однако Османская империя отнюдь не стремилась к географическим открытиям и заморским экспедициям в силу ряда причин: во-первых, она находилась в центре Евразии, на торговых путях из Китая и Индии в Европу вдали от морских коммуникаций; во-вторых, в XV в. она осуществляла военные действия в Юго-Восточной Европе; и в-третьих, ее привлекали не новые земли, а цивилизованные регионы.

Оставался Китай, который с древних времен и без государственного вмешательства занимался торговлей в «ожных морях» (китайская терминология).

Однако Китай, хотя и имел такую возможность — у него были огромные естественные ресурсы и человеческий потенциал, он имел в своем распоряжении множество научных и технических открытий и изобретений, — не стал осуществлять морскую экспансию в «ожные моря». Все дело, оказы-

вается, объясняется структурой китайского общества и системой управления Срединной империей.

Из сравнения Китая и Европы следует, что структура китайского общества близка бюрократическим образованиям поздней Римской и Византийской империй, причем официальная конфуцианская идеология подобна позднеантичному стоицизму и платонизму, которые дополнены классическим наследием гомеровских времен. В сравниваемых идеологиях доминирует концепция цикличности истории, рекомендуется в политике и повседневности подражать древним канонам, подчеркивается нежелательность и опасность любых социально-культурных перемен.

Характерно для имперско-бюрократического Китая то, что в нем на лестнице социальной иерархии военная элита располагалась ниже гражданской бюрократии. Гражданская власть всегда преобладала над военной, что проявлялось и в более низком статусе последней, и в постоянном дефиците средств на удовлетворение потребностей армии, что приводило не раз к поражениям в борьбе с кочевниками [14, 116-145]. Такого рода противоречия между бюрократической и военной элитой в начале XV века наиболее ярко проявились в отношении к морской экспансии Китая в «ожных морях».

Знаменательно, что это противостояние обнаружилось тогда, когда в Китае к власти пришла династия Мин на волне антимонгольского восстания, когда бюрократия утратила свое абсолютное влияние. Ведь основатель династии Чжу Юань (1368-1398 гг.) был выходцем из народа, соответственно и окружение он подобрал себе вне бюрократии традиционного толка [205]. На годы правления его преемника Чжу Ди (1402-1424 гг.) приходится наиболее активная экспансионистская политика Китая в отношении Монголии, Маньчжурии, Индокитая. Раньше принца Генриха Мореплавателя — между 1405 и 1430 годами — китайский адмирал Чжен Хэ предпринял семь экспедиций в Индию, на Суматру, в район Персидского залива и Восточную Африку. Его флот составлял 62 корабля и имел на борту около 37 тысяч солдат [279, 111]. Эти экспедиции преследовали не только дипломатические и торговые цели, но и должны были способствовать рас-

пространению конфуцианской идеологии и укреплению престижа правящей династии [15].

И вдруг все эти морские экспедиции были прекращены, а строительство китайского флота и частная морская торговля были ограничены. По мнению В.А. Зарина: «К середине XV в. в Китае окончательно возобладала идеология и политические интересы традиционной гражданской бюрократии. Примерно тогда, когда португальцы только овладевали техникой кораблестроения многомачтовых судов, в Китае их производство, которое осуществлялось на протяжении нескольких веков, было запрещено и приравнено к государственному преступлению, а документация о морских походах уничтожена» [77, 99]. Это значит, что гражданская элита опасалась усиления армии и стала проводить курс на ограничение военных операций и расходов, на изоляцию Китая от внешнего мира. Последствия такого курса не замедлили сказаться — со второй половины XV столетия империя Мин входит в полосу затяжного социально-политического кризиса, приведшего к новой грандиозной крестьянской войне, падению династии и установлению в стране власти маньчжурских завоевателей [171, 4-8].

Причины гибели династии Мин видятся в следующем: во-первых, немаловажное влияние оказало перенесение столицы из Южного Нанкина в Северный Пекин, что затормозило развитие передовых южных провинций и усилило отсталость северных районов; во-вторых, разорение крестьян из-за высокой ренты, непосильных налогов и всевозможных поборов, голод в ряде провинций; в-третьих, междоусобные столкновения между феодалами.

Свою лепту внес и пресловутый курс гражданской бюрократии в прекращение морских экспедиций Китая в районы Индийского океана и восточноафриканского побережья, на самоизоляцию империи.

Попытаемся промоделировать сценарий, в котором Китай задолго до великих географических открытий европейцев осуществляет в начале XV века морскую экспансию в «южные моря».

Для этого используется прежде всего мощный научный потенциал китайской картографии, опередившей европейс-

кую. Американский ученый Дж.Б. Харли пишет: «Большое значение в сравнительной картографии придавалось определению математических аспектов составления карт, кодификации методологических принципов (как, например, принципов Пэй Сю [223, 271], «отца китайской научной картографии») и техническим новшествам, таким, как координатные сетки, правильные масштабы, абстрактные условные знаки и даже контуры — то есть всем тем критериям, которые отвечали западной модели картографии» [206, 12]. В Китае карты выражали специфику культуры народа, они были связаны тесно с литературой и живописью, являлись одним из инструментов политической власти, ибо на них наносились границы государств и земельных владений, фиксировались официальные события и важные ориентиры.

До нас дошла одна из первых старинных китайских морских карт — знаменитый портулан флотоводца Чжен Хэ, датированный серединой XV века. На портулане нанесены линии берегов, заливы, лиманы, мысы и острова, порты и горы, начиная от китайского порта Нанкина на реке Янцзы до портов восточного побережья Африки. «В целом карта содержит 40 названий береговых ориентиров и более 500 названий населенных пунктов, 300 из которых за пределами Китая... — пишет Мэй-Лин Су о портулане. — Значительная часть свитка посвящена обширному морскому пространству от оконечности Индостана до Аравийского полуострова и Африки, где корабли плыли открытым морем. Вместо сведений о береговых ориентирах и о показаниях компаса здесь приведены данные о высоте расположения звезд в 50 точках маршрута, по которым определялись широта и направление движения судна» [184, 27]. На портулане нанесены данные, накопленные китайцами на протяжении длительных контактов на море с другими народами.

Правители Китая стали осуществлять морскую экспансию, используя и портулан Чжен Хэ, и «морской шелковый путь», проложенный ранее для экспорта, в основном фарфора, в Юго-Восточную Азию, на полуостров Индостан, Аравийский полуостров и восточное побережье Африки. Продолжая традиции китайских купцов XI-XIII вв., снаряжав-

ших экспедиции в Юго-Восточную Азию в поисках экзотических товаров¹, китайское правительство снаряжает мощную морскую экспедицию для установления контроля над малайско-индонезийским архипелагом и Малаккским проливом, обеспечивавшим безопасный проход судов. Для этого было использовано несколько десятков больших парусников, предназначенных для океанских плаваний, с солдатами и колонистами.

После овладения «Островами пряностей» (Малайско-Индонезийским архипелагом) и установления полного контроля над Малаккским проливом в руках китайцев оказывается международный центр транзитной торговли. Следует отметить, что китайским экспедиционным силам пришлось защитить в XVI в. Малакку и «Острова пряностей» от проникших туда нескольких европейских «ост-индийских кампаний». Тем не менее заморские купцы не лишены были возможности получать наряду с традиционными товарами — ароматическими веществами, наркотиками, шелками, индийским хлопком и китайским фарфором — пряности в больших количествах. Само собой понятно, что самые большие привилегии были даны китайским купцам, торговля которых с европейскими странами приносила громадные, поистине баснословные прибыли. Ведь в Европе XIII-XVI столетий наблюдается буквально мания пряностей (корицы, гвоздики, имбиря, мускатных орехов). Это было время, когда поговорка гласила: «дорого как перец» [24, 238]. Благодаря поддержке китайской державы, китайские купцы сохранили монополию на пряности — они снабжали ими Западную Европу, мусульманский Восток, Бенгалию, Японию и свою отчину.

Китайская империя проводит гибкую политику в торговле пряностями, определенные привилегии предоставляются и арабским купцам. Ведь в свое время халиф Мансур послал на помощь Су-Цзуну (756-762 гг.) 10-тысячное войско, когда

¹ Известный американский синолог Э. Шефер в книге «Золотые персики Самарканда» пишет о том, что по «морскому шелковому пути» в китайский город Гуанчжоу доставлялись благовония и пряности, разные лекарства, редкие и дорогие вещи, манившие династию Тан [224, 30].

в Срединной империи начались страшные внутренние раздоры, что помогло последнему удержать престол. После этого между арабским халифатом и поднебесной установились дружественные отношения. В Китай прибыли многочисленные мусульманские поселенцы, распространявшие учение Мухаммеда, а император Шунь-До в 1342 году прислал посольство в Каир с просьбой прислать миссионеров и богословские книги [207, 220-223]. И хотя великий переворот в Китае 1368 года ослабил позиции ислама, однако связи между китайцами и арабами сохранились и были максимально использованы в ходе морской экспансии в «южные моря». Во всяком случае несомненно то, что постоянно растущая торговля пряностями способствовала поддержанию контактов между арабским и китайским миром, а в более широком контексте — между Востоком и Западом.

Морская экспансия Китая достигла и побережья Восточной Африки, что позволило вступить в более тесный контакт с исламской цивилизацией народа суахили. Современный гвинейский историк Ибрахим Баба Каке пишет об этой цивилизации следующее: «Эта цивилизация поддерживала тесные связи со странами Востока, прежде всего с Индией. Португальцы были поражены, обнаружив здесь города-государства, не менее богатые и развитые, чем в Европе, могущественные города с каменными постройками, множество торговых судов в портах» [89, 15]. Жители городов суахили привыкли путешествовать по восточным морям и превосходили португальцев в искусстве мореплавания.

Так как еще в XIII веке суахили подарили китайскому императору слона, которого они привезли на корабле, то теперь китайцы воспользовались этим прецедентом, чтобы установить торговые, военные и дипломатические связи с ними, а также для основания колоний, населенных трудолюбивыми китайцами. Со временем на восточном побережье Африки обосновалось несколько миллионов китайцев, часть из которых приняла ислам и вступила в браки и с арабами, и с неграми. Именно такой поворот событий спас восточнобережную цивилизацию суахили от уничтожения ее европейскими колонизаторами, приумножил ее богатства и в резуль-

тате дал толчок развитию своеобразной исламо-китайско-африканской культуре. Китайцы освоили практически все побережье Восточной Африки и добрались до мыса Доброй Надежды, установили связь с внутренними районами континента к взаимной выгоде для себя и негритянских обществ.

Морская экспансия Китая в XV столетии приняла поистине невиданный по тогдашним меркам размах. Китайские морские экспедиции достигли Австралии, Тихоокеанских островов и берегов Америки. На австралийском континенте они быстро нашли общий язык с аборигенами и расположили свои поселения в наиболее благоприятных местах. Опорные пункты китайских гарнизонов и поселений протянулись цепью по островам Тихого океана — Гавайским, Полинезийским и другим — вплоть до американского побережья.

Для того, чтобы укрепить свое влияние в резко расширившейся колониальной сфере, китайцы провели многолетнюю грандиозную операцию по переселению нескольких десятков миллионов подданных Поднебесной на Тихоокеанские острова, австралийский и американский континенты. Морской флот Китая тех времен не знает себе равных в мире. Причем он делится на военный флот, обеспечивающий охрану растянутых на полмира морских коммуникаций, на торговый флот, чьи корабли перевозят товары из экзотических стран, и флот миссионеров, уезжающих в регионы китайского влияния для распространения достижений своей высоко развитой цивилизации.

Так как управлять территориями, раскинувшимися от побережья Восточной Африки до побережья Америки и от пустынь Гоби до плодородных земель Новой Зеландии, весьма сложно, то создается система вассальных провинций во главе с назначаемым императором наместником. Поскольку эти заморские провинции сильно удалены от метрополии, постольку постепенно возрастает влияние купечества и ремесленничества, заинтересованных в производстве и распространении изделий. Это, в свою очередь, требует применения того мощного научного и технического потенциала, который в малой степени использовался в родимом Китае из-за бюрократии, цепко державшейся за свои привилегии и препятствующей любым культурным изменениям. Не надо за-

бывать, что китайцы на много веков опередили европейцев в области научных открытий и технических изобретений. И теперь весь потенциал знания получил возможность осуществиться на практике.

Не менее интересно и то, что китайская цивилизация вошла в контакт и взаимодействие с культурами автохтонов Австралии и Тихоокеанских островов, со своеобразными культурами майя, инков, американских индейцев. По морским путям в обоих направлениях перемещаются не только экзотические и неэкзотические товары, но и прекрасные изделия китайских, инкских и прочих умельцев, а также стили искусства, свитки с конфуцианскими, даосскими, буддийскими, мусульманскими, инкскими, ацтекскими учениями и верованиями. Понятно, что происходило и смешивание китайцев с местными жителями — неграми, арабами, австралийцами, маори, ацтеками, северо- и южноамериканцами. Это привело к появлению китаизированных негров, индейцев, австралийцев, полинезийцев и других метисов. С изумлением Колумб обнаружил при высадке на новый континент китайцев и китаизированных индейцев, что окончательно убедило его в том, что он действительно открыл заветную Индию. Таким образом, вовлечения в орбиту влияния китайской цивилизации огромных регионов и целых континентов оказалось достаточно, чтобы мировая история начала развиваться под знаком синизации.

В самом Китае резко снизилось социальное напряжение и он получил импульс к дальнейшему развитию. *Но, к сожалению, этот сценарий так и остался неосуществленным.*

Инки дали отпор испанским конкистадорам

то время, когда начался упадок Византийской империи, на юго-западном конце Европы разворачиваются события, ставшие исходным пунктом развития «нового типа в истории человечества» [168, 25].

В 1479 году после объединения королевств Арагонии и Кастилии возникла Испания, которая вслед за уничтожением в 1492 году остатков эмирата Гренады и изгнания мусульман из Европы создала модель сильной монархической власти.

До этого Испания и Португалия развивались весьма быстро, так что даже, несмотря на эпидемию «черной смерти», к концу XV столетия насчитывали 8,3 млн человек (около 10,5 % европейского населения).

Испания проявила значительную политическую и военную энергию, ведя борьбу с арабами и вытесняя их с Пиренейского полуострова. «Немного не хватало, — отмечает Й. Коссецкий, — чтобы после выдворения мусульман из Европы испанские войска ударили по Северо-Западной Африке, находящейся под арабским владычеством. Однако в том же самом году, когда пал эмират Гренады, Колумб открыл Америку. Это открытие открыло путь для колонизации новых огромных и богатых областей, гораздо более привлекательных, нежели арабские владения в Африке» [257, 78]. Энергия Испании и Португалии переключилась тогда в направлении отдаленных заморских краев. Поистине начался новый этап в развитии мировой цивилизации.

Вдоль меридиана, проходящего через восточную часть Южной Америки, недалеко от расположения нынешнего Рио-де-Жанейро, была установлена демаркационная линия между испанской и португальской сферами влияния — на области, находящиеся к западу от этой линии, право имел испанский король, тогда как португальский монарх владел областями, к востоку от нее. Когда же Магеллан совершил кругосветное морское путешествие, тогда другую демаркационную линию установили на Дальнем Востоке: ее провели по меридиану, пересекающему середину Австралии. Португальцы основывали свои колонии на восточном побережье Бразилии, в Африке, Индии, на островах Индийского океана, Испания же — в Центральной, Южной и частично также Северной Америке.

Испанские завоевания в Америке привели к уничтожению тамошних государств с высоким уровнем цивилизации. Ведь еще Г. Уэллс писал о существовании в Южной и Центральной Америке возникших за 1 000 лет до н. э., весьма интересных цивилизаций параллельного, хотя и отличного от цивилизаций древнего мира типа: «Подобно значительно более ранним примитивным цивилизациям древнего мира, эти общины обнаруживали большую склонность к человеческим жертвоприношениям в эпоху посева и жатвы. Но в древнем мире... эти первобытные обряды впоследствии смягчились, усложнились и уступили место другим, а в Америке они развились и достигли степени высокой напряженности» [195, 56]. В этих сакральных цивилизациях вся жизнедеятельность человека определялась строжайшими предписаниями религии. Мудрость их жрецов была весьма изощренной, а их правители создали великолепно функционирующую государственную машину. Их жрецы сделали астрономию весьма точной наукой — вычисленная ими длительность года достижима сегодня лишь для суперкомпьютеров. Высокого уровня достигло искусство, изумительные изделия создавали их ремесленники. Памятники скульптуры этих цивилизаций поражают современного человека пластической выразительностью и своей красотой, одновременно смущая его своей причудливостью и невообразимой условностью и сложностью, непривычных нашему образу мышле-

ния и способу восприятия мира (даже восприятие времени у них было особым).

И эти-то цивилизации были уничтожены в ходе завоеваний континента Америки испанскими конкистадорами. О масштабе разрушений нагляднее всего свидетельствует уменьшение численности населения Центральной и Южной Америки — непосредственно перед началом конкисты там проживало около 60 млн человек, тогда как к середине XVII века их насчитывалось едва 12 млн. В Андах соответствующие цифры составляют 10 млн и 1,5 млн; в Мексике же 25 млн и 1,5 млн. Мы не говорим уже об уничтожении множества памятников этих самобытных и прекрасных цивилизаций, к чему приложили свое «христианское» усердие грубые и невежественные, за некоторым исключением, конкистадоры и монахи.

Весьма любопытно, что испанские конкистадоры сумели для достижения завоевательских целей использовать также и психологические факторы. Они ликвидировали аппарат управления, который при помощи физического и психического террора осуществлял власть над народами и при этом был изолирован от общества. Во время прибытия испанцев в Америку организация доколумбовых обществ была основана на сакральной системе, во многом подобной системе Древнего Египта. Основной аппарат управления обществом составляли жрецы, располагающие значительным эзотерическим знанием; причем страх перед ними поддерживался также и приношением людей в жертву (особенно отличались этим ацтеки — в 1487 г. ими при освящении великого храма в ходе кровавого ритуала было принесено в жертву 20 тысяч человек).

Такого рода ритуальная практика послужила для испанских конкистадоров предлогом для завоевания и уничтожения древнеамериканских цивилизаций. Й Коссецкий отмечает, что они нанесли удар в самые чувствительные места системы управления покоренных обществ. Наряду с физическими репрессиями практиковалось сожжение священных книг, содержащих тайное знание жрецов. Без него последние не могли эффективно управлять народами и воспитывать своих преемников [257, 80]. Из-за этого потеряла свою власть

и вскоре угасла жреческая элита и прервалась нить развития древнеамериканских цивилизаций. Сами же американские индейцы при столкновении с чуждой им европейской культурой впали в состояние депрессии и апатии, не хотели иметь детей, что ускорило процесс исчезновения отдельных племен.

В данном случае достаточно своеобразен и вполне возможен такой неосуществленный сценарий мировой цивилизации, когда какая-нибудь *случайность* могла вызвать сильные изменения как в судьбах Нового Света, так и Западной Европы. Один из вероятных сценариев как раз-таки и связан с вторжением испанских конкистадоров в Южную Америку.

Предположим такой ход событий — перед нами сильное государство инков, хотя и раздираемое внутренними конфликтами. Правящая элита инков раздумывает, что ей делать — в числе предложенных вариантов решений — высылка против испанцев войска, неожиданный удар, захват лошадей (в Америке это животное было неизвестно, и испанская конница внушала индейцам суеверный страх), пленение и использование кузнеца и конюха для обучения собственных кузнецов и создания собственной кавалерии. Однако ни один из вариантов принят не был, хотя любой из них был вполне осуществим. **«Это, вероятно, не помешало бы инкам, — замечает С. Арутюнов, — в дальнейшем принять католицизм, но их язык кечуа был бы государственным на огромной территории и сегодня»** [846, 39].

Посмотрим, что бы вышло в случае осуществления такого достаточно реального, но не сбывшегося исторического сценария. Вначале проанализируем вероятный ход событий в империи инков, сумевшей уничтожить авантюриста Писарро с его немногочисленным отрядом конкистадоров и мобилизовавшей весь свой громадный человеческий и военный потенциал против возможных попыток Испании завоевать ее. Во всяком случае империя инков смогла бы довольно длительное время (по меньшей мере в течение полувека) противостоять испанским войскам; потом последним уже не пришлось бы оставаться в Южной Америке (как это будет показано во второй части нашего мысленного эксперимента).

Понятно, что испанская конкиста со всеми ее жестокостями и преступлениями — прямое следствие открытия Аме-

рики. Нарушение изоляции Нового Света и установление глобальных связей все равно должно было произойти. Иное дело, что эти связи в нашем сценарии приняли бы другой характер, обусловленный независимостью империи инков, не склонивших голову перед испанскими конкистадорами.

Итак, отряд Писарро в результате неожиданного нападения инкских войск был уничтожен, но не полностью. В плен захватили кузнеца, конюха и еще несколько человек, от которых получили все необходимые знания о лошадях, кавалерии, огнестрельном оружии, устройстве испанской монархии и принципах христианской религии. На основании полученных от пленников данных воинов империи инков обучили обращению с лошадьми, езде на них. Была выработана стратегия и тактика военных действий с испанской кавалерией и пехотой.

В результате новые отряды испанских конкистадоров встречают достойный отпор и не могут на протяжении полувека покорить древнеамериканскую империю, расположенную в Андах. Поэтому испанцам приходится пойти на мирные отношения с инками — устанавливаются торговля, дипломатические связи, в империю инков прибывают христианские миссионеры, путешественники, ученые и инженеры и т. д. В ходе постоянных контактов индейцы осваивают привезенные европейцами домашний скот и пшеницу, причем домашние животные используются не только на мясо (белки животного происхождения сыграли свою роль в росте численности населения ряда индейских племен), но и в качестве тяглового и транспортного средства, источника органического удобрения и т. д.

Многие племена Южной Америки сумели быстро перенять европейские сельскохозяйственные навыки, не поступаясь основами своего мировоззрения, а только модифицируя его. Это позволило уже через несколько десятилетий после контактов с испанцами развить у себя полноценное скотоводство и земледелие и на основе этого создать новую самобытную материальную культуру, синтезировавшую черты и европейской, и доколумбовой культур.

Несколько иная ситуация сложилась в империи инков с обитателями Центральных Анд, где не было необходимости

ни перестраивать собственное хозяйство в соответствии с европейскими представлениями, ни отступать под натиском новых форм экономики.

Исследования свидетельствуют, что инкское сельское хозяйство имело огромные достижения: бесчисленное множество насыпных террас, где сеяли злаки, широко развитые ирригационные системы, активное использование удобрения (гуано) для повышения плодородия земли и т. д. Все это позволило добиться изобилия продовольствия в Тауантисуйю (название империи инков), причем правящая элита потребляла некоторую часть из отдавшихся государству двух третей урожая, остальное хранилось в государственных закромах и выдавалось по мере необходимости населению [117, 58-59]. Господство инков обуславливалось именно этим экономическим закреплением морально-психологического фактора воздействия на подданных империи — все были обеспечены из государственных запасов, нищих и бродяг не было (не случайно некоторые ученые говорят об «индейском социализме»). Нет ничего удивительного в том, что империя инков основывала свою стабильность на соединении экономики с моралью и психологией — это достаточно крепкий фундамент для успешного функционирования державы.

Предположим, что инки проявили гибкость мышления при столкновении с новой реальностью в лице испанской силы: огнестрельное оружие, стальные доспехи, боевые кони и т. п. Здесь на помощь им пришел свойственный их правящей элите прагматизм. Благодаря ему они завязывают оживленные отношения с испанской знатью, способствуя заключению браков между представителями инкской и испанской знати, а также исключают из своей религии жертвоприношения детей.

Для усиления своей власти инки в полной мере используют сильную монотеистическую тенденцию своей религии. Ведь их религия является гелиоцентрической — она основывалась на поклонении Инти — богу Солнца, которого обычно изображали в виде золотого диска, от которого во все стороны исходили яркие лучи. В хрониках при описании пантеона Куско (столицы империи инков) речь идет об Инти, Ильяпе — боге грома и молнии, Кильи — богине Луны и покро-

вительницы женщин и Виракоче — божество-творце [10, 148]. Наряду с этим в народе широко были распространены более древние религиозные представления, когда обожествлялись священные места и предметы, так называемые уаки, т. е. холмы, речки, скалы, родники, деревья и прочие объекты, обладающие, по их верованию, сверхъестественной силой. Существенно то, что фактически индейцы Перу (оно входило в империю инков) почитали, по сути, лишь одно-единственное мужское божество, связанное с небом, солнцем, грозой и дождем; множество же богов — это лишь его ипостаси, выполняющие различные, нечетко распределенные функции (такая же ситуация характерна и для древнеегипетской религии). Поэтому подобного рода монотеизм, соответствующий политической структуре централизованного государства, инки используют при встрече с христианской религией. В итоге появляется свой, андский пророк типа Заратуштры, Конфуция или Эхнатона, что не позволило бы католицизму занять сильные позиции в империи инков.

Правящая элита начинает посылать своих детей на обучение в Европу, перенимает научные и технические достижения европейцев.

Все это вместе взятое позволяет надолго продлить существование империи инков с ее великолепной культурой, впитавшей как доколумбову, так и европейскую культуру с ее гуманизмом. В ней проступают черты «золотого века»: эры благополучия, счастья и любви, воспетой поэтами и историками Греции и Рима.

Существование империи инков, выдержавшей натиск испанских конкистадоров, оказывает влияние на ход событий во всем Новом Свете — он при ее помощи не дал покорить себя европейцам, им пришлось входить в жизнь американского континента более или менее мирным путем, уважая права местного населения, не придавая возникшим отношениям трагической окраски.

Существование не подчинившейся испанским конкистадорам империи инков не могло не оказать влияния и на судьбу западноевропейской цивилизации — она «вовсе не достигла бы того расцвета, который ожидал ее в последующие века» [10, 5]. Дело в том, что Западная Европа находилась в опас-

ном кризисе — она встретила с угрозой османского нашествия. Чтобы отразить эту угрозу, Западная Европа должна была иметь золото, а оно в те времена (XVI столетие) утекало на Восток, в обмен на пряности. Но без золота нельзя было ни собрать армию, ни построить мощный флот, без которых невозможно было противостоять сильной Османской империи. Испания рассчитывала на поток золота и серебра, ожидавшийся из завоеванных американских колоний. Однако сохранение империей инков своей независимости, поддержка ею других государств и цивилизаций доколумбовой Америки, гибкая дипломатия и политика, подкрепленная демографическим и экономическим потенциалом, позволили просочиться в Испанию лишь тоненькому ручейку драгоценных металлов. Османская империя, воспользовавшись бедственным состоянием испанской монархии, объявляет ей войну и громит ее. Это влечет за собой потерю испанского влияния в Италии и Германии, а также кладет конец доминированию Испании в средиземноморском бассейне. Выигрыш в такой ситуации получают не только турки, но и французы, чья держава тогда была главным противником габсбургской монархии. Французский король Франциск I находит общий язык с турецким султаном и добивается гегемонии в Западной Европе, что выразилось, в частности, в принятии им титула императора.

На самом же деле ход мировой истории оказался иным, ибо могущественное инкское государство рухнуло под ударами завоевателей в считанные дни, что трагически отразилось на судьбах индейцев.

Сулейман Великолепный захватывает Вену

ек XVI — это эпоха доминирования в Европе мощных империй Испании (фактически же империи Габсбургов) и Турции. Взошедший на престол в 1516 году Карл I Габсбург владычествовал не только над собственно Испанией, но также и над Нидерландами, вместе со значительной частью старинного бургундского государства, Сардинией, Сицилией, Неаполем, Миланом и одновременно, как Карл V, был властителем Священной Римской империи. В связи с этим Испания доминировала не только в западной части Средиземного моря, но и во всей Западной Европе, окружая территорию своего главного соперника — Францию. Однако Испания столкнулась с весьма грозным противником в лице Османской империи, которая в ту эпоху простиралась от Триполи до Багдада и Персидского залива и от Египта до Венгрии и имела населения 16 млн человек, в два раза больше Испании. Османская империя начала свою экспансию в Западную Европу, имея своим союзником Францию (согласно секретному договору «Турецкие капитуляции» Франция брала на себя обязательство поддерживать султана Сулеймана Великолепного в его борьбе с Габсбургами).

Под властью Сулеймана Великолепного Османская империя переживала свой золотой век, ибо он имел, как было некогда сказано, «способных советников и достаточно силы, чтобы их контролировать, и мудрости, чтобы ими пользоваться» [259, 15]. При нем Османское государство обладало не только мощным военным потенциалом, оно также процветало экономически. Казна была полна золота и денег.

Именно Сулейман Великолепный содействовал этому, в частности тем, что ввел так называемые «капитуляции» — акты, позволяющие чужеземцам, проживающим на территории империи, осуществлять свою деятельность в соответствии с правами их отчизны. На первых порах это относилось к иностранному купечеству.

Об экономической мощи Османской империи свидетельствовал ряд весьма выразительных фактов. Французский король Франциск (1515-1547 гг.) просил у султана заем в два миллиона золотых дукатов, кроме помощи боеприпасами, военными кораблями и лошадьми. Италия и острова Средиземноморья жили за счет поставок анталийской пшеницы. Многие отрасли османской техники и культуры в XVI веке не только не отставали от европейских, но и опережали их. Особенно была развита металлургическая промышленность [257, 83]. Турки, занимая часть бывшего арабского халифата, унаследовали от него важный металлургический центр в Дамаске (на протяжении многих веков славилась дамасская сталь), который стал для них главной базой, снабжающей их военные походы. После завоевания Балканского полуострова турки заложили в Болгарии другой важный центр металлургии, работающий на военные нужды. Королева Елизавета засылала в Стамбул тайных агентов, чтобы переманить в Англию турецких ткачей и выведать секреты окраски шерстяных тканей.

На высоком уровне в османской державе находилось право, основанное на священных законах ислама. Помимо шариата функционировало светское уголовное право, регулируемое султанскими указами, которые своей строгостью превосходили шариат. Не удивительно, что английский король Генрих VIII (1509-1547 гг.) отправил к Сулейману Великолепному специальную миссию для изучения османской юридической системы, видя в ней причину процветания страны.

Отмечено успехами и турецкое искусство этого «золотого века» — турки-османцы, как ранее тюрки-сельджуки, творчески перерабатывая многочисленные заимствования, создали свой особый стиль в искусстве и литературе. Богата шедеврами культовая архитектура. Османская поэзия, несмотр-

ря на влияние арабской и персидской, отличалась оригинальностью. Турецкая миниатюра имела свои, присущие только ей черты [73, 106].

Используя мощный экономический, человеческий и культурный потенциал своей империи, Сулейман Великолепный начал наступление на империю Габсбургов, что было жизненно важным для будущего Высокой Порты. Здесь возникла парадоксальная ситуация: турецко-мусульманское продвижение на Балканах и в Средиземном море (захват Кипра и Крита) оказывало не только экономическое и военное давление, но и создавало идеологический климат для поисков европейскими государствами новых путей на Восток [77, 116].

Однако открытие Колумбом Америки, а Васко да Гама — морского пути в Индию привело к постепенной потере Турцией расположенной на стыке Европы и Азии положения центра на путях сообщения между Востоком и Западом [73, 107]. Уже в XVI столетии Османская империя стала терять свое былое значение для мировой торговли, что послужило важной причиной социально-экономического отставания ее от Европы.

Поэтому дальновидный Сулейман Великолепный использовал все средства, чтобы сокрушить своего основного конкурента и противника — испанскую империю Габсбургов, в которую из завоеванных американских колоний хлынул поток колоссальных богатств, обеспечивший развитие экономики и культуры, процветание науки. Не следует забывать, что и Карл I проводил экспансионистскую политику — он мечтал стать властителем южного побережья Средиземного моря, национальным героем и столпом веры. Но его мечтам не суждено было сбыться, ибо турецкий султан заключил союз с Хайр-эд-Дином, предводителем пиратского флота (аналогичный союз в свое время заключил понтийский царь Митридат с киликийцами). «Ум и храбрость в нападении, прозорливость и отвага в обороне, огромная работоспособность, непобедимость — все эти похвальные качества заслонялись приливами неутомимой и холодной жестокости», — пишут о Хайр-эд-Дине авторы «Истории французского флота» [176, 409].

В то время, когда его покровитель Сулейман Великолепный вел непрерывные войны в Европе (захватил Белград, завоевал почти всю Венгрию), зеленое знамя пророка взвилось над большинством островов Эгейского моря, в Триполитании и Тунисе. Хайр-эд-Дин, уничтожив христианский флот при Кандии, закрепил свое превосходство на море. Поистине справедливо утверждение, что над империей Карла I, где «никогда не заходит солнце», неумолимо восходил полумесяц.

Осенью 1541 года Карл I решил покончить с пиратской империей Хайр-эд-Дина в Алжире и просчитался — погибло более десяти тысяч христиан, а пленных еще больше, ибо за них на рынке рабов «нельзя было получить даже луковицы» [176, 413]. Победа пиратов, следовательно, и Османской империи над Испанией в бассейне Средиземноморья была полной. И все же судьба схватки между двумя мощными державами решалась на суше, и неудача Сулеймана Великолепного при осаде Вены означала поражение Турции в ее европейской экспансии. Хотя угроза османского завоевания висела над Центральной Европой еще около полутора веков, поражение турков под Веной знаменовало начало заката Османской империи.

Что же произошло бы в случае завоевания Австрии, когда «эстафета» османских столиц (Бурса — Эдирне — Стамбул) была бы продолжена Веной?

Промоделируем и этот не состоявшийся сценарий мировой цивилизации, представляющий тоже немалый интерес.

Итак, войска Сулеймана Великолепного захватили Вену, что позволило им затем подчинить себе владения австрийских Габсбургов. После успешного проведения ряда военных акций, в ходе которых к Османской империи присоединены Триполи, Тунис и Багдад, Турция принимает активное участие в Итальянских войнах на стороне Франции. Последняя насчитывала 19 млн человек населения и имела развитую промышленность. Если учесть еще демографический потенциал Турции (16 млн чел.), то турецко-французский союз обладал мощью, превосходящей соответствующий потенциал испанской коалиции (с ее 20-миллионным населением).

В результате совместных действий османских и французских войск аннексирован ряд немецких княжеств и итальянских государств — Франции достаются Фран-Конте, три лотарингских епископства (Мец, Туль и Верден), Артуа, Испанские Нидерланды, часть южнонемецких княжеств, герцогства Милан и Модена, тогда как к Турции отходят некоторые немецкие мелкие княжества, королевство обеих Сицилий и Сардиния.

После некоторой передышки французские войска устремляются с севера на территорию Испании. Мощный султанский флот с присоединенным к нему пиратским флотом Хайр-эд-Дина высаживает османские войска на средиземноморском побережье Испании, и они наносят ряд ударов по Валенсии, Гибралтару и Сеуте.

Наконец, Испания повержена (король Карл I успел удрать на быстроходном корабле в подвластную ему Мексику) и разделена между союзниками: Франция получила северную часть Пиренейского полуострова, Турция — территорию бывшего халифата Омейядов.

Аппетиты Османской империи этим не удовлетворены. Она, сконцентрировав сухопутные силы и блокировав с моря своим флотом побережье Португалии, осуществляет ее захват и включает в состав своего первого протектората — эмирата. Турция на этом не останавливается — снаряжает мощный экспедиционный корпус и отправляет его в испанские владения Нового Света. Не удержалась и Франция, присоединив свой флот к османской армаде. В результате скоординированных действий все испанские вице-королевства в Америке переходят под власть османов и французов, причем они полюбовно поделены между союзниками. Все бывшие испанские владения к югу от Мексики отходят к Турции, остальные — Франции. Разделу подверглись и португальские колонии в Южной Америке, опорные пункты на побережье Индии, Моллукских островов. Союзники взяли под контроль все торговые пути в Индийском океане.

Громадные богатства теперь потекли в Османскую империю и позволяют ей решить целый ряд проблем социально-экономического развития. Достаточно сказать, что в районе Потоси (тогдашняя территория завоеванной империи

инков) были обнаружены богатейшие залежи драгоценных металлов — в середине XVI столетия расположенные здесь рудники давали половину мировой добычи серебра [87, т. 2, 49]. Большие доходы приносила монополия на торговлю с Индией — турецкие купцы, привозившие пряности в Европу и Турцию, получали до 800% прибыли. Становится выгодным перекачивать добываемые в Новом Свете драгоценные металлы для оплаты резко увеличившихся потребностей в продовольствии и различного рода товарах. В свою очередь, рост этих потребностей стимулирует развитие земледелия, ремесел, промышленности и торговли в самой Османской империи. Золото и серебро Америки оседает у представителей османской элиты, обогащаются и купцы.

Самые дальновидные паши, везири и сам султан Селим II понимали, что выживание империи зависит от их способности управлять громадными территориями колониальной системы, имеющей весьма протяженные морские и сухопутные коммуникации. «Феодальный характер турецкого общества уже не соответствовал новым требованиям времени и новому статусу Порты в мире. Однако необходимо было считаться с возможным сильным сопротивлением янычар, мусульманского духовенства и феодалов-консерваторов. Поэтому разрабатывается и воплощается в жизнь довольно-таки гибкая стратегия и тактика преобразования феодальной державы в государство европейского типа.

Для этого необходимо укрепить центральную власть и создать боеспособную армию по европейскому образцу вместо уже вышедшего из-под контроля янычарского корпуса и неуправляемого ополчения феодалов. Как раз-таки поток несметных богатств и наличие заморских обширных территорий облегчали решение этой первоочередной задачи реформирования турецкого общества. Прежде всего основную массу янычар отправляют в подвластную Испанию и американские колонии для поддержания порядка. С ними туда прибывают и феодалы-консерваторы, занявшие места губернаторов, вице-губернаторов и других крупных и средних сановников в структуре колониального управления. Правительство Турции объявляет также о том, что подданные империи могут переселяться в Америку для ее освоения и в связи

с этим получить льготы. Само собой разумеется, что там обосновались бы представители мусульманского духовенства.

Вместе с тем управление такими обширными и удаленными территориями потребовало также и создания в Османской державе системы светского образования, построенной на европейских принципах: только она могла подготовить чиновника колониального типа, умевшего управлять социальными процессами в Америке и в Азии.

Первую серьезную военную реформу после осуществленных перемещений янычар и феодалов на заморские территории проводит Селим II. Вместо янычар им создается новый пехотный корпус. Для его обучения приглашены французские и немецкие офицеры, открыты офицерские училища. Флот оснастили более совершенными кораблями. Такого рода преобразования продолжаются и в XVII столетии, в результате появляется регулярная армия, всевластие же янычаров сходит на нет. Военными преобразованиями дело не ограничивается. На местную почву переносятся отдельные европейские достижения в военной промышленности, технике, управлении. Строятся первые казенные заводы по производству вооружения новейшего типа, первые группы турок посылаются на учебу в Европу.

Сильное централизованное правительство Османской державы не дает возможности для произвола сатрапов и пашей. Их привлекают к строгой ответственности за любые нарушения принятого правового кодекса. В нем имеются статьи, отражающие интересы турецкой торговой буржуазии, сформировавшейся на потоке богатств, посыпавшихся как из рога изобилия после завоевания Америки и захвата торговых путей в Индийском океане. Теперь почувствовавшая свою силу буржуазия не боится вкладывать накопленные деньги в промышленность, банковское дело, транспорт.

Решительность, с которой проведены реформы дальновидными политиками, стимулирует развитие капитализма и тем самым, несмотря на остатки феодализма, спасают Османскую державу от превращения в полуколониальное государство, дают ей новый мощный импульс развития.

Подъем Османской империи в XVI-XVII веках приводит к дальнейшему расцвету турецкой культуры, искусства, ли-

тературы, к бурному развитию науки и техники. Архитектура становится все более самобытной, ибо османские строители творчески перерабатывают чужие стили. Особое влияние на них оказывают архитектурные стили Древнего Перу и Индонезии, не говоря уже об архитектуре Испании. Еще больший взлет испытывает литература. Появляются выдающиеся мастера слова, которых вдохновляли экзотика древнеамериканской мифологии и малайские предания. Мощное влияние на нее оказывает и европейская поэзия. Уже в начале XVII века вводится книгопечатание, в стране создается система светского образования с обязательным преподаванием основ мусульманского богословия. Население становится грамотным, что способствует прогрессу турецкого общества.

Ислам проникает в Южную Америку, где наложил довольно-таки сильный отпечаток на жизнь местных индейцев, особенно подданных бывшей империи инков (где религия Солнца, по существу, уже была монотеистической). В результате смешения исламской и древнеамериканской культур возникает уникальная культура-гибрид, чье своеобразие очаровывает нас, людей конца XX столетия, как никакая другая культура.

Однако данный сценарий, как и многие другие, не осуществился. Минул «золотой век» Сулеймана Великолепного, янычары смещали неугодных им султанов, страна нищала, а Османскую империю наводняли товары европейских купцов, подрывая местное производство.

Япония не изолировалась от внешнего мира в XVII веке

настоящее время во всем мире и в нашей стране проявляется большой интерес к Японии, достигшей потрясающих успехов в экономическом, техническом развитии, занявшей одно из первых мест в мире по этим показателям. *Возникает вопрос о том, могла ли она совершить свой колоссальный рывок гораздо раньше, если бы не изолировалась от внешнего мира более, чем на 200 лет? И каков бы был в таком случае современный облик Дальнего Востока, а может быть, и мира?*

Известно, что незадолго до этого (первая половина XVII в.) Япония только стала единым централизованным государством. Здесь выдающуюся роль сыграл Тоётоми Хидзёси (его называют «японским Наполеоном» или «японским Иваном Грозным»), сумевший покончить с политической раздробленностью страны и создавший единую державу (см. Искендеров А.А., Тоётоми Хидзёси. М., 1984). После его смерти (1598 г.) власть оказалась в руках одного из его сподвижников Токугава Иэясу, провозгласившего себя в 1603 г. сёгуном (военным правителем). Вплоть до революции «Мэйдзи» (1867 г.) Японией правил сёгунат Токугава.

Став сёгуном, Иэясу провел серию реформ, направленных на закрепление успеха: дайме (крупные феодалы) сохранили некоторые свои традиционные права, но признали авторитет сёгуна и каждый второй год вместе с семьей находились в заложниках в Киото. Ремесло и торговля были изъяты из-под юрисдикции дайме и переданы в подчинение правительству вместе с городами. В результате аграрной реформы крестьяне еще крепче были прикреплены к земле. Были четко

проведены границы между сословиями (самураи, крестьяне, ремесленники, торговцы).

В основу своей внешнеполитической деятельности Токугава положили принцип изоляции Японии от внешнего мира. Однако вывод, что сегуны были особенно предрасположены к политике изоляции в силу консерватизма, присущего их мировоззрению, отнюдь не является обоснованным. Иэясү Токугава заботился о развитии заморской торговли и на первых порах находился в дружеских отношениях с христианскими миссионерами. Стремление к тому, чтобы быть единоличным правителем страны и обеспечить себе полную лояльность подвластных, привело постепенно сегуна к ограждению островного государства от внешних сил. Американский историк Дж. Холл пишет: «В процессе перехода Токугава к политике изоляции можно увидеть переплетение трех тенденций: 1) стремление к установлению внутренней политической стабильности; 2) желание иметь монополию в области заморской торговли; 3) страх перед христианством» (Hall J.W. *Japonia od czasow najdawniejszych do dzisiaj*. W., 1979. S. 156).

Вначале Иэясү Токугава стремился к развитию торговых отношений с иными странами и терпеливо вел переговоры с китайцами, испанцами, англичанами и голландцами. Однако ему не удалось превратить Эдо в торговый порт, так как европейские купцы предпочитали порты Кюсю, а китайцы отклонили предложение Иэясү об установлении официальных торговых контактов и создании торгового флота, пользующегося правительственными лицензиями. Эти неудачи склонили Иэясү и его преемников к монополизации существующей торговой деятельности посредством системы выделенных портов и предоставления концессий купцам. Так, в 1604 г. союз купцов, торгующих шелком в Осака, Киото и Нагасаки, получил специальное монопольное право на импорт и торговлю шелковой нитью.

Тем временем снова дала знать о себе проблема христианства — Иэясү, хотя и относился дружественно к миссионерам, никогда не отменял запрета этой религии, наложенного в 1587 г. Хидзэси. В 1612 г. этот вопрос поднял один из дайме с острова Кюсю — последователь христианства. Это приве-

ло к тому, что правительство потребовало от всех вассалов рода Токугава и всех, живущих в их поместьях, отречения от чуждой религии. Дайме Такаяма Юко был изгнан в 1614 г. из страны в рамках усиления акций по очищению Японии от сторонников христианства (см. Dunn C.J. *Evryday Life in traditional Japon*. Tokyo. 1982. P. 7-8).

С того момента стремление к монополизации заморской торговли и страх перед христианством действовали уже вкуче, подталкивая сегунат в направлении к политике строгой изоляции. В 1616 г. заморская торговля была ограничена портами в Нагасаки и Хирадо. В 1622 г. новая волна преследований христиан привела к смерти 120 христианских миссионеров и неофитов. В 1624 г. из Японии изгнали испанцев, годом раньше англичане сами отказались от попыток получить право на торговлю в Стране восходящего солнца. С той поры все японцы, подозреваемые в приверженности христианству, подвергались неслыханным пыткам и, тысячи новообращенных вынуждены были отказаться от своей веры. Католическая церковь насчитала свыше трех тысяч случаев мученической смерти японских христиан в это время. Такая реакция сегуната на христианство объясняется его страхом перед возможным колониальным захватом европейскими державами Японии. «Еще в Европе почти ничего не знали о Японии, а ее элита уже прекрасно была осведомлена о том, что происходит в большинстве европейских государств, и давала себе отчет в том, какую политику европейские страны проводят в Азии» (Frederic L. *Zycie codzienne w Japonii u proggu nowoczesnosci*. W., 1988. S. 7).

Вместе с тем японцы не упускали случая воспользоваться техническими достижениями европейцев. Например, в 1543 году были скопированы мушкеты голландских купцов, после чего резко возросло их число, значительно изменив характер феодальных войн. Англичанин У. Адамс, которого в 1600 г. силой задержали в Японии, посвятил японских кораблестроителей в секреты европейской техники судостроения.

Следует иметь в виду, что, изолировав Японию от внешнего мира, Токугава отнюдь не практиковали строгого и пол-

ную изоляцию. Они понимали, что контролируемые контакты с европейцами могут принести немало пользы стране. Известно, что среди всех европейцев ими были выделены голландцы, через которых в Японию проникала европейская наука и культура. Не надо забывать о присущей японцам способности перенимать все полезное у других народов и использовать в своих целях. Неудивительно, что образованные японцы, освоившие европейскую науку и культуру, использовали их активно и осознанно для совершенствования экономики отечества. «Однако изоляция страны, — подчеркивает Л. Васильев, — не вела ее к быстрому прогрессу. Если в XVII в. реформы и укрепление внутренней стабильности привели к относительному процветанию экономики Японии, то XVIII век принес с собой упадок и начало экономического кризиса» (Васильев Л.С. История Востока. М., 1993, т. 1, с. 443).

Действительно, ограничив торговые отношения с европейскими державами, правительство Токугавы снизило потенциал экономического развития Японии. Трудно оценить, однако, к каким последствиям могла привести политика свободных контактов страны с Европой. Неясно также и то, привело ли бы поддержание живого общения с Западом и Китаем к усилению внутренней борьбы даймэ с сегунатом или нет (см. Hall J. Op. cit. S. 158). Во всяком случае эта изоляция на первых порах обеспечила Японии мир, благодаря которому она сумела создать эффективную политическую организацию и достигнуть успехов в сфере экономики и культуры.

Представляет поэтому интерес промоделировать такой неосуществленный сценарий мировой цивилизации, когда Япония отказалась бы от политики изоляции, продолжаясь свыше 200 лет.

Допустим, что правящая элита Японии не испугалась возможной колонизаторской политики ведущих европейских стран по отношению к своим землям. Проистекает это из ряда обстоятельств, к которым, в первую очередь, относятся культурные факторы и особенности японского национального характера. В этом случае сегуны стремились бы получить как можно больше информации о состоянии дел в Европе, и поэ-

тому они организовали в Англии, Франции, Испании и других европейских странах свои посольства (естественно, открыв доступ европейским дипломатам в своей стране) и стали регулярно посылать способных юношей из сословия самураев и торговцев на получение образования в западноевропейских университетах. Эти постоянные контакты позволили сегунату сделать вывод о том, что в Японии и Западной Европе протекают практически идентичные процессы в сфере культуры. Действительно, имеется ряд поразительных аналогий явлений, которые наблюдаются приблизительно в одно и то же время в Европе и Японии. «Правда, в конце XVI и в XVII в. мы обнаруживаем в Европе поздний Ренессанс, унаследовавший вдохновение у более раннего Ренессанса предшествующих веков. В какой-то степени то же самое можно сказать и о Японии, поскольку некоторые из описанных нами событий уходят корнями в эпоху Асикага. Во многих конкретных случаях параллели настолько очевидны, что если мы имеем право называть европейский культурный подъем Ренессансом в самом широком смысле этого слова, то, вероятно, с таким же правом можно применять этот термин и к японскому культурному процессу этого времени» (Кирквуд К. Ренессанс в Японии. М., 1988, с. 257).

Для нашего аспекта рассматриваемой проблемы существенными являются следующие параллели. Во-первых, и Японии, и Европе присуща высокоразвитая феодальная система, имеющая множество похожих признаков. Во-вторых, и Япония, и Европа вступили в эру исследований и мореплавания, что в конечном счете привело к значимым переменам в интеллектуальной и торговой сферах. Одни осваивали Средиземное море, Атлантический, Индийский и Тихий океан, другие (японцы) — Тихий океан, Японское море, Желтое море, Восточно-Китайское и Южно-Китайское, Охотское море.

«Средиземное море, — отмечает У. Дэйвис, — должно сохранять свое значение для торговли. Государства, такие, как Венеция и Генуя, которым выпало счастье находиться на его побережье, стали могучими торговыми державами... Венеция и Генуя превратились в

крупнейшие рынки мира... Географические открытия повлекли за собой огромные перемены. Из Средиземного моря мореплаватели проникли в Атлантику. Сразу же на первое место выдвинулись такие страны, как Голландия и Англия, до того находившиеся на периферии торгового мира. Открытие пути в Индию через мыс Доброй Надежды наряду с захватом Константинополя турками почти положили конец средиземноморской торговле. Появились приборы, способствующие развитию навигации и, следовательно, сильно повлиявшие на торговлю. Улучшилась конструкция судов. Быстроходная галера, оснащенная двумя-тремя рядами весел и имевшая небольшую осадку, была великолепна для использования в спокойных водах внутренних морей, но совершенно неприемлема для плаваний в Атлантике. Поэтому появился новый тип корабля, способный противостоять самым ужасным ветрам и медленно, но надежно совершать кругосветные путешествия» (Davies W. How to Read History. L., 1924. P. 105-106).

Аналогичные тенденции были присущи и Японии — на протяжении тысячи лет осуществлялись контакты с Китаем. Их активность значительно возросла в конце XVI столетия. С этого же времени японские корабли вышли в Тихий океан, и перед японскими путешественниками открылся громадный мир.

В-третьих, Версаль, Лондон и Киото представляли собой центры монархий и аристократии. В них доминировали дворы с их хорошим вкусом, рафинированностью и изяществом. Одновременно в них же или их торговых двойниках (Париже, Лондоне и Осака) возникла буржуазия, которая не только занималась торговлей, но и стремилась насладиться жизнью, совмещая гедонизм с прагматическим подходом к миру. «Она определяла ритм жизни на бульварах Франции, в кофейных домах Лондона (где только за время жизни одного поколения их появилось две тысячи) или в оснащенных фонарями чайных домиках быстро растущих «кварталов развлечений» Киото и Осака. Этот класс начал ощущать собственную силу и значимость своей роли в общественной жизни страны» (Кирк-

вуд К. Указ. соч., с. 261). Именно эти крупные центры внесли немалый вклад в формирование вкусов и нравов японского и европейских народов.

В-четвертых, и в Японии, и на Западе в это время происходят активные поиски в сфере религии и этики. В Японии подвергся реформам буддизм, который заменило конфуцианство, ставшее идеологией государства и относившееся к светским проблемам подобно английскому пуританству. Для культуры Западной Европы и Дальнего Востока XVIII столетия характерны взлет гуманизма и рост секуляризма, когда прагматизм и богатство вытеснили из душ людей небесные помыслы и заставили их обратиться к сугубо земным делам.

И Япония, и страны Запада прошли в целом одни и те же фазы культурного развития, присущие переходу от феодальной системы к буржуазному обществу. «Экономические факторы способствовали подъему среднего сословия, — отмечает К. Кирквуд, — и простолюдины приобрели в общественном механизме большую силу. Аристократия, а в сущности — автократия, все еще существовала, но под натиском денег она теряла свою, основанную на военной мощи, позицию исключительности. Наряду с переменами в отношениях между социальными группами произошло изменение самого характера культуры: из величавой собственности привилегированных сословий она стала достоянием масс и приняла общедоступную форму» (Кирквуд К. Указ. соч., с. 263).

Важно именно то, что и на Дальнем Востоке, и на Западе одновременно существовал **переходный период**. Как раз эту особенность и использовала японская элита, которая сумела получить в свое распоряжение практически чуть ли не весь научно-технический потенциал Запада. Все новинки в области науки и техники моментально воспроизводились в Японии и находили свое место в начавшейся экспансии, за счет которой сегунат смог решить внутренние проблемы.

Политика сегуната, в целом направленная на увековечивание господства феодалов, под влиянием происходящих изменений вынуждена была выпустить пар из котла.

Бурно развивалось городское хозяйство, представленное

ремеслом и мануфактурной промышленностью, увеличились объемы торговых операций, возросло значение торгово-ростовщических домов.

Новые экономические отношения проникали и в деревню, где поднялась роль ремесла и активизировались отхожие промыслы. Разбогатевшие крестьяне и городские буржуа начали скупать землю. Товарно-денежные отношения стали выходить за рамки феодальной регламентации, так как ряд феодалов стали заниматься торговыми и финансовыми операциями. «С другой стороны, в Японии шел процесс обнищания основной части самого многочисленного ее сословия — крестьянства, жестоко страдавшего от растущих феодальных поборов и повинностей. Разорение и люмпенизация коснулись и части мелкого дворянства. Все это вело к сужению круга лиц, материально заинтересованных в сохранении существующих порядков» (Гайдар В. Революции Мэйдзи 125 лет // Знакомьтесь — Япония. 1993. № 1. С. 49). Поэтому, по примеру западноевропейских держав, Япония тоже включилась в процесс захвата колоний. Это позволило снять внутреннее социальное напряжение — энергия нищих крестьян и люмпенизированных самураев была направлена на завоевание новых колоний и освоение их ресурсов.

Колониальная экспансия Японии в первую очередь устремлялась на Север, где находились территории, еще не ставшие добычей Португалии, Испании, Англии, Голландии и Франции. Отряды японских «конкистадоров» высадились на Дальнем Востоке и, не входя в соприкосновение с могущественной китайской империей, захватили колоссальный регион от Уссури до Камчатки и от Байкала до Аляски. Именно русские в поисках пушнины, этап за этапом овладевавшие бассейнами Оби, Енисея и Лены, в 1689 натолкнулись на берегу Амура на китайские посты (см. Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 468-469) и японские поселения недалеко от Лены.

В Сибири, на Дальнем Востоке и Аляске японцы приучили нанайцев, эвенков, коряков, чукчей, эскимосов и представителей других малых народов Севера платить дань большими и лисьими шкурками. Управлять этой огромной территорией было нетрудно в силу малочисленности про-

живающего на ней населения. Следует отметить, что японцы довольно легко вписались в местное монголоидное население не только из-за принадлежности к одной расе, но и в силу близости синтоистской религии туземным верованиям. Со временем здесь распространился и буддизм в его японском варианте, ибо буддизм гибко приспосабливается к иным религиям, поглощает их и незаметно входит в сознание аборигенов.

В Японию пошел поток леса, пушнины, рыбы и других товаров, которыми так богаты Сибирь, Дальний Восток и Аляска. Меха продавались в Китае и Европе, принося большие доходы японским купцам и обогащая казну сегуна. Странами японских крестьян, работающих уже на самих себя, все плодородные земли были аккуратно возделаны и приносили щедрый урожай пшеницы, сои и других сельскохозяйственных культур. Не приходится говорить уже о том, что Камчатка с ее прекрасной природой и гейзерами была превращена в райский уголок. Не случайно со временем здесь выросли шикарные курортные комплексы, притягивающие желающих отдохнуть и туристов со всего мира.

Японская колониальная экспансия продвигается и в противоположном направлении — на юг, где находились Австралия и Новая Зеландия. И здесь японцы основывают свои поселения, чтобы осваивать и использовать несметные природные богатства южного континента. Гораздо позже знаменитый капитан Дж. Кук пытался пристать к восточному берегу Австралии; «Эта часть Австралии была гористая, и там росли огромные деревья. Несколько дымков показывало, что берег населен: жители, довольно многочисленные, поспешно убегали, как только англичане начинали готовиться к высадке» (Верн Ж. Мореплаватели XVIII века. М., 1993, с. 147). Однако первыми, кого увидели члены экипажа корабля Дж. Кука, оказались вооруженные солдаты японской армии во главе с офицером-самураем. От него Дж. Кук узнал, что японцы нашли общий язык с австралийскими аборигенами на религиозной почве — именно синтоизм великолепно стыкуется с анимистическими верованиями туземцев. Правда, не все аборигены отнеслись добродушно к японцам: аборигены восточной части Арнемленда были сви-

репьями и непокорными людьми: «В западной части полуострова происходили вооруженные столкновения с китайцами — торговцами песом, а также с японцами: но в основном с японцами — искателями жемчуга соприкасались аборигены Восточного Арнемленда: вплоть до 30-х годов здесь имели место случаи убийств как японцев, так и европейцев» (Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981. С. 395-396). Австралия и Новая Япония (Зеландия) стали представлять собой одну из жемчужин растянувшейся на весь азиатско-тихоокеанский регион Великую Японию.

С начала XVII века сегунат поощряет торговлю с Аннамом (Северным Вьетнамом), Сиамом (Таиландом) и Китаем. С торговцами в Аннам и Сиам проникают японские миссионеры, где им пришлось столкнуться с первыми в Индокитае католическими миссионерами-французами. В результате изворотливости японцев французы были вытеснены из Аннама и Сиамы, в них остались только единицы французских священников и торговцев.

В конце XVIII столетия Аннам потряс политический кризис, связанный с восстанием тэйшонов (см. Васильев Л.С. История Востока. М., 1993. Т. 2, с. 59-60), что послужило поводом для усиления вмешательства японцев в дела этого государства. Официальный представитель Японии принимает активное участие в невзгодах свергнутого с трона Нгуен Аня и, апеллировав за помощью к сегуну, добивается организации военной экспедиции в Индокитай, которая помогает подавить восстание тэйшонов.

С этих пор установились весьма тесные связи Японии и Вьетнама, относящихся к конфуцианскому кругу культур. Не пропали и усилия японских миссионеров, чей синтоизм и буддизм нашел отклик среди местного населения (не надо забывать, что сюда буддизм в свое время занесли буддийские проповедники из Индии).

Благодаря гибкой политике Япония сумела превратить Индокитай в свой протекторат, ставший для нее важным рынком сбыта и опорной базой в Юго-Восточной Азии. Японское присутствие в Индокитае умирло колониальные

аппетиты Франции и Англии, более того, отсюда Страна восходящего солнца стала активно проникать в Индию.

Индия представляла собою единственное крупное государство (точнее даже группу государств, объединенных общей цивилизацией, религиозными традициями и социально-кастовых принципов внутренней структуры), которое стало колонией (см. Васильев Л.С. Указ. соч. Т. 2, с. 26). Как всегда, сегунат получил от своих информаторов достаточно исчерпывающие данные о положении дел на индийском субконтиненте. Он сумел воспользоваться промахами Аурангзеба, который, как приверженец ислама, стремился выкорчевать ростки идей и настроений, посеянных его великим прадедом Акбаром. Он запретил живопись, музыку и танцы, приказал разрушить до основания многие индуистские храмы, а из их камней выстроить мечети (см. Hansen W. Pawi tron. W., 1980). Более того, самой последней каплей, переполнившей чашу унижений и оскорблений, был запрет Аурангзеба ездить на слонах индусам даже самого знатного происхождения.

Наибольшую ненависть Аурангзев вызвал введением когда-то отмененной Акбаром ненавистной джизии (унизительный налог на индусов-паломников). По стране прокатилась волна народных выступлений, в том числе и восстание маратхов, славившихся своей быстрой конницей и образовавших независимое от Моголов государство со столицей в Пуне.

Посланцы сегуна устанавливают дружественные контакты с правителем маратхского государства Шиваджи и, когда скончался в 1707 году Аурангзев, то именно маратхи оказали немалую помощь японцам в овладении ситуацией на индийском субконтиненте. Ведь Могольская империя стала фактически распадаться, три преемника Аурангзеба превратились в марионеток враждующих между собою раджей и махараджей. Эта практически не затухающая междоусобица подготовила почву для проникновения в страну японцев и последующего ее превращения в колонию.

В такой ситуации японцы сравнительно легко, без особых затрат и потерь, в основном руками самих индийцев (тех же маратхов и других), захватывают власть и уста-

навливают свое господство в Пенджабе после победы над сикхами в 1849 г. Для них не возникает проблемы управления гигантской колонией, ибо они правили так, как это было определено веками и понятно всем азиатским народам. Японцами учтены и новые обстоятельства, вызванные тем, что присоединение Индии Японией явилось следствием сложных экономических и социальных процессов во всем мире, ведущих к образованию мирового капиталистического рынка с включением в него колонизируемых стран. Ведь Страна восходящего солнца к этому времени превратилась в конституционную монархию с мощной промышленностью и прекрасно оснащенной армией и флотом. Поэтому Японии не составляет особого труда вытеснить из Индии британскую Ост-Индскую компанию и остановить английскую и французскую экспансию в азиатско-тихоокеанский регион.

Молодой японский капиталистический хищник принимает участие и в опиумной войне, когда английские и французские отряды под командованием Х. Гранта взяли Пекин (см. Харботл Т. Битвы мировой истории. Словарь. М., 1993, с. 144). Это означало открытие Китая для европейской колониальной экспансии, к которой подключается и Япония. Воспользовавшись упадком маньчжурской династии Цин, она не только поставила свою подпись на документах целой системы неравноправных договоров с Китаем, предоставлявших иностранному капиталу торговые, таможенные и другие экономические, политические и правовые льготы, но и заняла Маньчжурию.

Таким образом, завершается создание Великой Японии, охватывающей практически чуть ли не весь азиатско-тихоокеанский регион. Не следует забывать и тот существенный момент, что она обладала высокоразвитой экономикой и огромным финансовым капиталом, что выдвинуло ее на одно из первых мест в мире.

Однако такого рода сценарий мировой цивилизации тоже оказался неосуществленным.

Африка — не колония европейцев

В последнее время все более возрастает интерес к истории Черной Африки, к многообразию ее племен, культур и цивилизаций. Исследователи (европейские и африканские) стремятся выяснить ее роль в генезисе цивилизаций Средиземноморья, определить ее место в будущем. Многие сходятся на том, что имеется доля истины в утверждении: «Африка еще не открыта». Но уже сегодня нам известно об африканском континенте неизмеримо больше, чем знали древние или даже ученые первой половины XX столетия. И это дает основание предполагать, что в истории Черной Африки тоже имелись свои неосуществленные сценарии развития той или иной культуры и цивилизации. Отечественный специалист по цивилизациям Ю. Кобищанов в предисловии к книге С. Кулика «Черный феникс: Африканские сафари» пишет следующее о возможностях этого континента: «По этнокультурному разнообразию и богатству исторических истоков, своего рода «культурно-историческому генофонду», Африку, по-моему, можно сравнить только с Азией. В этом отношении она намного превосходит Европу, доколумбову Америку, Австралию с Океанией. На Черном континенте находилась колыбель человечества. Здесь же, в долине Нила, зародился, а затем успешно развивался в течение тысячелетий египетский очаг цивилизации, значение которого для цивилизаций Европы, Азии, конечно, самой Африки трудно переоценить» [118, 6].

Очевидно, что в контексте создаваемой всеобщей истории полученная информация за последние полвека позво-

лит рассматривать конкретные структуры и институты Африки и Европы «как вариации на одну тему» [60, 171]. Не следует забывать того основополагающего факта, что истоки западной цивилизации, по сути дела, восходят к культуре Древнего Египта (А. Диоп), которая является негритянской. К югу от него, тоже на Ниле, в древности и средние века процветал нубийский очаг цивилизации, к юго-западу, в оазисах величайшей в мире пустыни, — сахарский, к юго-востоку, на Эфиопском нагорье, — эфиопский очаг. Между ними и за ними обитали не затронутые цивилизацией скотоводческие племена кушитов и нилотов, пигмеев и бушмены, а также другие племена и народы Тропической Африки. В средние века на огромной территории банту, которые умели выплавлять железо и мотыжить землю, создали несколько десятков раннефеодальных княжеств и царств, а на просторах южных саванн основали обширные империи (из них наиболее известна Мономотапа). Мы не говорим уже о таких типично традиционных африканских царствах, как Бурунди и Нгване в Свазиленде с их яркой, своеобразной культурой, или о суахильской цивилизации восточноафриканского побережья. При рассмотрении всей этой многокрасочной картины становления цивилизаций на Черном континенте необходимо учитывать «стадиальный» компонент понятия «цивилизация», ибо не существует «некоего универсального обязательного набора элементов культуры, знаменующих выступление того или иного народа на пороге цивилизации» [114, 5].

Археологические данные свидетельствуют о том, что в Африке существовали центры древних цивилизаций (о них до этого почти ничего не было нам известно). Благодаря раскопкам Килвы (Танзания), города-государства Восточной Африки предстали в совершенно ином виде, а руины столицы Древней Ганы Кумби-Сале оказались немymi свидетелями давно исчезнувшей цивилизации. Обнаруженные на безводных сейчас нагорьях Центральной Сахары десятки тысяч прекрасных наскальных картин и фресок дают ценные сведения о развитой культуре Африки. В ходе историко-культурного развития народов континента, рождения и становления тех или иных цивилизаций необходимо учитывать и

взаимодействие культур, например, негритянских с европейской и исламской [29, 4].

Особого внимания заслуживает колониальный период в истории Черной Африки, который зачинатели африканской историографии Аде Аджайи и Жозеф Ки-Зербо назвали периодом «колониальной аномалии» на континенте и расценили «как своего рода сошествие во ад, заслуживающее только забвения» [70, 40]. На наш взгляд, эту «колониальную аномалию» невозможно предать «забвению», ибо она «вписана» в определенную фазу глобального процесса, важными составляющими которого являются как европейская, так и неевропейские цивилизации. Именно европейская цивилизация в XVI столетии начала колониальную экспансию, причем здесь обычно выделяется два основных периода: ранняя и постпромышленная экспансия. По мнению В.А. Зарина, исходными причинами европейской колониальной экспансии являются укрепление абсолютистской власти на стадии позднего феодализма (вот почему сначала разворачивается испано-португальская колониальная экспансия) и завершение формирования предпосылок капиталистического развития Западной Европы [77, 125]. Данные причины вызвали усиление внешней агрессивности европейских государств, направленной и на Новый Свет, и на Восток, в том числе и Тропическую Африку.

Возникла колониальная система, принесшая неисчислимые бедствия многим народам мира, относящимся к кругу неевропейских цивилизаций.

На африканском континенте появление и закрепление европейских колонизаторов и связанная с ними трансатлантическая работоторговля с ее опустошительными последствиями затормозили развитие Африки, а в некоторых ее регионах даже прервали [29, 99]. В результате длительной «охоты на чернокожих», где европейским работоторговцам оказывали помощь многие африканские племенные вожди, через Атлантику для нужд Нового Света было вывезено свыше 10 млн рабов [97, 30], по другим оценкам — 14 млн [163, 122], по самой максимальной оценке — 60 млн человек [163, 211]. Если принять среднюю цифру, то это озна-

чает потерю для африканской демографии примерно 112 млн потенциальных человек.

Теперь представим себе совершенно фантастический *несбывшийся сценарий мировой истории* — *Черная Африка не колонизована европейцами* и работорговля не приняла такого гигантского размаха (не следует забывать, что некоторая меньшая часть рабов продавалась в арабский регион).

Такой сценарий возможен либо в случае, когда сохранился евразийский культурный и экономический баланс, что не позволило появиться новому евроатлантическому пространству, в рамках которого западная цивилизация начинает обгонять Восток, либо просто не возникла во всемирной истории «аномалия», каковым является именно развитие Европы от античности до наших дней, ибо остальной мир являет собою норму [233, 167]. Иными словами, такой сценарий в принципе мог бы осуществиться при наличии соответствующих исторических условий.

В данном случае *неосуществившийся сценарий мировой истории имеет как бы два лица* — *одно связано с Западом, другое определяет мир Африки.*

Рассмотрим *первое лицо* этого «неправдоподобного» сценария, в соответствии с которым резко замедляется развитие капитализма по обе стороны Атлантики.

Итак, торговли африканскими рабами практически не существует, ибо у самих африканцев рабство существовало в незначительных размерах: в рабов обращали только военнопленных или должников [144, т. I, 397]. Следовательно, работорговля не приносит никакой значительной прибыли, и поэтому она не субсидируется ни англичанами, ни испанцами и португальцами. Нет заказов на строительство специальных невольничьих кораблей с особыми межпалубными помещениями — нет и роста Ливерпулю, он остается небольшим городом. Более того, начало промышленной революции не оказало существенного влияния на развитие хлопкопрядильной промышленности Ланкашира в Англии, так как хлопок для ланкаширских фабрик поставляли большие плантации южных штатов Северной Америки. Из-за нехватки рабочих рук невозможно их расшире-

ние, поэтому не стимулируется и развитие хлопкопрядильной промышленности Англии.

В пресловутом «торговом треугольнике» Атлантики — вывоз металлических изделий, тканей, кож, различных видов огнестрельного оружия и рома из Англии на побережье Гвинейского залива, попытки обменять их на черных рабов в большинстве случаев неудачны. В случае успеха они отправляются в Америку, преимущественно в Вест-Индию. Отсюда сахар, патока и ром направляются в Англию или североамериканские колонии, поставлявших, в свою очередь, в Вест-Индию продукты питания и изделия из дерева. Плантационное хозяйство, и начавшееся было становление рабовладения в Вест-Индии, хиреет. Весьма слабая торговля рабами не создает значительных источников увеличения производимого продукта и замедляет накопление капитала Великобритании. Падение вест-индской торговли, практическая неэффективность атлантического «торгового треугольника», прекращение реэкспорта отдалило «коммерческую революцию», сопровождаемую созданием международной финансовой системы для обслуживания торговых контрагентов, не позволило Лондону стать транзитным портом мировой торговли, превзошедшим Амстердам.

Поскольку на юге Северо-Американских штатов плантации из-за недостатка рабочих рук не получили широкого распространения, поскольку ему в своем развитии пришлось стать на путь Севера, где доминировала промышленность (хотя и пришлось развивать сельское хозяйство фермерского типа). Это значит, что хлопок и табак Юга не занимают значительного места в торговле с Европой. Переориентация экономики юга приводит к укреплению союза Северо-Американских штатов, и они избежали возможной гражданской войны.

Не менее существенно и то, что Соединенные Штаты Америки не знают ужасных и кровопролитных столкновений на расовой почве, что в них представления не имеют о сожжении негров на костре или их линчевании. В конце XX столетия здесь достаточно спокойно — никаких проявлений расовой ненависти со стороны негров к белым, никаких массовых столкновений с многочисленными жертвами и значи-

тельными разрушениями. Тем самым Америка не теряет контроля над собственным развитием, ибо не существует такого дестабилизирующего мощного фактора, как расовая проблема на основе отношений белых и черных, этого горючего и легко воспламеняющегося материала. Напротив, Америка достаточно эффективно использует наличие в ее многонациональной державе незначительный процент негров в экономических, политических и культурных связях с могущественными государствами и высокоразвитыми цивилизациями Черной Африки.

Имеют значение для англоамериканской цивилизации и культурные контакты с богатыми и своеобразными культурами африканского континента, особую значимость приобретает традиционное мироощущение негров в решении глобальной экологической проблемы. Ведь «африканец верит в священное увековечивание порождающих сил его линии происхождения...», он исходит из веры в то, что «нечеловеческие элементы природы (деревья, животные и неорганические сущности) представляют собой продолжение, а также средства жизни тех, кому они принадлежат» [148, 30]. Именно подобного рода концепция жизни начинает играть плодотворную роль в решении одной из трудных глобальных проблем.

Достижения культур цивилизаций и народов Черной Африки дополняют плоды «англопротестантской цивилизации» (Э. Урбанский). Американцы очарованы блеском иной, негритянской культуры. Англопротестантской цивилизации, созданной колонистами из Англии и других англосаксонских стран, не хватает глубокой традиционной, европейской культуры. В отличие от Латинской (Иберийской) Америки, куда испанцы принесли блестящую культуру Возрождения, англосаксы привезли с собой бедную пуританскую культуру с ее строгой моралью и утилитаризмом [278, 46-47]. Поэтому американцы потянулись к негритянской культуре с ее музыкой, танцами, живописью и мифологией. Знаменательно, что молодые американские музыканты обратились «к гармонической архитектонике блюзов и популярных песен, заложивших фундамент для развития джаза» (созданного неграми), что они заново «открыли красоту звучания неэлектронных инструментов» [157, 29]. В целом можно сказать, что *афри-*

канские культуры оказали благотворное влияние на молодую североамериканскую культуру.

Теперь рассмотрим второе лицо неосуществленного сценария — *эволюция мира Черной Африки, не обескровленной трансатлантической торговлей.*

С начала XVI века на подъеме находится внутриафриканская торговля, а в XVII столетии увеличился товарооборот транссахарской торговли по дорогам Западного и Центрального Судана. Это увеличило богатство Северной Африки, через которую товары из стран европейского Средиземноморья проходили на рынки Гао, Дженне и Томбукту. Тот же Томбукту, основанный в 1100 г. туарегами, славился своими университетами и процветающей торговлей. Его называли самыми экзотическими именами: «Царица пустыни», «Ключ к Сахаре», «Жемчужина Судана», а один старый суданский летописец следующим образом определил его значение на заре XIV века: «**Это место встречи пироги и верблюда**» [41, 211]. Под пирогой подразумевается Судан с его плодородием и изобилием во всем, тогда как верблюд означал всю Северную Африку со всеми ее богатствами и Европу, представленную складами с товарами в портах «варварских» государств. Томбукту выступал в качестве посредника между югом и севером, он соединял берберо-арабский мир и страну «черных». Но Томбукту был не только торговым центром, он был также интеллектуальной столицей этого громадного региона вплоть до середины XX века.

В социокультурном регионе побережья Бенинского залива не позже X-XIV вв. появились первые государственные образования, затем образовалась держава, или «империя», состоявшая из городов-государств, государств и догосударственных образований различных этносов. Подавляющее большинство городов в странах побережья Бенинского залива были созданы йоруба или при их участии, ибо это самый урбанизированный народ в Тропической Африке средневековья. Недаром подчеркивается, что «йоруба живут в городах столько, сколько помнят себя, и презирают своих соседей, у которых не было городов и царей» [251-252]. Со временем здесь возникли мощные государства и блестящие цивилизации с их великолепной культурой, причем знаме-

нитое искусство Ифе и Бенина получило импульс для своего дальнейшего развития. Так как в этих цивилизациях жизнь каждого индивида была гарантирована от нападений диких зверей и вражеских набегов, то с них взяли пример и другие народы Тропической Африки.

В Восточной Африке тоже процветают великолепные цивилизации, своими корнями уходящие в седую древность. Достаточно упомянуть Эфиопию, где когда-то существовала аксумская цивилизация с дворцами в шесть и даже четырнадцать этажей — целые небоскребы в Африке, воздвигнутые в начале нашей эры. А изумительные храмы, созданные по распоряжению христианского царя Лалибэлы (1190-1228 гг.): их особенность в том, что их не строили, а ваяли. Мы не говорим уже о прекрасной исламской цивилизации суахили, расположенной на восточноафриканском побережье. Обитатели этого региона — от сомалийского города Варшейка до мозамбикского мыса Делкаду — имеют общие обычаи, традиции, религию, национальную психологию и самобытную, зрелую и самостоятельную культуру.

Суахильская цивилизация, унаследовавшая много элементов арабо-мусульманской культуры, оригинальная эфиопская цивилизация, представляющая редкий пример преемственности культуры на протяжении двух с половиной тысяч лет, превосходит западную цивилизацию по целому ряду параметров. А чего стоит философия догонов с их необычной космологией! Хотя есть и нецивилизованные бушмены.

Но многое из этого так и не осуществилось из-за европейского колониализма.

Государство Израиль возникло в 1920 году

В конце второго тысячелетия немаловажное место в развитии мировой цивилизации занимает Ближний Восток. Он находится на историческом перекрестке, где происходят события, способные в значительной степени определить судьбу следующих поколений народов как самого Ближнего Востока, так и всего мира, ибо он является одновременно и горячей и стратегической зоной современного глобального исторического процесса. Именно на этом историческом и геостратегическом перекрестке находится государство Израиль, которое занимает второе место в мире по числу проживающих в нем евреев. Оно проводит политику мира с окружающими его арабскими соседними государствами, чтобы обеспечить нормальную жизнь своим гражданам. **«Мы в Израиле решили сделать все, — отмечает Ш. Перес, — чтобы у наших детей и внуков была перспектива более безопасной, мирной жизни»** (Перес Ш. Новый Ближний Восток. М., 1994, с. 19). Ведь вся история израильского народа — это история преследований и гонений на протяжении двух тысяч лет после потери независимости еврейским государством.

Исторической родиной евреев является, как известно, современная Палестина, которая в глубокой древности называлась Иудея (это название привилось всей территории страны после падения в 722 г. до н. э. Израильского царства), и только римский император Адриан после восстания Бар-Кохбы в 135 г. в административном порядке переименовал ее в Палестину. На иврите эта страна носит название «Эрец-Исраэль» — родина еврейского народа, где он сформировался

как нация со всем его духовным обликом. И хотя Эрец-Исраэль весьма долгое время входила в качестве незначительной провинции в различные государства (Рим, Византию, Арабский халифат и Турецкую империю), она прежде всего была святой страной иудаизма.

Необходимо отметить уникальный феномен в истории человечества — связь еврейского народа с Эрец-Исраэлем, который как независимая геополитическая культурная единица никогда не существовал вне контекста еврейской истории: «Народ, изгнанный из своей земли и веками рассеянный по всему миру, никогда не утрачивал связи с исторической родиной. Мировоззрение еврейского народа основывалось на мессианстве, т. е. вере в избавление человечества и возвращение евреев в Эрец-Исраэль. Этим упованием проникнуто все духовное творчество еврейского народа в многовековой диаспоре, и неоднократно возникавшие мессианские движения стремились свершить чудо избавления. В стране Израиля, несмотря на жесточайшие преследования и перемещения еврейских демографических и культурных центров, неизменно оставалась часть еврейского населения. Чаяния политической независимости всегда были прочно связаны в еврейском сознании с Эрец-Исраэлем, и за всю многовековую историю изгнания не было предпринято ни одной попытки обрести политическую независимость в какой-либо из стран расселения» (Израиль. Географический справочник. Иерусалим, 1990, с. 1–2).

Необходимо подчеркнуть, что в истории человечества наступило время осуществления чаяний еврейского народа — первая половина XX столетия. Этот период оказался весьма бурным, жестоким и кровавым и для евреев, и для других народов мира. Причем его предпосылки были созданы в конце прошлого века.

Именно тогда начал вырисовываться новый контур решения еврейского вопроса. Венский писатель и публицист Т. Герцль, первоначально сторонник ассимиляции и всеобщего крещения детей как очевидного решения еврейской проблемы (см. Roth C. A Short History of the Jewish People. L., 1969. p. 410) после взрыва французского антисемитизма в связи с

делом Дрейфуса стал приверженцем создания израильского государства. После I сионистского конгресса (Базель, 1897) — как первый президент Всемирной сионистской организации — стремился осуществить древние устремления еврейского народа во встречах с главными деятелями тогдашней Европы: ему пришлось беседовать с Вильгельмом II и Николаем II, вести переговоры с султаном Абдул Гамидом II, в последний год жизни сумел вступить в контакт с папой Пием X.

В январе 1904 года Пий X дал аудиенцию Т. Герцлю, на которой заявил: «Не можем поддерживать это движение... Евреи не признали нашего Господа, поэтому не можем признать еврейский народ». Его оппонент выдвинул принцип *res sacrae extra commercium gentium* (священные предметы вне обычного международного общения). Однако папа не уступал, утверждая, что, хотя турецкое владычество над Святой Землей является весьма неприятным, однако «мы не можем дать санкции на занятие этого места евреями». Т. Герцль объяснял, что речь идет не о Иерусалиме, а о Палестине, только о мирской территории, но папа оставался непреклонным (см. Horoszewicz M. *Przez dwa millenia do rzymskiej synagogi // Czlowiek i swiatopogland*. 1988. № 4. S. 72). Фактически перед нами нечто похожее на торг — если евреи признают Христа (т. е. примут католичество), тогда вопрос будет решен положительно.

Политические контакты тем не менее не прекращались. В 1917 г. по поручению Х. Вейцмана, тогдашнего лидера Всемирной сионистской организации (ВСО), варшавский журналист Соколов встретился с несколькими кардиналами папской курии, а затем с папой Бенедиктом XV. Последний не смог удержаться от удивления: «Возрождение Израиля через народ Израиля. В этом состоит замысел сионизма? Что за поворот судьбы! Девятнадцать столетий назад Рим уничтожил вашу родину, а теперь, когда Вы стараетесь ее воссоздать, Вы избрали путь, ведущий через Рим». На что Соколов возразил: «Рим рухнул вскоре, а Израиль же существует до сих пор и будет дальше существовать, причем он обладает достаточной жизненной силой, чтобы добиваться возвращения своей земли...» Бенедикт XV тогда ответил: «...Да, та-

кова воля Божественного Провидения, этого желает Всемогущий ...» Представитель ВСО изложил папе следующую программу: «Наша программа охватывает два направления: создание еврейского духовного и культурного центра и одновременно с этим основание там для евреев Народного Домашнего Очага. Стремимся возвести обширный центр, в котором евреи могли бы свободно развивать свою культуру...». Папа в связи с этим заметил: «... Это великая мысль!» (Nogoszewicz M. Op. cit. 73). Представитель ВСО далее изложил все детали программы и отметил, что в ее осуществлении значительную роль играет Великобритания.

Здесь следует отметить, что, наряду с сионистской программой решения ключевой еврейской проблемы — воссоздание государства Израиль — имелись еще три проекта, выработанных представителями Хаскалах (еврейского Просвещения, зародившегося в Германии XVIII в. и распространившегося в Восточной Европе XIX в.).

В Хаскалах входили интеллектуалы, стоявшие в оппозиции к истеблишменту общин. Именно они, чтобы продемонстрировать свое отличие от нормативной еврейской культуры, создали потенциально новую форму гебрайского самосознания. Известный американский ученый Д. Байэль в своем исследовании «Сила и бессилие в еврейской истории» пишет об их деятельности следующее: «В короткий период между концом XIX века и второй мировой войной развивалась новая еврейская политическая жизнь. В наиболее острый момент еврейской истории, между Хаскалахом и Холокаутом, множество политических партий и движений соревновались в поддержке миллионов европейских евреев, особенно в Восточной Европе. В самых малых еврейских общностях процветали политические партии, молодежные движения, газеты и клубы. Сионисты, бундисты, либералы, сторонники ассимиляции и религиозного возрождения, революционеры-социалисты всех цветов и оттенков соперничали друг с другом за своих последователей... В 1917–1919 годах четыре основные еврейские идеологии этого периода — сионизм, социализм, либерализм и территориализм, — кажется, совпали в до-

стижении первого этапа успеха» (Biale D. *Power and Powerlessness in Jewish History*. N.-Y. 1989. P. 118–119).

Действительно, сионистское движение сумело добиться поддержки Великобритании, к которой в виде подмандатной территории отошла Палестина. Министр Вальфур провозгласил свою «Декларацию» в поддержку идеи еврейской Палестины под протекторатом Британии (см. Рид Д. Спор о Сионе. М., 1993, с. 267).

«Почти в то же самое время Октябрьская революция свергла царизм, под чьей властью находились миллионы евреев. Социалистический подход к национальному вопросу большевиков, казалось, открывал новую эру в его решении.

Создание Веймарской республики в конце первой мировой войны вроде бы предвещало триумф либерализма, хотя здесь происходила борьба за полную социальную и политическую эмансипацию евреев в Германии.

И, наконец, Версальский мирный договор установил принцип национальных прав меньшинств в новых государствах Восточной Европы.

Казалось, что осуществилась программа бундовцев и других «территориалистов», согласно которой евреи получили политическую и культурную автономию в мультиэтнической Восточной Европе.

Однако в течение следующих десятилетий «трем из этих четырех идеологий был нанесен смертельный удар в Европе: социализм как результат сталинских чисток; либерализм в Веймарской республике, с выросшим из нее нацизмом, и территориализм, с развившимися фашистскими режимами в Восточной Европе — и конец всех трех в Холокаусте» (Biale D. *Op. cit.* P. 119).

И только четвертая — идеология сионизма — оказалась жизнеспособной. Ведь все «европейские» решения еврейского вопроса после нечислимых жертв нацизма (всего, как известно, немецкие фашисты уничтожили более 6 млн евреев), после Холокауста оказались просто бессмысленными. Для всех евреев в мире остались только два решения, а именно: сионизм и американский плюрализм.

Однако и американский плюрализм не смог решить данный вопрос, как показал в своей работе преподаватель исто-

рии польских евреев Тель-Авивского университета Д. Энгель («Западные союзники и Холокауст»). Причины заключались прежде всего в личном негативном отношении к евреям со стороны функционеров государственной администрации, ответственных за иммиграционную политику. В качестве примера можно привести антисемитизм заместителя американского государственного секретаря Лонга (он заведовал отделом виз), который «хотя и был не таким грубым, как нацистский... исходил из тех же положений» (Horoszewicz M. Oksfordzki rocznik studiow polsko-zydowskich // Czlowiek i swiatopogland. 1988. № 7. S. 107). Сам Лонг был «атавистическим националистом: в чужих он видел угрозу для американской культуры и поэтому с конца 1940 года задерживал, как только мог, тонкий поток беженцев в США. Аналогично и власти Канады находились в шорах этнических предрассудков, ибо место небелого и нехристианина видели только в шахтах, на рубке леса, на развалившихся фермах. Это ограничивало возможность использования евреев-беженцев в хозяйстве страны, причем данный подход усиливала антисемитская риторика.

Знаменательно, что иммиграционная политика осталась почти без изменений даже в 1945 году и позже, когда факты уничтожения людей были известны канадским властям. Рост антисемитизма в 1937-1944 годах является главным элементом негативного отношения американского общественного мнения против иммиграции беженцев. Большинство американцев, по мнению Д. Энгеля, «придерживалось средневековых представлений о том, что преследование евреев было необходимой карой за еврейский грех убийства бога» (Цит. по: Horoszewicz M. Op. cit. P. 107-108). Перед нами необычайно существенная констатация, показывающая, в какой степени церковная абберация «убийства бога» могла косвенно способствовать увеличению потерь еврейской популяции в годы второй мировой войны. К тому же американцы больше были заняты работой, слишком много уделяли внимания японской угрозе и предрассудкам против мексиканцев и негров, чтобы интересоваться евреями. Те же, которые интересовались, стремились скорее покарать виновника, чем помочь его жертве.

Великобритания приняла 300 тысяч беженцев из Голландии и Бельгии, десятки тысяч греков и югославов разместила на Ближнем Востоке. С 1942 года она обеспечивала продовольствием Грецию, оккупированную странами «оси», но постоянно отказывала принимать еврейских беженцев более 2 тысяч ежегодно. Ведь евреи не стали «примирившимся народом» (здесь имеется в виду то, что они не перешли в христианскую веру), а без этого «ограниченные горизонты бюрократического мышления» (Horoszewicz M. Op. cit. P. 108) не признавали за ними права получать помощь.

Еще одной причиной явилось «странное» недоверие западных союзников к сообщениям об уничтожении евреев. В США не пришли в движение две силы, которые, возможно, смогли бы возбудить общественное мнение, чтобы оказать давление на правительство: церковь и организованная еврейская общность. Очевидно, что если бы американские евреи оказались более прагматиками, нежели идеологами, то многих евреев удалось бы спасти от Холокауста. Неудивительно, что Д. Энгель считает Запад виновным перед евреями задолго до возникновения Второй мировой войны, ибо в эпоху Холокауста правительства западных союзников не желали видеть неоспоримых политических, стратегических и правовых доводов, чтобы спасти евреев из смертоносного ада гитлеровских концлагерей. Очевидно, прав американец Фейнгольд, утверждающий, что «в итоговом анализе черным пятном этого вопроса может быть не государственный департамент и не группа определенных функционеров, а сам характер народа-государства» (Horoszewicz M. Op. cit. S. 108). Таким образом, американский плюрализм не смог решить еврейский вопрос в силу указанных выше причин; его смог разрешить именно сионизм, опирающийся на американскую поддержку.

Вскоре после второй мировой войны с ее геноцидом евреев Генеральная Ассамблея ООН принимает постановление о ликвидации мандата Англии в Палестине и разделе ее на два государства — израильское и арабское. В мае 1948 года палестинские евреи создали государство Израиль, которое в спровоцированной арабами-палестинцами войне оккупировало остальную часть Палестины и заняло западную часть

Иерусалима. С тех пор «Ближний Восток — это хранилище коллективной памяти человечества, погрязшее в трясине регионального конфликта» (Перес Ш. Указ. соч. С. 62), оказывает немаловажное влияние на ситуацию в мире.

Представляет интерес промоделировать ситуацию в случае, если бы государство Израиль возникло в 1920 году, и посмотреть, каковы бы были тогда контуры международного порядка.

Поэтому рассмотрим данный неосуществленный сценарий мировой цивилизации, чтобы высветить имеющиеся в то время потенции развития мира.

Прежде всего существенно то, что к этому времени «Британия получила несколько значительных наград, включая Танганьiku, Палестину и, что было важнее всего, Иорданию и Ирак (с нефтяными месторождениями Киркука и Мосула), которые сделали ее господствующей силой на всем арабском Ближнем Востоке» (Джонсон П. Указ. соч. Ч. 1, с. 56). В соответствии с «Декларацией Бальфура», чтобы поощрить их уход из Западной и Восточной Европы, евреи получают свой национальный дом в Палестине.

Заняв Палестину, евреи берут на себя все бремя организации страны. Однако они в течение 10-15 лет действуют под временным протекторатом Великобритании. Возникает несколько парадоксальная ситуация — государство Израиль вроде бы есть и в то же время его будто бы и нет. Именно из такого положения Израиль сумел извлечь максимум выгоды. «В течение десяти лет после того, как английскому народу был навязан палестинский «мандат», международной пропагандой поддерживался тезис, будто бы т. н. «еврейский национальный очаг» в Палестине будет, под защитой Англии, всего лишь «культурным центром» иудаизма, не представляющим для арабов никакой угрозы: своего рода иудейской Меккой с университетом, библиотекой и земледельческими поселениями» (Рид М. Указ. соч. С. 306).

«Мандат» Великобритании на Палестину оказал немалую помощь сионистам в решении целого комплекса задач.

Во-первых, великая держава помогает евреям найти общий язык с местным арабским населением. Не следует забывать того существенного факта, что великие арабские заво-

евания начала мусульманской эры не привели к созданию арабской нации, но они генерировали элементы, из которых в течение многих сотен лет страданий и унижений западные идеи смогли сформировать облик современных арабских государств (см. Goiten S. D. *Jews and Arabs*. N.-Y., 1974. P. 216). Это благоприятствует установлению более или менее нормальных отношений с коренным арабским населением. Более того, израильтяне не стремятся силой захватывать земли у арабов — они предпочитают их выкупать. Но в случае отдельных бунтов и мятежей арабов именно английские вооруженные силы подавляют их.

Во-вторых, английское правительство передает организацию еврейского «содружества наций» полностью в руки евреев. Благодаря этой организации начинается миграция евреев из Западной и Восточной Европы.

Миграции евреев из Европы способствовала сложившаяся в ней ситуация после подписания Версальского мирного договора. Ведь «именно в Центральной и Восточной Европе насилие и этнический антагонизм, который его провоцировал, были самыми острыми, широко распространенными и продолжительными. С 1919 г. до 1922 г. там велось двадцать или более малых войн. Они были слабо освещены в западной историографии, но оставили ужасные следы, которые были болезненными в некоторых случаях вплоть до 60-х годов, и непосредственно способствовали хронической нестабильности в междувоенной Европе. Версальский договор, преследуя осуществление принципов самоопределения, фактически создал больше, а не меньше меньшинств, причем более яростных (многие из них были немецкие или венгерские), вооруженных куда более вескими поводами для недовольства. Новые националистические режимы считали, что могут позволить себе быть намного нетоперантнее старых империй. И вследствие того, что перемены повредили экономическую инфраструктуру (особенно в Силезии, Южной Польше, Австрии, Венгрии и Северной Югославии), каждый стал еще беднее, чем раньше» (Джонсон П. Указ. соч., ч. I, с. 50).

В той же Польше из 27 миллионов человек населения ев-

реев насчитывалось 3 миллиона, они занимались в основном торговлей и имели своих депутатов в сейме. Однако Польша не соблюдала специальный договор, гарантирующий права ее меньшинств, в том числе и евреев. Поэтому евреи стали потихоньку эмигрировать в Израиль, принося туда свои немалые капиталы и свой жизненный опыт.

Надвигались неблагоприятные времена для евреев и в Германии, где массы немцев, находящиеся в условиях обнищания, начали прислушиваться к тому, что вещал руководитель национал-социалистической рабочей партии Гитлер. В его книге «Майн кампф», которую он начал писать в 1924 году, сквозит страшная ненависть к евреям. Нелишне отметить, что Гитлер использовал при этом известную книгу Г. Форда «Международное еврейство». Основатель автомобильной династии откровенно юдофобствует: «Мы обязательно встретим евреев в высших кругах — там, где сосредоточена вся власть. В этом-то и состоит суть еврейского вопроса. Как им удастся пробраться на самый верх во всех странах? Кто содействует им?... Что они делают наверху?... В каждой стране, где еврейский вопрос становится жизненно важным, выясняется, что причина возникновения его — в еврейском умении держать власть под своим контролем. Здесь, в Соединенных Штатах, — неоспоримый факт: за последние 50 лет это меньшинство добилось такого контроля, который был бы невозможен для какой-либо иной национальной группы, превосходящей его по численности в десятки раз» (Форд Г. Международное еврейство. М., 1993, с. 9). Г. Форд считал, что существует «еврейский заговор», направленный на разрушение христианского мира и захват власти в глобальном масштабе.

В этом был уверен и Гитлер, считавший, что евреи скрываются под маской религии: «Так, во все времена евреи гнездились в чужих государствах и образовывали внутри них свое государство, маскируя последнее под псевдонимом «религиозная община»... Евреи живут, как паразиты, на теле других наций и государств. Это и вырабатывает в них то свойство, о котором Шопенгауэр должен был сказать, что «евреи являются величайшими виртуозами лжи». Все существование еврея толкает его непрерывно ко лжи» (Гитлер А. Моя борь-

ба. М., 1992, с. 256). Проницательные евреи, проштудировав вдоль и поперек гитлеровскую библию «Моя борьба» и увидев отряды коричневых штурмовиков, сделали вывод, что необходимо эмигрировать из Германии. В течение 10 лет им удалось более или менее спокойно покинуть эту страну, перевести свои капиталы в международные банки и, в основной массе, осесть в Израиле.

Следует отметить, что они сделали это во-время, ибо Веймарская республика была уже обречена на гибель. В своей «Второй», или Тайной, книге, написанной в 1928 году, Гитлер весьма четко изложил свои цели: процесс «очищения» (ликвидация евреев) был очень существенным для всей долгосрочной стратегии тысячелетнего рейха (см. *Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahre 1928. Stuttgart, 1961*). Эта стратегия быстро рухнула из-за миграции основной массы евреев в Палестину — «землю обетованную». Но самым неприятным последствием для Гитлера явилось то, что он лишился возможности сделать евреев (в полном соответствии со своей расовой теорией) козлами отпущения, натравить на них немецкий народ. Именно евреи должны были, по его замыслу, отвечать за все беды, обрушившиеся на Германию, что цементировало бы нацию, давая фюреру возможность манипулировать ею. Кроме того, Гитлер не смог бы ограбить евреев, согласно разработанному плану «хрустальной ночи». Он лишился, как говорят проведенные расчеты, свыше 5 миллиардов марок, которые предполагалось вложить в военную промышленность. В силу этого фюрер не смог осуществить свои грандиозные планы завоевания сначала всей Европы, а потом и всего мира. Ведь любая война требует немалых финансов и если их нет, то ничего не получится с мечтами о господстве.

Поэтому Гитлеру ничего не оставалось делать, как обрушить всю свою пропаганду на большевиков. Германия стала готовиться к войне, чтобы завоевать жизненное пространство в Европе, и в первую очередь Англию. Но и здесь он просчитался, ибо Израиль в 1937 году вышел из-под формальной опеки Великобритании. А так как Израиль обладал гигантскими финансовыми возможностями (он инвестировал солидные средства в нефтяные разработки на Ближнем Вос-

тоже, способствовал бесперебойному притоку сырья из этого региона, обеспечивал свободу капиталовложений и продажу товаров в ближневосточных странах) и в значительной степени влиял на политику Великобритании, то он содействовал ее экономическому и стратегическому укреплению. Израиль выкупает португальский Мозамбик и на определенных условиях передает его Англии, чтобы получился Британский африканский доминион. Этот огромный территориальный конгломерат, простиравшийся от Виндхука до самого Найроби, охватывал «почти все ископаемые богатства Африки, исключая Конго, и около трех четвертей лучших ее земледельческих площадей» (Джонсон П. Указ. соч., Ч. I, с. 57). Кроме того, появление большого доминиона в Африке позволяло превратить весь Индийский океан в «Британское озеро» и решить тем самым вопросы безопасности самой мощной империи. И когда Гитлер стал реализовывать свой план «Морской лев», чтобы завоевать Англию, его армии потерпели сокрушительное поражение — на него напал Советский Союз, который сам стремился установить господство в Европе.

Однако и этот сценарий мировой цивилизации остался неосуществленным в силу ряда обстоятельств.

Чан Кайши расстрелян в декабре 1936 года

высокоразвитых странах Запада и России проявляется весьма большой интерес к успехам Китая, который, по прогнозам японских экспертов, уже через 15 лет выйдет на первое место в мире по общему объему производимой продукции. Не следует забывать, что в этой социалистической стране уже с 1978 года идут экономические реформы, инициатором которых стал один из самых ловких политиков нашего бурного века и соратник Мао Цзэдуна Дэн Сяопин. *Возникает вопрос о том, каким стало бы лицо мира, если бы Китайская Народная Республика образовалась не в 1949 году, а на 12 лет раньше.* И это ведь могло произойти не только в силу случая (предлюбопытно, что для дальневосточного мышления случай — это и есть закон), когда появилась возможность ликвидировать Чан Кайши, но и благодаря сложившимся объективным условиям.

Известно, что в 1911 году в Китае на смену тысячелетней империи пришла республика под президентством мыслителя и реформатора Сунь Ятсена. Его программа представляла собою «Три народных принципа»: национализм (свержение маньчжурской династии и восстановление суверенитета китайцев), народовластие (установление демократии) и благосостояние (уравнение прав на землю).

Для реализации этой программы Сунь Ятсеном еще в эмиграции стал во главе революционной «национальной» партии Гоминьдан. Когда в России свершилась Октябрьская революция 1917 г., он установил контакт с Лениным, бла-

годаря чему советское правительство направило в Китай видных военачальников и политического советника (Бородин). Нет ничего удивительного в том, что партия Гоминьдана превратилась в центр, притягивающий все левые китайские силы. После смерти Сунь Ятсена Гоминьдан возглавил Чан Кайши, сумевший приобрести большую популярность и в Китае, и за рубежом.

«В 20-е годы и позже Китай был раздираем гражданской войной между различными милитаристскими лидерами, — пишет И. М. Дьяконов. — Объединение в Гоминьдане левых радикалов с коммунистами оказалось недолговечным. Бывшие союзники стали вооруженными врагами, разделившись и территориально. Чан Кайши никогда не осуществлял власть на всей территории Китая, и столицей его был не Пекин и даже не Нанкин, а Чунцин на юго-западе страны. Однако большинство государств мира признавало именно Китай Чан Кайши» (Дьяконов И. М. Пути истории. М., 1994, с. 294). Это связано, в частности, с тем, что в 1926 году Чан Кайши стал главнокомандующим, причем в результате знаменитого Северного похода (его план был разработан советскими военными специалистами вместе с Блюхером) к контролируемым им территориям оказался присоединен ряд многонаселенных провинций и крупных городов. Именно армия превращалась в опору новой власти в подотчетных Чан Кайши провинциях. Он образовал национальное правительство, заставил признать его северных милитаристов, объединив тем самым Китай. «Все политические силы в стране, кроме коммунистов, резко осудивших переворот и начавших собственную революционную борьбу, признали правительство Чан Кайши» (Васильев Л. С. История Востока. М., 1993. Т. 2, с. 213).

В 1931 году в Маньчжурию вторглись японские войска под надуманным предлогом и оформили ее захват как «освобождение» империи Маньчжоу-Го. Императором был поставлен внук последней властвующей императрицы Цы Си, по ее завещанию провозглашенный императором Китая в годовалом возрасте Пу И. Данная опера-

ция обострила междоусобные разногласия, которые ввергли Китай под властью Гоминьдана в длительную войну — с северными милитаристами, с Японией, позже с Красной армией Мао Цзэдуна.

Для нас существенным является то, что Чан Кайши повел борьбу с коммунистическими армиями. Английский исследователь П. Джонсон в своей оригинальной монографии «Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы» пишет о сложившейся ситуации следующее: «Летом 1934 г. коммунистические армии Китая с политическим комиссаром Чжоу Эньлаем были близки к разгрому от рук гоминьдановских сил Чана и его германских советников фон Зеекта и фон Фалькенхаузена. Осенью коммунистические военачальники решили начать акцию, ставшую позднее известной как «Великий поход», якобы для борьбы с японцами на севере, а на самом деле — чтобы избежать окружения пулеметными гнездами и колючей проволокой Чан Кайши... Примечательным было то, что во время похода Мао впервые взял в свои руки контроль над основными коммунистическими силами» (Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. М., 1995. Ч. I, с. 363).

В конце 1936 г. «Великий поход» был завершен и одновременно заканчивался процесс концентрации власти в руках Мао Цзэдуна, который считал, что необходимо расстрелять Чан Кайши. И надо же такому случиться, что именно в это время произошел «Сианьский инцидент», когда генерал Чжан Сюэлян отдал приказ своим частям арестовать Чан Кайши: «Было раннее утро 12 декабря. Чан Кайши вскочил с постели, едва послышались звуки приближающейся стрельбы. Бросился в нижнем белье к задней двери, она оказалась заблокированной. Что же все-таки произошло? Если восстание, то силы слишком неравны: в распоряжении Чан Кайши всего лишь несколько десятков охранников и солдат. Стрельба между тем не затихала. Чан понял: это мятеж, «заговорщики» осмелились поднять руку на «вождя нации»! Они приближались к резиденции. Охранники

просили генералиссимуса как можно скорее, пока есть возможность, скрыться...» (Воронцов В.В. Судьба китайского Бонапарта. М., 1989, с. 151-152).

Однако скрыться Чан Кайши не удалось, его обнаружили и под охраной привезли в штаб к Янь Хучэну. В Сиань прибыл Чжоу Эньлай и от имени ЦК КПК предложил мирным путем урегулировать инцидент, чтобы объединить Китай в целях борьбы с Японией (в этом был заинтересован Коминтерн). И Чан Кайши, который сделал немало в последние годы для уничтожения коммунистов, благодаря позиции Мао Цзэдуна (подавившего свои эмоции, чтобы спасти своего политического и личного противника) избежал расстрела. И дальше события пошли своим путем, закончившимся победой Мао Цзэдуна и образованием в 1949 году КНР.

Весьма интересно рассмотреть данный случай: Чан Кайши расстрелян, и как могли бы после этого развиваться события в Китае дальше?

Поэтому займемся данным неосуществленным сценарием мировой истории, чтобы увидеть альтернативный вариант этого процесса.

Итак, предположим, что Мао Цзэдун удовлетворил свои политические и личные амбиции, настояв на расстреле Чан Кайши. Его действия совпадали с интересами политических сил разной ориентации: «В Нанкине сианьские события были восприняты по-разному. Многие среди высокопоставленных правительственных чинов потирали руки: будущее Китая не может, как полагали они, ставиться в зависимость от Чан Кайши... Японцы, а к ним примыкали немцы и итальянцы, подумывали о создании в сотрудничестве с Хэ Инцином прояпонского марионеточного правительства во главе с Ван Цзынвэем» (Воронцов В.В. Указ. соч., с. 153-154).

Однако действия Мао Цзэдуна в деле с расстрелом Чан Кайши вызвали негативную реакцию Советского Союза, ибо они задели его интересы, а именно: Москва стремилась уйти от конфронтационной политики с Японией. И как раз-таки к моменту «сианьского инцидента» для этого сложилась весьма благоприятная ситуация. В начале 1936 года молодые

японские офицеры подняли путч, в котором приняли участие 1500 солдат токийского гарнизона (в их состав входили гвардия, два элитных полка и артиллерийские части). Ими были заняты суд. здания парламента и штабы армии, флота и полиции, окружен императорский дворец. Специальные взводы ликвидировали адмирала Сайто, начальника военного образования и министра финансов и стремились расправиться с императором. Император и премьер-министр адмирал Окадо уцелели, а флот вместе с императорской гвардией подавил путч (см. Byas H. Government by Assassination. L., 1943. P. 173-192)

По мнению П. Джонсона, попытку путча, вопреки общепринятому толкованию ее как пронацистской, следует рассматривать в свете интересов советской политики (см. Джонсон П. Указ. соч. ч. I, с. 362). Ведь исполнители путча, сознательно или нет, сыграли на руку Москве в идеологическом плане. **Манифест молодых офицеров осуждал «многих людей, чьим главным стремлением и целью было накопление личного материального богатства в ущерб благосостоянию и процветанию японского народа... Генро, высшие государственные служащие, военные клики, плутократы, бюрократы и политические партии — все они были предателями, разрушавшими национальную духовную сущность»** (Tolland J. The Rising Sun: the decline and fall of the Japanese Empire. L., 1971. P. 21).

Путчисты ориентировались на установление в Японии путем соединения марксизма и Кодо («Путь империи») некой коммунистической формы, с коммунистическим марионеточным императором. К такому выводу пришел советский разведчик Рихард Зорге, внедрившийся в нацистское посольство в Токио. «Он сделал вывод и информировал своих хозяев в Москве, — подчеркивает П. Джонсон, — о том, что бунт помог бы советской политике, так как означал бы отход от «северной» тактики конфронтации с Россией по границе с Маньчжоу-Го в сторону дальнейшего проникновения в Китай. Это было вдвойне хорошо для Сталина, так как широкомасштабная война между Китаем и

Японией не только бы исключила нападение на его уязвимые восточные базы, но, по всей вероятности, заставила бы Чан Кайши и Гоминьдан оставить свои противоречия с китайскими коммунистами, чтобы образовать Народный фронт и таким образом приблизить момент присоединения Китая к советскому блоку» (Джонсон П. Указ. соч., ч. I, с. 362-363).

И действительно, путчисты настаивали на большей активности японской военной политики в «северном» направлении, как это часто бывает, правительство расправилось с путчистами (тринадцать вожаков были наскоро осуждены и тайно повешены) и восприняло их идею, придав ей «южную» ориентацию, как и предполагал Р. Зорге.

Японскому правительству нетрудно было это сделать, ибо с начала 1935 года оно выдвинуло общий план захвата Китая в рамках так называемого японо-китайского политического и экономического «сотрудничества». Все коварство политики Японии заключалось в стремлении выглядеть в виде дружелюбного восточного «защитника» и «брата» Китая: тогда можно будет достигнуть поставленных целей путем торговли, дипломатии, нажима и пропаганды. В октябре этого же года подобного рода политика была сформулирована министром иностранных дел Хирото как «три принципа Хирота». Нанкину рекомендовалось пойти на «тесное сотрудничество» со Страной восходящего солнца в военной, экономической и политической сферах. Японская сторона особо подчеркивала «пожелание», чтобы Китай «воздерживался» от помощи всех других стран, кроме Японии, «согласовывал» с Японией свою внешнюю и внутреннюю политику, а также широко использовал «содействие» Японии в подавлении антияпонского и коммунистического движений (см. Новейшая история Китая. 1917-1970 гг. М., 1972, с. 158). Иными словами, осуществление на практике «трех принципов Хирота» означало превращение Китая в марионетку Японии.

Япония еще до неудавшегося путча начала проводить в жизнь «южную» ориентацию на аннексию Китая. Известно, что уже в мае 1935 г. под предлогом преследования партизан-

ского отряда японские войска вторглись в демилитаризованную зону провинции Хэбэй. Одновременно с этим Япония предъявила ультиматум китайскому правительству. Согласно ему, были отправлены в отставку антияпонски настроенные губернаторы провинции Хэбэй и Чахар, выведены из провинции Хэбэй все гоминьдановские войска и закрыты в ряде провинций организации гоминьдана. Все дальнейшие действия Японии были направлены на превращение Китая в колонию, что вызвало антияпонские выступления китайцев и оживление партизанской борьбы в Маньчжурии и районах Северного Китая. Все это привело к изменению политики КПК в сторону образования единого национального фронта с включением в него Чан Кайши по настоянию VII конгресса Коминтерна.

Давайте представим себе, что Мао Цзэдун в силу ряда обстоятельств решил иначе, и в середине декабря 1936 года иностранные корреспонденты передали в свои газеты, что Чан Кайши расстрелян.

Какими соображениями руководствовался при этом Мао? Во-первых, Мао Цзэдун отдавал себе отчет в том, что Чан Кайши представляет собою весьма ненадежного «союзника». Ведь он, несмотря на принятые некоторые меры к отражению японской агрессии, все равно стремился бы «умиротворить» агрессора уступками, расправами с антияпонскими и революционными силами, рассчитывая обострить противоречия между Японией и Англией вместе с США. Тем более, что Чан Кайши особые надежды «возлагал на продвижение Японии на Север, на возникновение войны между Японией и СССР» (Новейшая история Китая, с. 12-59).

Во-вторых, подъем освободительного движения, изменение позиции КПК позволяли коммунистам войти в контакт с рядом группировок правящего лагеря. Открывалась возможность установить тесные связи с патриотически настроенными офицерами армии маршала Чжан Сюэяна и генерала Ян Хучэна (она насчитывала 150 тысяч штыков). К середине 1936 г. неофициальные контакты с КПК установили представители бывшей 19-й армии и ряда военно-политических группировок юго-запада Китая. «Одной из причин тяги к бло-

ку с КПК было стремление при ее содействии заручиться военно-политической поддержкой, на случай войны с Японией, со стороны Советского Союза — верного и неизменного друга китайского народа. Представители различных групп правящего лагеря Китая сознавали, что советское правительство не пойдет на оказание поддержки тем силам, которые будут продолжать борьбу против КПК» (Новейшая история Китая, с. 165).

В-третьих, Мао Цзэдун в глубине души был решительным противником Коминтерна и «советского влияния». К 1935 году Мао Цзэдун был достаточно зрелым человеком с 15-летним опытом активного участия в коммунистическом движении и 8-летним опытом военной деятельности. Примечательно, что в его «Автобиографии», изложенной Э. Сноу, ничего не говорится о значимости марксизма-ленинизма для Китая, о Советском Союзе, о китайском рабочем классе, о КПК. Она посвящена проблеме национального возрождения Китая, вопросам китайского крестьянства и особой роли самого Мао в революции (см. Бурлацкий Ф. Мао Цзэдун и его наследники. М., 1979, с. 46).

Дальше события развиваются в такой последовательности.

После расстрела Чан Кайши Мао Цзэдун сумел воспользоваться сложившейся ситуацией в полной мере. Прежде всего ему удалось привлечь на свою сторону молодого маршала Чжана Сюэляна и генерала Янь Хучэнем. Ведь Чжан Сюэлян и его советники еще раньше сомневались в пользе братоубийственной войны против коммунистов, ибо последние являются прежде всего китайцами. Немаловажным оказалось то, что Чжан Сюэлян возглавлял чрезвычайный комитет объединенной антияпонской армии, куда входил и представитель КПК. Мао Цзэдуну удалось склонить на свою сторону влиятельного члена Нанкинского правительства Хэ Инцина, который втайне мечтал об устранении Чан Кайши чужими руками. Не составляло особого труда заключить временный союз с Гоминьданом, ибо стоящие за спиной расстрелянного диктатора силы были весьма раздроблены, и каждая группировка преследовала свои цели.

Мао Цзэдун приглашает в Сиань представителей всех соперничающих за власть группировок и предлагает им подписать подготовленный Чжан Сюэляном и Янь Хучэном документ, открывающий путь к единому фронту (именно его и отказался подписать арестованный Чан Кайши, при этом он заклеил его авторов как изменников).

Документ содержал следующие восемь пунктов:

- реорганизация нанкинского правительства и принятие в него всех партий и клик с целью разделить ответственность по спасению нации;
- прекращение гражданской войны;
- немедленное освобождение лидеров патриотического движения в Шанхае;
- освобождение всех политических лидеров;
- предоставление гарантий свободы для народных собраний;
- обеспечение гарантий прав народа на организацию патриотических движений;
- искреннее осуществление воли доктора Сунь Ятсена;
- немедленный созыв Конференции национального спасения (см. Воронцов В.В. Указ. соч., с. 152-153).

Эти же требования были изложены в обращении к нации Чжан Сюэляна и Янь Хучэна в сианьских газетах 12 декабря 1936 года. На совещании прибывшие делегации ознакомили не только с вышеизложенным документом, но и решением Политбюро ЦК КПК о необходимости мирного разрешения существующих конфликтов ради сплочения нации. И вот здесь «сработал» имидж «вождя», который Мао Цзэдун пестовал с начала своей деятельности. В этот имидж входит способность часами сидеть в кресле, не выражая никаких чувств, изображать из себя поглощенного заботами государственного мужа, делать вид, что занят великими проблемами, и что все суетное и земное не может отвлечь его. «Я думаю, что в начале своей деятельности Мао Цзэдун сознательно вырабатывал в себе эти качества, — отмечает П.П. Владимиров, — они не были его собственным выражением. Однако годы работы над собой сделали их частью его характера. Того характера, который должен представлять в глазах народа подлинно государственного мужа Великой Поднебесной» (Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942-1945. М., 1973.

с. 464). Во всяком случае несомненно то, что Мао Цзэдун уже тогда чувствовал себя не просто одним из лидеров Китая, а национальной фигурой, мудрым правителем Поднебесной.

Именно эти черты правителя всего Китая сумел увидеть в Мао Цзэдуне Э. Сноу, к голосу которого прислушивались американские политики. Под его влиянием посол США Джонсон, усмотревший в «сианьском инциденте» пользу для себя (поскольку усиление сопротивления Японии в Китае, нажим на соперника чужими руками соответствовали интересам Америки и Англии), сделал ставку на Мао Цзэдуна. Ведь последний вполне подходил на роль символа «того, чего хочет китайский народ больше всего, конкретно: единства» (Borg D. The United States and the Far Eastern crisis of 1933-1938. Cambridge. 1964. P. 226). *Нужно отметить, что американцы не ошиблись, сумев извлечь пользу из дальнейших событий.*

Не следует забывать и того, что Мао Цзэдун опирался на поддержку и помощь Советского Союза, несмотря на то, что Сталин вначале мог быть недоволен расстрелом Чан Кайши, Мао Цзэдуну удалось бы рядом маневров убедить его в осуществлении тех целей, на которые рассчитывала Москва. Ведь теперь КПК и ее вооруженные силы поставили вопрос о создании единого фронта с гоминьдановцами в связи с японской агрессией. Не менее существенным оказалось и то, что коммунисты контролировали несколько регионов Китая, где были сформированы Советы. На совещании в Сиане все эти факторы позволили Мао Цзэдуну образовать правительство национального спасения, где ряд постов заняли коммунисты, а сам он стал главнокомандующим всех вооруженных сил Китая.

Теперь КПК не пришлось особо тратить силы на борьбу с Гоминьданом, и она занялась территориальным расширением своей власти, а также увеличением влияния в объединенных вооруженных силах. В результате умело продуманной тактики Красная армия Китая достигла численности 1 млн человек, включая отряды местной самообороны, причем с вооружением ей помогли советский Союз и Соединенные Штаты Америки. «Существенно, впрочем, заметить, — пишет Л. Васильев, — что рост

контролируемых территорий и населения, увеличение численности армии и самой партии сопровождались естественным процессом растворения немногочисленных идеологически ориентированных членов КПК в массе традиционно настроенного китайского крестьянства, которое видело в КПК не столько марксистскую партию, сколько сильную и сплоченную, спаянную дисциплиной и имевшую немалую власть организацию, которая ставит своей целью восстановление социальной справедливости. Для традиционно ориентированного китайского крестьянства в годы кризиса и безвластия этого было вполне достаточно, чтобы активно поддержать КПК» (Васильев Л.С. Указ. соч. т. II, с. 216).

Мао Цзэдун взял курс на проведение националистической политики. Чтобы успешно его реализовать, он начал широкомасштабную «патриотическую» войну. Для этого был использован «инцидент», произошедший между китайскими и японскими силами у моста Марко Поло около Пекина, причем первые выстрелы последовали с китайской стороны. Генерал Ху Иньцин, военный министр в правительстве национального спасения, считал этот инцидент делом рук японских военных радикалов, относящихся к упомянутым выше путчистам. Однако «японские офицеры, присутствовавшие на инциденте у моста в то время, считали, что насилие было делом подрывных элементов из китайских вооруженных сил, а после триумфа Мао в послевоенный период окончательно убедились, что именно его агенты, действовавшие по советскому распоряжению, спровоцировали войну» (Джонсон П. Указ. соч. ч. I, с. 364). После этого инцидента китайцы стали вести себя с большей непримиримостью и самонадеянностью, нежели японцы, и взяли на себя инициативу по расширению войны (см. Fitzgerald С.Р. *The Birth of Communist China*. Baltimore, 1964).

На положении Китая в китайско-японской войне существенным образом сказались последствия ряда серьезных вооруженных столкновений Советского Союза с Японией: в 1937 г. — на реке Амур; в 1938 г. — у Чанькуфына, недалеко

от Владивостока; в мае — июне 1939 г. на границе Монголии и Маньчжоу-Го, где произошел крупномасштабный танковый бой.

Нужно учитывать и то, что в США существовало «китайское лобби», что Рузвельт был настроен крайне анти-японски. В своей речи 5 октября 1937 г. он приравнял Японию к нацистам и фашистам и пришел к выводу о необходимости ее изоляции. «Когда эпидемия какой-то болезни начинает распространяться, то сообщество объединяется для изоляции больных...» (Tolland J. Op. cit. P. 47).

Материальная и моральная поддержка, полученная Мао Цзэдуном от Советского Союза и Запада, усиление влияния КПК и Красной армии внутри страны, успехи в борьбе с японскими оккупантами позволили ему провозгласить Китайскую Народную Республику уже в 1941 году.

Последствия возникновения КНР, несмотря на дислокацию Квантунской армии в Маньчжурии, могли быть весьма существенными. Прежде всего это отразилось бы на войне Советского Союза с фашистской Германией. С Дальнего Востока на советско-германский фронт могли бы быть переброшены свежие дивизии, которые значительно задержали продвижение немецких войск в глубь СССР. Это давало ему возможность перегруппировать свои силы и нанести контрудар по фашистским армиям, не допустить блокады Ленинграда и стабилизировать линию фронта. Более того, Мао Цзэдун мог отправить в помощь Советскому Союзу стотысячную армию, которая не дала бы немецким войскам продвинуться в кавказском и волжском направлении. В свою очередь это позволяло Советскому Союзу в 1944 году нанести поражение фашистской Германии и разгромить Квантунскую армию в Маньчжурии, вынудив в союзе с американскими и китайскими вооруженными силами Японию к капитуляции.

Далее события развиваются следующим образом: советский и китайский флоты блокировали основные морские коммуникации Японии, Вооруженные Силы СССР и Китая оккупировали Японию, в результате чего в ней был установлен коммунистический режим.

Образование Китайской Народной Республики оказа-

лось детонатором революционного процесса на Востоке, что привело к быстрому развалу Британской империи (первой получила независимость Индия уже в 1943 году, причем без разделения на собственно Индию и Пакистан, как это было задумано англичанами). Внутри самого Китая уже во времена Н. Хрущева произошло размежевание Мао Цзэдуна и просоветски настроенной группы (Пэн Дэхуай, Чжоу Эньлай и др.). Генерал Пэн Дэхуай сумел совершить переворот и устранить Мао Цзэдуна, в результате чего еще более тесными стали отношения между Советским Союзом и Китаем.

Однако нельзя упускать из виду, что все это служило одной цели, которую поставило себе китайское руководство, а именно: расширение жизненного пространства. Эксперты уже тогда просчитали, что бурное развитие китайской экономики и рост населения приведут к нехватке земли, к территориальному «голоду» (уже в 1995 году на каждого китайца должно было приходиться всего лишь 0,08 га земли). В то же время у северного соседа фактически пустуют громадные территории Сибири и Дальнего Востока (там на один квадратный километр приходится менее одного человека). Поэтому Пекином продумывается и осуществляется план тихого проникновения в эти регионы Советского Союза под видом «дружбы на веки веков» между китайским и советским народами. В результате этого процесса сотни миллионов китайцев занимают и осваивают Сибирь и Дальний Восток с их несметными ресурсами. Эта политика в сочетании с экономическими реформами Дэн Сяопина своим следствием имеет то, что уже в последней трети XX столетия Китай занял ведущее место в мире по экономическому потенциалу и стал теснить США и Западную Европу, стремясь к доминированию в глобальных масштабах. Здесь следует считаться с фигурой архитектора китайской перестройки: «Он был суровым и твердым человеком из Сэчуани, обладал грубой жестокостью, присущей и Мао, но без малейшего намека на романтизм или интерес к политике как форме искусства. Дэн был самым последовательным противником политических драм...» (Джонсон П. Указ. соч. ч. II, с. 156). Своему мощ-

ному рывку Китай обязан в значительной мере деятельности Дэн Сяопина.

Вот к чему мог привести случай с расстрелом Чан Кайши (как уже упоминалось, для дальневосточного мышления случай и есть закон развития бытия).

Однако Чан Кайши остался жив и данный сценарий мировой цивилизации перешел в разряд неосуществленных.

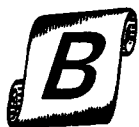

Часть четвертая. Запад

7. В. С. Поликарпов

В битве при Туре и Пуатье (732 г.) победу одержали арабы

В сражении на Каталаунских полях франки бились с гуннами на стороне римлян как их союзники; одержанная победа Западной Римской империей оказалась последней. После ее падения на территории бывшей римской провинции Галлии возникло государство франков, во главе которого стоял вождь салических франков Хлодвиг, основавший династию Меровингов и принявший христианство. Затем ему на смену пришла Франкская монархия Каролингов (конец VII — середина IX вв.). В зените своего могущества империя франков простиралась от среднего течения реки Эбро и Барселонны на юго-западе до Эльбы, Салы, Богемских гор и Венского леса на востоке, от границы Ютландии на севере до Средней Италии на юге. Современники усматривали в ней преемницу Западной Римской империи. Понятно, что она впитала в себя и наследие римской цивилизации, послужившее затем основой для возникновения цивилизации Запада.

Именно в лице Франкской монархии Запад имел прямой контакт с нехристианской цивилизацией — исламом, причем посредством последнего осуществлялись связи с Азией и Африкой.

Между этими двумя цивилизациями сразу же установились отношения конфликтного характера, хотя перед нами одна из наглядных и драматических сторон в сложном паттерне отношений ислама и христианства, эволюционировавшего на протяжении столетий. Существенно здесь то, считает Дж. Робертс в своей интересной книге «Триумф Запада», что «исламское нападение в VI–IX веках было наиболее

важным процессом, в ходе которого произошла чеканка Европы в определенную форму» [265, 121]. Само слово «европейцы», кажется, появляется первый раз в VII в. в связи с победой Карла Мартелла над арабами при Туре и Пуатье.

Почему же происходили столкновения военного характера между двумя цивилизациями? Об этом великолепно пишет Г. Уэллс: «Распространение арабской культуры произошло еще быстрее и оживленнее, чем за тысячу лет до этого произошло распространение греческой культуры. Во всем мире к западу от Китая умственный подъем, исчезновение старых понятий и развитие новых были очень велики. В Персии молодому взволнованному арабскому уму пришлось столкнуться не только с учениями манихеев, Зороастра и христианства, но и с греческой научной литературой в сирийских переводах. Также в Египте арабы познакомились с греческой наукой. Повсеместно, в особенности в Испании, обнаруживали они остатки европейского мирозерцания и мышления. В Центральной Азии они нашли буддизм и материальные достижения китайской цивилизации. От китайцев научились производить бумагу, что дало им возможность иметь печатные книги. Наконец, пришли они также в соприкосновение с философией Индии и с ее математической наукой... В VIII веке во всем арабизированном мире существовала целая система образования» [195, 186-187]. Таким образом арабо-мусульманский мир находился в этот период на подъеме и в своей экспансии он необходимо столкнулся с западноевропейской, христианской цивилизацией.

И если западный мир, по своей сути, является продолжением мира латинского, у которого он взял его язык, право, сам дух и многое другое, то ислам представляет собою наследника Ближнего Востока с его древними культурами, экономическими системами и науками. Ф. Бродель пишет о взаимоотношении ислама и Запада как об отношении кога и пса: «Можно сказать, что ислам — это антизапад, очевидно, считаясь с содержащимися двусмысленностями, которые присущи каждому глубокому противопоставлению, включающему в себя сотрудничество, враждебность

и заимствование... Христианство достигает своей цели в Риме; ислам — в далекой Мекке и у гроба пророка, однако оно не является центральным местом, ибо ислам распространен вдоль пояса пустынь в глубь Азии, ибо он сам представляет собою «второе» Средиземное море, антиморе, проложенное в пустыню» [238, 98].

Ислам и христианство не размышляли об альтернативах в своих отношениях и выясняли их в военных действиях, ведя спор за мировое господство.

В этом смысле решающей для судеб Запада является вторжение арабов во время правления Карла Мартелла (Молода). Последний возглавил войска франков и пошел в бой с арабами, или сарацинами. Вот как описывается это сражение во «Всеобщей истории» Г. Вебера: «Карл пошел за Луару на священную борьбу за христианство и одержал славную победу, которая много помогла возвышению его династии. Со времени смерти пророка исполнилось 100 лет, когда воины ислама пошли на равнине между Туром и Пуатье в бой, который должен был решить, Коран или Евангелие будет священной книгой европейцев. Числом оба войска были приблизительно равны, равны и храбростью; они бились с ожесточением, соответствовавшим великой важности дела, которое решалось этой битвой» [32, 114-115]. Франки со своими германскими сотоварищами сражались за свободу, родину и христианство, тогда как мужество сарацин воодушевлялось исламским фанатизмом, властолюбием и алчностью. В течение семи дней длилась битва, причем в первые шесть дней конница и пехота мусульман теснили ряды тяжеловооруженных франков. На седьмой день в рукопашном бою сыновьям пустыни трудно было устоять против франков, и в это время Абдеррахман, правитель мусульманской Испании, упал на трупы своих воинов. К тому же среди сарацинов разнеслась весть о нападении франков на стан с его сокровищами, что в итоге расстроило их ряды и им пришлось ретироваться.

В Европе эта битва положила конец арабским завоеваниям. И все решил случай — ведь демографические потенциалы франков и арабов в Европе примерно были равны — порядка 4-5 млн человек. Теперь представим себе, что слу-

чай сыграл на руку арабам — они победили в сражении при Туре и Пуатье в 732 году. По мнению О. Шпенглера, им удалось бы «превратить «Франкистан» в халифат Северо-Востока» [167, 29]. *И тогда развитие Западной Европы с середины VIII в. пошло бы совершенно по иному пути, чем это произошло в действительности.*

Представим себе один из вероятных вариантов исторического процесса в этом случае, как один из вероятных вариантов исторического процесса в этом случае, как и совокупность тех предпосылок, в системе которых он мог развиваться.

После победы над франками при Туре и Пуатье арабы становятся полновластными господами мира, ибо это открывало им путь к завоеванию Византийской империи — соперника халифата. В Европе после разгрома франкской коалиции не осталось сил, способных сдержать исламскую экспансию. Так как арабов уже никто не мог остановить, они пошли прямо на Константинополь и положили конец существованию Восточной Римской империи, при этом успев покорить государства, лежащие на их пути.

В образованном халифате Северо-Востока начинают происходить коренные изменения, вызванные господством арабов.

Прежде всего следует иметь в виду политику мусульман в отношении завоеванных городов. На это обращает внимание Дж. Неру в своих письмах к Индире Ганди: «Арабы, особенно в начале своего пробуждения, были полны энтузиазма и веры. Тем не менее они были терпимыми людьми, существует множество примеров их терпимости в вопросах религии. В Иерусалиме халиф Омар обращал на это особое внимание. В Испании было большое христианское население, которое пользовалось самой полной свободой совести. В Индии арабы никогда не правили, за исключением Синда, но контакты с ними были частыми и отношения дружественными. Конечно, самой примечательной чертой этого периода истории был контраст между терпимостью мусульман-арабов и нетерпимостью христиан в Европе» [144, т. I, с. 220].

Такая же политика стала проводиться арабами и в завоеванной Западной Европе, ибо пророк Мухаммед сказал, что евреи и христиане как народы Священного Писания не являются язычниками. Поэтому нет ничего удивительного в том, что утвердившаяся в халифате Северо-Востока исламская цивилизация не повлекла за собою насильственного уничтожения христианской культуры. Христианские общины не подверглись никаким гонениям и преследованиям. Вместе с тем арабы могли оценить идеологическую и организационную опасность со стороны папства. Поэтому неминуемым следствием стало упразднение этого института и присоединение папских владений на Сицилии и в Калабрии вместе с землями Равеннского экзархата и Лангобардского королевства к вновь образованному халифату.

Так как христианизация варварской Европы до сражения при Туре и Пуатье в 732 году охватила население Испании, Франции, Италии, части Англии, Швабии и Тюрингии [255, 13-17], то арабам пришлось бы распространять ислам среди саксов, норманов, лужичей, пруссов, чехов, моравов и других народов Европы. Успех исламизации обуславливался политикой веротерпимости мусульманских правителей в отношении представителей иных религий и обращением в ислам вождей варварских племен (здесь действовал принцип «каков король, таков и народ», т. е. народ принимал религию, исповедуемую королем).

Не следует забывать и о влиянии материальных факторов: с христиан взимался чисто мусульманский налог — подушная подать, что способствовало переходу части христиан в ислам. К тому же переход в мусульманство был совершенно простой процедурой: достаточно было заявить о вере в Аллаха и соблюдать ежедневное пятиразовое ритуальное обращение к богу. В исламе существовал механизм, препятствующий попыткам вторичного обращения в свою веру: окончательный переход мусульманина в иную веру карался смертной казнью, подобно тому как в Византийской империи каралось вероотступничество христиан [141, 38-39]. Смешанные браки между мусульманами и христианами исключались, ибо христианка по законам веры не имела права выйти замуж за нехристианина, а мужчи-

на-христианин мог взять в жены нехристианку при условии, что она и ее дети примут христианство. Для мусульманки же это было исключено.

Арабский язык, арабская религия и арабские формы общественной жизни были восприняты не только господствующей верхушкой, но и многими народами, населявшими халифат Северо-Востока. На Луаре, Рейне, Дунае, Секване, Гаронне выросли города-гиганты по типу Гренады и Кайруана с множеством мечетей, расписанных арабесками. Не менее существенно и то, что халифат Северо-Востока объединился с мусульманской Испанией (или ал-Андалусом), которая вышла из состава Дамасского халифата.

В одном из военных походов против кактобаров, астуриков и басков, находившихся на небольшой территории между Кантабрийскими горами, Пиренеями и Бискайским заливом, погиб талантливый Абдеррахман. И если после этого на Востоке власть захватили Аббасиды, то правителем ал-Андалуса и халифата Северо-Востока стал представитель свергнутой династии Омейядов. Париж в силу своего географического положения превращается в столицу этого халифата, центром же ал-Андалуса, провозглашенного эмиратом, становится Кордова.

Как выглядела бы в экономическом отношении мусульманская Европа?

Легко представить ее как процветающий регион тогдашнего мира Евразии. В самом деле: значительная часть завоевателей осела в городах (Утрехте, Руане, Страсбурге, Нанте, Лиможе, Тулузе, Париже, Милане и других), которые быстро превратились в торгово-ремесленные центры. Халифат Северо-Востока славится своими тканями, керамикой, изделиями из металла и кожи. В ал-Андалусии создаются ирригационные системы, позволившие значительно поднять урожайность традиционных культур (зерновых, винограда и др.) и начать культивирование новых (сахарный тростник, рис, хлопок, некоторые овощи и фрукты). Широкое распространение получает перегонное овцеводство. На территории бывшего Франкского государства (нынешней Франции, Италии, Германии) применяются в сельском хозяйстве новые агротехнические приемы.

издавна известные арабам; это повысило сбор зерновых, винограда, овощей и фруктов.

В мусульманской Европе благодаря торговому таланту арабов и иудеев широкое обращение получают деньги, оживляется торговля, возрастает число рынков и ярмарок. На них продаются зерно, шерсть, вина, соль, металл, оружие, жеребцы арабской породы, предметы роскоши, пряности, привозимые из заморских стран. Несмотря на сложные отношения с остальным исламским миром, арабская Европа активно торгует на Средиземном море. Ее монета обращается на огромной территории от Индии до Ирландии. Торговля цементирует обширный халифат Северо-Востока, способствует его экономическому могуществу, придает специфичность местному варианту феодализма. В сельском хозяйстве доминируют мелкие крестьянские владения при полном отсутствии поместья. Не получили развития прикрепление крестьян к земле и связанные с ним тяжелые формы личной зависимости. Крестьяне обычно либо владеют небольшими участками земли, либо арендуют ее на определенных условиях у крупных землевладельцев (воинов, чиновников, придворных и т. п.), проживавших в основном в городе. Крестьяне платят налоги в казну, причем платежи взимаются деньгами.

Нетрудно представить ход социально-культурного развития в этом случае. Мусульманская цивилизация пустила глубокие корни в Европе, ибо значительная часть местного населения приняла ислам, другая, сохранив христианство, усвоила арабский язык и культуру. Все в европейском халифате практически были равноправными (разве что христиане платили подушную подать), что тоже способствовало развитию блестящей арабо-мусульманской цивилизации.

Высокоразвитая городская цивилизация мусульманской Европы стала основой для невиданного в варварской Западной Европе подъема культуры. В светских и религиозных школах и университетах Кордовы, Севильи, Толедо, Тулузы, Парижа, Реймса, Страсбурга, Гамбурга, Ратисбоны, Рима и других европейских городов изучаются право, философия, история, арифметика, алгебра, тригонометрия, естественные науки, теология, лингвистика, эстетика (литература, музыка, живопись, архитектура), география, космогония и поли-

тика. Библиотеки европейских халифов насчитывали сотни тысяч томов-свитков, в том числе переводы античных, византийских, индийских и китайских авторов.

В мусульманской Европе широко используется арабское искусство врачевания, которое знало водотерапию, психотерапию и лечебную диету, не говоря уже о хирургии и фармакологии. Построено много госпиталей, в том числе и специальные больницы для пациентов, страдающих психическими нарушениями. Часто эти госпитали связаны с научными учреждениями. Обычно, в соответствии с традицией арабско-мусульманского строительства, в новом городе (а на европейском континенте тогда появилось много новых городов) возводили мечеть, госпиталь и школу или другие общественные учреждения, которые способствовали физическому и духовному здоровью человека.

В мусульманской Европе наблюдается взлет науки — ведь все виды знания, все дисциплины, за которыми арабская классическая мысль признавала право на существование, благодаря Корану получили религиозное подкрепление и поддержку, ибо Коран не только утверждал единство аллаха, судьи и творца, не только устанавливал религиозную связь между верующими и творцом-благодетелем, но и давал также импульс к неутомимому творческому поиску во всех областях знания. Знание высоко ценилось в арабско-мусульманском мире, его поиски поощрялись мусульманскими правителями.

Таким образом, европейский халифат стимулировал развитие блестящей цивилизации, имеющей достаточно своеобразный характер, чтобы признать ее типично «европейской», несмотря на заимствования с Востока.

Однако на практике эта европейско-мусульманская цивилизация, за исключением «андалузской», не осуществилась.

Карл Великий создает суперэтническую империю Запада

Только что была рассмотрена одна из нереализованных возможностей истории в период, предшествующий рождению Запада, — вариант появления и развития европейско-мусульманской цивилизации в середине VIII столетия. Это именно та эпоха, чьи границы определяются 400 и 900 годами, которую еще недавно называли «темным средневековьем». Тогда одни возможности исчезли, другие появились, и как раз-таки многие из этих шансов предопределили будущее европейского мира, ибо благодаря их осуществлению возникли и папство на Западе, и ранние монастырские структуры, и английская монархия, и некоторые основные общественные институты, и фундаментальные лингвистические различия, характеризующие многие современные европейские нации [265, 81]. В это время зарождаются феодальные отношения и появляется первое европейское дворянство, формируется структура европейского мышления, основные признаки которого определяются заново открытой философией Аристотеля, создается Священная Римская империя. *Для нас представляет интерес рождение не превратившейся затем в прочную реальность суперэтнической империи Запада во времена Карла Великого (768–814 гг.); ее жалкое подобие и получило название Священной Римской империи.*

Весьма колоритно пишет о природе этой Священной Римской империи Дж. Неру в своей книге «Взгляд на всемирную историю»: «Карл Мартелл, который нанес поражение арабам в 732 году в великой битве при Туре во Франции,

был одним из этих майордомов (управителей дворца при Меровингах — В.П.). Этой победой он остановил волну сарацинских завоеваний и в глазах христиан спас Европу. Его престиж и репутация благодаря этому сильно выиграли. В нем видели защитника христианства от его врагов. В то время римские папы были в плохих отношениях с константинопольским императором. Поэтому они начинают искать помощи у Карла Мартелла. Сын Карла, Пипин, решил отстранить марионетку, занимавшую трон, и провозгласить себя королем, и папа, разумеется, охотно дал свое согласие.

Сыном Пипина был Карл Великий. Папа римский снова оказался в трудном положении и призвал на помощь Карла Великого. Карл явился и изгнал врагов папы, а в 800 году, в день рождества, состоялась торжественная церемония в соборе, где папа возложил на Карла корону римского императора. В этот день было положено начало Священной Римской империи... Это была странная империя, и история ее была еще более странной: она постоянно исчезала, подобно чеширскому коту из сказки «Алиса в стране чудес», оставляя после себя лишь улыбку и ничего телесного...» [144, т. I, с. 232].

Действительно, предпринятые Карлом Великим вооруженные акции в целом (были среди них и неуспешные) привели к росту его авторитета и небывалому в истории франков расширению их державы. И хотя она была населена разноразличными народами и не имела общей экономической основы, которая могла бы придать ей прочность и обеспечить длительное существование, она приобрела при энергичном правлении Карла Великого все черты империи. Нет ничего удивительного в том, что ее властитель, чувствуя свое могущество, стал подумывать о титуле императора, причем он мечтал об универсальной империи, т. е. об империи, охватывающей в своих рамках как Запад, так и Восток. Чтобы осуществить эту цель, Карл Великий готов был даже вступить в брак с сыноубийцей, византийской императрицей Ириной. Однако его планам помешал папа Лев III, который из-за опасения, что рост могущества Карла Великого приведет к подчинению духовной иерархии

римской церкви светской власти, воспользовался присутствием монарха в римской базилике св. Петра и возложил ему на голову императорскую корону. Собравшийся там на день рождества народ восторженно принял папского избранника, выражая тем самым поддержку совершенному выбору.

Акт коронации застал врасплох Карла Великого, более того, он вызвал у него неудовольствие, ибо создал прецедент формального верховенства церковной власти над светской. Ведь в общественном мнении папа становился распорядителем императорской короны, сам Карл Великий же оказался в роли избранника. Однако следует иметь в виду, что, хотя Карл Великий вроде бы и был удивлен неожиданной коронацией, она все-таки была заранее подготовленной и представляла собою вполне закономерный результат хода событий. Ведь не случайно из-за возникновения на Западе новой империи проявила свою негативную реакцию Византия, считавшая себя единственным наследником Римской империи. И Карлу Великому пришлось вести вооруженную борьбу с Восточной Римской империей, пока Константинополь в 812 году не признал его императорский титул. Таким образом, в христианском мире дело дошло до санкционирования нового порядка, когда рядом существуют восточная и западная империи.

И тем не менее попытка Карла Великого создать по аналогии с Византийской империей суперэтническую христианскую империю германцев на Западе, имевшая шансы увенчаться успехом, не достигла своей цели. В связи с этим Л. Гумилев пишет, что **«растущая пассионарность в IX в. опрокинула это грандиозное сооружение, как если бы это был картонный домик»** [49, 168]. Дело в том, что к 888 году осуществилась так называемая «территориальная революция» — появились этносы, или по терминологии О. Тьерри, «нации»: бретонский, аквианский, провансальский, французский, бургундский, итальянский и немецкий [192, 247]. Между ними шла борьба, поэтому они не могли дать достойный отпор нападениям арабов и норманов. Понятно, что империя развалилась и мечты Карла Великого не осуществились.

И все же, поскольку шанс на реализацию его устремлений имелся, представляется вполне оправданной попытка воспроизвести схему этого несостоявшегося варианта исторического развития западной цивилизации.

Начнем с того, что коронация Карла Великого оказалась преждевременной, что ее просто-напросто не было в 800 году. Это позволило франкскому монарху достигнуть взаимопонимания с Константинополем. «В то время восточной империей правила женщина, похитительница власти, окруженная опасностями, бессильная воспротивиться Карлу, — пишет Г. Вебер, — это облегчило для него исполнение мысли восстановить Западную Римскую империю. И говорят, что Карл желал вступить в брак с Ириной, чтобы получить ее согласие на принятие им императорского сана» [32, 337]. Ему удалось достичь того, что Византия отказалась от своих прав на Рим и Италию (неважно, оружием, путем переговоров или вступлением в брак с императрицей это осуществлено). Только после этого Карл Великий провозглашает себя императором, что давало ему ряд преимуществ для укрепления германо-романской империи. Ведь он — владетель ключей гробницы Петра, охранитель веры, защитник церкви, и все это подкреплялось рассказом, будто бы ему были присланы символы владычества над Иерусалимом и другими святыми местами Палестины.

Тогда в едином западно-христианском государстве Карл Великий, получивший свою власть от Бога, подобно своим предшественникам — римскому и византийскому императорам, — является полновластным владыкой церкви и государства, источником всех светских и духовных законов, причем папа тоже находится под его властью. Всю мощь своих духовных и светских сил он направляет на то, чтобы сплавить воедино свою империю, несмотря на разнородность государства, разноплеменность населения и разнообразие прав народов [264, разд. I].

Историкам XX столетия хорошо известен мир Каролингов, этого огромного государства площадью почти в миллион квадратных километров, протянувшегося с севера на юг, от Гамбурга до Барселоны, на 1 500 км и с запада на

восток, от Нанта до Оснабрюка, на 1 200 км. Вся империя была разделена на крупные территориальные единицы, во главе которых стояли короли, префекты и маркграфы. Каждое из этих административных образований внутри себя делилось на графства, коих насчитывалось порядка 200-250. Не следует забывать, что кажущаяся достаточно монолитной, держава отнюдь не была таковой для ее подданных. Каждый из них на своей социальной ступени имел собственную «отчизну»: крестьянин даже в мыслях не выходил за границы владений своего господина, на которого он трудился; монах знал только монастырь и лежащие вокруг него земли; священники группировались около епископа, управляющего епархией, и т. д.

Карл Великий придавал огромное значение «воплощению на земле царства божьего», т. е. такого государства, где все народы подчиняются общим светским законам, подвластны христианской религии и составляют одно тело в политическом отношении. Однако он обладал здравым смыслом, любовью к справедливости и уважением к национальным особенностям народов своей обширной империи. В результате его энергичных усилий суперэтническая империя Запада стала превращаться в обширный сад, в котором удивительная гармония целого обусловлена разнообразием деревьев и цветов. Германский элемент, а именно — замедленное развитие феодальных отношений при сохранении большого количества родоплеменных отношений, франкская государственная организация, христианская вера и византийская торговля позволили образовать тот каркас, который и обеспечил существование многоэтнической державы. Чтобы этот каркас не скреплял чисто механически разнородные элементы империи, ибо многочисленные народы старались сохранить свои национальные учреждения, обычаи и драгоценные для них остатки старины, великий преобразователь особое внимание обратил на кодификацию местных законов и их стыковку с общеперскими законами, на распространение единой системы образования и единой культуры.

В области культуры политика Каролингов в самом начале носила весьма ограниченную цель: сформировать ду-

ховенство, которое могло бы обучать народные массы. Однако позже эта цель расширилась и в итоге родилось то, что обычно называют «**каролингским Ренессансом**». Это культурное возрождение при Карле Великом возникло не вдруг, его подготовили и предвосхитили «ренессансы» интеллектуальной жизни в Испании, на Британских островах и в Италии. Именно оттуда по разным причинам (например, из Испании, спасаясь от арабской оккупации) прибыли в империю Карла Великого мыслители, историки, правоведы, грамматики, поэты (Петр из Пизы, Павел Диакон из Монте Кассино, Алкуин из Британии и др.). Ученые чужеземцы вошли в состав придворной академии в Ахене, которая стала главным центром образованности. Крупнейшим деятелем каролингского возрождения был Алкуин, призванный изучать «человеческие (т. е. не богословские — В.П.) науки», обучать детей грамоте и философии, чтобы они могли достичь вершин мудрости. При дворе Карла Великого сложилась своеобразная школа историков, наиболее яркими представителями которого были Павел Диакон, автор «Истории лангобардов», и Эйнхард, составивший «Жизнеописание» Карла Великого.

Представим себе, что вопреки действительности и после смерти Карла вдохновлявшееся им культурное движение умело поддерживают его преемники.

Оно охватило всю светскую и духовную элиту. Через высшие слои оно оказало влияние и на различные народы империи. Культурная жизнь бьет ключом не только при монастырях и епархиальных центрах, но и в многочисленных школах, где обучали наряду с богословием грамматике, началам естественных наук (известных еще римлянам). Происходит усиление светских тенденций в культурной жизни, ибо изучаются сочинения античных авторов. Немаловажную роль играет и основанное Карлом Великим специальное заведение — «Дом мудрости», в котором проходили обучение и приобщались к вершинам культуры дети не только франкских феодалов, но и знатных людей множества народов и племен (саксов, фризов, баваров, алеманов, пюрингов, басков, бретонцев, аваров, кельтов, чехов, моравов, хорватов, лужичей и др.). Это способствовало

созданию высококультурного слоя представителей различных этнических групп, который цементировал непрочную вначале империю; превратив ее со временем из внутренне аморфного и слабого политического объединения в мощную универсальную державу. *Именно культурные скрепы сыграли свою важную роль в формировании единства пестрой в этническом и языковом отношении каролингской империи.*

Карл Великий при всем своем уважении к свободе и национальности подвластных ему народов в своей реформаторской деятельности тяготел к универсализму, характерному не только для Римской империи, но и проявившемуся во многих наиболее крупных раннефеодальных европейских государствах (Великоморавская держава в IX в., империя Оттонов в X в., держава Кнута Великого, объединявшая в начале XI в. Англию и Скандинавию, и пр.). Поэтому при нем была проведена колоссальная по объему работа, состоявшая в кодификации и приведении в единство всех разнообразных местных законов и кодексов. Именно кодификация местных кодексов и законов привела к тому, что они либо потеряли свое значение, либо органически вписались в систему общегосударственного кодекса. Сыграли свою роль и капитулярии Карла Великого (речь идет о постановлениях), которые постепенно отодвинули на задний план не соответствующие им местные законы и влились в общий кодекс империи. Интересно то, что общегосударственный кодекс был составлен таким образом, чтобы сохранять и оберегать специфику местных законов и обычаев, дающих гражданам государства чувство свободы и не подавляющих их индивидуальность. Иными словами, общий кодекс был нацелен на решение и выполнение стратегических задач, местные кодексы, максимально приближенные к общему, регулировали внутреннюю жизнь различных этнических групп.

Не менее существенно и то, что капитулярии Карла Великого написаны на латинском языке — он стал официальным языком его империи; в школах тоже обучение происходило на латыни, что способствовало просвещению и освоению римской литературы, сохранению сути античной

художественной культуры, адаптированной к христианству. И вместе с тем ориентация на развитие римско-греческой образованности и юриспруденции сочеталось с тенденцией к покровительству национальным формам образования. Г. Вебер пишет, что «он советовал (он — это Карл Великий — В.П.) духовенству немецких областей говорить немецкие проповеди; велел изучать немецкий язык тем прелатам и священникам немецких областей, которые не знали его; основывал при немецких епископствах и монастырях такие же школы, какие были в Туре, в Сен-Вандрильском аббатстве (близ Руана) в Лионе, в Сент-Амандском (эльнонском) аббатстве, в Орлеане, Меце, Реймсе; и некоторые из школ в немецких областях стали под его покровительством знамениты, как например, рейхенауская, фульдская, падерборнская, оснабрюкская» [32, 282].

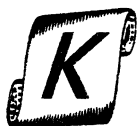
Расцвету каролингской культуры немало способствовало и соглашение Карла Великого с Византией, согласно которому греческие купцы получали льготы и привилегии в торговом деле. Это был весьма дальновидный шаг императора франков, ибо, во-первых, неслыханно оживилась торговля, а возникшая сеть рынков и ярмарок крепко связала разные части державы и стимулировала ее экономическое развитие; во-вторых, через торговые коммуникации шли не только товары Востока, но получили распространение культурные ценности византийского, восточного и славянского миров. В результате суперэтническая империя Запада достигла такого расцвета и могущества, что пережила Византию и со временем смогла объединить под своей эгидой всю Европу.

Однако подобный сценарий не осуществился — западная империя франков при наследниках Карла Великого рассыпалась. По мнению Л. Гумилева, «справедливо рассматривать империю Карла не как начало европейского средневекового суперэтнуса, а как конец инерции Великого переселения народов», потому что пассионарность германских переселенцев, смешавшихся с потоками галло-римлян убывала [52, 391]. Главная же причина кроется в том, что идея объединения под единой властью народов, находившихся на разных ступенях экономического и со-

циального развития, не имела под собой единого, общего основания. «Никаких экономических связей между племенами и народностями, объединенными в империи Карла Великого чисто насильственным путем, не существовало. Поэтому историческое развитие пошло далее не в границах империи в целом, а в пределах отдельных народностей и племен, или более или менее родственных их объединений» [«Всемирная история», т. III, с. 160.].

И все же посеянные ее существованием идеи сохранились, не погибли, и ныне возрождаются в интеграционных процессах, протекающих в Западной Европе.

Европа без христианства

оснемся еще одного несбывшегося сценария мировой цивилизации, связанного с существованием христианства как мировой религии.

Любопытен факт разброса мнений о его значимости в жизни людей между двумя полярными точками зрения.

Одна представлена в трудах знаменитого немецкого мыслителя **Ф. Ницше**, который считал христианство религией рабов — в нем «на первый план выходят инстинкты угнетенных и поработенных...», оно является пристанищем самых «дурных инстинктов», ведущих «ожесточенную войну с чувствами почтительности и дистанции, разделяющими людей», т. е. с основными предпосылками роста культуры [184а, 35, 62]. По его логике именно христиане — эти хитрые, незаметные и скрытные вампиры — выпили всю кровь из греко-римского мира с его благородством инстинкта, вкусом, методичностью исследования, гением организации и управлением, верой в будущее и волей к грядущему. Христианство растоптало и отняло у нас чудесный мир античной культуры, лишило нас редкостных и утонченных прелестей мавританской культуры [184а, 89]. Христианство является восстанием пресмыкающихся против всего благородного, превращая любую революцию в сплошное море крови и преступлений, оно — болезнь человечества из-за своего фанатизма и аскетизма.

На противоположной точке зрения стоит известный писатель и мыслитель **Г. К. Честертон**: «Те, кто считает христианство узким и фанатичным, обречены на веч-

ное удивление. Мы — аскеты и воюем с аскезой; мы — наследники Рима и воюем с Римом; мы — монотеисты и бьемся с монотеизмом. Загадку христианства не разрешишь, назвав его нелепостью. Если оно нелепо, почему же оно кажется разумным миллионам здравомыслящих людей, несмотря на все перемены без малого двух тысячелетий? Я нахожу одну разгадку: потому что оно не нелепо, а разумно. Если христиане — фанатики, они фанатично защищают разум, обличают глупость. Только этим я могу объяснить, почему наша вера так свободна и тверда, почему она не желает принимать помощь от сил, которые на первый взгляд важны для ее существования; почему так строга к идеям, которые также на первый взгляд очень близки к ней; почему знает все чаяния века и всегда умеет встать над ними; почему никогда не говорит того, что от нее ждут, никогда не отказывается от своих слов. Все это возможно только в одном случае: как Паппада из головы Зевса, она вышла из разума Господня целостной, зрелой, сильной, готовой к суду и битве» [218, 238]. Перед нами настоящий гимн христианству, так много сделавшего для человека и человечества в силу его разумности, порожденной божественным разумом.

Оригинален подход к природе христианства Л. Гумилева, считающего его «византийским» этносом, зародившимся в Римской империи. Причем спецификой этого этноса служит отсутствие единства по происхождению, языку и территории, ибо сказано: «Несть варвар и скиф, эллин и иудей». Он пишет о христианах следующее: «В системе Римской империи, где была установлена широкая веротерпимость, христиане были исключением. Разумеется, причиной тому были не догматы, которые до 325 года и не были установлены, и не правительственный террор, ибо императоры стремились избежать гонений, специальными эдиктами запрещая принимать доносы на христиан, и не классовые различия, потому что христианами становились люди всех классов, а острое ощущение «чуждости склада» христиан всем остальным» [53, 45-46].

Это значит, что в недрах эллинистической культуры, в этническом аспекте напоминающей западноевропейскую, появились «христиане», противопоставившие себя «язычникам» по характеру поведения. Именно поведение отличало образуемую ими новую целостность, чуждую грекам, финикийцам, римлянам, иудеям. Эта целостность формировалась на протяжении двух столетий и начала ломать эллинистическую структуру в ее римском варианте. Вполне естественной оказалась реакция имперской власти — они начали преследовать именно христиан. Это не помогло, и тогда Юлиан-Отступник решился на более тонкую операцию: «Юлиан Отступник попробовал произвести реставрацию римской веры... и заменил Христа Митрой... Даже если бы Юлиан победил и искоренил христианство, то он укрепил бы не попомство бога Квирина и волчицы, а систему, которую правильнее было бы понять как Антирим, только иного фасона, чем тот, который создали христианские общины» [52, 373].

Представим себе, что замысел Юлиана-Отступника удался и христианство так и осталось одной из многочисленных сект или религий в эллинистическом мире. Тогда возникает еще один преинтереснейший возможный вариант развития мировой истории — «Европа без христианства в качестве государственной религии», или, говоря словами Л. Гумилева, нового «этноса».

Некоторые в основном культурные аспекты такой ситуации обыграл в своем эссе Г. Честертон. В частности, он пишет: «Если бы Церковь (речь идет о христианской церкви — В.П.) не явилась в мир, Европа наверное, была бы теперь похожа на сегодняшнюю Азию. Конечно, кое в чем они бы различались — ведь народы и среда различались и в древности. Но античное язычество в последней своей фазе обещало стать неизменным в том самом смысле, в каком мы говорим о неизменной Азии. Должно быть, еще возникали бы новые философские школы, как возникают они на Востоке. Рождались бы истинные мистики — они есть и в Азии, и в античности. Создавались бы системы, уклады, кодексы, как в античности и в Азии. Были бы хорошие, даже счастливые

люди — ведь Господь наделил совестью каждого, а тот, кто идет путем совести, может обрести мир. Но удельный вес всего этого, соотношение добра и зла были бы в неизменной Европе такими же, как и в неизменной Азии. Если мы посмотрим честно и с настоящей симпатией на Восток, нам придется признать, что там нет ничего хотя бы отдаленно похожего на вызов и переворот, веры» [218, 242-243].

Действительно, Азия представляет собой скорее целый космос, нежели просто континент, ибо она велика географически, потрясает множеством народов, разнообразием вер и философских течений, в ней немало прекрасных художественных творений, красочных мифов и легенд. Азиаты блуждают в джунглях своих мифологий, тонут в океане своих философий, которые являются космическими по своему характеру, причем самые изысканные и причудливые фантазии почему-то оказываются адекватными действительности. По мнению Г. Честертона, воинствующая христианская церковь представляет собою армию, освобождающую мир от рабства, присущего и античному миру, и Азии: «Те, кто хоть раз соприкоснулся с Востоком, даже мусульманским, знают, какой поразительной бывает его нравственная бесчувственность; например, там нет границ между извращением и страстью. Не предрассудки, а опыт учит нас, что Азия кишит не только богами, но и бесами» [218, 244]. Иными словами, азиаты объявляются язычниками, зараженными изначально безнравственностью, которая связана с чувственностью окружающего мира, тогда как христиане возводят на пьедестал свободу человека, его индивидуальность, зачастую перерастающую в индивидуализм, причем они пренебрегают миром.

На это различие между христианским Западом и языческим Востоком указывает и французский культуролог и писатель А. Мальро, который в своей работе «Искушение Запада» пишет от имени китайца Линя: «В этих церквах мне слышались голоса двух христиан: один пел хвалу Господу; другой глухо его вопрошал. И вопрошающий уже не стремился внушить человеку сознание тех из сил человеческих — от могущества до сладострастия, — что

утверждают человека на земле, отделяя его от мира; свои сомнения, покаяния, свою внутреннюю борьбу, что составляет его жизнь, он наделял высшей ценностью и крайней напряженностью: он связывал с ними Бога. Безответственный человек Востока стремится возвыситься над конфликтом, который его не касается. Христианин вообще не может оторвать себя от этого конфликта; отныне Бог и христианин неразрывны, и мир предстает не чем иным, как никчемной декорацией их конфликта» [132, 26].

Христианская цивилизация выпячивает отдельное Я и направляет его устремления на покорение мира, на подчинение природы, тогда как восточное умонастроение и мышление не придают особой значимости индивиду, в них сильны коллективное и космическое начало.

И вместе с тем восточные религии гораздо более человечны, чем христианство. Тот же буддизм представляет собою способ построения самим человеком своей личности, способ самосовершенствования индивида. Можно сказать, что в буддизме гораздо больше гуманизма, нежели в христианстве, ибо человек создает свой путь в нирвану, он в центре внимания и он выше бога. И вопреки Г. Честертону буддизм обладает колоссальным нравственным содержанием, что же касается отсутствия границ между страстью и извращенностью, то на Востоке это значит более человеческое отношение общества к человеку, имеющему душевные недуги.

Нехристианская Европа ничем по существу не отличается от Азии, в ней процветает то же классическое язычество, подобное восточным религиозно-философским системам и учениям.

Пифагорийцы, аналогично индуистам, размышляют о перевоплощении, переселении душ из одного тела в другое.

Стоики в обучении людей разуму и добродетели ничем не отличаются от конфуцианцев.

Неоплатоники, как и буддисты, погружены в спорные потусторонние истины.

Просвещенные люди поклоняются Аполлону — некоему высшему началу. В этом они похожи на просвещенных

персов, которые, поклоняясь огню, почитают Высшее Божество.

Поклонники Диониса предаются диким пляскам и веселым оргиям.

Толпы стекаются на пышные празднества, устраиваемые храмами, чьи жрецы поклоняются тем или иным богам.

Находятся и такие, кто верит в богов только потому, что отождествляет их с бесами, и приносят тайные жертвы Молоху.

Подобное же совершается приверженцами культа индийской богини времени Кали.

Сознание многих европейцев проникнуто магией, в основном черной, в журналах и газетах публикуются различного рода заговоры и заклинания.

В обществе господствует мировоззренческий и идеологический плюрализм и неудивительно, что восхищение Сенекой прекрасно уживается с подражанием Нерону — ничто ведь не мешает соседствовать изречениям Конфуция с китайскими пытками. Все в жизни перемешано, все хорошее и плохое настолько старо, что уже не может просто взять и умереть. Религии на любой вкус и любую потребность, только нет самого христианства с его непомерными воинственными устремлениями, чья логика развития приводит сначала к смерти бога, а потом и к смерти самого человека. Не случайно в прошлом христианские богословы и философы доказывали существование бога, теперь же, в конце XX столетия, мыслители стараются доказать существование человека.

Самое интересное — это то, что в нехристианской Европе не смог бы возникнуть капитализм, ибо именно христианство в одной из его форм (протестантизм) создало мировоззренческие предпосылки для генезиса и функционирования рационального способа ведения хозяйства. «В Западной Европе в условиях децентрализации и плюрализма, многообразия феодальных форм борьба внутри правящего класса постепенно привела, — отмечает В. Зарин, — к отбору наиболее жизнестойких социально-политических и хозяйственных институтов, обеспечивающих экономический рост и совершенствование военного дела за счет технического прогресса. К числу таких институтов следует отнести городское са-

моуправление, сложившийся рынок, а также более защищенное правовое и экономическое положение «непосредственных производителей» [77, 89].

Для нас важно развитие городов, которые в самом начале служили европейским феодалам источником доходов от ремесленного производства и торговых операций, а также дополнительной опорой в их борьбе с центральной властью и в междоусобных столкновениях. И вот здесь перед нами весьма знаменательный факт, а именно: крестовые походы, к которым призвала католическая церковь во имя спасения гроба господня в Иерусалиме, и освобождение городов от власти феодалов странным образом совпадают. Да иначе и быть не могло, ибо феодалы, отправившиеся в крестовые походы в погоне за богатствами, в основном попали в зависимость от городских купцов и ростовщиков. Поэтому ряд городов выкупают свои права у сеньоров, в других городах королевская власть оказывает им вооруженную поддержку в борьбе со своими вассалами, ослабленными походами в Палестину. Один из ведущих западных социологов XIX-XX вв. М. Вебер отмечает роль христианства в разрушении разнообразных ритуальных барьеров, мешавших объединению людей в независимую городскую общину [34].

В целом для западноевропейской цивилизации было характерно отсутствие автократии, моноцентристской структуры светской, духовной и экономической власти. Наряду с военно-феодальной иерархией, переплетаясь с ней, существовала духовная иерархия. Меч светский, которым владела феодальная элита, имел свою параллель в «духовном мече», той силе, которой в европейской структуре обладала церковь [221, 135-157]. Борьба между этими двумя мечами, между императорской властью и папством помогла родиться и пробиться ростком свободных городских коммун, политического и религиозного свободомыслия. Именно возникший на этой почве протестантизм с его этикой, пронизанной духом капитализма, и позволил синтезировать несколько феноменов европейской цивилизации: античная наука, особенно математика, соединенная в эпоху Возрождения с экспериментом; рациональное римское право, получившее свое развитие в средние века; рациональный способ ведения хозяйства, воз-

никший благодаря отделению рабочей силы от средств производства [34, 44-244].

Значимость «протестантской этики» в становлении капитализма подкрепляют и оригинальные исследования Ф. Броделя, посвященные экономической истории в масштабе всего мира с XV по XVIII век. В своей книге «Время мира» он показывает, что главная игра в движении Запада к капитализму была сыграна до 1585 года, что в ней победителем стала Голландия, завоевавшая и торговую Европу, и весь мир. Это было обеспечено, во-первых, связью между северным полюсом — Балтийским морем и фламандской, немецкой и французской промышленностью — и южным полюсом, которым выступала Севилья, великий поход на Америку с ее драгоценными металлами; во-вторых, значимостью Голландии как центра объединения протестантской Европы [22, 208-209]. Именно протестантская этика способствовала проявлению творческой энергии голландцев в торговых и финансовых делах и позволила им создать мощную мировую экономическую империю.

Христианство в его протестантской форме сыграло достаточно значимую роль в становлении капитализма, оно своим рационализмом как бы определило судьбы Западной Европы. И если бы последняя осталась нехристианской, то западная цивилизация не пошла бы по пути капиталистического развития. Ее дорога — это типичная эволюция восточных цивилизаций, когда города выполняют административную функцию, когда место феодальной раздробленности занимают абсолютистские монархии с мощной бюрократической системой, когда энергия индивидуализма скована стальным корсетом корпоративного духа, когда господствующая церковь подавляет алчные устремления ростовщиков и проповедует принципы социальной справедливости.

Но этот сценарий не был осуществлен, и капитализм начал свое победное шествие с Западной Европы.

Государства крестоносцев остались в Восточном Средиземноморье

С глубокой древности идет борьба за господство на Ближнем Востоке, особенно в Сирии и Месопотамии, а также за доминирование в Египте. Эти страны были одними из богатейших и культурных регионов тогдашнего мира. Через них проходили пути международной торговли. «С античных времен Ближний Восток, — подчеркивает Ш. Перес, — оказывал ключевое воздействие на благосостояние человечества. Данному региону принадлежала важная роль в обеспечении безопасности международных торговых путей и стабильности великих империй, которые возникали и рушились. Правители этих империй уделяли неослабное внимание событиям, происходившим в регионе. Не было такого периода в истории, когда Ближний Восток не разжигал бы воображения пророков и мечтателей, путешественников и исследователей, купцов и авантюристов, воинов и правителей, а в первую очередь — последователей трех великих монотеистических религий, верящих в божественное откровение» [Перес Ш. Новый Ближний Восток. М., 1994, с. 63]. За господство в этом регионе вели борьбу Византия и Иран, Иран и арабы, арабы и Византия, а в конце XI столетия в борьбу вступили феодальные государства Западной Европы под флагом освобождения «гроба Господня». Эта борьба выразилась в виде семи крестовых походов и длилась почти два века (с 1096 по 1270 г.).

Крестовые походы на Восток, беспрецедентный и неожиданный результат религиозного энтузиазма, рожденного

желанием преодолеть возникший в Западной Европе кризис, стали на протяжении длительного времени повторяющимися эпизодами в средневековом обществе. Они остаются, очевидно, наиболее ошеломительным проявлением тех чувств, превращенных в действия, которые сегодня считаются присущими исключительно средневековью. Здесь слово «беспрецедентный» относится к международному спонтанному массовому походу в Палестину с целью завоевания или защиты страны, где Христос провел свою земную жизнь.

Рассматриваемый в широком смысле как военное предприятие, инициированное религиозными побуждениями, первый крестовый поход был предвосхищен военными экспедициями (инспирированными и поддержанными папством), которые должны были вырвать из рук мусульман Северную Испанию, и норманским завоеванием Англии, получившим особое благословение папства. Затем на протяжении следующих четырехсот лет название и религиозную и военную технику крестовых походов использовали для организации походов, которые под видом большей или меньшей справедливости должны были защищать католическую церковь от еретиков типа альбигойцев, язычников в Пруссии и балтийских странах, и захватчиков, подобно туркам, с 1453 года до конца XVII века. Несмотря на это семь крестовых походов, каждый из которых требовал переправы сухопутным или морским путем крупной, многонациональной армии, представляющей христианство и имеющей благословение папства, является «средневековым феноменом, отличающимся от всех иных священных войн, и остающимся на периферии истории Церкви» [Knowles M.D., Obolensky D. *Historia koscioła*. W., 1988. т. 2. S. 166].

До сего времени спорными являются причины первого крестового похода и мотивы его вдохновителя. Рыцари Нормандии и Франции, подбодренные папским обещанием отпущения грехов, приступили к освобождению Испании и в 1085 году заняли Толедо. В том же самом году Антиохия была взята турками, которые еще раньше (1071 г.) завладели Иерусалимом. Все это склонило папу Григория VII к мысли об оказании помощи Западной Европой Востоку и Святым местам.

В 1085 году византийский император Алексей I обратился за помощью к папе Урбану II. «Это был, вероятно, благоприятный повод, — отмечают М. Ноулс и Д. Оболенский, — хотя и не фактическая причина, для появления плана крестового похода, рассмотренного в Пьяченце и провозглашенного в Клермоне в 1095 г.» [Knowles M.D., Obolensky D, Op. cit. S. 166]. Однако папа, несомненно, сразу увидел пользу, которую можно было извлечь из направленного против неприятеля римской церкви похода норманов и иных рыцарей, вызывавших смуту в Европе. Как политик он не должен был упускать появившийся перед католической церковью шанс установить господство над восточной, православной церковью. Поэтому он призвал своих служителей к освобождению Святого города из рук неверных. Его призыв был воспринят сразу, причем с гораздо большим энтузиазмом, нежели папа мог ожидать. Таким образом возник первый крестовый поход, вызвавший по принципу цепной реакции целую серию крестовых походов, которые по своей сути представляют военно-колонизационные походы западноевропейских феодалов в страны Восточного Средиземноморья.

В исторической литературе весьма подробно проанализированы причины серии крестовых походов Запада на Ближний Восток. Прежде всего они вызваны возросшей агрессивностью западноевропейских феодалов, их стремлением к захвату богатых земель на Ближнем Востоке, к увеличению собственных доходов и богатств. Это стремление, как известно, обусловлено тем, что с конца XI в. общий экономический подъем, появление городов и установление регулярных торговых отношений вызвали рост материальных потребностей феодалов. Удовлетворить данные потребности легче всего было силой оружия, ибо сравнительно низкий уровень развития производства не позволял добиться этого быстро экономическим путем. Не следует впадать в заблуждение, что серия крестовых походов имела сугубо религиозный характер (это римская церковь облекла их в одежды борьбы христиан против мусульман). «Крестовые походы, — подчеркивает английский историк Дж. Тревельян, — являлись военным и религиозным выражением общего наступления

на Восток, куда Европа устремляла свои возрождающиеся силы. Трофеями, с которыми Европа возвратилась из крестовых походов, оказались не освобождение гроба господня на все времена и не могущественное единство христианского мира. Напротив, вся длительная история крестовых походов является опровержением этого единства. Вместо этого Европа вынесла из походов изящные искусства и ремесла, стремление к роскоши, любознательность и науку — все то, что вызвало бы презрение у Петра Пустынника» [Цит. по: Неру Дж. Взгляды на всемирную историю. М., 1981, т. I, с. 279-280].

Весьма активную роль в крестовых походах играла римская церковь, которая сама была одним из крупнейших феодаловых собственников. Поэтому она была заинтересована в колонизации Ближнего Востока, для чего и воспользовалась крестовыми походами. Однако у нее были и свои, особые причины, обусловленные именно тем, что она является собой особый религиозный институт со своими целями и интересами. «Во времени первого крестового похода западная и восточная церкви окончательно отделились друг от друга. С этого момента стремление западной церкви подчинить себе восточную составляло один из главных пунктов в реакционной теократической программе папства, желавшего поставить власть римского папы выше всякой иной светской и духовной власти. Удачными походами на Восток католическая церковь рассчитывала также увеличить количество епархий (церковных областей, обязанных уплачивать ей десятину) и повысить таким путем свои доходы» [Всемирная история, М., 1957, т. III, с. 329]. Мы не говорим уже о том, что уходившие в крестовый поход оставляли зачастую церкви свои сбережения или отдавали под ее покровительство свое имущество, что вело к росту богатства римско-католической церкви.

Первый крестовый поход начался весной — летом 1096 года, когда на Восток отправились десятки тысяч бедняков под предводительством Петра Пустынника, разорившегося рыцаря Вальтера Голяка и священника Готшалка из Рейнской области. В поход двинулись и армии западноевропейских феодалов во главе с герцогом Годфридом Бульонским

(из Лотарингии), князем Бозмундом Тарентским (Южная Италия) и графом Раймундом Тулузским. В этой армии находились также рыцари из Северной и Средней Франции. После ряда сражений войска крестоносцев захватили огромную добычу и основали свои государства. «Вскоре после взятия Иерусалима крестоносцы овладели значительной частью восточного побережья Средиземного моря. При помощи флота венецианцев, генуэзцев и пизанцев, которые присоединились к крестоносному движению в надежде извлечь из него выгоду, они захватили многие портовые города. К началу XII в. на Востоке образовалось четыре государства крестоносцев: на территории Южной Сирии и в Палестине — королевство Иерусалимское во главе с Годфридом Бульонским, к северу от него — графство Триполи, княжество Антиохийское и графство Эдесское» [История средних веков // Под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. М., 1990, т. I, с. 217].

Государства крестоносцев оказались весьма непрочными в силу ряда причин:

— эти небольшие разрозненные владения занимали узкую прибрежную полосу в Сирии и Палестине длиной в 1200 километров. В силу этого они были достаточно уязвимы для нападения врагов.

— крестоносцы обустроились в прибрежных городах и построенных ими укрепленных замках, чтобы обеспечить себе безопасность. Ведь с юга им угрожал Египет, а с Востока на них постоянно нападали сельджукские эмиры.

— сами завоеватели непрерывно враждовали между собой. К тому же менялся состав крестоносцев при малой их численности (например, под началом иерусалимских королей находилось не более 600 конных рыцарей).

— своим поведением крестоносцы настроили враждебно к себе местное население и поэтому им пришлось жить в неспокойном и воинственном окружении.

— вскоре после первого крестового похода были созданы духовно-рыцарские ордена (тамплиеры, иоанниты и тевтонские рыцари), чьи распри между собой и другими феодалами привели к еще большему ослаблению государств крестоносцев [см. Печников Б.А. «Рыцари церкви. Кто они?» //

Очерки об истории и современной деятельности католических орденов. М., 1991].

В результате многих ошибок, совершенных государствами крестоносцев, и ряда неудачных походов рыцарям пришлось уйти из Сирии и Палестины. Одно за другим владения крестоносцев на Востоке переходили к мусульманам: в 1268 г. Египет захватил Антиохию, в 1289 г. — Триполи, в 1291 г. пала последняя опора крестоносцев Акра и перестало существовать Иерусалимское королевство. И хотя на протяжении XIV-XV вв. западноевропейские страны не оставляли попыток вернуть потерянные земли на Ближнем Востоке, эти предприятия закончились неудачами.

В связи с этим возникает вопрос, могли ли удержаться государства крестоносцев в Сирии и Палестине или нет?

По мнению М. Ноуэльса и Д. Оболенского возможность для крестоносцев закрепиться на Востоке была вполне реальной [см. Knowles M.D., Obolensky D. Op. cit. S. 169].

Поэтому постараемся проанализировать эту неосуществленную возможность чтобы увидеть последствия такого хода истории для Ближнего Востока и Западной Европы.

Прежде всего будем исходить из допущения, что сами крестоносцы высшего ранга прекрасно понимали — лозунг «освобождения гроба Господня» лишь камуфлировал, говоря современным языком, преследуемые ими основные цели. Поэтому они не стали враждовать между собой, а объединили свои силы для укрепления своих государств в Сирии и Палестине, превратив в вассальные по отношению к Иерусалимскому королевству Антиохию, Триполи и Эдессу. В тесный союз с ними вступили и духовно-рыцарские ордена тамплиеров, иоаннитов и тевтонцев. Следует помнить, что эти ордена представляли собой уникальный продукт крестовых походов и являлись сословными организациями мелкого и среднего феодального дворянства. Не случайно они получили прозвище «рыцарей церкви»: «В них наиболее полно воплощены грабительская идеология и практика этого экспансионистского движения. Благодаря своей все возрастающей политической, экономической и военной власти ордена превращались в костяк католического господства

на Востоке» [Печников В.А. Указ. соч. с. 17-18]. Духовно-рыцарские ордена находились на особом положении, которое обеспечивалось поддержкой со стороны папства, многочисленными владениями практически во всех странах Западной Европы, разветвленной структурой организации.

Благодаря крепкому союзу всех этих сил, государства крестоносцев могли эффективно противодействовать нападениям со стороны Египта и сельджукских эмиров.

Предположим далее, что правители государств крестоносцев достаточно умело использовали все обстоятельства, чтобы не только закрепиться в Сирии и Палестине, но и расширить свои владения. Особенно успешным в этом смысле был четвертый крестовый поход (1202-1204 гг.), который был начат по инициативе папы Иннокентия III. Его цель заключалась в захвате Египта.

Однако этому решил помешать венецианский дож Энрико Дондоло, который, потребовав за перевозку крестоносцев по морю огромную по тем временам сумму (85 тысяч марок серебром), хитроумными ходами пытался отвлечь их от задуманной экспедиции. Здесь сыграли свою роль вполне земные интересы Венецианской республики, не желавшей разгрома Египта. «У республики были с ним хорошо налаженные торговые связи, — отмечает М. Заборов, — она продавала султану даже оружие, не говоря уже о лесе, железе и других товарах. Помогать крестоносцам разорять Египет не имело для Венеции никакого смысла. Напротив, было весьма желательно придать походу какое-нибудь иное направление, двинуть крестоносцев в сторону от Египта. Для этого следовало поставить рыцарей креста в зависимость от Венеции. И дож отыскал надежное средство осуществить этот умысел» [Заборов М. Крестоносцы и их походы на Восток в XI-XIII веках. М., 1962, с. 107]. Что же предпринял венецианский дож? Вот как описывают это событие историки. «Заклучив такой договор (о перевозке армии крестоносцев венецианским флотом — В.П.), Энрико Дондоло распорядился перевезти всех прибывших в Венецию крестоносцев на один из ее островов. Затем Дондоло отвел свои корабли и предложил крестоносцам полностью уплатить обусловленные договором деньги. Оказалось, что крестоносцы

смогли внести только 51 тыс. марок, и вот тогда-то венецианцы предложили крестоносцам возместить недостающую сумму «ратными услугами» [«Всемирная история», т. III, с. 336], т. е. напасть для начала на один из городов — конкурентов Венеции в торговле (кстати говоря, находившегося под властью не «неверных», а христианского венгерского короля), а затем и на Константинополь — столицу Византии. И «освободители гроба Господня» не только согласились с таким предложением, напали на эти города, но и с большим рвением и жестокостью разграбили столицу «христианнейшей Византии». После этих «подвигов» крестоносцы оставили всякую мысль о походе к Иерусалиму и решили обосноваться на завоеванной территории. Отхватив у Византии половину ее владений на Балканах, они основали здесь Латинскую империю. Дальнейшие походы на Восток не принесли крестоносцам территориальных завоеваний в этом районе.

Необходимо напомнить сложившуюся обстановку в Египте, где всего каких-нибудь тридцать лет назад произошел переворот, низложивший фатимидского халифа Адида. «Его совершил энергичный военачальник Саладин, провозгласивший себя султаном и признавший духовным главой суннитского аббасидского халифа в Багдаде. Известно, что Саладин успешно воевал с крестоносцами и отнял у них почти всю Палестину, кроме прибрежной полосы и Иерусалима. Ему удалось овладеть также большей частью Сирии, с городами Дамаском и Алеппо и Верхней Месопотамией. Но он умер в 1193 году и то, что оставалось от прежней Арабской империи, постепенно распалось на куски» [Неру Дж. Указ. соч., с. 280].

И тогда можно представить такой поворот событий.

Армия крестоносцев высадилась в Египте и после ряда ожесточенных сражений с крупными силами феодальных ополчений сумела вернуть территории, завоеванные Саладином у государств крестоносцев.

Свой довольно-таки значительный вклад в укрепление позиций государств крестоносцев вносит пятый крестовый поход (1217-1221). Участвовавшие в нем немецкие, английские, голландские и венгерские крестоносцы после продолжи-

тельной осады взяли Дамисту — важную крепость, являвшуюся ключом к Египту: Благодаря единому и умелому командованию армия крестоносцев выигрывает ряд сражений с мусульманскими войсками династии Айюбидов и получает ряд укрепленных пунктов на египетской территории, в том числе и знаменитый город Александрию. Подписывается договор, согласно которому Египет попадает в зависимость от государств крестоносцев. Кроме ряда территориальных уступок, он выплачивает еще и дань как продовольствием, так и деньгами.

Государства крестоносцев продолжали свою экспансию дальше, используя благоприятно сложившуюся ситуацию и непрерывно оказываемую помощь Западной Европы. Немалую роль в осуществлении завоевательских целей играет шестой крестовый поход (1228-1229), в котором приняли участие немецкие, французские, английские и итальянские рыцари. и во главе которого стоял император Фридрих II. Воспользовавшись войной Египта с Дамаском, он обрушился на султана и разбил его войска полностью. Крестоносцы нашли поддержку среди местного населения, чье большинство составляли христиане-копты, потомки древних египтян, выплачивавшие в казну султана харадж и джизию. После свержения султана в Египте сложилась исключительно благоприятная для христиан обстановка, чем и воспользовались католические миссионеры. Они стали вести в стране активную религиозную пропаганду, что положительно сказалось на отношении местного населения к крестоносцам.

Нелишне помнить, что владения египетского султана тогда «охватывали не только Египет и Сирию, но также Хиджаз с Меккой и Мединой и часть Месопотамии» [Васильев Л.С. История Востока. М., 1993, т. 16 с. 281].

Войска крестоносцев располагаются в основных стратегических центрах Египта и постепенно проникают в соседние с ним страны. Ведь Египет был центром транзитной торговли, соединявшей север Африки через Сахару с Суданом. Из последнего везли золото, добычей которого занимались местные народности и из которого в Средиземноморье чеканили монету. В обратном направлении купцы транспортировали соль и некоторые другие средиземноморские товары.

Если раньше эта торговля находилась в руках арабских торговцев, то теперь к ней подключились европейцы, в том числе генуэзцы, венецианцы, французы, испанцы и другие. В торговых центрах, выросших на торговых путях и их пересечениях, таких как Аудагост, Гана, Томбукту, Гао и другие, наряду с исламскими купцами стали селиться и европейские торговцы. Вкупе с выходцами из числа разбогатевшей на этой торговле местной знати европейцы постепенно захватывают в свои руки и административно-политическую власть.

«Западный Судан VII-VIII вв. был местом наиболее интенсивной транзитной торговли, точкой пересечения многих миграционных потоков. Здесь жили земледельцы саванны. Сюда же спорадически перемещались со своими стадами скотоводы, как негроидного, так и берберо-ливийского происхождения... На увлажненных разливами Нила западно-суданских землях выращивали злаки, в том числе рис. В торговых городах было, кроме торговцев, немало ремесленников, обслуживавших нужды городского населения» [Васильев Л.С. Указ. соч., с. 447-448].

Европейские купцы быстро сориентировались и установили контакты с протогосударством Мали и сонгаями, что дало возможность получать большие доходы. Государства крестоносцев стали неслыханно богатеть и поэтому в них хлынуло множество европейцев, удельный вес которого в составе местного населения быстро нарастал.

Чтобы закрепить более основательно позиции крестоносцев на Ближнем Востоке и в Северной Африке, папа Иннокентий организовал седьмой крестовый поход. В нем приняли участие в основном французские рыцари под предводительством короля Людовика IX, «стремившегося обеспечить Франции более твердые позиции в Северной Африке, с которой были связаны торговыми отношениями города Южной Франции» [История средних веков, т. I, с. 222]. Войско французских рыцарей высадилось в Египте, где оно внесло свою лепту в экспансию крестоносцев, направленную в глубь африканского континента со всеми его неисчерпаемыми богатствами и ресурсами. Иными словами, это положило начало французской колониальной политике, что позволило затем Франции подчинить себе значительную часть Африки. По-

нятно, что военная экспедиция французских рыцарей способствовала также первоначально поставленной цели — оживились и укрепились торговые связи Южной Франции и Северной Африки.

В таких условиях все занятые крестоносцами восточные территории могли быть интегрированы в египетско-сирийское государство христианской ориентации. Это государство располагало относительно сильной центральной властью благодаря поддержке духовно-рыцарских орденов, руководимых римско-католической церковью, крепким дисциплинированным войском и большими экономическими ресурсами. Поэтому оно повело успешную борьбу с сельджуками Рума (Малой Азии) и некоторыми другими мусульманскими государствами. К тому же у египетско-сирийского государства крестоносцев неожиданно появился сильный союзник: «Монгольские ильханы Хулагуиды, утвердившиеся в Иране и в странах Закавказья, взяв Багдад и казнив аббасидского халифа Мустасима (1258 г.), задумали покорить Сирию» [Всемирная история, т. III, с. 339]. Ильханы Хулагуиды знали, что государство крестоносцев вело ожесточенную борьбу с мусульманством, и поэтому решили использовать его для осуществления своих планов.

Во второй половине XIII в. (1260-1303) хулагуидские монголы предприняли ряд походов в Сирию и попытались там утвердиться. Благодаря вооруженной помощи крестоносцев перевес оказался на стороне хулагуидских монголов. Последние установили дипломатические и торговые отношения с Западом, особенно с Генуей, что способствовало укреплению союза Хулагуидского улуса и государства крестоносцев. Правда, монголы стремились трактовать крестоносцев не как независимых и равноправных союзников, а как своих вассалов, однако у них ничего не получилось. Этим союзникам удалось разгромить государство сельджуков, прервав их экспансию в Малой Азии, что предотвратило неизбежное завоевание Византии сельджукскими эмирами.

Существование сильного государства крестоносцев на Ближнем Востоке способствовало упрочению и расширению влияния католической церкви в странах этого региона, прежде всего в Ливане, Палестине и Киликийской Армении и

других. «Представители новообращенных католиков ездили в Европу (Рим, Авиньон), получали там соответствующее богословское образование. Здесь можно указать на деятельность армянского униата Нерсеса Палеаненца (первая половина XIV в.), который перевел на армянский язык, дополнив и армянским материалом, труд официального историографа папства XIII в. Мартина Опавского» [История Европы. М., 1992, т. 2, с. 556]. Деятельность католических миссий привела к возникновению восточной униатской церкви, что укрепило позиции Запада в регионе Ближнего Востока.

Интенсивное взаимодействие Европы и Азии привело к тому, что на Западе укрепился процесс экономического и культурного подъема.

Но данный сценарий мировой истории не осуществился — государства крестоносцев были разгромлены, и Ближний Восток на длительное время был потерян для Запада.

Викинги осваивают Америку

е так давно мировым сообществом было отмечено 500-летие первого плавания (1492 г.) Христофора Колумба, после которого Западная Европа начала колонизировать громадный континент с его уникальными высокоразвитыми индейскими цивилизациями. Старые представления о том, что Америка была «открыта» благодаря этому плаванию не соответствуют действительному положению вещей. Уже в 1-м томе отечественной «Энциклопедии для детей» констатируется, что на 500 лет раньше данный континент был открыт викингами: «Помимо захвата чужих земель силой, викинги вели и мирную колонизацию. В 874 г. норвежцы заселили Исландию. В 80-е гг. этого же столетия ярл Эрик Рыжий открыл Гренландию, которая вскоре также была заселена викингами. А в 986 г. сын Эрика Рыжего, Лейф Счастливый, на 500 лет раньше Колумба открыл Америку, которую назвал тогда «Витланд» [Всемирная история. М., 1993, с. 236].

Нелишне заметить, что в честь именно Лейфа Счастливого, первого истинного предшественника Колумба, состоялось открытие памятника 29 октября 1887 года в Бостоне. Кстати, название Америки «Витланд», или «Винланд», означает «страна винограда». Оно связано с тем, что прибывший с викингами немец Тюркер (Тюркир), сойдя на берег и направившись в глубь суши, обнаружил виноград. Он был выходцем из винодельческих районов Германии и поэтому при виде дикого винограда пришел в состояние необычайно сильного душевного возбуждения. В резуль-

тате викинги Эрика (Эйрика) Счастливого дали Америке имя «Винланд».

Действительно, на восточном побережье Северной Америки издавна растут «дикий виноград» и «дикие злаки» [см. Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961, т. II, с. 334]. Викинги же, жившие в Гренландии, никогда не видели винограда, а потому, впервые обнаружив его, поспешили дать название открытой ими земле по наиболее характерному, с их точки зрения, признаку (что служит еще одним аргументом в пользу открытия Америки викингами).

Необходимо обратить внимание на тот существенный момент, что открытию Америки (Винланда) предшествовали открытие и освоение викингами Фарерских островов, Исландии и Гренландии. Сейчас установлено существование на юге Гренландии двух норманнских (так звали викингов) поселений — Аустербюгдена, или Восточного поселения (совр. Годтхааб), и Вестербюгдена, или Западного поселения (близ совр. Юлианехоба). «После того, как викинги прочно утвердились на гренландской земле, Северная Америка стала для них буквально сопредельной страной. Норманнскую колонию отделял от гигантского континента лишь пролив Дейвиса, ширина которого в самом узком месте не превышала 200 миль. Пересечь его не составляло никакого труда для тех, кто ходил на своих ладьях по бурному океану в Норвегию и Исландию. Во время промысловых экспедиций вдоль западного побережья Гренландии колонисты в ясные дни вполне могли видеть вдаль высокие горы Бафиновой Земли» [Гуляев В.И. Доколумбовы плавания в Америку: мифы и реальность. М., 1991, с. 110].

По мнению ученых, наиболее реальными являются события, связанные с открытием Винланда, которые описаны в исландской саге «Рассказ о гренландцах». В этой саге так излагается волнующий момент открытия Америки: «Лейф и его спутники взошли на корабль, всего их было 35 человек. Среди них был один немец, которого звали Тюркир. Они снарядили корабль и, когда все было готово, вышли в море... Они прошли проливом между островом и мысом, выдающимся к северу. Они стали обходить этот мыс с запада. Во время

отлива морское дно обнажилось, их корабль сел на мель, а вода ушла далеко. Но им так не терпелось высадиться на берег, что они не стали ждать, пока море опять поднимет их корабль, а сразу же отправились на берег. Там была река, вытекавшая из озера. Когда прилив снова поднял их корабль, они сели в лодку, отправились к кораблю и отвели его вверх по реке в озеро. Там они бросили якорь, вынесли свои спальные мешки и разбили палатки. Они решили обосноваться там на зиму и соорудили большие дома. И в реке, и в озере было много такой крупной рыбы, какой они никогда прежде не видывали. В этой благословенной стране, по их мнению, не надо заготавливать на зиму корм для скота. Зимой там не бывает морозов и трава остается почти такой же зеленой, как летом. День и ночь не так различаются своей продолжительностью, как в Гренландии или Исландии... Когда пришла весна, они приготовились к отплытию. Лейф дал этой стране имя, соответствующее ее особенностям, и назвал ее Виноградной Землей (Винланд)...» [цит. по: Хенниг Р. Указ. соч., т. II, с. 305, 320-321].

После Лейфа в Винланде побывало шесть экспедиций, однако все попытки викингов основать колонию на открытых землях, которые были богаты ресурсами, окончились неудачей, ибо на их пути стали коренные жители. Норманны называли их скрелингами (само по себе это слово ничего не значит), не проводя различия между индейцами и эскимосами [см. Сеган С. W. *Pierszy americanin*. W., 1977. S. 44].

Затем брат Лейфа, Торвальд, отплыл на его корабле в Винланд, где провел зиму в доме своего брата, а потом совершил несколько разведывательных экспедиций. Однажды на морском берегу Торвальд со своими людьми наткнулся на три перевернутых лодки, под которыми скрывались девять аборигенов. Ни минуты не колеблясь, викинги напали на них и перебили всех, за исключением одного, успевшего убежать. Этот безрассудный поступок можно объяснить только их характером.

Однако последствия оказались фатальными. Сразу же появился целый флот сделанных из шкур лодок с множеством туземных воинов и атаковал викингов, засыпав их гра-

дом стрел. Одна из них попала Торвальду в грудь. Он выдернул ее, произнес пророческие слова: «Мы открыли плодородную землю, но она не принесет нам счастья», — и скончался. Это все, что известно о первой встрече белых (европейцев) с автохтонами (коренными жителями Америки).

Весьма удачным оказалось пятое путешествие, которое осуществил богатый и знатный викинг Торфинн Карлсевич (1005-1007). В его экспедиции участвовало 60 мужчин и 5 женщин, причем с собой они взяли домашний скот, так как собирались основать в Винланде большое поселение. После зимовки в домах Лейфа викинги встретились со скрелингами, которые буквально были очарованы стальным оружием воинов. В самом начале отношения между викингами и скрелингами складывались довольно дружелюбно — завязалась меновая торговля. Аборигены предлагали звериные шкуры в обмен на оружие. Однако им пришлось довольствоваться молоком, которое им пришлось по вкусу. Интересно, что в то время родился у Карлсевича сын Снорри, первый белый американец. Но потом отношения между пришельцами и автохтонами обострились, дело дошло до сражения, где победителями оказались викинги. Тем не менее Винланд им пришлось покинуть и вернуться домой, что и отражено в тексте «Саги об Эйрике Рыжем».

Самой неудачной и драматической была последняя экспедиция из-за участия в ней сестры Лейфа Счастливого Фрейдис, представляющей собой как утверждают предания, «чудовище в теле человека». Она сумела вызвать среди небольшого отряда викингов кровавую усобицу, зарубив топором пять женщин из числа соперниц. Оставшиеся в живых возвратились в Гренландию и, хотя Фрейдис подкупила команду, один из норманнов не сумел промолчать о совершенном ею преступлении. Лейф Счастливый пытками добился от остальных истины, после чего Фрейдис была обречена на изгнание. Этим драматическим финалом и завершилась первая волна «норманнской колонизации в Северной Америке» [Гуляев В.И. Указ. соч., с. 114].

Настоящая колонизация Америки началась после плавания Колумба, когда различного рода конкистадоры, авантюристы, купцы и священники ринулись туда.

Теперь представим себе, что последняя экспедиция викингов прошла успешно. Они отказались взять в свой состав Фрейдис. Поэтому никакой кровавой усабицы внутри группы колонистов не произошло. *Возникает искушение построить мысленное изображение такого хода исторического процесса, согласно которому викинги колонизовали Америку.*

Следует отметить, что викинги с самого начала могли великолепно вписаться в мир североамериканских индейцев и эскимосов, так как между ними было много общего, а именно: родовая организация общества, языческое мировосприятие и другие свойства.

Известно, что в старых англо-саксонских хрониках VIII-IX веков есть немало сообщений о набегах викингов — этих северных воинов — на европейские города и села, причем от них долгое время не было никакой защиты. «Завидев корабли под полосатыми или красными парусами с головами драконов... на высоко вздымавшихся форштевнях, жители приморских районов... бросали дома и поля и спешили укрыться в лесах вместе со своим домашним скарбом и скотом. Замешкавшиеся погибали под ударами боевых топоров пришельцев или становились их пленниками. Вместе с награбленным имуществом их грузили на корабли и увозили на север. Все, что пираты не могли захватить с собой, уничтожалось: скот убивали, дома сжигали. Попытки оказать им сопротивление поначалу были безуспешными. Хорошо вооруженные, бесстрашные северные воины, охваченные жадой добычи и возглавляемые прославленными вождями, легко рассеивали неорганизованные толпы крестьян, отвыкших от военного дела и приученных скорее обращаться с плугом и граблями, чем с мечом и копьем. Постоянно враждовавшие между собой феодалы Западной Европы не могли объединиться для того, чтобы дать отпор дерзким грабителям» [Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966, с. 4-5].

Это свидетельствует о том, что у викингов существовала хорошо отлаженная социальная организация. «И действительно, — замечают английские ученые П. Фут и Д. Вильсон, — уже задолго до этого началось постепенное расширение и объединение локальных групп под властью индивидов

или родов, чье военное и религиозное предводительство признавалось всеми» [Foot P.G., Wilson D.M. Wikingowie. W., 1975. S. 30]. Типичной общественной единицей, независимо от более широких форм организации, служил род. Первоначально принадлежность к родовой группе определялась только по мужской линии, но уже весьма рано к роду стали относить индивидов, породнившихся с ним. В эпоху викингов жизнь была основана на родовой группе до такой степени, что для характеристики общенорманнских условий жизни использовался термин «родовое общество». Индивид автоматически ставил интересы рода на первое место, ибо этого требовали неделимость родового имущества и коллективная ответственность за репутацию рода в обществе. Доход и потери, слава и позор были уделом всего рода и необходимы были общие усилия, чтобы приобрести добро и избавиться от плохого.

Наряду с участием в общих религиозных обрядах род совершал обычно свои особые ритуальные действия, чтобы заручиться поддержкой доброжелательных богов. Существовало множество богов и обрядов, которые требовалось совершать во время публичных и семейных празднеств. Однако не существовало принуждения к навязыванию личных связей индивида с богом.

К моменту колонизации Северной Америки викингами, ее территория была населена множеством независимых племен, большинство из которых враждовало между собой. «Как писал Клакхон, небольшие племена выступали в качестве независимых боевых единиц, состоявших из нескольких сот мужчин разного возраста» [Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М., 1990, с. 60]. Именно это и явилось одним из постоянных источников трений и конфликтов между индейцами. Среди множества племен, обитавших на американском континенте, по своей численности и, отчасти, по уровню развития выделялись следующие: эскимосы, ирокезы, алгонкины, пуэбло, навахи (Северная Америка), ацтеки (Мексика), майя (Мексика, Центральная Америка), карибы и араваки (Антильские острова, бассейн реки Ориноко), тупигуарани (Бразилия, Парагвай), чибча (Колумбия), кечуа и аймара (Перу, Боливия), чарруас (Уругвай, Аргентина), ара-

уканы (Чили). Для всех этих индейских племен характерна вера во множество богов и соблюдение различного рода религиозных обрядов.

К началу XI века в Северной Америке наибольшая плотность населения прослеживалась на Атлантическом и Тихоокеанском побережьях. Все североамериканские индейцы принадлежали к различным племенным объединениям, «так никогда и не ставшим ни государствами, ни городами-государствами, как это произошло, например, к югу от Рио-Гранде» [Галич М. Указ. соч., с. 62]. Самыми многочисленными среди североамериканских индейцев были, очевидно, алгонкины, которые занимали огромную территорию, ограниченную на востоке полуостровом Лабрадор и Северной Каролиной, а на западе — Тихим океаном. Алгонкины отличались исключительной воинственностью и никогда не сдавались врагу. Именно с ними пришлось столкнуться прежде всего тоже свирепым и воинственным викингам. В результате столкновения восточные алгонкины были истреблены, с западными же алгонкинами установились достаточно мирные отношения.

У североамериканских индейцев и викингов общими оказались, как было показано выше, и общественный строй, и языческие верования. Фактически произошла встреча примерно одинаковых миров европейской и североамериканских культур. Это и было отражено в сагах, где говорилось о том, что «колонисты сожительствоуют с индейками и становятся «своими» среди местного населения, что освобожденные из плена мужчины предпочитают оставаться с теми, кто их держал в неволе...» [«Мы все дикари...» // Курьер ЮНЕСКО, 1994, сентябрь — октябрь, с. 16]. Полным ходом шла культурная ассимиляция, которая оказалась благотворной для обеих сторон.

С одной стороны, от Канадского щита до Техаса индейские общины постоянно принимали норманнов, желавших поселиться с ними, что привело к индеанизации викингов. С другой — викинги внесли в индейские племена свою апробированную в пиратских налетах и дерзких походах военную организацию. В итоге «способность индейцев к ассимиляции, огромная терпимость индейского общества и существовав-

шая в большинстве племен система принятия в племя» [«Мы все дикари...», с. 16] привели к тому, что викинги стали родоначальниками весьма многочисленного «племени» метисов.

Не следует забывать, что на американский континент все время прибывали группы викингов из Гренландии и Скандинавии, привлекаемых лучшими условиями жизни в Винланде. Об этом свидетельствует основанная на древних источниках летопись епископа Гисле Оддсона, в которой о 1342 году сообщается следующее: «Жители Гренландии по своей воле отказались от христианства и обратились к американскому племени» [Цит. по: Ингстад Х. По следам Лейва Счастливого. Л., 1969, с. 101].

Во время колониальных конфликтов захваченные в плен норманны, месяцами и даже годами, жили в индейских поселениях. «После ритуального обряда белые начинали жить жизнью индейцев, и к ним относились как к кровным родственникам» [«Мы все дикари...», с. 16].

Такая тесная связь с племенем североамериканских индейцев, а также тот факт, что викинги брали в жены индейцев, привели через три столетия к господству викингов практически над всей Северной Америкой (Винландом). Элита норманнов, которая сохраняла чистоту крови, сумела создать огромную винландскую империю с мощным экономическим, демографическим и военным потенциалом.

Следует иметь в виду и то, что Винландская империя не могла не поддерживать постоянные контакты со своей родиной — Скандинавией, которая почти не знала феодальной раздробленности. «Варварские» королевства эпохи викингов непосредственно трансформировались в централизованные раннефеодальные монархии, окончательно сложившиеся в Дании к середине XII в. при королях Вальдемаре I и Вальдемаре II, в Норвегии — в середине XIII в. при потомках Сверри, а в Швеции — в конце XIII в. при сыновьях ярла Биргера — Фолькунгах. «После упорной борьбы между королями и знатью на рубеже XIII-XIV вв. феодалы Скандинавских стран удовлетворились ограничением королевской власти при помощи съездов знати и постоянного государственного совета. Хартии датского короля Эрика Клиппинга в 1282 г. и условия избрания шведско-норвежского короля

Магнуса в 1319 г. — яркие памятники торжества аристократической монархии в Скандинавских странах» [Всемирная история. М., 1957, т. III, с. 691] (по этому же принципу могла быть построена и Винландская империя). Упрочение центральной власти позволило Скандинавским государствам возобновить свою внешнеполитическую экспансию. Вполне вероятно, что викинги, стоявшие во главе Винландской империи, содействовали этой экспансии путем «канализации» военных сил Скандинавских государств в обмен на помощь в виде финансов и ресурсов.

Винландская империя тоже проводила экспансионистскую политику в южном направлении, все время добывая информацию о происходящих там событиях и собирая данные о существующих там цивилизациях и государствах. Ведь в Мезоамерике (регион Мексики и Центральной Америки) в это время происходило формирование ацтекской империи.

История ацтеков до их появления во второй половине XII столетия в Центральной Америке уходит во мрак времен. Кочевые племена ацтеков отличались большой воинственностью и в ходе завоевательных кампаний на протяжении двух веков овладели Мексикой и в начале XIV в. создали там могущественную империю [см. Галич М. Указ. соч. Гл. IV].

Получив достаточно исчерпывающие сведения об ацтекской империи, правители Винланда решили покорить ее (не надо забывать, что дух завоевания все время толкал викингов на поиски новых земель и богатств).

Был сформирован мощный экспедиционный корпус, вооруженный по последнему слову европейской военной техники — огнестрельным оружием. Его сопровождали многочисленные отряды индейцев, которые вели разведку и пресекали возможные атаки ацтекских войск. Экспедиционный корпус Винланда подошел к столице ацтекской империи Теночтитлану, основанному в 1325 году. Время нанесения удара было выбрано винландскими стратегами весьма удачно — империя ацтеков только набирала силы, находилась в начале своего взлета. Понятно, что воинственные ацтеки не смогли выдержать атак викингов, вооруженных стальным и огнестрельным оружием. Экспедиционный корпус имперских

винландских вооруженных сил достаточно быстро разгромил империю ацтеков и подчинил ее Винланду. В Теночтитлан был назначен наместник, которому было достаточно легко управлять местным населением, поскольку оно своей мифологией было предуготовлено к появлению белого человека. Ведь их культ Кецалькоатля носил мессианистический характер, причем сам бог был белокожим и бородатым [см. Портильо Хосе Лопес. Сказание о Кецалькоатле. М., 1980], а наместник-викинг и был очень похож на Кецалькоатля, обещавшего вернуться к своему народу.

Дальнейшее развитие событий можно представить в следующем порядке:

— подчинение могущественной ацтекской империи разожгло аппетиты правителей Винланда, и их стратегические замыслы теперь нацелены на дальнейшее продвижение в южном направлении. Они уже знали, что на территории нынешних Перу, Эквадора, Боливии, части Колумбии, Аргентины и Чили существовала еще одна великая и богатая империя — государство инков. Здесь необходимо учитывать то, что винландские викинги имели в своем распоряжении сильный флот, состоящий из грозных боевых дракаров («длинных кораблей») с узким корпусом и украшенных резной головой дракона — кнарров. Последние использовались обычно в качестве торговых судов и были способны совершать далекие плавания [см. Гуляев В.И. Указ. соч., с. 107-108: Foot P.G., Wilson D.M. Op. cit. S. 237-250]. Поскольку во многих отношениях кнарр был очень надежным и удобным, он использовался винландцами как разведовательное и транспортное судно. Значительная часть информации об империи инков была получена благодаря кнарру, остальные сведения доставляли специальные разведовательные группы, состоящие из индейцев. На основе имеющихся данных была составлена подробная карта государства инков, занимавшего территорию более 1 млн кв. км и называвшегося Тауантисуйу.

В конце XV века после тщательной подготовки Винланд двинул свои сухопутные и военно-морские силы на завоевание империи инков. Нелишне заметить, что в сухопутные войска входили конные подразделения, что способствовало успеху в разгроме военных сил инков (они никогда не видели

коней, и это привело их в полное замешательство во время боевых действий). Несмотря на то, что во главе империи находился один из выдающихся инкских правителей Тупак Юпанки [см. Галич М. Указ. соч., с. 353], винландские войска с их огнестрельным оружием завоевывают Тауантисуйю и устанавливают над ним строгий контроль. Понятно, что Винланд обогатил свою казну великолепными изделиями инков из золота, серебра и меди.

Правители Винланда для усиления своего господства на обширном и многоязычном континенте весьма эффективно используют религию в качестве идеологической скрепы. Следует отметить, что винландские викинги, исходя из европейского опыта, обретенного прежде в набегах на континент, решительно отвергли христианство, чтобы не попасть под власть римско-католической церкви. А так как они были носителями мира европейской культуры, подпитывавшейся постоянно притоком все новых и новых своих соотечественников из Скандинавии (многие из них отвергали христианство), то они не стали устраивать гонения на религиозные верования индейцев. Напротив, правящая элита Винланда поддерживала сложившийся и общий для цивилизаций ацтеков и инков культ обожествленного Солнца. Винландский наместник в империи инков считался живым воплощением Солнца, что давало ему возможность эффективно управлять этим обширным регионом Винландской империи.

После покорения Тауантисуйю винландцы включили в состав своей гигантской империи и территорию нынешней Бразилии.

В результате целой серии завоеваний и гибкой политики правящей элиты сложилось полиэтническое государство. Его культура впитала в себя все достижения и высоко развитых цивилизаций ацтеков, майя, инков, и северных индейских племен, и западноевропейской культуры. Не следует забывать и процесс смешения норманнов с автохтонным населением империи, что привело к его метизации и синтезу культур.

В жизнь Винланда вошли инновации Западной Европы — орудия из железа, колесо, лошадь, огнестрельное оружие, печатный станок и пр. Выходцы из Скандинавии были не

только свирепыми и беспощадными воинами, но и отличными работниками. Они пахали землю, косили сено, ловили рыбу, пасли скот, занимались ремеслом, создавая экономические основы своей культуры [см. Гуляев В.И. Указ. соч., с. 105]. Их трудовые и военные навыки в полную меру развернулись в Винланде, что дало возможность создать могущественную державу.

Правящая элита Винланда старалась держать в тайне информацию о своей империи от европейских правителей и римского папы. К последним попадали только ее крохи. И поэтому Колумб в 1492 году действительно «открыл» новый континент и вслед за ним на него ринулись испанские конкистадоры. Но тогда европейским завоевателям, вступившим на берега Нового Света, пришлось бы столкнуться не только и не столько с племенами бродячих охотников, примитивных землевладельцев, безоружных, хотя обладающих высоко развитой цивилизацией ацтеков и инков. Они бы встретились с мощной цивилизацией Винланда, с прекрасно подготовленной армией. Все отряды испанских конкистадоров, в том числе Кортеса, Писсаро, Грихальвы и др., неминуемо были бы разгромлены наголову. Экспансия Западной Европы в Новый Свет потерпело бы фиаско. Ей пришлось вступить с Винландом исключительно в экономические отношения, которые давали дополнительные импульсы для развития обоих.

Однако и этот увлекательный и многообещающий сценарий мировой цивилизации, способный изменить облик всего мира, оказался неосуществленным.

Папство побеждает империю

Для западной средневековой цивилизации характерен дуализм властей — духовной, представленной римско-католической церковью, и светской, выражающей интересы императоров и королей, находившихся на вершине феодальной иерархии. Сложившаяся ситуация время от времени принимала форму конфликта между этими взаимодополняющими, а иногда и параллельными структурами феодальной власти — она представала в виде открытой борьбы императорской власти и папства за инвеституру (право светского государя назначать епископов на территории своего владения). «Борьба между империей и папством, — отмечается в «Истории церкви», — которая была логичным и почти неизбежным следствием осуществленной Карлом Великим идеи унии теократического государства и императорской традиции, на протяжении двух столетий поглощала умы и силы императоров и пап, а также бесчисленного числа обычных людей» [79, 230]. Этот великий спор оказал значительное влияние на историю Запада, на ход становления и развития феодальных отношений в этом обширном регионе мира. В конце концов *правомерен вопрос — дошло бы дело до антипапской «революции», коей стала Реформация с ее протестантизмом, проникнутым капиталистическим духом?*

А ведь этот спор, или эту борьбу, чуть было не выиграло папство, стремившееся к установлению своей гегемонии не только в Западной Европе, но и во всем мире.

Римские папы как верховные представители теократии считали себя стоящими неизмеримо выше всех королей и

императоров (началом этому послужило возложение папой Львом III короны на голову Карла Великого в соборе св. Петра в Риме). Они активно занимались политикой, награвливая одну часть народа на другую, подданных на государей, используя для этого различные средства.

Проповедники из доминиканского ордена своими проповедями закрепляли в сознании масс картину мира, контрастного по своему существу (божественное и дьявольское, добро и зло, «свое» — «чужое» и пр.), формируя таким образом религиозный фанатизм [79]. Используя его, весьма эффективно действовала священная инквизиция, которая представляла собою одно из орудий достижения мирового господства католической церковью. Этой же цели служил и орден иезуитов, опутавший своими щупальцами почти весь мир и исходивший из принципа, что «завоевание духом более прочно, чем завоевание силой», а также множество других орденов [79, 226, 156].

В погоне за властью, богатством и влиянием римско-католическая церковь и стоящая во главе ее римская курия далеко отошли от идеалов первоначального христианства, сама же римская курия фактически потеряла обличье духовного учреждения и «превратилась в финансово-дипломатическую канцелярию» [79, 7]. Так, папа Григорий VII действительными средствами утверждения мирового владычества католической церкви считал деньги и грубую силу. Более утонченные приемы экспансии применял папа Иннокентий III, при котором как бы воскрешались былые идеалы и папство достигло апогея своего могущества.

В движении к своим целям, и прежде всего установлению теократического государства Запада, папство весьма изоциренно использовало слепую веру в «царство Христово», аскетизм и отречение от мира как способ обретения «Блаженства» в другом, загробном мире. Средневековому католицизму свойственна тенденция соединить влечение к аскетическому идеалу и рвение к земному торжеству церкви.

Вековое возведение папской теократии основывалось на двух взаимоисключающих принципах — принципе аскетизма (отречение от мира) и принципе всемирной власти христианства (владычества над миром). История средних веков

Западной Европы свидетельствует о неустанных попытках практически увязать эти два принципа: «На самом деле, под знаменем, на котором было написано презрение к миру, папство достигло своих величайших побед над миром: во имя аскетического идеализма папы преобразили церковь и дали ей ту организацию, которая послужила прочным основанием для их всемирного могущества; монахи, умершие для мира, пробуждались к жизни, чтобы проводить в церкви и в мире идею всемирной папской власти, отстаивать ее интересы, содействовать ее укреплению и расширению; покидая свои монастыри, они сами в качестве прелатов и пап завоевывали мир во имя идеи единовластия» [44, 2].

Не следует сбрасывать со счетов и рост экономической мощи церкви, постоянное увеличение ее доходов и владений. На Западе еще в период становления феодальных отношений она накопила значительные богатства, которые передавались ей королями «варварских» королевств, принимавших христианство [113]. Религиозный фанатизм способствовал не только сохранению, но и умножению богатств римских пап, ибо он опирался на строго иерархическую централизованную власть церкви. Можно сказать, что стремление к отречению от мира и тяготение к господству над миром, по сути, едины; что переход от аскетического христианства к завоевательной политике папства имеет свою логику. Притязания средневековой церковной иерархии на власть имели свои основания не в устремлениях отдельных личностей, а в самой логике развития религиозной системы католицизма.

Римско-католическая церковь стремилась установить тоталитарное управление западноевропейским обществом и, казалось, что она преуспевает в этом. Рост политического могущества папства проявился, как известно, в организации им крестовых походов на Восток и осуществлении идеи «защиты христианского мира от неверных» в ходе Реконквисты в Испании, не говоря уже о преследовании еретиков. Чтобы еще более повысить престиж и влияние папской власти в Европе, папа Бонифаций VIII подверг пересмотру каноническое право и впервые в 1300 году организовал «юбилей церкви», позволивший собрать огромные денежные средства. Пап-

ство старалось объединить Запад под своим владычеством и установить теократическое государство.

Однако его намерения натолкнулись на противодействие светской власти формирующихся национальных государств. Вспыхнувший на этой почве конфликт между французским королем Филиппом Красивым и папой Бонифацием VIII закончился поражением и смертью папы [87, т. I, гл. 9]. Папский престол затем занял один из французских епископов, а в 1309 году резиденция папы была перенесена из Рима в Авиньон, и, таким образом, попытки осуществить господство над Западом провалились.

Можно представить ситуацию, когда, напротив, папству удалось стать во главе созданного им теократического государства Запада и начать осуществление на практике планов завоевания мирового господства.

Допустим, что папа Бонифаций VIII продолжил весьма эффективно политику Иннокентия III, направленную на осуществление идеи теократического государства. Последнему удалось только частично воплотить в действительность идею, что «бог передал власть ап. Петру не только над вселенской церковью, но и над всем миром». Ему стали подчиняться в качестве ленников государи Арагона и Англии, владыки Сербии и Болгарии принимали из его рук корону, Португалия стала выплачивать ежегодно дань. Проводимая Иннокентием политика подчинения Риму монархов и князей Западной Европы при опоре на латинское духовенство дала ему возможность оказывать решающее влияние на ход событий во многих странах.

Бонифаций VIII тоже уделяет большое внимание политической деятельности на арене всей христианской Европы, поскольку, как он говорил, «папа в качестве викария всемогущего бога приказывает монархам и королевствам, обладает верховной властью над всеми людьми» [107, 139]. Он вмешивается, с переменным успехом, в дела многих европейских государств (Польши, Шотландии, Германии, Англии и др.), пока не сталкивается с таким сильным противником, как Филипп IV Красивый.

В конфликте между папой и королем приняло участие все французское общество, которое уже дифференцирова-

лось на три сословия, достаточно замкнутые, пользующиеся различными правами и имеющие неравные обязанности. Значительным влиянием пользовалось наиболее привилегированное сословие — духовенство, меньшим — феодалы и рядовые рыцари, а к третьему относились все остальные. Королевской пропаганде не удается вызвать во французском обществе антипапских настроений, к тому же вспыхнуло антифранцузское восстание во Фландрии, оккупированной королевскими войсками. Благодаря решительным действиям Бонифация VIII и колебаниям советников Филиппа IV Красивого, французский король признает власть папы (вскоре короля отравили, ибо он внушал опасения своей неумеренной энергией).

После того, как Франция была поставлена на колени перед Римом и еще раз стало очевидным неограниченное могущество светской власти папы, Бонифаций VIII и его умные и энергичные преемники сумели захватить власть над всей Западной Европой и объединить ее. Отныне папа становится императором и соединяет в своей особе духовную и светскую власти, в его руках находится «духовный» и светский мечи.

Теократическое государство Запада очень напоминает арабский халифат — император-папа в Риме представляет собою наивысшую власть в западном христианском мире, все остальные государства являются по отношению к его резиденции, расположенной на территории папской области, обычными провинциями. Для повышения статуса императора-папы было возрождено юристами древнеримское право, согласно которому в империи Запада действует принцип: «что нравится властителю, то обладает силой закона».

Римом правили весьма умные и энергичные политики. Поэтому, получив власть над всей Западной Европой, они проводят ряд реорганизаций, чтобы укрепить свои позиции.

Прежде всего вся теократическая западная империя в административном плане разделяется на провинции, совпадающие с ранее существовавшими королевствами, княжествами, герцогствами и графствами. Во главе провинции находится тот или иной крупный феодал (король, герцог, князь,

граф и т. д.), сама же провинция членилась на ряд более мелких административных единиц, совпадающих с парафиями. Эти малые административные единицы возглавляют феодалы среднего ранга. В Риме создана имперская инспекция, задача которой состояла в постоянном и систематическом контроле деятельности провинциальных властей.

Наряду с этим фактически все власти различных уровней западной империи находились под контролем целого ряда духовно-религиозных организаций. Во-первых, каждую провинцию курировал кардинал, и ее правитель не мог принять того или иного решения без согласования с куратором. На более низких уровнях управления местная администрация и пальцем не могла пошевелиться без согласия епископа или аббата. Во-вторых, значительная роль принадлежала монастырям, оказывавшим сильное влияние на интеллектуальный климат в приходе и регулирующим повседневную деятельность властей. В-третьих, определенное место отводилось и различного рода монашеским орденам, представлявшим в большинстве случаев религиозно-военные организации. Они использовались и для расширения владений империи Запада в странах с языческим населением, и для контроля действий провинциальных властей.

Большое внимание императоры-папы уделяют функционированию инквизиции, созданной еще императором Феодосием Великим в 382 году для разыскания врагов церкви и религии. Инквизиционные суды — священные трибуналы подчинялись непосредственно императору-папе, а на местах помощь им оказывали ордена, в основном доминиканцы и францисканцы. Причем они не подчинялись в своих действиях ни епископам, ни провинциальным властям. Папско-императорская инквизиция была всеведущей, всемогущей и вездесущей. Она выступала в качестве мощной машины, включающей в себя службы тайной полиции, тайной политической полиции и императорской армии. Инквизиция представляла собой уникальную систему тайного управления обществом. Впервые в Европе были созданы тайные акты и архивы-картотеки, в которые занесены все данные о том или ином лице. И здесь вроде бы парадокс: здания инквизиции забиты документами тайной картотеки и в то же время их

нет. Это позволяло играть судьбами людей — в случае исчезновения человека никто не может найти акт дела, причины обвинения и действий инквизиционного суда. В застенках инквизиции применялись различного рода физические и психологические пытки, дававшие сильный эффект. Священная инквизиция выступала инструментом для установления железного порядка на всем Западе и рассматривалась как орудие достижения мирового господства римско-католической империей.

В новой западной империи-папстве власть чеканит монету с изображением ее властителя, устанавливает порядок проведения торгов и ярмарок, сбора дани и податей, монополию государства на ряд товаров.

Подвергается изменению и церковная экономическая доктрина, ибо старая пришла в противоречие с новыми экономическими реалиями. Это вполне понятно, так как старая доктрина формировалась в условиях разлагающегося рабовладельческого общества, когда осуществлялся поиск новых форм экономической и общественной жизни. Отсюда признание в качестве идеала сельской общины, представление о потребительском коммунизме как естественном состоянии и трактовка частной собственности как следствия первородного греха (ее считали необходимым злом и едва терпели), осуждение торговли как нечистого дела.

Жизнь оказалась сильнее церковной доктрины, и поэтому концепцию новых экономических взглядов церкви выразил знаменитый Фома Аквинский (1225-1274 гг.). Согласно его трактовке торговля объединяется необходимым элементом функционирования общества, допускается купеческая прибыль (хотя и в определенных пределах), и фактически признается ростовщичество.

Новая экономическая доктрина очень пригодилась в новой западной империи-папстве. Она поощряла торговлю, особенно средиземноморскую. Здесь ведущее место занимала Венеция — через нее шла оживленнейшая торговля перцем и пряностями Востока с Западом. Вместе с тем финансировались морские экспедиции для поиска путей в Индию. Благодаря этому португальские мореплаватели исследовали африканское побережье, Васко да Гама проложил путь

из Европы к странам Востока, а Колумб открыл американский континент.

Западная империя-папство начинает осваивать Америку, создает в ней целый ряд вице-королевств во главе с наместниками Рима и начинает поход на Восток.

Однако ей это не удалось. Французский политолог Р. Дебре в своей книге «Писец: Генезис политики» пишет, что христианская (римско-католическая) церковь была первой военной силой в мире, что она пыталась добиться «интернационализации» своей власти, т. е. пробиться на Восток, но потерпела в этом поражение [242а, 97-100]. На Востоке ей пришлось столкнуться с мощным Османским государством, с мусульманским миром.

В западной теократической державе на практике был воплощен теоретический принцип единства действий: «практическая унификация всего мира, единство органов образования и централизация органов управления» [242а, 96]. Все это принесло свои плоды — империя стала монолитной, инквизиция контролировала жизнь каждого подданного от колыбели до смерти.

И тем не менее, диалектика общественного развития взяла свое: в один прекрасный момент (в начале XX века) империя-папство распалась на ряд государств, подобно халифату.

И этот сценарий тоже не осуществился, хотя возможности имелись.

Германский «Дранг нах Остен» XIII века прошел успешно

период X-XIII веков Западная Европа находилась в фазе средневекового расцвета. Она проявила сильные экспансионистские устремления не только в сторону Ближнего Востока и Пиренейского полуострова, но и в направлении славянского Востока. Они были связаны с бурным ростом населения, что привело к появлению его излишков. Демографическое давление и послужило одной из причин серии крестовых походов [257, 69-70].

Нас интересует экспансия немецких феодалов на Востоке — в земли полабских славян и народов Восточной Прибалтики (так называемой «Дранг нах Остен»). «Своеобразие нового этапа наступления, начавшегося в XII в., заключается в том, что руководящую роль в нем стали играть не императоры, а князья, опиравшиеся на союз с католической церковью» [87, т. I, с. 299].

Подъем производительных сил Германии и связанные с ним изменения в социальной структуре общества привели к образованию системы территориально обособленных княжеств. Нет ничего удивительного в том, что немецкие князья стремились к созданию как можно более обширных владений, чтобы не находиться в зависимости от имперской власти. В завоевании раздробленных славянских земель принимали участие и немецкие города, особенно входящие в «ганзейский союз», или Ганзу, заинтересованные в торговле идущими из Восточной Европы лесом, воском, пшеницей и другими товарам [22, 99].

Основную ударную силу наступавших составляли мелкие феодалы-рыцари; именно благодаря им были захвачены сла-

вянские земли между Эльбой и Вислой. На этих землях славяне частично уничтожались, частично сгонялись на неудобья, освободившиеся земли занимали немецкие крестьяне-колонисты.

В начале XIII столетия немецкие феодалы начали активную завоевательную политику в Восточной Прибалтике. «История германской агрессии на Восток, — пишет Б.А. Печников, — это одна из самых мрачных страниц в летописи международных отношений феодального периода» [156, 261]. Германские феодалы, а потом меченосцы и тевтонцы огнем и мечем, а также при помощи лжи, вероломства и коварства покоряли земли западных славян, пруссов, ливов, литовцев, латышей, эстов. Под предлогом насаждения христианства и крещения язычников крестоносные разбойники творили злодеяния, никак не совместимые с моралью христианского человеколюбия и милосердия.

Прекрасная характеристика германской экспансии на Востоке Европы, поощряемой римско-католической церковью, дается русским историком М. Хитровым, писавшим в конце прошлого века: «Папы всеми силами старались ускорить завоевание Ливонии. В промежутке между 1216—1240 гг. можно насчитать до 40 папских посланий, выражающих большую заботливость пап о тех, которые шли на помощь «святой земле, вновь приобретенной в Ливонии». Но конечной целью всех стремлений пап было порабощение русской церкви. Завоевание Ливонии было лишь первым шагом на этом пути. В своих посланиях папы называют русских нарушителями католической веры, повелевают отнюдь не слагать оружие и не заключать мира с язычниками и русскими, требуют, чтобы русские в Ливонии принуждаемы были к латинству, наконец, объявляют всю русскую землю на вечные времена собственностью св. Петра и грозно предписывают рыцарям искоренять «проклятый греческий закон и присоединять Русь к римской церкви».

С утверждением немецкого владычества в Ливонии мы встречаем в ней в миниатюре все черты, которые отличали тогдашний западно-европейский быт; мы видим здесь и стремление пап, желавших господствовать над

совестью всех народов, и «культуру» немцев с их стремлением к владычеству над всем миром и над всеми народами, и феодализм с рабством и угнетением простого народа, и пресловутое рыцарство со всеми его уродливыми проявлениями, и кулачное право, и бюргерство и т. д. Словом, полное экономическое и духовное порабощение! Вот что приносилось к финнам и латышам, а затем и к русским под священным знаменем веры...» [208, 70-71].

Силы германской экспансии в Восточной Европе были весьма значительны. При активном участии папы Иннокентия III в 1202 году был организован духовно-рыцарский Орден меченосцев, завоевавший в середине XIII века всю территорию нынешней Латвии и южную часть Эстонии, и слившийся в 1237 г. с переведенным из Палестины Тевтонским орденом. Его владения охватили почти все юго-восточное побережье Балтийского моря. Попытки рыцарей-крестоносцев продвинуться оттуда на Русь были, как известно из истории, пресечены разгромом их войска в битве на Чудском озере (1242 г.) новгородским князем Александром Невским.

И хотя «критиковать задним числом то, что не произошло, но могло бы произойти — это игра» [22, 26], *попробуем представить себе успешный ход экспансии немцев на Восток славянского мира*. Ведь такого рода интеллектуальная игра весьма полезна и актуальна, ибо в наше время находятся и такие лица, которые считают, что германская экспансия несла с собой русским цивилизацию, и в случае успешного ее осуществления, сейчас мы жили бы в цивилизованном европейском мире со всеми его благами. Так, М. Сокольский в своей книге «Неверная память (Герои и антигерои России)» утверждает, что именно «авантюристическая», «провокационная» политика Александра Невского «по отношению к западным соседям Новгорода — литовцам, ливонскому ордену, финским племенам, Швеции, Дании...» привела к разрушению становящейся богатой, своеобразной русской, европейской по своему типу цивилизации [178, 126-129]. Оказывается, что целью всей деятельности Александра Невского было якобы превращение Руси в плацдарм, а русского народа в один из отрядов «великого азиатского нашествия

на Запад» [178, 161]. Если бы не этот исторический заговор, то получила бы дальнейшее развитие прекрасная русская цивилизация, как полноправный член семьи западных цивилизаций.

Но так ли это? Давайте на минуту представим развитие событий в ином, чем это было в действительности, русле.

В годовщину невосской победы псковичи выступали против ополчения рыцарей, собранного дерптским епископом Германа, но потерпели поражение. Немцы осадили и взяли Псков со всеми принадлежащими ему землями, а потом подошли к Новгороду, где хватали новгородских и чужеземных купцов. Новгородцы направили послов к Александру Невскому, однако тот, оскорбленный ими раньше и неприемлемо относящийся к новгородской вольнице, отказался вернуться на княжение в Новгород. В результате последний был захвачен немецкими рыцарями, распространившими свою власть на принадлежащие Новгороду северные земли. На месте псковских и новгородских земель были образованы две германские марки, во главе которых стали назначенные тевтонским орденом наместники.

В этих новых, северо-восточных германских марках тевтонцы смогли, наконец, осуществить поставленную ими задачу, которую, как отмечает академик Е.В. Тарле, ни до, ни после них (вплоть до Гитлера) никто не ставил: «истребление всех русских славян, кроме нужного количества в качестве рабочего скота» [156, 270]. Ведь те же татары поступили как завоеватели «обычного образца» — они пришли, разгромили русские войска и наложили на русское население подати, не трогая при этом ни русской церкви, ни уклада жизни русского народа. Не таковы были тевтонцы, что объясняется некоторыми обстоятельствами. Прежде всего необходимо обратить внимание на особенности германского народного характера, типичного для англо-саксов. Французский исследователь А. Фулье в своей очень интересной книге «Очерк психологии европейских народов» указывает на неустрашимую воинственность германца и подчеркивает, что у него не существует инстинктивного убеждения, «что природа добра, что человек по своей сути является добрым».

Напротив, германец, утверждает этот автор, недоверчив, критикует, обвиняет других и обвиняет самого себя», «видит во всех вещах черную сторону, видит сатанинскую сторону человека» [246, 275].

Тевтонские рыцари выглядели «странными» по сравнению с другими европейцами — грубые солдаты и осторожные администраторы, способные на величайшее самоотречение монахи и отважные купцы, жестокие и смелые политики. И это неудивительно, ибо посвященный в средневековый тевтонский орден проходил великолепную школу воспитания, включавшего в себя помимо прочего и добровольную изоляцию молодых рыцарей-монахов в орденских крепостях. Там им прививали сознание собственной исключительности, чувство кастовой замкнутости, формировали презрение к «низшим» народам и «неверным», учили повелевать и господствовать, угнетать и убивать [156, 281].

Отсюда можно представить и проводимую тевтонцами политику на новых, северо-восточных землях, ставших немецкими марками.

Оставаясь верными принципам той политики, которой следовали в предшествующем столетии Альбрехт Медведь, Адольф Голштинский и Генрих Лев, маркграфы открывают эти области для западных колонистов и заменяют русское население германским. Небольшую часть русских, остающихся в результате систематического истребления, превращают в рабов, при этом постепенно онемечивая их. Мало-помалу русские и их язык исчезают (речь идет о северо-западных русских землях). Меняется внешний вид завоеванных земель: уничтожаются все признаки русской культуры, заново отстраиваются Псков и Новгород, но уже по образцу немецких городов, появляются новые села и города. Их основывают предприниматели, которые на основе соглашения с маркграфами становятся наследственными управителями и бургомистрами. Маркграфы поощряют основание городов путем пожалования муниципальных льгот, однако умеют сохранить верховную власть над северо-восточными марками.

Жестокие и хищные тевтонцы сумели основать могущественное государство без официальной помощи германской империи. Под их властью в Прибалтике образовалась осо-

бая народность, которая в результате смешения с литовцами и русскими (рыцари очень ценили русских женщин и превратили их в своих наложниц, тогда как мужчины, за некоторым исключением, были уничтожены) и долгих войн приобрела необыкновенную жизнеспособность. Поэтому позже, когда им пришлось соединиться с завоевателями Пруссии и Бранденбурга, это произошло без всякого труда — ведь всем им пришлось расти в одинаковых условиях, участвовать в жестоких войнах и распространять в чужих краях славу немецкого имени. Возникло восточно-германское государство, граничащее по Неве со шведскими владениями, а на юге с русским государством.

В этом восточно-германском государстве рыцарям пришлось делить власть с могущественными немецкими городами, ибо Дерпт, Нарва, Рига, Ревель, бывшие Псков и Новгород и возникшие новые города являются членами «ганзейского союза». И хотя Ганза представляла собой огромную «толпу» городов (от 70 до 170), находящихся далеко друг от друга (от Дерпта до Брюгге), ее могущество проистекало из общности интересов (колоссальные прибыли от торговли между Западной и Восточной Европой), из общей цивилизации, из общего языка, образованного из смешения нижне-немецкого с элементами латинского, эстонского, польского, итальянского и литовского языков. Власть в ганзейских городах крепко держал патрициат — десятая часть городских жителей. Флотилии ганзейских кораблей везли из Скандинавии, Восточно-германского государства и русских земель преимущественно зерно, рыбу, соль, руду, лес и изделия из него, мед, воск, сало и меха, а в обратном направлении — западноевропейские ремесленные изделия из металла, высококачественное сукно, вина, пряности и предметы роскоши.

К середине XV века Ганза испытывает растущее давление со стороны конкурентов, получающих поддержку от своих государств (Голландии и Англии). Однако благодаря защите со стороны Восточно-германского государства Ганза сохранила в основном свои позиции, разве что ведущее положение переходит от Любека к городам Ливонии. Ганзейские купцы способствуют обогащению Восточно-германской державы благодаря своей торговой деятельности и оказыва-

ют ей поддержку в пресечении любых попыток Московского государства выйти к Балтийскому морю. Само собой понятно, что немцы всеми средствами препятствуют объединению русских земель вокруг Москвы, а когда это все-таки произошло, то они же отбили попытки Ивана Грозного отвоевать захваченные ими псковские и новгородские земли.

При таком раскладе обстоятельств, благодаря существованию Северо-германской державы, знаменитая битва под Грюнвальдом, где произошло столкновение между германскими и польско-литовско-русскими войсками, заканчивается вничью. После был заключен мир и стороны остались при своих интересах, никому из них не удалось получить преимущества. Значимость этой битвы состоит в том, что тевтонский орден, позиции которого и до того были подорваны городским купечеством, связанным с «ганзейским союзом», практически сошел с политической арены. Этому способствовало и то, что в 1415 году член тевтонского ордена, бургграф Нюрнбергский Фридрих IV из рода Гогенцоллернов получил титул курфюрста Священной Римской империи, а вместе с ним и фактическую власть над Северо-германским государством, управляющимся до сих пор орденом.

Тевтонский орден, который вел длительные войны с различного рода противниками, языческими и христианскими, проявляя при этом жестокость и негуманность [255, 233], в свое время добился крупных военных и административных успехов, а теперь уже был не нужен. В 1511 г. Альбрехт фон Ансбах из рода Гогенцоллернов быстро сориентировался в обстановке и неожиданно поддержал движение Реформации, перешел в протестантизм и секуляризовал владения католического ордена. И тем не менее все «права, индульгенции и иммунитеты» восточногерманского дворянства, из которого позже выросло юнкерство, остались в силе. Государство, впитавшее в себя принципы тевтонского ордена и воинствующего клерикализма, возвело в ранг своей политики вероломство, агрессивность и жестокость.

В начале XVIII столетия Восточно-германская держава не дала возможности Петру Великому пробиться к берегам Балтийского моря, и в результате этого Россия, не получив статуса европейского государства, стала развиваться по пути

азиатских цивилизаций, умножая свою силу за счет союза тюрков и славян. И только при императрице Елизавете Восточно-германское королевство было разгромлено, бывшие русские земли возвращены в состав Российской империи.

В Европе появилась Пруссия, которая потом сумела объединить вокруг себя все германские земли и стала проводить агрессивную политику.

Вполне естественно, что те немецкие провинции, которые были включены в состав России, способствовали быстрому усвоению ею культуры Запада не только среди правящей элиты, но и в среде русского крестьянства и купечества. Это дало возможность России сделать стремительный рывок в экономическом и культурном развитии и стать на уровень развитых стран Запада.

Появление Восточно-германского государства имело последствия и для Западной Европы — хан Батый, который под влиянием побед Александра Невского над шведами и датчанами захотел вернуться от берегов Адриатики в низовья Волги, ибо опасался иметь у себя в тылу столь выдающегося полководца [75, 132], при ином повороте исторических событий продолжил бы свой поход в «вечерние страны». И тогда им были завоеваны Венгрия, Австрия, Далмация. Завоевать весь Запад ему помешали возникшие династические споры из-за смерти великого хана Угедэя.

В реальности же тевтонские рыцари были остановлены после разгрома на Чудском озере; за счет славянских и балтийских народов в Прибалтике возникли сильные немецкие государства, а также осуществлялась германизация многих городов и сел Восточной Европы.

В Западной Европе господствует габсбургско- католическая империя

период с XVI по вторую половину XVII века самым мощным государством в Европе была мировая империя Габсбургов. Как раз-таки на основную часть этого периода (XVI столетие) приходится зарождение капиталистического уклада, а также укрепление абсолютистской власти. Несомненно, что абсолютная монархия содействовала дальнейшей политической и экономической консолидации европейских государств, росту промышленности, торговли и мореплавания. Вот почему политику абсолютных монархий обычно связывают с экономическим подъемом, со стимулированием капиталистической эволюции. Однако этот процесс весьма противоречив — выражая интересы феодальной верхушки общества, абсолютизм стремится сохранить экономическую систему феодализма и тем самым ставит пределы развитию рождающихся буржуазных отношений.

В абсолютистской Франции при Людовике XIV обсуждались проекты использования автократических методов восточных деспотий для управления страной. Дело в том, что поднимающаяся буржуазия, в руках которой находятся торговля и промышленность, уже представляет опасность для абсолютной монархии. В связи с такого рода ситуацией В.А. Зарин пишет следующее: «Деятельность абсолютистского государства, выражавшего экономические и политические интересы наиболее реакционной части сформировавшейся феодальной бюрократии и традиционной феодальной знати, особенно ярко проявилась при правлении династии Габсбургов в Испании, Германии и Ни-

дерландах. Помимо усиления нажима на крестьянство осуществлялись попытки ограничить экономические возможности торгово-промышленных сословий, свести к минимуму завоевания буржуазии, поставить под контроль капиталистический уклад в целом, пути введения дополнительных налогов и усиления бюрократической регламентации хозяйственной деятельности, а также военными методами» [77, 94]. Вся эта система мер наносила сильный удар по складывающемуся механизму рыночной экономики.

Именно Испания, где в 1516 году на престоле оказался молодой король Карл I (император Священной Римской империи Карл V), стала стартовой площадкой для проведения Габсбургами имперской политики в Европе, для создания «всемирной империи». Испанский король привлек на службу в государственный аппарат своих фламандских приближенных. Его абсолютистские претензии сопровождались постоянным нарушением обычаев и вольностей испанских городов и кортесов, и дело кончилось восстанием городских коммун Кастилии, которое было подавлено наемными войсками. В результате тяжелый удар был нанесен буржуазии, выходящей на арену экономической жизни королевства. Кроме того, хотя завоевания колоний и невиданное расширение колониальной торговли способствовали подъему ремесленного производства в Испании и возникновению отдельных элементов мануфактурного производства, налоговая система стесняла развитие капиталистических элементов в экономике страны.

В Западной Европе установилось равновесие, основанное на гегемонии Испании с одной стороны, имеющей в качестве противников Англию и Францию с другой. Англия, правда, опередила Испанию в производстве стали, но власти последней располагали промышленным потенциалом не только своего государства, но также Нидерландов, Италии и Германии. Франция обладала большим демографическим потенциалом, зато ее промышленность не была достаточно развита, ибо не использовала всех своих возможностей. В целом начало XVII столетия характеризуется равновесием между лагерем Испании и ее противников, которое

было нарушено появлением на европейской арене быстро растущего Шведского государства.

И вспыхнула ожесточенная борьба за господство в Западной Европе, начало которой положило избрание императором Германии Рудольфа II — ученика испанских иезуитов. Война длилась 30 лет (1618-1648 гг.), она привела к распаду мировой империи Габсбургов.

А если бы эта война была выиграна Габсбургами и ими была бы создана мировая католическая империя, то возможно ли было уничтожить тенденции развития западной цивилизации, обусловленные промышленной революцией или ранними буржуазными революциями?

Будем исходить из того, что формирование механизма самоподдерживающегося экономического роста на основе технического прогресса, частной собственности на средства производства и рыночного регулирования происходило только в Западной Европе. Ведь рыночный порядок, как показал австро-американский экономист Ф.А. Хайек, может быть сформирован только на основе «индивидуализированной собственности» (ее обычно называют частной собственностью), которая неотделима от свободы индивидов реализовать свои особые цели [204, 54-55]. К тому же благодаря «протестантской этике» произошло вознесение индивида с его свободой на пьедестал западной культуры. Именно протестантизм четко показал значимость концепции апостола Павла, согласно которой сердцем христианства является представление о высшей, бесконечной ценности индивидуальной души. Такого рода протестантистский подход к самооценности индивида, подкрепленный древнеримским универсальным правом и возрожденной древнегреческой моральной автономией, стимулировал развитие капитализма, которое невозможно без признания прав личности и плюрализма ценностей [265, 108-109]. И не случайно 30-летняя война началась из-за попытки Габсбургов рекатолизовать протестантские княжества Священной Римской империи.

Права и ценность индивида — вот источник огромной творческой энергии капитализма внутри западной цивилизации. Это прекрасно видно при сравнении культуры Запада с другими великими культурами арабо-мусульманского

Востока, Индии, Китая и др., где индивиду уделялось мало внимания. Во всех этих культурах подчеркивались социальная гармония, порядок, коллективная сплоченность и связанные с ними ценности, а личность и ее свобода просто подавлялись. Иначе и быть не могло в цивилизациях, где доминировали восточные деспотии с их мощным административно-бюрократическим аппаратом. Такого же типа является и габсбургско-католическая империя с ее враждебностью к протестантизму и свободе индивида. И в этом плане нельзя не согласиться с мнением В. Зарина о роли этой католической державы в блокировании капитализма, связанного, между прочим, и с захватом европейцами мировых торговых путей: «Предотвратить перемещение мировых торговых путей после установления европейской талассократии могло только подавление капиталистических тенденций и установление габсбургско-католической империи в Западной Европе. Церковно-бюрократическое правление заблокировало бы формирование мирового рынка, развитие конкуренции между европейскими державами, стимулировавшее прогресс военной техники и флота» [77, 118].

Иными словами, установление габсбургско-католической империи не дало бы возможности для развития капитализма, и ход мировой истории оказался совершенно иным.

Постараемся промоделировать на уровне мысленного эксперимента и эту нереализованную возможность, вполне укладывающуюся в рамки классического развития цивилизаций азиатского типа.

Для этого обратимся к событиям, которые могли совершиться, но не совершились, гораздо раньше 1618 года — вернемся во времена правления испанского короля Филиппа II (1555-1598 гг.), когда Испания занимала доминирующее положение в европейском «мире-экономике» (Ф. Бродель). Известно, что благодаря политическому господству Испании в Европе Филипп II в 1580 году завоевал Португалию и переместил свое правительство в Лиссабон, где оно находилось три года, а затем вернул его в Мадрид и запер тем самым испанскую мощь в сердце практически неподвижной Кастилии.

В свое время такого же рода ошибку, и на это выше обращалось наше внимание, совершил китайский император Чжу Ди, перенеся столицу из приморского Нанкина в континентальный Пекин. «Когда в 1421 г. Мины сменили столицу, покинув Нанкин, открытый благодаря Синей реке для морского судоходства, чтобы обосноваться в Пекине, лицом к опасностям маньчжурской и монгольской границ, громадный Китай, массивный мир-экономика, опрокинулся бесповоротно; он отвернулся от определенной формы экономики и деятельности, связанной с удобствами сообщения по морю. Глухая, замкнувшаяся в себе столица укоренилась в самом сердце суши, притягивая все к себе. Сознательный или бессознательный, то был, безусловно, решающий выбор. Именно в этот момент Китай проиграл в борьбе за господство над миром ту партию, которую он, не слишком это сознавая, открыл морскими экспедициями начала XV в., отправлявшимися из Нанкина» [22, 24].

Положим, что Филипп II избежал подобной ошибки и навсегда оставил свое правительство в Лиссабоне.

Прежде всего существенно то, что Лиссабон приобрел громадный вес, ибо он стал центром европейского мира-экономики. А так как любой мир-экономика имеет только один центр, или полюс, то этим самым Амстердам не смог стать мировой торговой империей. Поскольку Лиссабон находился на океанском берегу, его положение позволяет контролировать весь мир и господствовать над ним. Для Испании морские пути и охраняющая их морская мощь имеют исключительное значение, ибо связывают в единое целое удаленные друг от друга провинции. Сам статус Лиссабона как океанского столичного города оказывает значительное влияние на модернизацию всей экономики испанской монархии, моделирует ее, способствует развитию промышленности, в том числе и кораблестроения.

Испанский флот получает самые новейшие суда, оснащенные по последнему слову техники; помимо этого он имеет великолепный, вышколенный кадровый состав. Под влиянием авторитета католического короля и пребывания правительственных учреждений в Лиссабоне испанский флот в 1583 году захватит у французов Азорские ос-

трова. При этом пленные без суда и следствия повешены на реях.

Но самое главное состоит в том, что испанская активность, стимулируемая морем, позволила подготовить Непобедимую Армаду, чтобы разгромить английский флот и закончить с независимостью островного государства.

Филипп II отправляет свою Непобедимую Армаду, насчитывающую свыше 130 новейших, хорошо вооруженных кораблей с 30 тысячами матросов и солдат, чтобы включить Англию в свою мировую империю. Встретившись в проливе Ла-Манш с английским флотом, Непобедимая Армада вступает в бой и выигрывает его. Поражение Англии привело к целому ряду последствий для обеих сторон (со временем Англия не выдерживает напора Испании и на правах провинции входит в габсбургско-католическую империю). Прежде всего упрочивается контроль Испании над торговыми путями в Атлантическом океане, что укрепляет контакты с американскими колониями. Не менее важно и то, что покорение Англии приводит к ликвидации специальных компаний, поощряемых правительством Елизаветы, для снаряжения пиратских экспедиций против испанцев. Покончено с английским пиратом Френсисом Дрейком, грабившим побережье Чили и Перу. Прекращение пиратских экспедиций позволило Испании использовать в своих целях три миллиона дукатов ежегодно, ранее попадавших в руки английских пиратов и служивших одним из источников первоначального накопления капитала в Англии.

Само собой разумеется, что прекратились попытки со стороны Англии проникнуть на американский материк (ведь в начале 1580-х годов фаворит королевы Елизаветы Уолтер Рэли с ее одобрения захватил часть восточного побережья Северной Америки). Не менее существенным оказалось и пресечение деятельности английских корсаров по вывозу из Африки в испанские колонии негров-рабов (эта работорговля была начата в 1562 г.). Более того, превращение Англии в рядовую испанскую провинцию позволило Испании продолжить дальнейшую колонизацию Америки в северном направлении. В результате возникло новое вице-королевство Северо-Американская Испания, которая была связана

через испанские владения в Мексике, Перу с бывшей португальской колонией и теперешним испанским вице-королевством Бразилия.

В Северной, Центральной и Южной Америке начала складываться своеобразная испано-американская цивилизация, обусловленная смешением испанской крови с индейской и принятием индейцами языка и религии завоевателей. В Новый Свет устремился поток испанцев с Иберийского полуострова. В основном это были военные, авантюристы, чиновники, миссионеры и крестьяне. Интересно, что испанцы вначале завоевывали территории, а потом колонизировали их. Испанские наемники и некоторые дворяне, увлеченные жаждой власти и духом приключений, заставили индейцев трудиться на себя, чтобы жить как господа и управлять эксплуатацией минеральных и земельных богатств. Испанские миссионеры совершили евангелизацию, или христианизацию, индейцев благодаря образцовой цивилизационной деятельности и умелому воспитанию. Даже наемники считали новый «крестовый» поход своей миссией, которая напоминала им испанскую Реконкисту против мавров и по этой причине должна была быть доведена до конца мечом, аркебузой и Евангелием.

Так как завоеватели и многочисленные колонисты-испанцы прибыли одинокими, то они вошли в контакт с туземными женщинами; в итоге возникли метисы, или смешанная раса. Неизбежная этническая гетерогенность привела к разделению общества и соответственно к регионализму.

Испанцы принесли с собой и богатую испано-католическую культуру, пронизанную боевым духом, сформированным в длительной борьбе с мусульманами. «Католицизм испанцев, враждебный протестантской Реформации, был усилен и обновлен в пылом духе контрреформации, начатой Тридентским собором, — пишет Э. Урбанский. — Их цивилизацию характеризовал глубоко укорененный религиозный догматизм и идеализм, который, гранича с абсолютизмом, был духовно приспособлен к авторитарной политико-теологической идеологии. Преобладающие метафизические влияния и эстетическая впечатлительность были теми силами, которые придали размах пластическим искусствам, музыке и архитек-

туре. Колониальная литература, хотя и ориентированная на испанские образцы и следующая из направлений испанской литературы, богата поэтическими, прозаическими и драматургическими произведениями, по уровню не уступающими в ряде случаев иберийским канонам» [278, 46]. Испано-американская культура была проникнута духом католицизма и впитала в себя антикапиталистические настроения, враждебность к «протестантской этике».

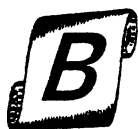
В Англии испанцы провели рекатолизацию, причем созданная еще великим инквизитором Торквемадой Супрема (испанская инквизиция) составила тайную картотеку на протестантов, и те, кто не перешел в католичество, просто уничтожались. Понятно, что рекатолизация повлекла за собой и рефеодализацию страны. Новое дворянство и буржуазия были резко ограничены в своей деятельности посредством различного рода бюрократических установлений и системы налогов. В Священной Римской империи тоже была осуществлена рекатолизация, которую поддержали немецкие купцы, извлекавшие выгоду из торговли в испанских колониальных владениях.

В габсбургско-католической мировой империи была подвергнута сильному ограничению финансовая и банкирская деятельность иудеев, ибо папство было настроено враждебно к ним [255, 293], хотя иной раз оно и защищало их [252, 67].

И с тех пор Запад развивается по пути восточных цивилизаций.

Однако реальный ход событий оказался совершенно иным из-за распада габсбургской империи.

Наполеон побеждает Россию

В начале XIX века на Европейском континенте ситуация определялась политикой трех мощных государств — Франции, России и Англии.

Наполеоновская Франция на протяжении нескольких лет (1800-1807 гг.) достигла значительных успехов в своей экспансии: Наполеон стал владыкой почти всей Западной Европы.

В это время Франция располагала также мощным промышленным (свыше 30 млн 200 тысяч тонн стали) и демографическим потенциалом (свыше 30 млн человек населения). Россия производила ежегодно порядка 150 тысяч тонн стали и насчитывала 40 млн человек, тогда как в Англии выплавка стали достигала почти 250 тысяч тонн, а численность населения составляла 10,5 млн человек; в ее руках находились значительные экономические и финансовые ресурсы.

В 1811-1812 годах Наполеон имел в своем распоряжении 70 млн человек и стремился к мировому господству, ибо власть над Европой означала и доминирующее положение в мире [257, 125-129]. Не следует забывать и того, что под его началом были вышколенные войска, накопившие значительный опыт ведения войны с самыми различными противниками, что его окружали талантливые генералы, не говоря уже о его собственном полководческом гении, таким образом, все предпосылки, причем весьма реальные, для осуществления наполеоновских честолюбивых планов имелись.

Политики Запада того времени прекрасно понимали, что превращение Французской республики в империю представляло собою угрозу для Европы. В известной «Истории XIX

века» Лависса и Рамбо об этом говорится следующее: «Говорили, что Наполеон выбрал титул императора, не желая встревожить Францию именем короля. «Никто не принял бы умиротворения, предложенного от имени короля... Соображаясь с настроением нации, Наполеон и принял титул императора» (герцогиня д'Абрантес). Он сделал это скорее для того, чтобы, опираясь на титул императора, извлечь из него то широкое толкование понятия власти, которое заключено в нем: в глазах Европы со словом «империя» связывалось представление о римской державе, господствовавшей над всем миром. Именно такое историческое представление об империи имел Наполеон, и это представление он пытался осуществить на деле, став императором.

Он заставил папу помазать себя на царство, того самого папу, у которого он впоследствии отнял Рим. Он владел Ахеном и иногда избирал его своею резиденциею, подражая Карлу Великому. Сюда он вынудил Франца II австрийского прислать письмо, в котором тот признавал новую Французскую империю. Подобно Карлу Великому он уже видел у своих ног, кроме Франции, расширенной до Рейна, Западную Германию и Северную Италию» [83, 117]. И хотя он торжественно поклялся не расширять Французскую империю, однако не сдержал своего слова; да он и не мог этого обещания выполнить, ибо выражал интересы французской буржуазии, стремящейся обогнать английскую буржуазию в борьбе за мировые рынки и за колониальный раздел мира.

Наполеон, как выдающийся военный и государственный деятель, стремился в первую очередь нанести поражение Англии. Однако ему не удалось осуществить вторжения на Британские острова. Поэтому он начал континентальную блокаду Англии.

Вполне осознавая, что ему без союзников не удастся справиться с опасным соперником, Наполеон с самого начала прихода к власти предпринимал попытки склонить на свою сторону Россию. Еще будучи первым консулом, он рассчитывал с помощью императора Павла I создать антианглийский союз, в который вошли бы не только государства Европы, но и Америки. Это открывало перспективы вытеснения англичан из Азии и Индии. Бонопарт писал, что «мир с Ав-

стрией — ничто в сравнении с союзом, который смирит Англию и обеспечит за нами Египет» [20, 168]. Он строил даже планы раздела Турции между русскими и французами, ибо общие интересы Франции и России не оставляли Оттоманской империи шансов на существование.

Наполеон мечтал о том, чтобы поделить с царем власть над народами и государствами. Для этого имелись и определенные основания — император Павел I в 1800 году, поддерживаемый влиятельной группой аристократов, которые считали необходимым сотрудничество России и Франции в целях укрепления своих позиций в Европе и Азии и обуздания экспансии Англии на морях и суше, расторг союз с Англией, порвал с ней дипломатические отношения и наложил секвестр на суда и имущество англичан в русских портах. Более того, в январе 1801 г. царь приказал атаману Войска Донского выступить с казачьими войсками в Оренбург, а затем в Индию, чтобы «поразить неприятеля в его сердце» [20, 170]. Свыше 22 тысяч казаков двинулись на завоевание далекой и сказочной страны. Однако представителями проанглийской группировки Павел I был убит, а поход отменен.

К власти пришел Александр I, который не принял предложений Наполеона о разделе мира и вступил в антифранцузскую коалицию. Последняя была разгромлена Францией, и Россия была вынуждена заключить Тильзитский мир, по самой своей сути чреватый неизбежностью войны. «Тильзитский мир для Франции, — писал М.М. Сперанский, — всегда был мир вооруженный. Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром: самый мир заключал в себе почти все элементы войны» [154, 423]. Характеризуя сложившуюся обстановку на европейском континенте, видный военный и государственный деятель генерал А.П. Ермолов писал: «Россия тщетно старалась избежать войны» [76, 123]. И эта война началась.

В 1812 году с огромной армией (ее называли Великой армией) Наполеон вторгся в Россию. Командующий русскими войсками Барклай де Толли избегал решающего сражения и отступал (что было единственно правильной тактикой в тех условиях). Затем, несмотря на сопротивление Александра I, его сменил гениальный полководец М.И. Куту-

зов. «Есть даже некоторые основания думать, что именно масонское общество способствовало назначению его предводителем сил в борьбе с Наполеоном, который представлялся масонам начала XIX столетия демоном властолюбия и насилия. Мир и спокойствие — цель Ордена Вольных Каменщиков — были попорчены; зло, одетое в броню завоевателя, предстало перед русскими масонами. Борьбу против этого зла они почитали своим долгом. Вот почему не только Кутузов, но и ряд других вольных каменщиков оказались героями войны 1812 года» [5, 38-39]. М.И. Кутузов нанес в Бородинском сражении сильнейший удар по наполеоновской армии и, временно отдав французам Москву, сумел затем изгнать их из России.

Весьма сложная ситуация сложилась в то время, когда Наполеон занял Москву и предложил Александру I заключить мир. «Царь был склонен уступить, — пишет Дж. Неру, — но два человека отговорили его от этого: француз Бернадотт, в прошлом соратник и генерал Наполеона, и лидер немецких националистов барон Штейн, которого Наполеон объявил вне закона» [144, т. II, с. 166].

В конечном счете Наполеон потерпел поражение и закончил свою жизнь пленником на острове Святой Елены.

Заслуживает внимания следующая ситуация — *не был назначен главнокомандующим русскими войсками М.И. Кутузов и Наполеон выиграл войну у России*. А ведь такой поворот событий не был исключен. *Какой бы стала карта мира в таком случае?*

Представим гипотетическую ситуацию: Россия побеждена наполеоновскими войсками, и так как Наполеон трезво оценил свои возможности и понял, что никакому завоевателю не под силу покорить такую громадную страну, как Россия, заключает с Александром I соглашение. В соответствии с ним Россия попадает в вассальную зависимость от Франции и помогает ей осуществить раздел мира на ранее предложенных условиях, причем большая часть приходится на долю Франции.

Теперь объединенной мощи двух империй ничто не может противостоять в мире, тем более Англия. Прежде всего Наполеон ставит задачу расправиться с Англией — этой

коварной державой, которая любит, чтобы другие таскали для нее каштаны из огня. На самом деле здесь преследуется цель — расправиться с могущественным конкурентом французской буржуазии, что на руку также некоторым влиятельным группам российской аристократии. Вроде бы следовало начать прямое вторжение объединенных француско-русских войск на Британские острова. Однако Наполеон отдавал себе отчет, что английский флот господствует на море и не позволит осуществить высадку чужеземных войск на землях метрополии. Поэтому на практике стали осуществлять предложенный еще императору Павлу I план похода в Индию, наряду с континентальной блокадой Англии.

Согласно разработанному ранее и уточненному теперь плану, в путь выступили русский и французский корпуса. Первым начал движение 35-тысячный корпус французской пехоты с артиллерией во главе с одним из лучших французских генералов. Пройдя по Дунаю, через Черное море, Таганрог, Царицын, он достигает Астрахани. В корпусе находятся инженеры, художники, ученые. Предусмотрена даже окраска продаваемых сукон, «особенно любимая азиатами», и пиротехника для эффектных праздников. В устье Волги французы соединяются с 35-тысячным русским корпусом (понятно, не считая казачьего войска, уже идущего «своим путем» через Бухару). Объединенная француско-русская армия пересекает Каспийское море и высаживается в Астрабаде (этот пункт имеется в задуманном и чуть было не осуществленном Екатериной II персидском походе 1796 г.). На всю эту операцию уходит 80 дней. За 50 дней марша армия прошла Герат и Кандагар и вошла в главные области Индии.

Движение француско-русской армии через Астрабад дополняется не только походом казачьих войск по территории Средней Азии, но и переброской француских сил из завоеванного Наполеоном Египта. Вот как оценил идею этого похода отечественный исследователь, глубокий знаток проблемы С.Б. Окунь: «Нельзя не признать, что по выбору операционного направления план этот был разработан как нельзя лучше. Этот путь являлся кратчайшим и наиболее удоб-

ным. Именно по этому пути в древности прошли фаланги Александра Македонского, в 40-х годах XVIII века пронеслась конница Надир-шаха. Учитывая небольшое количество английских войск в Индии, союз с Персией, к заключению которого были приняты меры, и, наконец, помощь и сочувствие индусов, на которые рассчитывали, следует также признать, что и численность экспедиционного корпуса была вполне достаточной» [50, 86-87].

Однако и это еще не все — был нанесен ощутимый удар английским владениям в Индии, дополняющий основное наступление. Из Петропавловска-Камчатского вышли три боевых фрегата, по прибытии в воды Индийского океана они разгромили сосредоточенные там английские суда, перекрыв одновременно торговлю Англии с Китаем.

Экспедиционная французо-русская армия, доброжелательно встреченная местным населением, быстро покончила с английским засильем в Индии. Ведь к этому времени во всей Индии находилось всего несколько десятков тысяч англичан, что свидетельствует о несоразмерности сил Англии и Индии. «Случайный поворот или же дуновение общественного мнения, — писал в 1812 г. один американец французского происхождения, — могли бы растворить английскую власть в Индии» [22, 503]. Приход союзнической армии и выполнил такую роль на индийском субконтиненте.

Последствия этого оказались катастрофическими для английской буржуазии и Англии, ибо обладание Индией было одним из источников экономического ее процветания. Туда шел поток английских товаров, из нее — рекой лилось золото и серебро, не говоря уже о сырье.

Франция и Россия разделили сферы влияния в Индии — северная часть оказалась под русским покровительством, южная — под французским. В результате осуществился задуманный еще раньше план, согласно которому Англии «не можно будет выгружать своих произведений ни на одном берегу, начиная от Зундского пролива до самых Дарданеллов» [230, 222].

Получившей сильнейший удар по своей экономике Англии пришлось сдаться на милость победителей, и с тех пор начался закат ее могущества, как промышленной державы

(французские конкуренты не дремали и извлекли максимум выгоды). Осуществилась мечта Наполеона похоронить своего ненавистного соперника под обломками старой Европы.

После похода в Индию французо-русской экспедиционной армии, Франция и Россия оккупируют Оттоманскую империю и делят ее между собой: первой досталась азиатская часть Турции, второй — европейская часть со Стамбулом и Дарданелловым проливом а также турецкие владения на Балканах (Болгария, Сербия, Черногория). Стремясь окончательно завоевать Испанию, Наполеон дал возможность Александру I завоевать Швецию и включить ее в состав Российской империи. Таким образом, раздел Востока фактически стал разделом мира, причем львиная доля досталась Наполеону.

Всего на 5 лет отодвинулось осуществление плана Наполеона, изложенного им в письме, написанном 2 февраля 1808 года царю, и представляющем собою своеобразное магическое заклинание, обращенное к духу предприимчивости и завоеваний: «Армия в 50 000 человек, наполовину русская, наполовину французская, частью, может быть, даже австрийская, направившись через Константинополь в Азию, еще не дойдя до Евфрата, заставит дрожать Англию и поставит ее на колени перед континентом. Я могу начать действовать в Далмации, Ваше величество — на Дунае. Спустя месяц после нашего соглашения армия может быть на Босфоре. Этот удар отзовется в Индии, и Англия подчинится. Я согласен на всякий предварительный уговор, необходимый для достижения этой великой цели. Но взаимные интересы обеих сторон наших государств должны быть тщательно согласованы и уравновешены. Все может быть подписано и решено до 15 марта. К 1 мая наши войска могут быть в Азии и войска Вашего величества — в Стокгольме; тогда англичане, находясь под угрозой в Индии и изгнанные из Леванта, будут подавлены тяжестью событий, которыми будет насыщена атмосфера. Ваше величество и я предпочли бы наслаждаться миром и проводить жизнь среди наших обширных империй, оживляя их и водворяя в них благоденствие, посредством развития искусств и благодетельного управ-

ления, но враги всего света не позволяют нам этого. Мы должны увеличивать наши владения вопреки нашей воле. Мудрость и политическое сознание велют делать то, что предписывает судьба — идти туда, куда влечет нас неудержимый ход событий... В этих кратких строках я вполне раскрываю перед Вашим величеством мою душу. Тильзитский договор должен регулировать судьбы мира. Быть может, при некотором малодушии Ваше величество и я предпочли бы верное и наличное благо лучшему и более совершенному состоянию, но так как англичане решительно противятся этому, то признаем, что настал час великих событий и великих перемен» [83, 157-158].

После прочтения письма Александр I просиял и с его согласия Коленкур и Румянцев за дружеской беседой перекроили карту мира. В итоге были составлены два проекта делажа — французский и русский. Они отличались проблемой Константинополя и Дарданелл, во всем остальном они совпадали: России — Молдавия, Валахия, Болгария, Франции — Босния, Албания, Греция, Египет, Сирия и малоазиатские порты. Для Австрии предполагалось выкроить промежуточное владение на Балканах.

И вот в основных чертах предполагаемые проекты раздела мира были осуществлены. Это поистине великое событие усилило могущество обеих империй. Кроме того, оно дало толчок более быстрому развитию буржуазных отношений в Российской империи, чему способствовало и введение в ней «Гражданского кодекса» Наполеона. Понятно, что со временем Россия освободилась бы от вассальной зависимости от Франции, превратившись в сильное европейское государство.

Таков несостоявшийся сценарий мировой истории, связанный с нашествием Наполеона в Россию.

Дочь губернатора Калифорнии дона Аррилага выходит замуж за камергера двора Н. Резанова

реди множества неосуществленных сценариев мировой истории значительный интерес представляют выдвинутые в первой половине XVIII века идеи и проекты российской колонизации Америки. Разумеется, что эти проекты отличались друг от друга, не все они дошли до нас. «В то время как о реализации одних проектов нет никаких сведений, — подчеркивает А.В. Ефимов, — вокруг других поднималась борьба с целью их реализации или противодействия им. Удалось найти материал о подготовке некоторых этих проектов. Однако даже в тех случаях, когда сохранился только проект и нет никаких данных о его судьбе, такой проект может быть интересен как показатель той или иной тенденции — экономической или политической [Ефимов А.В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М., 1948, с. 176]. Среди них проект английского купца Руперта Бека «Об учреждении в Западной Индии коммерции» (1711 г.), в котором предполагалось России послать в Америку экспедицию для овладения островом Тобаго, чтобы превратить его в базу для контроля торговли на американском континенте и его колонизации, проект некоего голландца, поданный Петру Великому, где речь шла о колонизации земель Южной Америки, не занятых испанцами и португальцами, и т. д.

Можно считать, что интерес России к Америке имеет весьма давнюю историю. Однако нас интересует внимание русских к Калифорнии и Мексике, проявленное уже в самом начале XVIII столетия. Так, на одной из первых отечественных карт В. Киприянова (1713 г.) Калифорния расположена ря-

дом с Камчаткой, причем она вошла в атлас, изданный в Нюрнберге в 1725 г., когда скончался Петр Великий. Еще раньше сведения о богатых ценными металлами Калифорнии и Мексике были доведены до царя. Во время каспийского похода в 1722 г. морской офицер Ф.И. Соймонов сообщил ему, что Калифорния находится недалеко от Японии и Камчатки (см.: Андреев А.И. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948, с. 198). Следует отметить, что тогда Петр Великий не очень-то среагировал на сообщение своего офицера, ибо считал еще несвоевременным ставить вопрос о Калифорнии и Мексике. «Тем не менее Калифорния и Мексика рассматривалась Россией, — пишет Е.А. Окладникова, — в качестве «кладовой» на XVIII в., в то время как Сибирь выполняла эту роль уже в XVII в.» [Русская Америка. М., 1994, с. 256].

Неудивительно, что русские морские экспедиции, исследующие Тихий океан, не обошли вниманием и Калифорнию и Мексику. Например, меморандум Кириллова-Головина, излагая цели 2-й Камчатской экспедиции, гласил: «...Для пользы России она должна простираться свои владения в Калифорнию и Мексику, чтобы иметь доступ к драгоценным металлам. Население Мексики — индейцы плохо относятся к испанцам...» [Fisher R. Bering's voyage. L., 1977. P. 132].

Ко времени этой экспедиции северо-западное побережье Северной Америки находилось во владении Испании. Несмотря на то, что англичане раньше русских открыли побережье Калифорнии, она до середины XIX столетия находилась в поле зрения внешней политики России.

Интерес к Калифорнии (и Мексике) объективно был обусловлен и функционированием Российско-Американской компании, основанной в конце XVIII века и располагавшейся в Ново-Архангельске на о. Ситха — северной столице Русской Америки. Одна из наиболее сложных проблем Русской Америки заключалась в снабжении русских колонистов Аляски продовольствием: «Доставка его через Сибирь обходилась слишком дорого. Кругосветные же экспедиции были нерегулярны, огромные расстояния, разделявшие метрополию и колонии, осложняли ситуацию. Надежда на помощь инос-

транных компаний не оправдалась, поэтому А.А. Баранов задумал организовать снабжение продовольствием из Калифорнии» [Русская Америка, с. 264-265]. В связи с этим он послал в Калифорнию промышленников А. Шевцова и Т. Тараканова с 20 байдарами алеутов-охотников в сопровождении судна бостонской торговой компании. Задача русских и бостонцев заключалась в добыче морских млекопитающих в окрестностях залива Сан-Франциско.

Это, однако, не могло решить проблемы обеспечения русских колонистов на Аляске: возникла необходимость в основании русского поселения в Калифорнии, способного устойчиво снабжать Аляску продовольствием. Значительную роль здесь сыграл дипломат, камергер двора Н.П. Резанов. В феврале 1806 г. на судне «Юнона» он отправился из Ново-Архангельска в Сан-Франциско, чтобы установить взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество между русскими поселениями на Аляске и испанскими колониями в Калифорнии. «Резанов во время плавания своего к берегам Калифорнии осмотрел пустое пространство земли в направлении от мыса Дракова (мыс Дрейка) до залива Нутка. Познакомившись с условиями тамошней местности и климата, задумал приобрести во владение России одно из свободных мест для развития там хлебопашества и скотоводства. Он сообщил мысль эту бывшему тогда главным правителем колоний А.А. Баранову» [Потехин В.А. Селение Росс // Журнал мануфактур и торговли. Спб., 1859, отд. 5, с. 8].

Посольство Н. Резанова в Калифорнию увенчалось успехом, в силу его дипломатических талантов, а также благодаря романтическим отношениям, возникшим у посланника с дочкой испанского губернатора Калифорнии. В письме Н. Румянцеву он пишет об этом так: «Но здесь должен я Вашему Сиятельству сделать исповедь частных моих приключений. Прекрасная Консепсия умножала день ото дня ко мне вежливость, разные интересные в положении моем услуги и искренность, начали непременно заполнять пустоту в моем сердце, мы ежечасно сближались в объяснениях, которые кончились тем, что она дала мне руку свою...» [Письмо Н. Резанова Н. Румянцеву 17 июня 1806 г. // ЦГИА. Ф. 13, с. 1, д. 687]. Благодаря своему личному обаянию, ко-

торое привело к сватовству к юной дочери губернатора дона Аррилага. Н. Резанов получил все необходимые товары. Таким образом, его личные контакты позволили выполнить поставленную перед ним задачу в условиях, когда испанцы не имели от своих властей официального разрешения на торговые операции с русскими,

Дипломат и камергер двора Н. Резанов решил жениться на прекрасной дочери губернатора Калифорнии и отправился в Санкт-Петербург, чтобы испросить высочайшего соизволения на данный брак. Все складывалось довольно благополучно, однако *вмешался случай* — господин множества событий: *в Красноярске Н. Резанов погиб*. И вместе с этой нелепой случайностью *исчезла вполне реальная возможность расширения Россией своих владений в Калифорнии и Мексике*. Американский адмирал Ван Дере, отдавая должное Н. Резанову, писал о нем следующее: «Николай Резанов был прозорливым попитиком. Живи Н. Резанов на 10 лет дольше, то, что мы сейчас называем Калифорнией, было бы русской территорией» [цит. по: Вознесенский А. Дубовый лист виолончельный. Избранные стихотворения и поэмы. М., 1975, с. 239].

Мог ли этот достаточно частный случай оказать влияние на развитие исторических событий?

Попробуем представить, что Н. Резанов не погиб в Красноярске, а вернулся в Сан-Франциско с милостивым разрешением на брак с дочерью дона Аррилага. Состоялся великолепный обряд бракосочетания камергера двора императорской России Н. Резанова и юной дочери испанского губернатора Калифорнии Концепсии. И начались счастливые дни камергера Н. Резанова, когда любовь сочеталась с целеустремленной дипломатической и политической деятельностью по достижению давно поставленной цели: вовлечь в сферу русского влияния Калифорнию и Мексику. С учетом всех сложившихся обстоятельств Н. Резановым был разработан весьма тщательно план, согласно которому необходимо было образовать в Северной и Центральной Америке протекторат, находящийся под покровительством Испании и России.

В первую очередь требовалось выстроить в Калифорнии южную столицу Русской Америки, что в соответствии с пла-

нами Баранова—Резанова было возложено на И. Кускова. Перед этим в октябре 1806 года Н. Резанов вручил ему медаль «За усердие» на Владимирской ленте для ношения на шее. Кускову также был присвоен чин коммерции советника. С 1808 г. он занимается устройством русского селения в Калифорнии, которое и было завершено в августе 1812 г. (его называли форт Росс). Следует отметить, что гавань форта Росс была расположена неудобно в навигационном отношении, ибо скалистые утесы, на которых размещались здания форта, мешали подходу судов. Но такое решение было принято А. Барановым и И. Кусковым по чисто военным соображениям, чтобы можно было оборонять форт с моря.

Именно из форта Росс начал свою активную деятельность Н. Резанов, используя целый ряд благоприятных обстоятельств. Прежде всего немаловажным оказалась симпатия к русским со стороны индейцев. Это обусловлено тем, что испанцы весьма жестко относились к индейцам еще со времен конкистадоров; наоборот, отношения русских к индейцам были дружественными, зижделись на желании понять их душу. Не случайно, что вожди независимых индейских племен стремились добиться покровительства русских моряков. Один из них, Валенилла, просил у В.М. Головина дать ему русский флаг. О его посещении говорит оставленный Ф.Ф. Матюшкиным документальный протокол: «В самый день снятия с якоря нам желал сделать посещение начальник индейцев. Он приехал к нам на нашем баркасе. На себе он имел две рубашки — подарок, который ему был сделан за некоторую услугу, и венок, сплетенный из травы. Посмотрев судно наше, величине коего он удивился, и будучи одарен капитаном топорами, ножами и прочим, получил еще сверх всего русский военный флаг, который ему велено было поднимать, коль скоро он увидит судно с подобным. Обещал ему при таком случае богатые подарки от наших соотечественников. Индеец Валенилла, бывший у нас, не есть старший сего жила, но по причине болезни начальника выбран за храбрость своими товарищами» [Шур Л.А. К берегам Нового Света. М., 1971, с 69].

Проницательный и умный царедворец Н. Резанов отдавал себе отчет, что наибольшая угроза существованию фор-

та Росс со стороны суши исходит от испанских поселенцев. Ведь у них возникло чувство ревности к расцвету ремесел в Россе и укреплению русских в Калифорнии. Так как Мадрид запрещал в своих колониях торговлю с представителями других государств, то у испанцев особое опасение вызывали торговые связи русских. Поэтому Н. Резанов предпринял ряд мер, направленных на установление дружественных отношений с испанцами. Во-первых, форт Росс снабжал испанские миссии и пресидии промышленными товарами, изготовленными в его мастерских изделиями из металла, кожами. «Компания предлагала торговлю кожами калифорнийским испанским войскам. За каждую большую кожу по 8 пиастров. Сие средство тем выгоднее, что обитающие в той области индейцы, очень многие племена, способны производить промысловых зверей, что кожи их, равно как и вымениваемые на них вещи, никогда не могут быть оным правительством снискаемы с такой удобностью и столь малыми издержками, если оно не согласится на сие» [Потехин В.А. Указ. соч., с. 4]. Во-вторых, он великолепно использовал свой опыт царедворца и дипломата, а также знание психологии испанцев в колониях Нового Света. Испанцы, особенно метисы, весьма склонны к метафизическим размышлениям, ценят ораторские амбиции, любят различного рода консультации при решении тех или иных проблем. Поэтому Н. Резанов, пользуясь своими родственными связями со стороны Консепсии, сумел получить у испанских колониальных властей Новой Мексики разрешение заниматься русским хлебопашеством на плодородных калифорнийских землях. Известно, что испанцы мало времени уделяли совершенствованию своего хозяйства и муку получали из дикорастущих злаков и желудей. Русские крестьяне стали получать богатые урожаи и завалили продовольствием всю Новую Мексику, получая от этого значительные доходы.

Однако самую существенную роль сыграл Н. Резанов тогда, когда он оказал помощь властям Новой Мексики (Новой Испании) в противодействии территориальной экспансии Соединенных Штатов Америки. Не надо забывать, что в планах территориальной экспансии США в Северной Америке важное место (помимо Флориды) занимала северо-вос-

точная часть Новой Испании и прежде всего обширный, но малонаселенный Техас. В начале XIX столетия в этой испанской провинции, не считая индейских племен, проживало всего около 7 тысяч жителей, сконцентрированных в трех крупных селениях, четырех миссиях и примерно полутора десятках ранчо [см.: Yoakum H.K. History of Texas. Austin, 1935. Vol. 1, p. 138]. Известно, что еще в 1803 году президент Джефферсон заявил о том, что западная граница Луизианы проходит по Рио-Гранде-дель-Норте, что означало претензию на Техас. Однако Испания не приняла этих претензий, и поэтому к сентябрю 1806 года в Луизиане были размещены крупные силы американской армии под командованием генерала Уилкинсона. Отсюда в 1806-1807 гг. по распоряжению Джефферсона на территорию Новой Испании направлялись разведывательные отряды Фримэна, Пайка и других военачальников.

«И в дальнейшем вашингтонское правительство негласно поощряло деятельность групп и организаций, — отмечается в капитальном исследовании «История США», — пытавшихся подготовить вторжение в Техас («Мексиканская революционная хунта» во главе с Альваресом де Толедо и Пикорнелем в Филадельфии, группа отставного наполеоновского генерала Юмбера в Новом Орлеане и др.). В августе 1812 года отряд, сформированный с ведома властей Луизианы бывшим офицером армии США Огастесом Мэйджи и мексиканцем Гутьерресом де Лара, переправился через реку Сабин и вскоре овладел испанским опорным пунктом Накогдочес. За несколько месяцев он пересек почти весь Техас и в марте 1813 года занял его столицу Сан-Антонио-де-Бехар» [История США. М., 1983, т. I, с. 324].

И вот здесь вмешался зять губернатора Калифорнии Н. Резанов, который сумел связаться с министром финансов императорской России Канкриным и попросил его финансировать действия экспедиционного корпуса русской армии в Новой Испании. Министр финансов императорской России обладал гениальными финансовыми и блестящими административными способностями — Великая отечественная война против Наполеона обошлась казне всего в 157 с половиной млн рублей (сюда следует прибавить 100 млн частных пожер-

твований и 135 млн субсидий, выплаченных Англией). И все равно это очень дешевая война, всего 100 млн рублей в год: «Так как вся денежная часть, все дело продовольствия и обмундирования армии лежали на Канкрине, то заслуга столь экономного ведения грандиозной войны должна быть всецело приписана ему» [Биографическая библиотека Ф. Павленкова. Челябинск, 1995, т. IV, с. 426]. И Канкрин нашел необходимую сумму денег для финансирования экспедиционного корпуса армии, куда входили знаменитые платовские казаки.

Этот экспедиционный корпус русской армии, которая приобрела немалый опыт в войне с вышколенными французскими войсками, прибыл на российских военных кораблях в форт Росс. Отсюда вместе с испанскими армейскими частями (испанцы радушно отнеслись к победителям наполеоновской армии, пыгавшейся совсем недавно завоевать Испанию) русский экспедиционный корпус совершил поход в Техас. В конце 1814 года вторгнувшийся в Техас американский отряд был разгромлен. После этого по просьбе властей Новой Испании русский экспедиционный корпус направился во Флориду, занятую войсками США. Понятно, что этот поход также оказался успешным, после чего США и носа не смели совать туда. Затем русский экспедиционный корпус возвратился в форт Росс, где и оставался еще 10 лет для защиты интересов Российской империи.

Успешные действия и дальнейшее присутствие русских вооруженных сил значительно умерили аппетиты американских рабовладельцев. Вполне естественно, что в подписанном Испанией и США Трансконтинентальном договоре 1819 года американцы вынуждены были юридически признать нерушимость границ Новой Испании и отказаться от претензий на Флориду и Техас. Не удалась американцам также и попытка «прикарманить» Орегон — обширную область, простиравшуюся от побережья Тихого океана до Скалистых гор и от Аляски до Калифорнии. «В связи с отсутствием четко обозначенных границ между владениями США, Англии, Испании и России на северо-западе Америки этот регион явился ареной столкновения интересов названных держав» [История США, т. I, с. 325]. Территори-

альные претензии на Орегон всех этих держав изначально основывались на исследованиях английских, испанских, русских, американских мореплавателей, путешественников, торговцев пушниной конца XVIII века. Принимавшему участие в разрешении этой непростой территориальной проблемы Н. Резанову удалось дипломатическим путем приобрести западную часть региона, включающую в себя Тихоокеанское побережье, что и было зафиксировано в Лондонской конвенции 1818 года.

Наступило время осуществления дерзких замыслов Н. Резанова, которые родились в ходе аналитического рассмотрения тенденций политического и экономического развития мира и Северной Америки. Он выступает с проектом создания испано-российского протектората, включающего Новую Испанию и Русскую Аляску. Благодаря его блестящим дипломатическим способностям, построенный на точных расчетах аргументации, этот замысел получил свое воплощение и юридическое закрепление в соответствующем испано-российском договоре 1820 года. Следующий шаг заключался в том, что правительство Российской империи дало согласие на переселение в протекторат всех желающих устроить свою жизнь. И туда хлынула волна мигрантов, состоящая из казаков, отпущенных на определенных условиях крепостных крестьян (они получили вольную, обязавшись внести денежный выкуп за это в течение 25 лет), старообрядцев, купцов и ремесленников.

Русская колонизация Нового Света приняла поистине грандиозный размах, ибо здесь были богатые природные ресурсы, плодородные почвы и климат, благоприятствующие разведению зерновых, бобовых, хлопка, табака и других сельскохозяйственных культур. Техас поистине оказался раем для домовитых казаков, которые занялись наряду с хлебопашеством разведением коней и скотоводством. Отсюда мясо и другие продукты стали вывозиться в соседние Соединенные Штаты Америки, на Аляску, не говоря уже о полном обеспечении самого протектората продовольствием. Следует заметить, что казаки не только занимались эффективно сельским хозяйством, но и одновременно несли свою привычную службу по охране границ протектората.

Именно они вселяли страх в сердца американцев, положив тем самым конец экспансионистским поползновениям США на запад и юг американского Севера.

Бурно развивалась в протекторате торговля и промышленность благодаря поощрению властей и богатым ресурсам. Начался быстрый подъем русского предпринимательства, не скованного узами крепостничества. Весьма пригодился и опыт купцов-старообрядцев, развернувших свои способности в полную силу. Немало предпринимателей вышло из среды казаков и крестьян, проявивших свою сметливость и коммерческую жилку. Возникшая буржуазия постепенно стала играть самостоятельную историческую роль в развитии протектората. Здесь нашли свое место и передовые дворяне России, которые «объединились, чтобы «пересадить Францию в Россию» [Черкасов П., Чернышевский Д. История императорской России» М., 1994, с. 202].

Известно, что восстание декабристов было подавлено верными императору Николаю I войсками, что декабристы были отданы под суд. И здесь вмешалась судьба в лице Н. Резанова, главы проректората, который добился у царя необходимого ему решения по делу декабристов. Согласно решению суда казнь К.Ф. Рыльева, П.И. Пестеля, С.И. Муравьева-Апостола, М.П. Бестужева-Рюмина, П.Г. Каховского была заменена высылкой в протекторат без права возвращения в Россию под страхом смертной казни; остальные участники декабрьского восстания тоже были отправлены в русский Новый Свет.

Вся энергия и знания декабристов были использованы для укрепления протектората и его дальнейшего развития. Прежде всего была принята конституция Н. Муравьева, ранее обсуждавшаяся в Северном обществе. Она вобрала в себя творчески переработанный опыт конституций западноевропейских стран и Соединенных Штатов Америки. В соответствии с ней (она была уточнена в ходе окончательного редактирования и последующего утверждения) протекторат, получивший название Американская Новороссия, стал конституционной монархией, централизованным государством.

Весь земельный фонд Американской Новороссии делился на общественную и частную половину. В промышлен-

ности устанавливалась свободная конкуренция, хотя был выделен и государственный сектор, чтобы обеспечивать оборону державы.

В конституции Американской Новороссии были зафиксированы гражданские и политические права граждан. Форма конституционной монархии была выбрана Н. Резановым (его, кстати, избрали монархом на съезде представителей протектората) в силу следующих причин. Во-первых, необходимо было считаться с традициями русского народа, впитавшего с молоком матери уважение к помазаннику божьему. Во-вторых, эта форма правления позволяет оперативно решать возникающие проблемы государственной жизни, демократия же типа США неповоротлива [см. Солоневич И. Народная монархия. М., 1991, с. 231-232]. В-третьих, она дает широкий простор для подъема и развития промышленности и торговли, что имеет особое значение в условиях Нового Света.

После принятия конституции Американская Новороссия стала стремительно развиваться, благодаря чему она за сравнительно короткий срок стала экономически и политически могущественной державой. Немаловажную роль в этом сыграл и выбор столицы, которой стал Сан-Франциско. Расположенный на берегу Тихого океана, украшенный всеми дарами современной ему цивилизации и располагающий преимуществами географического положения, он способствовал возвышению Американской Новороссии и обеспечил ей экспансию в Тихоокеанском бассейне.

Росту могущества новой державы содействовал целый ряд факторов, одним из которых явилось открытие во второй половине XIX века больших запасов золота на Аляске. В разработках золотоносных руд участие принимали только граждане Американской Новороссии под строгим государственным контролем, дабы избежать негативных последствий «золотой лихорадки». Другим фактором стала территориальная экспансия, а именно: в сферу интересов нового государства попадали Гавайские острова, чье население добровольно отдалось под опеку русских (интересно, что Гавайи уже обращались за покровительством к России, но не получили позитивного ответа), Новая Гви-

нея, исследованная Н. Миклухо-Маклаем [см. Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. М., 1993, т. III], и другие острова в Тихом океане.

Именно мощный экономический и военный потенциал Американской Новороссии помог впоследствии России одержать победу в русско-японской войне 1904-1905 гг. Ее сильный военный флот подошел вовремя к Цусиме и совместно с русскими боевыми кораблями разгромил японские морские вооруженные силы, а сухопутные части содействовали боевым операциям армии генерала Куропаткина. В результате был подписан русско-японский договор на благоприятных для России условиях (так бывший протекторат выразил благодарность своей отчизне!). Когда же произошла Октябрьская революция в России и большевикам пришлось пойти на создание буферного государства — Дальневосточной республики, то этим сразу воспользовалась Американская Новороссия. Она путем дипломатического давления, подкрепленного внушительным военным кулаком, поглотила ДВР вместе с Сахалином, Курильскими островами, Камчаткой и Чукоткой. На мировую арену вышло сильное процветающее государство, с которым вынуждены были считаться все ведущие страны мира.

Однако данный сценарий мирового развития не был воплощен в действительность, и немалую роль в этом сыграла преждевременная смерть камергера двора Н. Резанова.

Гитлер выиграл войну

В кинофильме западногерманского режиссера А. Мейера «Экскурсия в Освенцим» 30-летний глава семейства из Боттропа (Вестфалия) говорит своим спутникам при посещении концлагеря: «Никто не поднимал бы сейчас столько шума, если бы выиграли войну. Но, к сожалению, немцы проиграли войну, и только поэтому постоянно об этом напоминают (показывает на бараки) и говорят, что немцы — это свиньи...» Такова реакция человека, рожденного после второй мировой войны, которую развязал Гитлер и которая обошлась человечеству в 50 миллионов жертв (и это только на протяжении 5 лет войны!).

Следует иметь в виду, что навязанная Европе гитлеровская война носила не только захватнический характер, но имела прежде всего идеологическую подкладку, замешанную на расизме и антикоммунизме. Ведь третий рейх («империя смерти»), как называют гитлеровское государство в литературе) в соответствии с тем, что в течение 20 лет говорили и пропагандировали Гитлер и его паладины, бросил все силы и средства, чтобы достигнуть мирового господства немецкой нации. Немцы не считались ни с правом, ни с человечеством (и человечностью), ибо их главной целью в новом крестовом походе было прежде всего биологическое уничтожение многих народов и наций или германизация тех, кого Гитлер и сторонники «усиления немцев» в Европе признавали достойными такого рода «адаптации». Так понятая война должна была быть нечеловеческой и преступной, так как признавала только одно право: право немецкого народа на

исключительное положение в мире, о чем свидетельствуют документы и исследования [106, 140, 225, 240, 263].

В своей книге «Если бы Гитлер выиграл войну» польский исследователь М. Подковиньский пишет о гитлеровской войне так: «Фюрер сдержал слово. То, что говорил и писал в «Моей борьбе», то, что поведал Герману Раушенбаху («Разговоры с Гитлером»), то, что излагал в застенкографированных «беседах за столом», и то, что записал Мартин Борман в последние дни войны и что перечислил в своем завещании (29 апреля 1945) — стало фактом. Такой резни не знал мир... Так родилось человекоубийство, которое цивилизованный мир знал только из легенд и рассказов времен Чингисхана или Тамерлана. И в гораздо меньших масштабах. А ведь нашествие монголов тогда считалось концом света!» [263, 29].

В основе всей политики немецких фашистов лежало гитлеровское мировоззрение, изложенное в «Майн кампф». Согласно ему германцы как «арийская» раса превосходят все остальные народы. Гитлер утверждал, что только арийцам присущ творческий гений в науке, технике, искусстве. Так как другие расы не имеют творческих способностей, то именно арийцы должны господствовать на планете. По Гитлеру, все расы делятся на творцов культуры (арийцы), носителей культуры (нетворческие народы, заимствующие «арийские» достижения) и разрушителей культуры (евреи). Немаловажно и то, что расы, подобно всем остальным образованиям живой природы, ведут борьбу за существование. Арийцы способны одержать победу в этой закономерной борьбе только при условии сохранения чистоты своей крови; в случае смешения крови с другими, расово чуждыми, «низшими» народами арийцев ждет вырождение и упадок. «Сильнейший должен господствовать, — отмечает Гитлер, а не смешиваться со слабыми, жертвуя собственным величием. Только прирожденный слабак может считать это жестоким» [106, 174].

В книге «Майн кампф» красной нитью проходит мысль о том, что прогресс культуры полностью зависит от успеха борьбы высшей расы против низших, от порабощения последних: «Совершенно очевидно, что первая человеческая

культура менее основывалась на прирученных животных, чем на использовании низших человеческих существ. Только после порабощения покоренных рас подобная судьба постигла скотину. Ибо первым тащил плуг побежденный воин, и лишь после него — лошадь... Отсюда не случайно, что первые культуры возникли в тех местах, где ариец в столкновениях с низшими народами покорил их и подчинил своей воле» [106, 174]. Это значит, что без существования низших рас невозможно создание и развитие высших, арийских культур.

К низшим человеческим типам, «мякине», отбросам относились все негерманские белые народы. В их число нацистский диктатор прежде всего включил славян и только сильнее их он ненавидел евреев и французов. Здесь перед нами парадокс: дед Адольфа Гитлера — еврей, Гейдрих, Франк, Розенберг и другие крупные нацисты, составляющие по выражению бывшего советского офицера, бывшего сотрудника ЦРУ, специалиста по психологической войне Г. Климова, «гитлеровское политбюро», имеют часть еврейской крови, и они же ненавидели евреев и уничтожили в газовых камерах, расстреляли и другими средствами множество евреев [100, 204-217]. Упомянувшийся выше Д. Байэль отмечает, что «специфические методы обращения нацистов с евреями являются уникальными в истории...» [234, 144], что евреи «Великой катастрофы» — это скорее символ беспомощности индивида перед лицом современного вооруженного государства» [234, 144].

В то же время Гитлер совсем по-иному относился к германским народам, например, к тем же англичанам. В своих «Мемуарах» В. Шелленберг воспроизводит высказывание фюрера за обеденным столом: «Сначала я хотел идти одним путем с Англией, но Англия постоянно отталкивала меня от себя. Верно, нет ничего хуже, чем ссора в одной семье. Достойно сожаления, что мы вынуждены вести борьбу не на жизнь, а на смерть с людьми одной с нами расы, а Восток только и ждет того, когда Европа истечет кровью. Поэтому я не хочу и не могу уничтожать Англию». Здесь его голос стал настойчивым и резким: «Но в один прекрасный день Англия сойдет со своего величественного коня, и господин Черчилль должен будет признать,

что Германия тоже имеет право на жизнь — а до тех пор я буду бороться против Англии. Большого я не желаю. Тогда наступит время, когда Англия должна будет пойти на компромисс с нами. Она останется морской и колониальной державой, но на континенте сольется с нами и образует единое целое. Тогда мы станем повелителями Европы, и Восток не будет представлять для нас никакой опасности. Вот моя цель» [233, 84].

Весьма откровенно сформулирована задача Германии — в ходе реализации «восточной политики» обеспечить рейху жизненное пространство.

В своем завещании Гитлер еще раз сформулировал цель своей политики: «Нашей целью остается завоевание для нашего народа пространства на Востоке» [263, 34]. Эта формулировка логично завершает рассуждения, которые находятся на страницах его «Майн кампф». Тогда Гитлер говорил о добыче для Германии «хлеба на Востоке» (в Германии после 1918 года был голод). В этой борьбе, продолжает далее Гитлер, «первым плугом является меч»; он тоже должен быть фундаментом тысячелетнего рейха, о котором мечтал император Фридрих Барбаросса — Рыжебородый, чей гроб находится в Палермо, на Сицилии [33, 11 Д; 109, 124-127]. Не случайно план агрессии против Советского Союза носит криптоним «План Барбароссы». Он соответствует главной мысли «Майн кампф»: «Если мы желаем в Европе заполучить землю, то это можно в принципе сделать за счет только России. Новая Империя должна снова вступить на путь, намеченный старыми орденовыми рыцарями, чтобы немецким мечом добыть землю для немецкого плуга и дать народу насущный хлеб.» [263, 34].

В год начала второй мировой войны демографический и промышленный (основное здесь выплавка стали, от которой зависит производство вооружения) потенциалы стран оси и их потенциальных противников на континенте (Советский Союз, Франция, Польша и Бельгия) были равны [257, 201-202]. Однако военный перевес в начале второй мировой войны оказался на стороне Германии и ее союзников. Германия была очень близка к победе...

Нюрнбергский процесс, сохранившиеся документы гит-

леровского рейха, материалы совещаний в штабе НСДАП («коричневый дом» в Мюнхене), выступления Гитлера и Гейдриха перед палачами из эйнзацкоманд, наконец, ход совещания в Ваннзее под Берлином в связи с окончательным «решением» еврейской проблемы в Европе (на смерть были обречены миллионы человек) — все это дает ясную картину того, что было, если бы Гитлер выиграл войну. По мнению М. Подковиньского, возникла бы «империя Гитлера, называемая «Великогерманский рейх»; она была бы больше древнеримской империи. Россия (говорил фюрер) — это наша Индия, вся Польша стала бы большим getto, а Франция под видом Бургундии вошла бы в состав рейха» [263,31].

В случае осуществления бредовых идей нацизма нетрудно вообразить сценарий исторического развития.

Гитлеровская Германия вместе со своими союзниками завоевывает всю Европу и наносит сокрушительное поражение своему главному противнику — Советскому Союзу (при подходе немецких войск к Волге в войну вступила Турция, нанеся удар по Закавказью, и Япония, открыв военные действия на Дальнем Востоке и в Сибири). И тогда начинает осуществляться чудовищный по своей бесчеловечности, и не имеющий прецедента в истории, так называемый план «Ост». Краткая суть этого «плана Ост», реконструированного на основе ряда документов (он был уничтожен), таковы: «На завоеванных славянских территориях предусматривалось проведение политики геноцида в ее самых крайних формах. Подрыв «биологической силы» славянских народов планировалось осуществлять следующими основными методами: 1) физическим истреблением больших масс народа; 2) сокращением населения путем преднамеренной организации голода; 3) уменьшением населения в результате организованного снижения рождаемости и ликвидации медицинского и санитарного обслуживания; 4) истреблением интеллигенции — носителя и продолжателя научно-технических знаний и навыков, культурных традиций каждого народа и низведением образования до низшего уровня; разобщением, дроблением отдельных народов на мелкие этнические группы; 6) переселением масс населения в Сибирь, Африку, Южную Америку и

другие районы Земли; 7) аграризацией захваченных славянских территорий и лишением славянских народов собственной промышленности» [140, 305].

Понятно, что осуществление генерального «плана Ост» сопровождалось корректировкой, которая заключалась в следующем. Во-первых, акты уничтожения и депортации приняли широкий характер также в Ингерманландии (так гитлеровцы называли территории Новгородской, Псковской и Ленинградской областей), Приднепровье и Крыму (в самом «плане Ост» они были пропущены). Во-вторых, на землях Востока предусматривалось оставить 14 млн местных жителей и поселить 10 млн немецких колонистов. Однако при условии, что у немецких колонистов на восточных территориях не удалось пробудить желание к увеличению деторождения, за 30 лет здесь оказалось всего 8 млн немцев. В-третьих, для «обезлюдивания» Востока планировалось депортировать 31 млн человек, чего оказалось мало. Поэтому по решению Гимmlера до депортации ликвидируется 5-6 млн евреев, проживающих на местной территории, а затем принимаются решительные меры к депортации 51 млн человек.

Так называемые «решительные меры» вызваны самой жизнью, ибо практика показала, что для депортации 11 млн русских, евреев, поляков в лагеря смерти транспорта едва и хватило; справиться же с гораздо большим числом при перемещении на большие расстояния (в ту же Сибирь, не говоря уже об Африке или Южной Америке) просто невозможно. Поэтому в Сибирь переселяется лишь часть западных украинцев, чехов, поляков и др. Остальные уничтожаются в печах для крематориев, поставляемых фирмой «Топф и сыновья» для нужд СС, ядовитыми газами, изготавливаемыми химическими концернами, а также расстреливаются тысячами эсэсовских палачей за дополнительный паек и вознаграждения. Онемечивается 3% поляков, около половины чехов, чтобы в качестве рабов обслуживать немецких господ и удовлетворять все желания «белокурых бестий».

Особая забота немецких фашистов состоит в том, как на веки веков уничтожить русский народ с его тысячелетней культурой, как, говоря официальным языком, побороть «огромную биологическую силу русского народа». Для этого

последовательно проводится в жизнь дополнение некоего профессора Абеля к генеральному «плану Ост», ибо, как замечает Гимлер, уничтожить русских сразу «едва ли возможно». Прежде всего вся населенная русскими территория расчленяется на различные районы; народам, проживающим в них, пропаганда внушает мысль о том, что им не следует ориентироваться на Москву, даже если там находится немецкий имперский комиссар. Русскому из тульского генерального комиссариата прививается чувство отличия его от русского из нижегородского генерального комиссариата и т. д. (еще один способ разобщить русских).

Затем принимаются меры к тому, чтобы довести рождаемость русских до более низкого уровня, чем у немцев. Пропагандируется добровольная стерилизация. Не разрешается обучать матерей уходу за грудными детьми. Исключаются профилактические меры против детских болезней. Не поощряется борьба за снижение детской смертности. Почти не поставляются медикаменты.

Сознательно проводится политика примитивизации русских — им дают такое образование и обучение, чтобы они могли лишь правильно говорить по-немецки и выполнять работы по сооружению бетонных перекрытий, возводить кирпичные здания, строить лифты, ставить оконные рамы и т. д. Все эти меры используются также и в отношении чрезвычайно плодovitых народов Кавказа и Туркестана, а также частично и Украины.

В распоряжении нацистов находятся безбрежные русские просторы, плодородные украинские земли (Крым превращен в немецкую Ривьеру), кавказская нефть, среднеазиатский хлопок и фрукты, дешевые рабы. «Белокурые бестии» — эсэсовцы живут в роскошных имениях, представляющих собой гибрид прусских латифундий и южноамериканских плантаций. На них работают «онемеченные» надсмотрщики и бесчисленные рабы-славяне. Имперские крестьяне проживают в необычайно прекрасных поселениях, которые находятся на расстоянии 30-40 километров от города и которые связаны самыми лучшими дорогами. В городах, как административных центрах, построено все необходимое для комфортабельной жизни, немецкие власти и учреждения расположены в чудесных

зданиях, губернаторам отведены дворцы. Все негерманское население, которое еще не уничтожено, живет вне пределов немецкого рая; в случае же бунта оно подвергается бомбардировке и расстрелу специальными командами.

Самое интересное состоит в том, что «план Ост» оказывается в какой-то мере универсальным. Ведь после осуществления директивы «Морской лев» (завоевание Англии) Гитлер пожелал переселить британцев в Польшу и Африку. «План Ост» обернулся против Запада, когда германские войска осуществили вторжение в Соединенные Штаты Америки (оно было скоординировано с Японией, чьи армии высадились на тихоокеанском побережье Америки). Понятно, что американские военные силы не могли противостоять соединенным немецким и японским частям и капитулировали. В первую очередь были уничтожены все американские евреи, затем принялись за негров и прочих «цветных» народов, применяя к ним «план Ост».

В общем весь мир был поделен между странами оси, и тысячелетний рейх установил железный порядок.

И все-таки и он в конце концов развалился, ибо диалектику развития общества невозможно отменить и упразднить (такова судьба всех тоталитарных режимов).

«Факт, что его карьера (имеется в виду Гитлер — В.П.) кончилась поражением... — пишет А. Баллок, — его жизнь не возвышает, а понижает человечество, а 12 лет его диктатуры было бесплодием всех идей, кроме одной: дальнейшего расширения господства своего и собственного народа, с которым он себя отождествлял» [240, 638].

К счастью Гитлер проиграл войну. И человеконенавистнические планы покорения мира нацистами рухнули.

Французские коммунисты остаются у власти в 1947 году

После окончания второй мировой войны началась другая, «холодная война» между недавними союзниками по антигитлеровской коалиции. Находившийся уже в отставке У. Черчилль в присутствии президента США Г. Трумэна 5 марта 1946 года в Фултоне (штат Миссури) произнес свою знаменитую речь о «железном занавесе». Он объявил, что на страны Восточной и Юго-Восточной Европы опустился «железный занавес», и что «христианская цивилизация» оказалась под угрозой со стороны Советского Союза; поэтому в целях противостояния этой угрозе необходим военный союз между Соединенными Штатами Америки и Великобританией. В многотомной советской «Истории США» подчеркивается, что «Фултоновская речь, по сути, была призывом развернуть «крестовый поход» против социализма, интенсифицировать борьбу против прогрессивных сил во имя «спасения западной демократии» [История США. М., 1987, т. IV, с. 84]. Несколько иную оценку состояния позиций двух социально-экономических систем дает П. Джонсон, который пишет следующее: «Можно сказать, что холодная война началась непосредственно после Ялтинской конференции, точнее с марта 1945 года. Разумеется, в известном смысле. Советская Россия вела холодную войну еще с октября 1917 года: она была присуща историческому детерминизму ленинизма» [Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. М., 1995, ч. II, с. 10].

Как бы там ни было, но «холодная война» действительно с ожесточением развернулась после второй мировой войны, и здесь тоже имелись свои неосуществленные сценарии движения цивилизации.

Один из таких гипотетических вариантов развития можно представить как такую цепь событий.

Вскоре после окончания второй мировой войны они начали развиваться с такой быстротой, что превзошли все ожидания мировой общественности. После фултоновской речи У. Черчилля, в марте того же 1946 года И. Сталин «забыл» вывести советские войска из Ирана и в конце концов сделал это после настойчивых требований Совета Безопасности только что народившейся Организации Объединенных Наций. Однако сразу же Советский Союз стал оказывать давление на Турцию, засылая туда несчетное число своих тайных агентов, что вызвало реакцию США в виде организации прототипа ЦРУ. В середине лета был восстановлен неофициально англо-американский военный союз, и Г. Трумэн провел чистку своей администрации от просоветски настроенных высокопоставленных чиновников. Но самая безнадежная ситуация сложилась в Западной Европе из-за колоссальных военных расходов Британии, которая потратила на войну 30 млрд долларов, составляющих четверть ее национального богатства. Обессиленная войной, она уже не могла выступать в качестве мировой силы, обеспечивающей стабильность в Европе, Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Драматичность ситуации П. Джонсон описывает следующим образом: «Двадцать первого февраля англичане уведомили Трумэна, что будут вынуждены прекратить свои обязательства по отношению к Греции и Турции. Спустя три дня Трумэн решил, что он должен взять их на себя. Двадцать шестого февраля произошла напряженная встреча в Овальном кабинете, на которой идея была изложена перед ведущими конгрессменами. Генерал Маршалл, новый государственный секретарь, запутал дело, и его заместитель Дин Ачесон решил вмешаться. Он сказал, что «советское давление» на Восточную Европу и Ближний Восток дошло до такой точки, когда один-единственный прорыв «мог бы открыть три континента для советского проникновения». Как «яблочки в бочке, зараженные от одного гнилого», «разложение» Греции могло бы «инфицировать Иран и весь Восток». Это могло «занести заразу в Африку через Малую Азию и Египет» и «в Европу через Италию и Францию» [Джонсон П. Указ. соч., ч. II, с. 15]. В результате был принят знамени-

тый план Маршалла, который оказал существенную помощь в возрождении экономики 22 европейских государств.

Однако вспомним о «заразе» (здесь речь идет о коммунистической идеологии — В.П.), которая могла проникнуть на Запад «через Италию и Францию» (Дин Ачесон). Заместитель госсекретаря США Дин Ачесон был несколько некорректен в своем утверждении, ибо «зараза» уже находилась во Франции и вполне могла охватить ее всю.

Действительно, Франция вышла из второй мировой войны сильно ослабленной в политическом и экономическом отношениях. Это проявилось в следующих фактах: во-первых, из-за немецко-фашистской оккупации и военных действий оказались разрушенными почти 50 тысяч промышленных предприятий; во-вторых, начала распадаться французская колониальная империя (отпали Сирия и Ливан, образовалась Демократическая Республика Вьетнам, усилилось освободительное движение народов Северной Африки, Мадагаскара).

К моменту освобождения Франции от немецкой оккупации, в расстановке политических сил произошли значительные изменения: с одной стороны, вырос авторитет демократических сил, участвовавших в движении сопротивления немецким захватчикам, с другой — оказались сильно подорванными позиции правых, реакционных партий, в годы оккупации сотрудничавших с фашистами. Четыре года не прошли бесследно для значительной части правого лагеря, чьи представители — монополисты, высшие армейские чины, священнослужители и чиновники — оказались скомпрометированными сотрудничеством с национальным врагом в глазах французов. Государственный аппарат, который на протяжении полутора столетий выдерживал любые социальные бури и потрясения, потерял свою устойчивость. К тому же система старых буржуазных партий развалилась. На неизбежность такого рода последствий указывал генерал де Голль уже в начале войны: «Те, кто надеется после того, как прозвучит последний выстрел, найти Францию в политическом, социальном и моральном отношении такой же, какой они знали ее прежде, глубоко ошибаются» [Gaulle de Ch. Discours aux Francais. 18 juin 1940 — 2 janvier 1944, Alger, s. d., p. 203].

Во главе демократических сил Франции находилась компартия, которая стала самой массовой и авторитетной политической партией. В ее состав входили не только рабочие и крестьяне, прошедшие суровую школу антифашистской борьбы, но и представители науки, культуры и искусства. «В октябре 1945 года на выборах в Учредительное собрание компартия по числу поданных за нее голосов вышла на первое место. Под руководством коммунистов, которые занимали в правительстве важные экономические посты, французские трудящиеся в 1945–1947 годах развернули «битву за производство», имевшую целью восстановление экономики. Благодаря массовому трудовому героизму рабочего класса промышленное производство в стране к концу 1947 года достигло довоенного уровня» [Розанов Г.Л., Вощенко К.П., Меликсетов А.В. Новейшая история. М., 1967, с. 168)].

Однако этот экономический рост страны не смог устранить полностью тяжелые последствия войны. К тому же финансовая олигархия совершала различного рода махинации, пользуясь попустительством или прямым пособничеством министров-социалистов и министров-католиков, входивших в правительство. Все это тяжелым бременем легло на плечи рядовых французов, испытавших на себе и «скачущую» инфляцию, и увеличение косвенных налогов. В итоге только в течение 1946 года цены выросли на 50%, а реальная заработная плата уменьшилась наполовину по сравнению с довоенным уровнем.

И тем не менее во время вхождения коммунистов в правительство, Франция совершила поворот в своей многовековой истории. В течение немногим более двух лет были проведены в жизнь такие мероприятия, как национализация ряда ведущих отраслей промышленности и транспорта, введение системы социального страхования, пособий для многодетных, значительное расширение прав профсоюзов и т. д. [см. Молчанов Н.Н Четвертая республика. М., 1963, с. 144-145]. Немаловажную роль здесь сыграли министры-коммунисты Морис Терез, Амбруаз Круаза, Жорж Марран, занимавшиеся созданием всеобъемлющей системы социального страхования, улучшением медицинского обслуживания, утверждением статусов государственных служащих, аренды

и издольщины, а также Франсуа Бийну, Шарль Тийон и Марсель Поль, подготовившие коренной перелом в деле восстановления и реконструкции промышленного производства страны и начавшие успешную реорганизацию вооруженных сил. «Тем самым ФКП наглядно опровергла утверждения реакции о «неспособности» революционной пролетарской партии к конструктивной работе, о мнимом противоречии между социальным прогрессом и оздоровлением экономики... В результате реформ 1944-1947 гг., являвшихся непосредственным развитием мероприятий Народного фронта, Франция по развитию социального законодательства превратилась из самой отсталой в одну из самых передовых среди крупных капиталистических стран» [История Франции. М., 1973, т. III, с. 319].

Однако дни министров-коммунистов были сочтены в силу внутренних и внешних политических и экономических противоречий, присущих Франции в этот период.

Во-первых, Франция и в первые послевоенные годы представляла собою капиталистическую страну, где ведущие позиции в экономике занимал финансовый капитал, который негативно относился к национализации ряда ведущих отраслей промышленности. Во-вторых, в государственном аппарате, армейской элите доминировало консервативно настроенное кадровое чиновничество и офицерство. Здесь следует подчеркнуть, что вполне определенные силы блокировали намечавшуюся чистку офицерского состава армии. В-третьих, конституция и законодательство о выборах носили половинчатый, компромиссный характер, в результате чего не ликвидированы префектуры и их функции не переданы выборным органам местного самоуправления и пр. В-четвертых, Франция оказалась вовлечена в систему замкнутых экономических и военно-политических блоков под эгидой США, что оказало существенное влияние на перегруппировку сил в стране, приведшую к кризису многоаппаратного парламентского режима. И наконец, в-пятых, французская внутренняя политика тогда очень чувствительно реагировала на колебания международной обстановки, которую определяли «доктрина» Трумэна и «план» Маршалла [см. История Франции, т. III, с. 319-320].

«Доктрина» Трумэна провозглашала Соединенные Штаты Америки гарантом (раньше говорили «жандармом») мирового порядка, который следует защищать от коммунизма. В ней подчеркивается, что в нынешний момент мировой истории «каждый народ должен выбрать между двумя противоположными образами жизни», и поэтому политикой Соединенных Штатов должна быть политика поддержки «свободных народов», оказывающих «сопротивление попыткам подчинения вооруженному меньшинству или внешнему давлению» [цит. по: История США, т. IV, с. 89]. Фактически в «доктрине» Трумэна изложена стратегия «сдерживания» социального процесса, удержания освободившихся от немецкого господства стран в рамках системы буржуазной демократии и свободного предпринимательства. В этой доктрине западноевропейский регион, в том числе и Франция, занимал первостепенное место. Практически осуществлением «доктрины» Трумэна являлся «план» Маршалла, обошедшийся США в 10,2 млрд долларов.

Вся совокупность данных факторов привела к тому, что «в мае 1947 г. французской реакции, действовавшей по указке США, удалось исключить министров-коммунистов из состава правительства» [Розанов Г.Л., Вощенко К.П., Меликсетов А.В. Указ. соч., с. 169].

Теперь попытаемся промоделировать ситуацию, при которой министры-коммунисты остаются в составе правительства.

Фактически перед нами стоит задача выяснить, так ли страшен черт, т. е. западноевропейский коммунизм в его французской версии, как его малюют? Поэтому перейдем к изложению имеющегося материала в данном ключе. Для этого нам придется сделать целый ряд допущений.

Прежде всего министры-коммунисты (и стоящая за их спиной ФКП) весьма четко просчитывают политические тенденции в развитии Франции и обладают необходимой гибкостью для вступления в союзы с теми или иными политическими силами и партиями и достижения компромиссов. Они целеустремленно проводят линию на то, чтобы конституция Четвертой республики была очищена от половинчатого и компромиссного характера, получила завершенную форму.

Они сумели осуществить важные пункты программы Национального совета Сопротивления, принятой 15 марта 1944 года, а именно:

— ликвидация префектур и передача их функций выборным органам местного самоуправления — генеральным советам департаментов; — практики отзыва изменивших своему долгу депутатов и другие меры. Этого удалось достигнуть благодаря поддержке де Голля, который 30 марта 1947 года на митинге в Брюневеле подверг резкой критике конституцию Четвертой республики: «Придет день, когда огромная масса французов покончит с бесплодной игрой, отбросит установления, в которых блуждает нация и теряет авторитет государство, чтобы вновь обрести Францию» [Gaulle Ch. de. Discours et messages. P., 1970, т. II, p.41-42].

Наряду с этим министры-коммунисты проводят весьма длительную и кропотливую работу по очищению офицерского корпуса армии от консервативно настроенных военных. Для этого пришлось выявить всех представителей воинских групп Сопротивления (французских внутренних сил, патриотической гвардии и милиции), которые в свое время (октябрь 1944 г.) решением Временного правительства были разоружены, демобилизованы и рассеяны по обычным армейским частям. Все эти высококвалифицированные специалисты возвращены в армию и назначены на различные командные должности, что способствовало демократизации кадрового состава офицерского корпуса, не раз в истории Франции служившего оплотом правых антиреспубликанских элементов [см. Corce P.M. de la. La Republique et son armee. P., 1962, p. 439].

Министры-коммунисты постоянно уделяют внимание прекращению и предотвращению войн со стороны Франции в отношении своих бывших и нынешних колоний. Особенно их беспокоила развязанная Четвертой республикой война в Индокитае, где 19 августа 1945 г. было провозглашено создание независимой Демократической Республики Вьетнам. В коллективной монографии «История Франции» данная ситуация изложена следующим образом: «6 марта 1945 г. представитель французского правительства Сентени подписал с вождем народно-освободительной борьбы вьетнамского народа Хо Ши Мином соглашение, официально признававшее Демократичес-

кую Республику Вьетнам в качестве «свободного государства, имеющего свое правительство, парламент, армию и финансы, входящего в Индокитайскую федерацию и во Французский союз». Однако уже три недели спустя верховный комиссар Франции адмирал Тьерри д'Аржанлье в нарушение мартовского соглашения инспирировал создание марионеточной «республики Кохинхины». Переговоры между вьетнамской и французской делегациями в Фонтенебло, близ Парижа, не дали определенных результатов. 23 ноября 1946 г. французский крейсер «Сюффрен» подверг бомбардировке вьетнамские районы Хайфона, в ходе которой погибли 6 тыс. человек. Кабинет Блюма по сути дела задним числом санкционировал эту провокацию» [История Франции. т. III, с. 321]:

Вполне естественно, что *Французская коммунистическая партия и ее министры-коммунисты приложили максимум усилий, чтоб остановить грязную войну в Индокитае*. Они развернули широкую кампанию за переговоры о прекращении огня и во многом способствовали тому, что эта война стала непопулярной среди французов. Многие французы участвовали на организуемых ФКП митингах, ставили подписи под петициями, устраивали демонстрации протеста против военных действий во Вьетнаме. Значительная часть французской буржуазии негативно относилась к индокитайской аванюре. Некоторые кадровые высшие офицеры пессимистично оценивали перспективы французо-вьетнамской войны. Мировая демократическая общественность также настойчиво требовала прекращения этой войны. Министры-коммунисты своими действиями вынудили правительство Ж. Ланьеля осенью 1953 г. заключить мир с Вьетнамом и вывести из него войска.

Не менее серьезную проблему для Франции представлял Алжир. Ей уже не хватало сил сохранить свои колонии. За этим фактом стояли вполне определенные демографические факторы. Колония считалась потерянной, подчеркивает В. Джонсон, если темп заселения превзойден естественным приростом туземного населения. Колониализм девятнадцатого века отражал огромное увеличение европейского населения. Деколонизация двадцатого века отражала демографическую стабильность в Европе и огромное нарастание местного на-

селения» [Джонсон П. Указ. соч. ч. II, с. 77]. Именно Алжир и был классическим примером такого рода перелома в отношениях между метрополией и колонией. В XIX веке там было всего 1,5 млн арабов и их число все время уменьшалось. Однако французские медицинские службы практически уничтожили малярию, пятнистый и брюшной тиф, что значительно снизило процент детской смертности среди неевропейцев. В итоге к середине XX столетия численность арабов достигла около 9 млн человек, а колонистов-европейцев уже оказалось недостаточно, чтобы «можно было рассчитывать на выживание в долгосрочном аспекте или хотя бы на образование анклава» [Джонсон П. Указ. соч. ч. II, с. 78].

Существенными оказались огрехи в функционировании избирательной системы, когда голоса избирателей фальсифицировались местными властями или не «срабатывали» реформы, принятые французским парламентом. Это выбило почву из-под ног многих высокообразованных арабов, стремящихся к взаимодействию французской и исламской культур и настроенных вполне умеренно. В итоге умеренные были оттеснены на задний план экстремистами, которые воспользовались майскими событиями 1945 г. в районе Константина. Тогда арабы убили свыше сотни европейцев, а французы в отместку подвергли бомбардировке и обстрелу свыше срока арабских поселений, уничтожив десятки тысяч алжирцев. Вернувшиеся с военной службы арабы нашли свои семьи погибшими, а дома сравненными с землей, что подтолкнуло их образовать Фронт национального освобождения и сформулировать положение «Алжир для алжирцев». В результате через десять лет начались кровавые события в Алжире, подготовленные недалёковидной политикой Франции.

Фронт национального освобождения Алжира начал свои операции, подчиненные стратегии создания обстановки террора, чтобы убрать умеренных арабов, разгромив тем самым концепцию об ассимиляции и многорасовом обществе. Не следует забывать, что французское правительство во главе с радикал-социалистом П. Мендес-Франсом находилось в плену иллюзии, что «Алжир может стать настоящим многорасовым обществом, построенным на принципах свободы, равенства и братства» [Джонсон П. Указ. соч., ч. II, с. 81]. Од-

нако реалии действительной жизни оказались совсем иными, ибо Фронт национального освобождения придерживался доктрины, сформулированной бразильским террористом Карлосом Маригелой: «Политический кризис должен превратиться в вооруженный конфликт посредством проведения насильственных действий, которые заставят тех, кто у власти, трансформировать политическую ситуацию в стране в военную ситуацию. Это настроит против них массы, которые с этого момента и далее восстанут против армии и полиции... Правительство может только усилить репрессии, сделав, таким образом, жизнь своих граждан тяжелее, чем когда бы то ни было... полицейский террор превратится в ежедневие... Население откажется сотрудничать с властями, и тогда они увидят, что единственный способ решить свои проблемы — это физическая ликвидация оппонентов. Политическая ситуация в стране (тогда) превратится в военную» [Marighela C. For the Liberation of Brazil. Penguin, 1971].

Нет ничего удивительного в том, что война в Алжире принимала все более жестокие формы, и как следствие правительство Э. Фора пало. В ходе парламентских выборов (январь 1956 г.) внушительную победу вновь одерживают коммунисты, социалисты и левые буржуазные партии. Ситуация складывается таким образом, что ФКП взяла власть в свои руки, и та самая «зараза», которой так опасался Дин Ачесон, охватила Францию.

Как самая влиятельная партия страны, ФКП прежде всего прекращает войну в Алжире и предоставляет ему самостоятельность. Затем она воплощает в действительность выработанную ею программу, согласно которой:

- осуществляется демократизация политической системы управления;

- запрещаются и распускаются профашистские правые партии;

- национализируются монополии в нефтяной, металлургической и химической промышленности, а также банки;

- проводятся в жизнь принципы уважения национальной независимости всех народов и сохранения мира в области международных отношений.

Французские коммунисты были реалистами — они не

стремятся к установлению тоталитарного режима во Франции, считаясь с традициями политической культуры Запада. Ведь для них характерно то, что «Конституция устанавливает мирное соперничество за реализацию власти», что фиксированные или неписанные правила регулируют формы соперничества отдельных лиц и групп» [Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993, с. 63]. Не поддаваясь давлению со стороны советской коммунистической партии, а напротив, полемизируя с ней, правящая ФКП строит свою политику в духе еврокоммунизма, адекватного основным принципам западной цивилизации. Это означает, что во Франции функционирует смешанная экономика, когда конкурируют предприятия государственной и частной форм собственности. Это означает также и то, что во Франции (и этим она отличается от Советского Союза) между государством и индивидом находится гражданское общество со всем многообразием его общественных организаций и институтов. Не менее существенным моментом является вхождение Франции в качестве ассоциативного члена в НАТО, что диктуется всем ходом развития международной обстановки.

Основные направления политики правящей ФКП соответствуют тенденциям развития мира, вступившую в посткапиталистическую фазу исторического процесса. Ведь «это и есть та фаза, которая сменила капитализм, как и предвидел Маркс, но он совершенно не предугадывал, какие формы примет общество, необходимое возникновение которого им постулировалось» [Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1994, с. 345]. Страны же с тоталитарными режимами оказались от тупиковой ситуации. *Адекватным реалиям современного мира является посткапитализм, благодаря чему политика еврокоммунизма ФКП оказалась весьма эффективной.* Следует иметь в виду, что аналогичных результатов достигла Итальянская коммунистическая партия, чьи представители тоже вошли в послевоенное правительство Италии.

Однако данный сценарий развития хода событий во Франции (и также в Италии) оказался неосуществленным — коммунисты в силу ряда обстоятельств, в основном субъективного характера, не смогли удержаться у власти.

Часть пятая. Россия

Князь Владимир не принял православия

Недавно было отпраздновано тысячелетие крещения Руси, определившего знаменательным актом князя Владимира судьбу нашего Отечества. Значимость фигуры князя подчеркнул митрополит Анастасий: «Немеркнущим светом св.равноапостольный Владимир сияет перед нами с небесной высоты, всеобъемлющий, всепроникающий и лучезарный, как солнце. В нем, как лучи в центре, соединились и отразились все лучшие качества нашего народного характера. От него пошла русская земля, для которой он навсегда предопределил пути ее дальнейшего духовного развития» [165, 12]. *Владимир первым из киевских князей взглянул на религию очами государственного деятеля крупного масштаба. Он понимал, что отход от язычества и принятие новой религии позволит Руси покинуть круг варварских государств и занять достойное место в цивилизованном мире.*

Следует заметить, что обстоятельства крещения Руси окутаны некой легендарной дымкой. В знаменитой летописи «Повесть временных лет» говорится, что на восьмом году княжения князя Владимира Святославовича, в 986 году, к нему пришли четыре посольства из разных стран, каждое из них расхваливало свою религию и убеждало Владимира принять ее. Это были волжские болгары-мусульмане, призывавшие его принять ислам, хазарские евреи, посланцы Рима и Византии. Владимиру не понравилось, что по мусульманскому закону нужно совершать обрезание, нельзя есть свинины и пить вина. Здесь он произносит знаменитую фразу: «Руси есть веселье питие, не можем без того быти». Папских пос-

ланцев он отсылает с неясной мотивировкой: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого (Идете опять, яко отцы наши сего не приняли суть)» [161, 60, 258]. Иудаизм Владимир отвергает, говоря, что раз своей земли у евреев нет, следовательно, бог их не любит, а значит, и религия у них ложная. Представитель греков, «философ», произносит очень длинную и красивую речь, оказавшую сильное впечатление.

Затем Владимир уже сам посылает послов в разные страны, чтобы «посмотреть» их религии, причем о евреях на этот раз и речи не идет. Мусульманское богослужение показалось послам смешным и нелепым («поклонився, сядеть и глядеть семо и овамо, яко бешен и несть веселя в них, но печаль и смрад велик»). Западное христианское — недостаточно красивым («красоты не видехом некоеже») [161, 74, 274].

Греческое же очень понравилось, и Владимир совершает выбор — *принимает православную веру*.

Последствия этого выбора для русской цивилизации (А. Тойнби, как известно, считал Россию самостоятельной цивилизацией!) оцениваются неоднозначно. По мнению С. Аверинцева, благодаря принятию восточного христианства русская культура «... преодолела локальную ограниченность и приобрела универсальные измерения», ибо «соприкоснулась с теми библейскими и эллинистическими истоками, которые являются общими для европейской семьи культур (и до известной степени роднят ее с культурами исламского круга)...» и «стала культурой в полном значении этого слова» [165, 52]. Именно через контакт с византийской культурой Русь подключилась к сокровищнице цивилизованного мира, отблеск которого виден на всем итальянском Возрождении (ведь в Византии сохранилась «золотая нить» античной цивилизации).

Несколько иную позицию занимает богослов Г. Флоровский, отмечающий безгласность и немоту древнерусской культуры: «Мысленная нераскрытость древнерусского духа есть следствие и выражение внутренних трудностей или «апорий». Это был полный кризис культуры, кризис византийской культуры в русском духе. В самый решительный момент русского национально-исторического самоопределения византийская традиция прервалась, византийское наследие было оставле-

но и полузабыто. В этом отречении «от грехов» завязка и существо московского кризиса культуры» [200, 2]. Это значит, что Древняя Русь не есть нечто единое — от Владимира Святого до Алексея Тишайшего, ибо она содержит в себе много миров.

Заслуживает внимания подход Д. Фурмана, согласно которому значение выбора Владимира настолько грандиозно, что «оценить его» до конца принципиально невозможно» [203, 93].

Принятие Владимиром восточного варианта христианства следующим образом повлияло на русскую историю».

Во-первых, православие способствовало возникновению мощного централизованного самодержавного государства — русские митрополиты, а затем и патриархи по византийскому образцу подчинились государям. Церковь создает идейные основания для самодержавия, прежде всего включающие идею четырех царств и трех Римов.

Во-вторых, православное духовенство, обремененное семьями и передающее свою профессию по наследству, не сдерживало злоупотреблений царской власти и не способствовало созданию в обществе атмосферы социальной защищенности различных сословий.

В-третьих, автокефальный характер православной русской церкви обусловил минимум контактов с иными православными нерусскими и иными церквями, что повлекло за собой определенную культурную замкнутость (сыграло свою роль и то, что богослужение велось на славянском языке, тогда как греческий и латинский языки открывали мир античной цивилизации и способствовали обмену информацией между различными частями мира).

В-четвертых, православие на Руси усилило свойственный Византии традиционализм, что привело к забвению школьного и университетского образования, духовной свободы в виде разномыслия. В итоге это обусловило тенденцию к отставанию от Запада в области науки и техники и связанному с этим экономическому и военному отставанию. Проблема самосохранения России и вызвала преобразования Петра Великого.

В-пятых, формальная духовная монополия православия и весьма слабые позиции в реальной духовной жизни общества породили атеистические идеологии. В конечном счете Октябрьская революция является историческим «отголоском» принятия Владимиром православия (речь идет о религиозном факторе, сыгравшем свою роль в судьбах нашего отечества) [203, 96-102].

Во всяком случае несомненно, что Владимир мог выбрать не обязательно православие. Существовала вероятность и иного выбора, например, западного варианта христианства или ислама. Соответственно Россия имела бы иную культуру и историю; понятно, что и мировая история при «участии католической (или мусульманской) России была бы другой» [203, 93].

Поэтому рассмотрим два несостоявшихся варианта развития нашего Отечества — Владимир в одном случае принимает католичество, во втором склоняется в пользу ислама.

Что же могло принести Руси принятие Владимиром западнохристианской веры? На истории нашей родины неминуемо сказались бы особенности католической церкви, чьи единство и ортодоксальность зримо воплощаются во власти римского папы как преемника апостола Петра, заместителя бога на Земле. Папа Лев IX пишет константинопольскому патриарху Михаилу Керулларию в 1054 г.: «Никто не может отрицать того, что как крючком управляется вся дверь, так Петром и его преемниками определяется порядок и устройство всей церкви... Петр и его преемники имеют право свободно произносить суд о всякой Церкви и никто отнюдь не должен возмущать или колебать их состояние, ибо верховная кафедра не судится ни от кого» [226, 295]. Это значит, что римская церковь представляет собою мощную централизованную систему, которая оказывает сильное влияние на власть светских правителей. А потому римско-католическая церковь выступает противовесом власти русского государя, не дает ему возможности подмять под себя духовную власть. В руках папы всегда находятся материальная сила других европейских владык, умеряющая аппетиты русского монарха — сначала князей, потом царей и, наконец, императоров.

В римской церкви существует в качестве нормы целибат¹ для всего духовенства. Не делается исключения и для русского католического клера. Русское целибатное духовенство образовало сословие, которое подчиняется папской власти и само охраняет свои привилегии и права. Ведь целибат, как известно, выключает духовенство из «мирских» жизненных связей, оно блюдет интересы церковной организации и пополняет свои кадры за счет способных людей из «низов». Материально русское католическое духовенство обеспечивается за счет положенной ему десятины и хозяйственной деятельности аббатств. Интересы русского духовенства защищают от поползновений со стороны государства различного рода монашеские и полумонашеские-полувоенные ордена; они делятся на централизованные, подчиненные непосредственно папе, и «специализированные» во главе с местными проповедниками [156]. Существенным является то, что гарантированность прав русского католического духовенства оказывает влияние на остальные сословия и поэтому русские государи не смогли создать системы всеобщего подчинения всех государству.

Во всех церквях богослужение ведется на латинском языке, на нем же переписывается Священное писание и другие религиозные тексты. Латинский язык выступает в качестве языка богословия и науки. Благодаря ему русское духовенство постоянно обменивается и культурными достижениями с другими европейскими странами, и обращается к источникам дохристианской античной мысли. Русскую землю постепенно покрывает сеть университетов, подобных западным, и практически синхронно развивается теологически-схоластическая мысль. В результате она выходит за пределы католической церковности — к протестантизму и за пределы христианства — к светской философии и науке нового времени.

Нет ничего удивительного в том, что сформированный таким образом «менталитет» способствовал интересу к науке, знаниям, что церковь и общество на всех этапах истории нашего отечества не жалели денег и средств на богословское и школьное образование. В каждом университете, в

¹ Целибат — обязательное безбрачие католического духовенства.

каждом русском городе имеются свои богословские и философские школы, где в условиях духовной раскованности ведутся споры между сторонниками различных течений и направлений. И это свидетельствует о духовной мощи римско-католической церкви, умеющей извлекать из этого вполне весомую выгоду и усиливать свою власть над умами людей. Само собой разумеется, что Россия не только находится на одном уровне с остальной просвещенной Европой в области науки и техники, но и кое в чем опережает ее, ибо многие таланты получили возможность проявить себя, раскрыть свой творческий потенциал.

Такая духовная атмосфера в русском обществе способствует усилению слоя интеллигенции. Она занимается производством и распространением знания, которое «тесно связано с производством и распространением власти» [242а, 45].

Функционирование социального слоя «клерков» неразрывно связано с образованием (богословским и светским), обучением письменности, математике и другим дисциплинам. Русские клерки начали в расширенном масштабе воспроизводить себя и непосредственно включаются в управление государством. Естественно, что народ уважал этих «клерков» или интеллигентов, занимающихся профессионально своим делом, их интересы в основном совпадали с интересами государства. Их деятельность динамизировала и одновременно стабилизировала русское общество, что в свою очередь обеспечивало его экономический и военный рост и могущество.

В России, подобно другим развивающимся европейским странам, возникает капитализм. В ней нашлись предприимчивые купцы, путешественники, фабриканты, сумевшие соединить воедино принципы крестьянской общины и творческую энергию отдельных индивидов. России удалось обогнать Англию, Голландию и Францию в колониальной экспансии — она создала цепь своих владений на американском континенте, в районе Тихого океана, Центральной Азии и пр. И ныне наше отечество самое процветающее в мире благодаря своему культурному, экономическому и научно-техническому потенциалу.

Теперь посмотрим другой возможный вариант развития русского общества в том случае, когда Влади-

мир выбрал ислам и обратил в него весь народ. И это было тоже весьма вероятно, так как еще за сто лет до этого на восточной границе страны утвердился ислам и Киевская Русь уже испытывала влияние блестящей не столько арабской, сколько персидской культуры. В связи с этим Н. Моисеев пишет: «Значит, через Византию и Персию мы тоже наследники древнего эллинского мировосприятия, которое, по-видимому, довольно хорошо было освоено жителями Киевской Руси» [142, 58]. Иными словами, *русские X столетия были уже подготовлены к восприятию ислама, который мог предопределить пути развития русской цивилизации.*

Ислам имеет свои особенности, отличающие его от других мировых религий — христианства и буддизма: он не просто религия, а образ жизни. Уникальность ислама представляет собой целостную культуру — право и государство, философия и искусство, религия и наука, обладающие своей неповторимостью. И хотя ислам исторически близок многим европейским культурным традициям, сравнительный анализ показывает наибольшую удаленность ислама от европейского стандарта и его определенное сходство с китайскими религиозно-доктринальными нормами. И все эти черты и свойства ислама были восприняты Киевской Русью, придав своеобразие русской цивилизации, и в значительной мере определив пути ее развития.

Прежде всего существенно то, что согласно Корану — священной книге ислама, власть и законы происходят от Аллаха. Следовательно, нет основания для оппозиции между религиозным и светским содержанием власти. [16, 139]. Поэтому Владимир после принятия ислама становится халифом — правителем правоверных русских, сосредоточившим в своих руках духовную и светскую власть. Русский халифат оказывается очень долговечным государственным образованием, ибо ислам соответствовал склонности к расширению связей русских и вообще славян. Они весьма мало похожи на тевтонских рыцарей, католических и лютеранских миссионеров в контактах с другими народностями. Ислам веротерпим к другим религиям и никого насильно не обращал в свою веру, что пригодились русским при освоении обширных тер-

риторий Сибири, Дальнего Востока, Аляски, Кавказа и Средней Азии.

Русский халифат сыграл немалую роль в мировой истории, особенно в истории Запада. Ведь католическому миру пришлось умерить свой воинственный пыл в борьбе с мусульманской цивилизацией. Прежде всего испанские феодалы не смогли осуществить Реконкисту, ибо за их спиной чувствовалась мощь русского халифата, чьи границы простирались до Эльбы на западе (отважные русские мусульмане сразу же пресекли попытки экспансии германских князей и императоров на западославянские земли) и доходили до берегов Балтики на северо-западе. Не удалось римским папам организовать серию крестовых походов против мусульманского Востока. К тому времени Византийская империя была поделена между арабским и русским халифатом, что усилило их экономический и военный потенциал. Благодаря русскому халифату, представлявшему собой мощное централизованное государство, войска Чингисхана не сумели прорваться за Волгу и были отброшены назад. В союзе с Османской империей русский халифат разгромил империю Габсбургов, положил конец притязаниям Франции и Англии на господство в Европе. Закономерный результат описанных процессов — ныне это громадное государство, раскинувшееся на трех континентах — Европы, Азии и Америки.

Русская культура впитала все достижения арабо-мусульманской цивилизации в области науки, медицины, архитектуры, поэзии и пр. Немаловажен культ знания, поддерживаемый авторитетом Мухаммеда, что сделало Россию лидером в мире науки и обеспечило ее экономический расцвет и неслыханный взлет культуры и авторитет в мире.

Следует констатировать, что и этот сценарий мировой истории вопреку судеб не реализовался.

Великое княжество Литовское и Русское стало интегрирующим центром русских земель

Исторически сложилось так, что именно Москва оказалась объединяющим центром русских земель, причем решающую роль в образовании русской державы сыграл Иван III — достойный потомок Ивана Калиты. Очень емкую характеристику деятельности этого московского государя дал отечественный историк А.А. Зимин: *«Время долгого правления Ивана III ознаменовалось событием всемирно-исторического значения. Перед глазами современников Русь, раздробленная ранее на множество земель и княжеств, предстала государством, объединенным под властью великого князя Ивана Васильевича, государственной мудрости и решительности которого современники единодушно отдавали дань уважения. Если в 1462 году Иван III наследовал княжество, размеры которого едва ли превышали 430 тыс. кв. км, то уже при вступлении на престол его внука Ивана IV в 1533 году государственная территория Руси возросла более чем в шесть раз, достигая 2800 тыс. кв. км с населением в несколько миллионов человек. Причем основные приобретения были сделаны именно в годы правления Ивана III. С могущественным Русским государством отныне должны были считаться крупнейшие европейские и ближневосточные страны»* [78, 59]. Завершающий этап процесса объединения русских земель пришелся на правление Василия III, названного «последним собирателем земли Русской».

Если всмотреться в разноцветную, похожую на лоскутное одеяло карту средневековой Руси, вчитаться в летопис-

ные рассказы о княжеских междоусобицах, то победа москвичей над тверичами, рязанцами, нижегородцами кажется проявлением закономерности, торжеством централизации над феодальной раздробленностью, единства над сепаратизмом. И такое традиционное представление прочно вошло в массовое сознание, хотя некоторые мыслители задумывались о другом, альтернативном пути развития русского государства. «И почему было Москве царством быть? И кто то знал, что Москве государством слыть», — дивился в XVII в. один из русских книжников. Вслед за ним на основе исследования хода образования централизованного государства в России А.И. Герцен подчеркивает, что московский абсолютизм не был единственной альтернативой развития России: «В XV и даже в начале XVI века развитие событий в России отличалось еще такой нерешительностью, что оставалось неясным, который из двух принципов, определяющих жизнь народную и жизнь политическую в стране, возьмет верх: князь или община...» [43, т. 7, 161]. Здесь А. Герцен имеет в виду соперничество Москвы и Новгорода, говорит о «полицентризме», присущем начальному этапу борьбы за восстановление единства страны, однако его мысль не выходит за рамки Северо-Восточной Руси.

Вслед за ним такой же подход, как правило, просматривается и в трудах специалистов по истории нашего отечества. Буквально в последнее время начинают обращать внимание на то, что *наряду с Москвой на роль собирателей русских земель претендовала ее соперница Литва (или Великое княжество Литовское и Русское)*, чья территория простиралась от Балтики до Черного моря [26]. Ведь на обломках Киевской Руси возникли и Московская Русь, и Великое княжество Литовское и Русское, сохранившие традиции древнерусской культуры, хотя первая впитала в себя культуры финских и тюркских племен, а вторая — культуру балтов. И одно, и другое государство стремились объединить под своей эгидой, выступить интегрирующим центром русских земель, однако пути их развития отличались друг от друга. «*Опыт Великого княжества Литовского и Русского показывает, —* отмечает С.В. Думин, *— что на восточнославянских землях было возможно создание не только ази-*

атской деспотии Ивана Грозного, но и достаточно эффективное функционирование демократических институтов многонационального государства, в течение длительного времени довольно успешно решавшего свои многочисленные проблемы» [85, 123].

Исследования генезиса самодержавия показывают, что здесь решающую роль сыграли *два фактора. Первый* состоит в том, что на северо-востоке Руси сложился особый *социальный слой* — посадники, имеющий невысокий социальный статус, оруженосцы, стражники и тиуны, которые были слугами, или холопами, своего господина — князя. В Западной Европе отношения подданства тоже существовали, но они не превратились в холопское подданство. *Второй фактор — это монгольское иго:* так как русские князья стали «служебниками» ханов, то они впитали в себя дух монгольской империи — абсолютное послушание подданных и неограниченную власть правителей. И если к этому добавить, что в ходе монгольского завоевания Руси была истреблена основная масса феодалов-землевладельцев, то монгольский дух в сочетании с зависимостью от князя слоя холопов-подданных и определил самодержавный, деспотический путь развития Московского государства [85, 41-42].

Существовала еще в конце XIV столетия и *демократическая альтернатива развития Руси (и России) — под эгидой Гедиминовичей,* которые в 1320 году разгромили татарские войска и изгнали их из Малороссии, где было восстановлено русское правление при сохранении прав и обычаев русского населения [110, 5-6]. По социальной структуре населения Великое княжество Литовское и Русское практически не отличалось от Северо-Восточной Руси, оно было преимущественно славянским. Поэтому *представим себе, что в 1381 году осуществился проект союза Москвы и Великого княжества Литовского и Русского,* который предусматривал крещение Ягайло в православие и женитьбу на одной из дочерей Дмитрия Донского.

И тогда процесс развития восточнославянских земель пошел по иному, чем это произошло в действительности, руслу.

Это событие стало поворотным в судьбах всей Восточной Европы, ибо возникшее государственное объединение

стало настолько мощным, что попытка Тохтамышпа заставить русские земли платить татарам подати кончилась его разгромом и окончательным освобождением от татаро-монгольского ига. Резко возрос международный авторитет нового московско-литовского княжества, сумевшего стать вольным и охватывающего огромные территории — помимо собственно Литвы сюда входили земли между Западной Двиной, Днепром и Припятью, а также Брянская, Северская, Киевская, Черниговская, Подольская и Московская земли. Ведь после смерти Дмитрия Донского власть полностью перешла к великому князю литовскому и русскому Якову Ольгердовичу (так он стал называться в соответствии с договором, с таким новым именем Ягайло значится в родословной литовских князей, составленной в XV в. в Твери).

Новый великий князь литовский и русский завершает процесс славянизации литовских земель, начавшийся столетием раньше. Феодальная знать Великого княжества Литовского, за исключением князей, состояла в основном из русских. В литовское законодательство вошло русское право, основанное на знаменитой «Русской Правде», русский язык в его западном варианте («русская мова») стал языком образованной части литовского общества. Литовские племена (жмудь, литва, латгалы, зимогола и др.) по своему языческому быту были родственны восточным славянам и нет ничего удивительного, что литовцы все чаще принимали православную веру и все больше попадали под влияние русской культуры [75, 193-194].

Существование такого рода предпосылок позволило Якову Ольгердовичу успешно завершить процесс славянизации литовских земель.

Этому сопутствовала и их христианизация по православному обряду. Великий князь утвердил православие столь же энергично, как он все привык делать. Здесь ему пришлось столкнуться с сопротивлением со стороны части литовской знати, которая стремилась занять привилегированное положение по отношению к знати русских земель. Но оно было преодолено, ибо в целом отношение литовской знати к православию было положительным — ранее ведь крестились не только Гедиминовичи, осевшие на русских землях, но и их

дружины. Возражение боярства жмуди не сыграло существенной роли при этом, так как жмудская земля, обескровленная набегами крестоносцев и в течение длительного времени ведущая борьбу с немецкими рыцарями, не могла оказывать серьезного влияния на государственные дела. Православие усилило поддержку Якова Ольгердовича на славянских землях Великого княжества Литовского и Русского, не говоря уже о Северо-Восточной Руси.

Славянское население составляло большую часть *Литовско-русского государства (так теперь стал называться литовско-московский союз, который расширился за счет присоединения к нему тверского, рязанского и нижегородского княжества благодаря гибкой и умелой политике заключения браков, проводимой Яковом Ольгердовичем и его преемниками), а русские отряды — значительную часть его вооруженных сил. Столицей нового государства стал город Вильно, представляющий собой русский город по основному составу населения.*

Внутреннее управление обеих частей нового государства, включающего в себя литовские и русские княжества и земли Северо-Восточной Руси, оставалось раздельным. И только со временем столицей ставится новый город, выстроенный на берегу Балтийского моря, чтобы установить более тесный контакт с Западной Европой.

Гедиминовичи ведут гибкую внешнюю политику — они расширяют территорию своего государства самыми различными способами, начиная с заключения браков между представителями правящих родов и кончая захватами новых земель. В конце XIV столетия русско-литовские войска совершили поход в Причерноморские степи и овладели низовьями Днепра. Одновременно с этим изгнанный из Золотой орды хану Тохтамышу правители литовско-русского княжества военной силой вернули потерянный им трон, получив союзника и установив мир на юго-востоке своих владений. Это позволило Гедиминовичам заключить союз с католической Польшей, чтобы остановить начавшееся вторжение на восточно-славянские земли войска тевтонского ордена.

В июле 1410 г. произошла решающая битва у Грюнвальда, где рыцарям-крестоносцам противостояли польские, ли-

товско-русские и татарские войска. Грюнвальдская победа положила конец агрессии тевтонского ордена на территории Польши и Литовско-русского государства.

Союзные польско-литовско-русско-татарские войска взяли ряд орденских замков, освободили захваченные рыцарями города (Гданьск, Торунь и др.). После подписания в 1411 г. мирного договора Польше и Литве-Руси возвращены все захваченные у них рыцарями земли и выплачена большая контрибуция. В начале XV века Литовско-русское государство на юге получило выход на южное побережье Черного моря — от устья Днепра до устья Днестра. Положение Литвы-Руси настолько окрепло и усилилось, ее территория так увеличилась, что великий князь принял титул короля, повысив таким образом статус державы.

Нужно заметить, что Литовско-русское королевство по сути представляло скорее федерацию отдельных земель. Власть в этих землях находилась в руках местных феодалов, в их внутренние дела король не очень-то вмешивался.

И тем не менее литовско-русское королевство, где официальным языком был русский язык, обладало достаточной крепостью и представляло собой целостное образование. Это было обусловлено следующими факторами. Правящие князья, а потом и короли из рода Гедиминовичей уничтожили удельные княжества, оставив земли в руках местных феодалов. Всем городам предоставлялось магдебургское право, в которое входило и право самоуправления. Во всяком случае несомненно одно: если вначале в одних городах действовали старинные традиционные нормы самоуправления, в других действовало магдебургское право, то с конца XV столетия магдебургское право распространяется, все города получили право на самоуправление по западно-европейскому образцу. Многие горожане особыми привилегиями были освобождены от работ, традиционно исполняемых в пользу государя. Горожане составляют довольно многочисленную и влиятельную группу населения, особенно в таких городах, как Вильно, Москва, Тверь, Рязань, Смоленск, Киев, Полоцк, Витебск. Литовско-русские города с сословными правами горожан и привилегиями их общин служили одной из опор централь-

ной королевской власти, ограничивая тем самым аппетиты местных феодалов.

Литовско-русское королевство цементировалось и православной церковью, которая находилась в подчинении королевской власти. В связи с падением Константинополя на Литве-Руси образуется собственная патриархия с центром (местонахождение патриарха) в Киеве, признанным по традиции столицей русского православия. Православная иерархия, имеющая в своем распоряжении немалые монастырские земли и множество богатых приходов, идеологически поддерживала короля. Находившиеся в руках литовско-русских королей духовные и светские силы воздействия цементировали громадное государство, которое продолжало расширять свои владения. Примером этого служит завоевание Сибири донским казачьим войском, возглавляемым Ермаком.

Остановимся также на положении боярства в королевстве Гедиминовичей. В это сословие входили все служившие государю лица благородного происхождения, а не высшая группа чинов великокняжеского двора, как это было раньше в Северо-Восточной Руси. Права боярства определялись обычаями, условиями пожалования земель, и хотя бояре участвовали в местном самоуправлении, не имелось их общегосударственного представительного органа. Иное дело, что представители всех сословий входили в состав Земского собора, на котором решались все важнейшие дела и выбирались короли в соответствии с установленным сводом законов. Это не позволяло Литовско-русскому государству превратиться в самодержавную деспотию азиатского типа.

Подавляющее население Литовско-русского королевства составляли крестьяне — «люди», «мужи», причем до конца XV века сохранились типичные для Киевской Руси даннические отношения между крестьянами и феодалами. В конце XVI в. свод законов Литовско-русского королевства закрепил принцип «земской давности», согласно которому проживший в имении десять лет свободный крестьянин превращается в крепостного, причем феодал сохранял право на розыск беглого лишь в течение десяти лет. Впоследствии в связи с включением королевства в хлебную торговлю с Западной Европой, начнется распространение барщины. Однако

на севере Литовско-русской державы, на Урале, в Сибири, на Волге и Дону крестьяне оставались свободными. Это позволило потом — в начале XVII столетия отменить крепостное право повсеместно и дать еще больший простор развитию общества.

Логика развития привела к тому, что Литовско-русское королевство превратилось в империю, в чем-то похожую на Священную Римскую империю. Польское королевство вошло в Литовско-русскую державу на правах автономного образования. В Литовско-русской империи с ее бесчисленным множеством народов и религий господствовал дух веротерпимости.

В силу интенсивных контактов Запада и Востока здесь сложилась уникальная культура, чьим ядром осталась самобытная восточно-славянская культура.

Как видно из изложенного, единство Руси могло осуществляться на основе политической программы Великого княжества Литовского и Русского, причем такой вариант развития не исключался в качестве альтернативы вплоть до XV столетия. По мнению С.В. Думина, такой путь *объединения Руси мог дать следующее:*

вместо самодержавия — сословное представительство и сохранение региональных особенностей в течение довольно длительного времени;

более раннее избавление от власти Орды;

восстановление связей с Западом, ибо выход к Балтике совершен за 300–400 лет до Петра Великого;

более интенсивное усвоение западноевропейской культуры при сохранении особенностей восточно-славянской цивилизации [85, 123–124].

Однако и эта линия в силу обстоятельств была прервана и верх одержала Московская Русь с ее самодержавием, с ее восточным деспотизмом.

Богдан Хмельницкий умер в 1668 году

Одной из интереснейших и значительнейших политических фигур эпохи феодализма является Богдан Хмельницкий, который сумел создать благоприятные условия для «завершения в основных чертах процесса формирования Украинской державы» [281, 485]. Вся его жизнь была посвящена задаче освобождения Украины-Руси: достаточно познакомиться с его биографией, чтобы убедиться в этом. В отличие от своих сверстников, готовившихся казаковать, Богдан не только научился ездить верхом, фехтовать и стрелять их мушкета, но и прошел курс обучения в киевской и галицийской школе иезуитов. В украинских летописях отмечается, что именно в иезуитской школе он овладел искусством не выдавать своих мыслей, угадывать чужие помыслы и привлекать на свою сторону других людей. Кроме своего родного языка он свободно говорил на польском, русском, турецком и латинском. В молодые годы Богдан прошел великолепную военную выучку, участвуя в морских походах и битвах запорожских казаков, достиг звания писаря Запорожского войска, побывал в турецком плену и обратил на себя внимание польского короля Владислава. Его дипломатические и политические способности король хотел использовать для уничтожения старой польской конституции, ненавистной для монарха и погубительной для всего народа. В проницательности Владиславу не откажешь — весь ход освободительной войны украинского народа против Польского государства показал панорамный характер мышления и весьма гибкую политику Богдана Хмельницкого.

О цели всей своей жизни Богдан Хмельницкий четко высказался перед смертью 6 августа 1657 года на большом совете Запорожского войска: «Братья, время и болезнь торопят меня. Не буду повторять вам того, что хорошо знаете, — беды и несчастья, которые вытерпел русский народ под польской шляхтой, и страдания нашей православной церкви, преследуемой папистами. Господь наконец простер над нами свою защитную руку, как он сделал когда-то с израильянами в Египте. Мы снова воздвигли наши алтари и скинули позорное ярмо, но сколько это стоило нам крови — сами прекрасно знаете. Целых десять лет я посвятил служению отчизне, не жалея ни здоровья, ни жизни своей. Волею всемогущего Бога болезнь и старость свалили меня. Теперь я беспомощный, умираю и оставляю вас, мои братья, вашей судьбе. Благодарю вас всех, дорогие братья, за ту честь, которую вы мне оказали, выбрав своим гетманом, за вашу верность и послушность. Благодарю за ваше мужество в тридцати четырех битвах с поляками, венграми, волохами и татарами, а еще благодарю особенно за согласие и братский союз, которые поддерживали нас в трудные дни... Жалею, братья, что не мог закончить все войны так, как этого бы мне хотелось. Тешил себя надеждой, что навсегда обеспечу вам свободу и независимость, освобожу все русские земли. Господь распорядился иначе. Я не мог до конца осуществить свой замысел и умираю, обеспокоенный вашим будущим. Не знаю, что будет после моей смерти, но прошу вас, пока еще жив, свободно выберите себе гетмана. Зная ваш выбор, умру со спокойным сердцем» [282, 297-298]. Таким образом, центральный момент политики Богдана Хмельницкого — достижения Украиной полной самостоятельности — не был осуществлен из-за его смерти.

И хотя умирающий гетман предлагал в качестве кандидатуры своего преемника нескольких опытных полковников, и в первую очередь Выговского, являющегося сотворцом его политики государственного строительства Украины, присутствовавшие уговорили его остановить свой выбор на сыне — Юрии Хмельницком (он был молод, всего 16 лет, и неопытен). Но «до булавы, по малороссийской пословице, треба головы», тогда как Юрий обладал головой без здравого смыс-

да и политического таланта. «Тому гетманике прилично бы гуси пасть, — выразился Б.П. Шереметев, — а не гетмановать» [283, 11, 13].

Действительно, это был «от природы евнух, Юрась небожчик», злой нравом, ограниченный умом, слабый телом юноша. Вполне естественно, что в его окружении сразу же появились честолюбцы, которые преследовали свои личные интересы; все это привело к раздорам, смутам и междоусобицам. Не случайно Украину того времени характеризуют как «ярмарку самолюбий», а ее властных лиц называют «самопожирателями драконами». Один из польских наблюдателей, современник происходивших тогда событий, назвал Украину «страной страшного вавилонского столпотворения» [284, 190]. Сам народ эпоху после Богдана Хмельницкого назвал весьма метко «руиной» — самое тяжелое время, когда Малороссия от Польши отстала, а к Москве еще не совсем пристала.

Известный исследователь Д. Яворницкий выделяет следующие причины смутного времени, приведшего к исчезновению украинской государственности:

во-первых, раздоры шли от «властных» или «значных» лиц и высших духовных особ, тяготевших к Польше, тогда как народная масса тяготела к России;

во-вторых, обострилась борьба между простыми, рядовыми украинцами и казаками, а также между знатными казаками и казацкой чернью;

в-третьих, Москва начала уничтожать все административные и судебные учреждения Украины, подчиняя при этом украинскую церковь московскому патриарху [285, 191-192]. В результате Украина оказалась разделенной на западную и восточную половины, а главное — теряла свою независимость и надолго вошла в состав Российской империи.

Таковы последствия несвоевременной кончины Богдана Хмельницкого, который мог бы еще прожить немало времени, что позволило бы ему осуществить свою государственную программу.

Относительно смерти гетмана в литературе имеется несколько версий.

Согласно первой версии, основанной на данных шведского посла, именно известие о том, что казаки оставили своих

союзников (трансильванцев во главе с Дьердем II Ракоци) вызвало у Богдана Хмельницкого «удар», вследствие которого он, пролежав пять дней, на шестой умер [286, 483].

Вторая версия исходит из того, что у гетмана случилось кровоизлияние в мозг, однако оно было вызвано отнюдь не плохими вестями, а тем, что он «в то время уже и без того находился на смертном одре» [287, 483].

Третья версия выдвигается П. Мериме, а именно: болезнь прогрессировала в силу многочисленных изнурительных военных походов, различного рода треволений и колоссального утомления от управления войсками. Все эти вместе взятые факторы могли бы подточить и самый «мощный организм» [288, 297].

Г. Кониский в своей «Истории русов или Малой России» приводит четвертую версию, согласно которой один знатный поляк, сватавшийся к дочери гетмана и скрывшийся потом, сумел преподнести Богдану Хмельницкому яд длительного действия [289, 142]. В пользу последней версии имеются косвенные доводы, хотя их и ставят под сомнение. Первый из этих доводов излагается в Черниговской летописи (его приводят Г. Кониский, В. Смолый а также В. Степанков) — не случайно турки и поляки через семь лет после смерти Богдана Хмельницкого напали на Субботов, разорили его до основания, а кости гетмана и его старшего сына Тимоша вытащили из гробов и сожгли вместе с тамошним монастырем и церковью. В пользу такого предположения служит и то, что в 1970-1972 годах экспедиция Института археологии АН УССР проводила архитектурно-археологическое обследование Иллинской церкви в Субботове, однако результаты его не позволили пролить свет на местонахождение праха Богдана Хмельницкого [90, 484]. Во всяком случае не исключено, что гетман был отравлен долгодействующим ядом, поскольку это вполне в духе польских иезуитов, стремившихся повернуть колесо истории вспять и снова подчинить Украину Польше.

Примем в качестве посылки последнюю версию и предположим, что Богдан Хмельницкий не скончался в 1657 году, что он прожил еще свыше десяти лет. Интересно мысленно спроецировать возможный путь развития Украинского го-

сударства, в этом случае альтернативный действительному ходу событий.

Прежде всего следует отметить, что Хмельницкий как реалистически мыслящий и дальновидный политик понимал, что «освобождение Украины собственными силами или при помощи такого ненадежного и вероломного союзника, каким оказался крымский хан, невозможно, и потому он обратился к московскому царю с настойчивыми просьбами принять войско запорожское и всю Украину Малороссийскую под высокую царскую руку (угрожая в противном случае поддаться турецкому султану)» [291, 175]. Такой вывод вытекает из источников, свидетельствующих о желании основной массы населения казацкой Украины находиться под покровительством России, чтоб иметь возможность мирно жить и заниматься своими делами.

Существенное значение имеет статус Украины в составе России, которого добился Богдан Хмельницкий в результате состоявшейся Переяславской рады и который был подтвержден царской жалованной грамотой. В соответствии с этим правовым статусом:

— сохранялась республиканская форма государственного устройства казацкой Украины (М. Грушевский считал, что на момент Переяславской рады Украина фактически была самостоятельной державой);

— неизменной должна была остаться исторически сложившаяся в ходе формирования национального государства административно-судебная система;

— сохраняются существующая социальная структура и социально-экономические отношения;

— гетман обладает всей полнотой власти и имеет право внешних сношений, и только с польским королем и турецким султаном не мог вступить в переговоры «без указа царского Величества»;

— украинское православное духовенство получило все права, «данные издавна князьями и королями»;

— сохранились права польского шляхетства, пребывающего на Украине [292, т. I, с. 120].

Со своей стороны Богдан Хмельницкий обязался выплачивать казне России соответствующую сумму денег. Анализ

соглашений, заключенных Россией и Украиной, позволяет В. Смоллю и В. Степанкову сделать следующий вывод: «Таким образом, приняв в свое подданство гетмана и Запорожское Войско, российское правительство пошло на признание за казацкую Украину существующего в ее границах политического устройства, правовой системы, административного деления, армии, независимости в проведении внутренней социально-экономической политики. Единственной сферой, где ограничивался суверенитет украинского правительства, была внешняя политика. Такой статус Украинской державы в составе России дает основания для суждения, что, согласно с Переяславским актом и последовавшими затем «пожалованиями» царя, в основу объединения (по тогдашней терминологии — «Великой и Малой России») были положены принципы не столько автономии или протектората, сколько конфедерации» [293, 364-365].

Касаясь перспективы развития Украинской державы в составе России необходимо отметить столкновение интересов российской монархии, эволюционировавшей в сторону абсолютизма (в сторону империи), и Украинской республики, где существовали демократические институты, отсутствовали слой крупных феодалов, крепостничество, панщинная система хозяйствования, где основная масса сельского населения имела личную свободу, владея к тому же землей, а в городах господствовало магдебургское право, т.е. городское самоуправление. Рано или поздно Украинская республика должна была эволюционировать в сторону монархии, должна была определенным образом трансформироваться. Это и предвидел Богдан Хмельницкий, когда заложил в Переяславский акт, подтвержденный царем, традиционные принципы избрания гетмана с возможностью установления наследственного гетманата.

В области внутренней политики Богдан Хмельницкий проводил линию на сохранение социального равновесия: «втягивал в строительство государства народные массы, но не позволял им анархических выступлений, покровительствовал казацкой старшине, но тормозил ее панские устремления» [294, 189]. После 1657 года гетман продолжал эту ли-

нию, справедливо считая, что государственная организация должна опираться не только на казацкую старшину и шляхту, но и на «чернь». И это принесло свои плоды — таким образом не был допущен социальный взрыв, вылившийся в грозное крестьянское движение. А это значит, что уцелели от возможной кровавой бойни десятки, а то и сотни тысяч человек. К тому же татары не получили новых рабов, чтобы обогатиться за счет украинского народа.

Богдан Хмельницкий внимательно относился к социальным низам и выискивал среди них таланты, могущие превратиться в профессиональных администраторов, военных, дипломатов и пр. Ведь еще такой заклятый враг Украины, как Н. Потоцкий, писал в минуты откровенности королеве: «Разве у них один Хмельницкий? Тысячами их считать следовало бы! Одного сегодня казнят — на его место другого, более делового и разумного выберут, и то такого, чтобы об их делах заботился!» [295, 186]. Постоянно старый и умный гетман заботился о поддержании единства в правящей элите, ибо в противном случае может погибнуть с таким трудом выпестованная Украинская держава. Ведь в его ближайшем окружении фактически существовало три течения, ориентированных на Турцию, Польшу и Россию.

Сторонники объединения с Османской империей (это молодые чиновники и казаки) считали, что оно принесет большие выгоды Украине: «У них воинский народ в нарочитом уважении и почтении, и для поселян нет у них ни аренд жидовских, ни великих налогов и индуктов, каковы в Польше; а что всего важнее, то нет у них крепостных и продажных людей или крестьянства, как в Московщине тое водится, и сие все видно и вероятно в соседних княжествах Молдавском и Волошском, которое нам служить могут примером» [296, 118]. Богдан Хмельницкий вместе со старыми чиновниками и умудренными жизнью казаками приводили аргументы против турецкого протектората. Во-первых, говорили они, отступление от своей, христианской веры смертельно и позорно, ибо нарушаются нравственные основы народной жизни; во-вторых, неверные потребуют участия в войне с единоверной нам Московией, чтобы уничтожить близкий нам народ; в-третьих, принятие магометанской веры

приведет украинцев в состояние неволи, подобной татарской, результаты коей уже известны. Таким образом, показывались невыгоды турецкого протектората, сулящего рабство украинскому народу и ведущего в конечном счете к уничтожению украинской государственности.

Некоторая часть правящей элиты смотрела в сторону Польши в силу своего шляхетского воспитания, считая, что автономной Украине лучше всего будет находиться в составе сословной монархии, где король слаб, а магнаты сильны. Среди нее доминировали представления о том, что правящая верхушка должна выделиться в отдельный класс, который и должен сосредоточить в своих руках крупные земельные владения и подчинить себе крестьян и мелких казаков. Казацкая старшина впитывает в себя польские шляхетские элементы, еще довольно сильные, особенно на западных землях; все это нужно для того, чтобы шляхта вместе с элитарной старшиной могла образовать элитарную группу, служащую основой государства.

Богдан Хмельницкий нейтрализовал устремления сторонников возврата в лоно Польши, указывая на возможность целого ряда социальных взрывов, которые дочиства могут уничтожить всю правящую элиту и привести к поглощению Украины ее соседями. Насколько прозорлив был старый гетман — ведь в конце концов Польша и была разделена между своими соперниками!

Богдану Хмельницкому в укреплении Украинской державы помогал накопленный опыт в ходе освободительной борьбы с Польшей. К тому же его весьма гибкая социально-экономическая политика помогла объединить усилия разных классов, сословий и групп украинского общества для достижения подлинной национальной независимости, смягчить остроту социальных противоречий, не дать им превратиться в гражданскую разрушительную войну. Он сумел, несмотря на свое шляхетское происхождение, подняться над узкогрупповыми, эгоистическими интересами и действовать во имя общенациональных интересов. Вся внутренняя социально-экономическая политика старого гетмана после Переяславской рады на протяжении почти полутора десятков лет была направлена на создание бла-

гоприятных условий «для эволюции казацкого хозяйства в хозяйство фермерского типа» [297, 486]. Иными словами, поддерживалась тенденция к утверждению на Украине по сути буржуазной собственности.

Богдан Хмельницкий не только обладал даром настоящего государственного деятеля, сумевшего объединить все классы и слои общества для единой цели, — но и талантом искусного дипломата, который нашел верный путь в международных отношениях. Ему помогали его соратники, понимающие значение державы и готовые защищать ее существование. Они с недоверием относились и к Польше, и к России, однако наученные опытом, не выражали в категорической форме свои намерения и предпочитали в большинстве случаев лавировать. Один из современников писал: «У них наивысшая державная задача — это не быть ни под королем, ни под царем; стараются достигнуть этого, сталкивая и пугая короля царем, царя королем» [298, 194]. Старый гетман стремился осуществить свою мечту — создать сильное и независимое Русское княжество, поэтому с достоинством держался на переговорах с Польшей, Турцией, Крымом и Россией. Вместе с Выговским и другими саратниками он заботился о том, чтобы завершить государственную организацию и упорядочить ее в различных сферах (администрации, армии, дипломатии, церковной иерархии). Богдан Хмельницкий отдавал себе отчет в том, что внутренняя стабильность и порядок дают возможность эффективно действовать на международной арене, что, в свою очередь, способствует укреплению независимости Украинского государства.

Вполне понятно, что в зарубежной политике старый гетман основное внимание уделял сохранению дружественных связей с соседними державами. Он и его окружение исходили из того, что складывающаяся среди стран Восточной Европы система равновесия сможет обеспечить Украине независимость. Достаточно вспомнить действия крымского хана, который в зависимости от политической ситуации поддерживал то Польшу, то Богдана Хмельницкого, чтобы не дать одной стороне значительно усилиться за счет другой. С учетом тактики этого ближайшего соседа и была предпринята целая серия дипломатических акций.

Так, в октябре 1657 года заключен союз со Швецией, подготовленный еще раньше Богданом Хмельницким. Этот союз носил оборонный характер: обе стороны обязывались помогать друг другу в случае нападения какого-либо государства, обмениваться информацией о планах врагов и заключать мир только на основе тесной координации совместных действий. Затем украинцы выдвинули следующие требования: Швеция признает Украину независимым государством и защищает его свободу; Украинская держава также получает согласие на расширение своих границ до Вислы и через Белоруссию до Березины и вплоть до Пруссии; обе страны имеют право свободной торговли через Пруссию; Украина получает возможность нанимать войско и офицеров в шведских провинциях, приглашать ремесленников и механиков, приобретать оружие и амуницию.

Наряду с этим Богдан Хмельницкий восстанавливает союз с Крымом, который был разорван из-за перехода Украины под скипетр российского царя. Начаты также переговоры с Польшей, постепенно приходившей в себя после шведского нападения и не оставившей своих намерений со временем вернуть себе Украину. На первое время обе стороны удовлетворились установлением нейтральной зоны, охватывавшей земли между Случем и Горыньню [299, 188].

Богдан Хмельницкий стал неспешно осуществлять свои планы, состоявшие в следующем:

- смягчить политическое давление России;
- отобрать у Польши те западноукраинские земли, которые еще не вошли в состав Украинского государства;
- сделать безопасным для Украины татарский Крым;
- добиться международного признания своих династических намерений: присоединить к титулу гетмана титул суверенного князя и обеспечить наследственный характер верховной власти в новом Украинском государстве [300, т. 2, с. 43]. Чтобы осуществить эти планы, гетман со всей энергией приступил к созданию коалиции из ряда государств — Швеции, Семиграда, Бранденбурга, Украины, России, Молдавии, Валахии и Литвы, направленной против Польши и Крыма. Правда, царь Алексей вел войну со Швецией, однако она кончилась для него неудачно и затем было заключено пере-

мирие, а в 1661 году подписан (в Кардисе) договор о «вечном мире» на условиях «статус кво».

Эти дипломатические акции усилили позиции Украины на международной арене, поэтому позволили Богдану Хмельницкому в отношении с Россией проводить политику союза равных. Когда московский посол попытался обосновать концепцию, что Украина — это «ветвь, сломанная от естественного корня Великороссии», то Выговский как правая рука гетмана ответил: «Пусть Великороссия будет Великороссией, Украина Украиной — мы являемся непобедимым войском» [301, 189]. Гетман своей политикой в отношениях с Россией добился того, что Москва не очень-то вмешивалась во внутренние дела Украины (войсковые, финансовые, экономические и пр.), а царские воеводы в украинских городах не вмешивались в гражданские дела. Более того, ему удалось добиться, чтобы правительство России признало гетмана единственным представителем Украинского государства, т. е. все дела шли только через него и только от его имени. В итоге Москва не стала проводить в отношении Украины более жесткого курса. Напротив, она сумела оценить все выгоды от тесного сотрудничества с правительством Богдана Хмельницкого.

Славный сын украинского народа, Богдан Хмельницкий представлял собою полководца европейского масштаба — им была создана одна из наисильнейших армий в тогдашней Европе, хорошо вооруженная и весьма действенная на поле боя [302, 486]. Именно эта армия пришла на помощь Москве, возобновившей войну с Польшей. Сработала и упомянутая выше коалиция. В результате Польша вынуждена была пойти на значительные уступки России и Украине — Россия удержала за собой все завоеванные ранее земли, в том числе и в Белоруссии. Украина присоединила к себе западно-украинские земли. За прошедшее десятилетие Богдану Хмельницкому удалось осуществить свою мечту — воссоединить под гетманской булавой все земли Украины в границах независимой державы. Столицей стал древний Киев, который в глазах тогдашнего украинца напоминал времена могущественной Киевской Руси. Киев с митрополитством и академией стал центром религиозной и культурной жизни. С развити-

ем политического самосознания украинского народа он стал также символом государственного единства: «за кем Киев, за тем и вся Украина».

Исполнив свою заветную мечту — создать сильную и независимую державу, Богдан Хмельницкий спокойно умирает, передав власть сыну Юрию.

Однако тот не смог продолжить политику своего гениального отца в условиях сложной и противоречивой эпохи, когда переплелись старые и новые порядки, когда еще господствовало средневековое мировоззрение. К тому же Османская империя не оставляла своих планов относительно завоевания Украины. Такого рода угроза заставила теснее сплотиться Украину с Россией, что резко ослабило опасность со стороны Турции, но одновременно усилило влияние Москвы. Со временем началась эволюция Украины в направлении монархии. Возникновение Российской империи усилило данную тенденцию. Тем не менее деятельность Богдана Хмельницкого не пропала даром: на Украине не прижилось крепостное право (кстати, его не было и на Севере России и в Сибири). А так как в эпоху Екатерины Великой был завоеван Крым, часть Польши и Новороссия, то собственно Украина оказалась чуть ли не вся в окружении губерний Российской империи, кроме запада.

Не составляет труда представить, что развитая Украина оказала сильное влияние на эволюцию России. Так, еще Александром I была проведена отмена крепостного права, что способствовало быстрому подъему России, которая стала одной из самых богатых и мощных стран мира.

Таков один из неосуществленных сценариев мировой цивилизации, который мог бы существенно изменить ход европейской истории, а тем самым оказать влияние и на процессы всемирного характера.

В действительности же после смерти Богдана Хмельницкого в 1657 году на Украине началась знаменитая «руина», принесшая столько бедствий украинскому народу. Этот урок истории свидетельствует о том, что только в единстве украинский и русский (и белорусский) народы могут обеспечить себе достойное и безопасное существование. Именно этого и не следует забывать современным политикам!

Заговор полковника Цыклера удался — Петр Первый убит

Актуальной является проблема альтернативных путей развития России, связанных с петровскими преобразованиями. Именно эпоха этих реформ задает систему отсчета для понимания возможностей альтернативных путей развития нашего отечества, тем более, что в исследовательской литературе существует неоднозначная оценка деяний Петра Великого. Одни считают, что «реформа Петра навсегда покончила с внешними формами старой московской государственности, но в то же время довела до наивысшего развития те самые принципы, которые лежали в основе предшествующего государственного строя» [25, 469], что реформа позволила перейти «из одного возраста в другой, из древней истории в новую» [180, 17], что реформа своей целью имела «...поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе, поднять труд народа до уровня проявленных им сил» [103, т. IV, 202], что реформа дала России возможность сократить свою отсталость от передовых стран Западной Европы [27, 184-185].

Другие настаивают на том, что реформа Петра Великого явилась роковой для России. Наиболее ярко такая точка зрения проводится О. Шпенглером во втором томе его незабываемого «Заката Европы». Исходя из понятия «исторической псевдоморфозы» (когда чужая старая культура душист и не дает развиваться молодой культуре того или иного народа), он распространяет его на всю императорскую Россию. В связи с этим приведем довольно большой фрагмент из его работы, чтобы не исказить мысли автора: *«Вторая псевдоморфоза лежит сегодня перед нашими глазами:*

петровская Россия. Русская героическая сага былинного типа достигает своей вершины в киевском круге сказаний о князе Владимире с его рыцарями Круглого Стола и о народном богатыре Илье Муромце. Все несоизмеримое различие между русской и фаустовской душой уже отделяет эти былины от «современных» им сказаний времен переселения народов, об Артуре, об Эмнарихе и Нибелунгах в форме поэм о Гильдебранде и о Вальтери. Русская эпоха Меровингов начинается со свержения татарского владычества и длится через времена последних Рюриковичей и первых Романовых до Петра Великого. Я рекомендую любому прочесть франкскую историю Григория Турского (до 591) и параллельно соответствующие разделы у старомодного Карамзина, в первую очередь касательно Ивана Грозного, Бориса Годунова и Шуйского. Большого сходства невозможно вообразить. За этой московской эпохой великих боярских родов и патриархов следует с основанием Петербурга (1703) псевдоморфоза, которая принудила примитивную русскую душу выражать себя сначала в чуждых формах позднего барокко, затем в формах Просвещения и позднее в формах XIX в. Петр Великий стал для русской сущности роковой фигурой. Невольно думаешь о его «современнике» Карле Великом, который планомерно и с приложением всех своих сил добивался того, что только что предотвратил своей победой Карл Мартелл: господства мавританско-византийского духа. Существовала возможность управлять русским миром по типу Каролингов или по типу Селевкидов, т. е. в старорусском или в «западническом» духе, и Романовы решились на второе. Селевкиды хотели видеть вокруг себя эллинов, не арамейцев... Народ, назначением которого было — в течение поколений жить вне истории, был искусственно принужден к неподлинной истории, дух которой для исконной русской сущности был просто-напросто непонятен» [167, 29–30].

Во всяком случае несомненно то, что преобразования Петра Великого имеют противоречивые последствия, и больше отрицательных.

Так, уничтожив одним росчерком пера тысячелетний институт холопства, он способствовал усилению начавшегося еще в Московском государстве процесса «вторичного закрепощения». Данный процесс в Восточной Европе был инициирован западно-европейским торговым капитализмом. По мнению Ф. Броделя, «вторичное закрепощение», было оборотной стороной торгового капитализма, который в положении на Востоке Европы находил свою выгоду, а для некоторой своей части — и самый смысл существования» [23, 264]. Чем обернулось это «вторичное закрепощение» уже известно — сильными социальными потрясениями, последствия которых ощущаются до сих пор.

Но еще более негативные последствия на историю нашего отечества, на его судьбу оказала созданная Петром Великим военно-бюрократическая система с ее жесткой иерархией. Эта командно-административная система затормозила развитие России, подавила колоссальные творческие потенции нашего народа, не позволила нашему отечеству стать одной из самых процветающих и цивилизованных стран. Ведь функционирование этой мощнейшей машины сформировало в массовом сознании представление о всемогуществе государства в решении всех проблем, начиная со снабжения народа хлебом и кончая исправлением нравов. Неудивительно стремление государства к всеобъемлющей регламентации и бесцеремонному вмешательству во все сферы общественной и частной жизни. Более того, ряд принципов и стереотипов политического мышления, выработанных в эпоху петровских реформ, до сих пор незримо присутствует в нашем мышлении и поведении.

Представляет интерес отследить несостоявшуюся ситуацию, когда петровские реформы не были осуществлены в результате одного из заговоров, направленных против царя.

Действительно, из истории известно, что в феврале 1697 года был раскрыт заговор полковника Цыклера, к которому были причастны чиновные и родовые лица, среди них окольничий А. Соковнин, боярин М. Пушкин, их родственники. «Цыклер, иноземный карьерист, начал службу в России в 1671 г., — пишут И. Заичкин и И. Почкаев, — принимал активное участие в восстании стрельцов в мае 1682 г. на

стороне Софьи. В 1689 г. вовремя перебежал в лагерь Петра, после чего был полковником стрелецкого полка. Затем получил чин думного дворянина и был назначен в Верхорутье на должность воеводы. После возвращения Цыклера в Москву Петр направил его в Азов и на строительство морской гавани в Таганроге (государь, по-видимому, еще помнил о связях полковника с Милославскими и не доверял ему). Относительно медленное продвижение по службе вызывало у Цыклера обострение его прежней неприязни к Петру, которую активно подогревали его сообщники — родственники по линии жены. Было решено убить Петра [75, 547].

Предположим, что заговор полковника Цыклера удался — Петр Первый был в удобный момент убит заговорщиками. *Как же после этого происходит развитие России — последовал ли полный возврат к старому или нет?*

Логика исторических преобразований позволяет сделать вывод, что и в этом случае преобразования продолжались, но не в столь стремительном темпе, когда Россию нужно было вздергивать на дыбу, и не жесткими волевыми методами, беспощадно ломавшими привычный уклад жизни, а путем использования иных, более мягких форм и в замедленном темпе. В результате в России бы сложились все предпосылки для естественной эволюции от феодального строя к обществу нового времени.

Необходимо учитывать влияние окружения государя на ход социально-экономических и культурных процессов, идущих в стране.

Известно, что уже в придворной среде Алексея Тишайшего ярко проявляется феномен «встречи» господствовавшего дотоле восточного, византийского и постепенно проникавшего западного влияния. В.А. Ключевский показывает, что византийское (греческое) влияние было привнесено и проводилось в жизнь церковью, оно проникло во все поры общества, придавая ему духовную ценность и влияя на религиозно-нравственную атмосферу, тогда как западное влияние поддерживалось главным образом государством, оказывая воздействие на государственный порядок, общественный уклад жизни и изменяя костюмы, нравы, привычки, но не захватывая всего общества [103., т. III, 244-245].

Носителем византийского влияния выступают родовые бояре. сторонниками западного являются в основном пробившиеся в верхний правящий слой дворяне типа А. Ордина-Нащокина, который был широко образованным человеком, знающим математику, латинский, немецкий и польский языки. Он и А. Матвеев были ревностными поклонниками Западной Европы и жесткими критиками общественных порядков жизни. Ими отстаивалась идея во всем брать образец с Запада, все делать «с примера сторонних, чужих земель» [102, 280]. Справедливости ради следует отметить, что тот же А. Ордин-Нашекин был одним из немногих западников, считавших необходимым сочетать общеевропейскую культуру с национальной самобытностью.

Так как в первой половине XVII — начале XVIII в. Русь «строгалась с Востока на Запад» (С. Соловьев), то сформировался слой новых людей, без которых невозможны были преобразования нашего отечества. «Эти люди, — подчеркивает С. Соловьев, — тоже обратились за наукой на Запад, учились сами и учили детей своих иностранным языкам, выписывали учителей, были охотники послушать вирши, пробовали сами писать; любили потолковать со знающим человеком... например, побеседовав с ученым человеком, они любили выпить и напоить собеседника; книжка ученая или забавная хотя бы даже на польском или латинском языке — желанный гость на их письменном столе; в комнате у них книжные полки, и на них стоят читаемые книги; эти люди были не прочь поехать и за границу полечиться на водах, посмотреть заморские диковины, закупить разных хороших вещей для украшения своих домов... Одним словом, они были никак не прочь от сближения с Западом, от пользования плодами его цивилизации; но надобно было при этом сохранить приличное сану достоинство и спокойствие...» [105, 543]. Именно образованные люди понимали необходимость реформ в России, превращение ее в сильное государство путем преобразования армии, разработки естественных богатств, развития промышленности и торговли. Иными словами, имелся социальный слой, шедший навстречу реформам, но «только иным путем» [105, 544], а не бурной петровской дорогой.

Эти люди стали у кормила власти после устранения Петра Первого с политической арены, и они же воспитали в своем духе царевича Алексея.

Прежде всего был продолжен процесс преобразования армии, начавшийся при Михаиле Федоровиче и выразившийся в создании солдатских, рейтарских и драгунских полков вместо стрельцов, городских казаков и дворянского ополчения. На основе нового порядка комплектования этих полков, когда каждые 20-25 крестьянских и посадских дворов давали одного человека для пожизненной службы (причем его экипировали и платили жалованье из казны), была создана национальная регулярная армия. Она не только защищала территорию России от внешнего врага, но и обеспечивала становление абсолютизма, который является необходимым этапом перехода от феодального, средневекового общества к обществу нового времени.

Новое правительство поощряло деятельность купечества, занимавшегося не только торговлей, но и промышленностью. Начал формироваться всероссийский рынок. Дальновидные правители понимали, какие негативные последствия вызовет открытие русского рынка для Западной Европы, стремящейся проникнуть в русский мир-экономику, чтобы ориентировать его на удовлетворение потребностей и нужд европейского капитала и извлекать из него выгоду. В основу отношения к Европе была положена памятная записка, требовавшая значительно ограничить вторжение западного капитала в Россию по примеру Индии и Китая: «Сии нации ведут громадную торговлю с португальцами, англичанами, французами, каковые там закупают все их изделия и много сырья. Но ни индийцы, ни китайцы не покупают ни малейших товаров Европы, ежели это не часы, не скобяной товар и кое-какое оружие. Так что европейцы вынуждены покупать за серебро, по методе, коей сии нации следовали с того времени, как они известны истории» [22, 477].

Принятые меры прекрасно защитили внутренний рынок России, развитие ремесел, мануфактуры и торговли, существовавшие в XVII веке. Они стимулировали развитие промышленности в XVIII столетии, когда совершалась промышленная «предреволюция». При помощи государства создава-

лись горные предприятия, плавильни, арсеналы, новые бархатные и шелковые мануфактуры, стекольные заводы на всей территории громадного государства.

Для того, чтобы развивались промышленность и торговля, были созданы специальные, по шведскому образцу, государственные учреждения, которые должны были оказывать помощь и поддержку отечественным предпринимателям. Однако здесь имелись свои специфические черты, обусловленные масштабом страны, необыкновенной интенсивностью промышленного строительства, поддерживаемого государственным и финансовым путем, а также существованием казенных заказов. Владельцы заводов и фабрик благодаря государственным заказам (они составляли около одной трети объема производства) получали определенную долю гарантированной прибыли; остальные две трети нужно было зарабатывать на рынке. Это и возвысило значение конкуренции как вечного движителя предпринимательства, открывало широкие перспективы технического совершенствования.

Проводимая государством политика не только динамизировала развитие русской промышленности, но и стимулировала вместе с тем развитие науки и техники, что требовало создания разветвленной системы университетов, технических высших и средних учебных заведений. Поэтому в Москве, Киеве, Туле, Воронеже, Иркутске и других российских городах возникают университеты. В них приглашаются европейские специалисты для преподавания различных дисциплин и подготовки научных кадров из россиян. Наиболее способные студенты посылаются в прославленные западноевропейские университеты. В итоге страна получила нужное число специалистов, работающих в сфере промышленности и обеспечивающих не только эксплуатацию оборудования, но и разрабатывающих новые станки и приборы, способствующих подъему промышленности и позволяющих изготавливать товары для страны.

Все это, в свою очередь, требовало обеспечения предприятий квалифицированной рабочей силой, а таковой могли быть вольнонаемные рабочие. Поэтому правительство вначале принимает решение о том, что «вольные и гулящие» (т. е. беглые крепостные крестьяне) при поступле-

нии на предприятие становятся свободными, а их бывшие владельцы получают от заводчика или фабриканта определенную компенсацию. Затем к концу XVIII столетия по образцу шведского короля Карла XI, хотя и на век позже, была проведена так называемая «редукция» земель, созданы государственные имения, отдававшиеся в аренду крестьянам, которые при этом освобождались от крепостного права. Эта реформа была поддержана сформировавшимся мощным слоем промышленников и торговцев, заинтересованных в свободных рабочих руках. Благодаря этому Россия сумела свободно войти в промышленную революцию XIX века и превратиться в первоклассную державу с управлением в форме конституционной монархии.

Ее экономическое и политическое могущество позволило ей вернуть бывшие русские земли, проникнуть в Среднюю Азию, распространить свое влияние в Индии, не допустив туда англичан и вытеснив их из прибрежных факторий на индийском субконтиненте, освоив Аляску и Калифорнию, и даже установить протекторат над Гавайскими островами (по просьбе правивших там вождей).

В области *культуры* постепенные преобразования в России способствовали ее обмирщению, т. е. освобождению от церковного влияния. Оно охватило литературу, живопись, архитектуру — появляются новые жанры в литературе, ранее неизвестные стили в архитектуре и живописи, представляющие собою синтез исконно русских традиций с инновациями западных и восточных культур. Все это резко усилило культурный потенциал русского общества, причем эта культура органически вошла в ткань народной жизни. Возникла единая культура, удовлетворяющая потребности всех слоев общества и способствующая экономическому процветанию страны.

Однако этот сценарий остался втуне, и мы имеем то, что имеем.

Таганрог — Южный Петербург

До сих пор вызывает изумление и дискуссии реформаторская деятельность Петра Великого, который «Россию поднял на дыбы» (А.С. Пушкин). Он оставил свой след практически во всех сферах жизни общества, особенно в культурной, гражданской, управления и военного дела. Первый русский император сумел создать одну из сильнейших в тогдашней Европе армию, на чьем счету длинный список блестящих побед, одержанных в Северной войне над грозным противником. Можно сказать, что шведский король Карл XII своей политикой помог России стать империей, так как без преобразований в армии она так и осталась бы государством второго ранга. Посол Австрии в Петербурге Отто Плейер писал: «Относительно военных сил России надо весьма удивляться, до чего они доведены, до какого совершенства дошли солдаты в военных упражнениях, в каком они порядке и послушании приказов начальства, и как смело ведут себя в деле, ни от кого не услышишь и слова, а тем менее крика» [Цит. по: Черкасов П., Чернышевский Д. История императорской России. М., 1994, с. 78]. Армия была инструментом для выполнения стратегических замыслов великого преобразователя в сфере внешней политики.

Один из таких замыслов состоял в установлении господства России над Черноморским бассейном, в прорыве нашего отечества в Средиземноморский регион.

Уже в начале своего царствования Петр Великий начал решение такой внешнеполитической задачи россий-

ской политики, как овладение выходом к Азовскому и Черному морям на юге (вторая записка включалась в том, чтобы выйти к Балтике). Им были предприняты два азовских похода, из которых только второй оказался успешным. В июле 1696 года Азов был взят, что повысило международный престиж Русского государства. «Но для Петра I Азов не был конечной целью. Он видел в нем только базу для дальнейшей борьбы за Азовское и Черное моря. По северному побережью Азовского моря стали сооружаться крепости, закладываться верфи, начали строить Таганрогский порт. В планы Петра I входило строительство Волго-Донского канала. *Петр мечтал перенести в Таганрог русскую столицу*» [История Донского края. Ростов-на-Дону, 1971, с. 53-54].

Нас интересует в данном случае замысел Петра Великого сделать столицей России морской порт Таганрог. Как правило, динамичное развитие имеют те страны, чьи столицы расположены на морском или океанском побережье. Не случайно Петр Великий лично составил морской устав, в котором выразил важную политическую мысль: «Только тот государь обе руки имеет, который и войско сухопутное, и флот имеет». В свете этого становится понятным постановление боярской думы, принятое после последнего азовского похода, начинающееся формулой: «Морским судам быть...».

Началось строительство уже морского флота, а в Азов и Таганрог стали переселяться выходцы из Центральной России. Одни из прибывших занялись освоением пустующих земель, другие — ремеслом и торговлей. Предвидя бурный рост ремесел и торговли в Приазовье, великий реформатор обдумывал план устройства не только сухопутных, но и водных путей, ведущих на юг России. На это обращает внимание В. Ключевский: *«Вскоре по завоевании Азова, когда он намеревался направить торговое движение к азовским портам, начаты были работы по устройству канала, который должен был соединить Волгу с Доном посредством их притоков Камышинки и Иловли. Но, когда с началом Северной войны все внимание Петра обратилось к Балтийскому морю,*

это предприятие, занимавшее до 15 тыс. работников, было брошено» [Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992, с. 131].

В силу сложившихся обстоятельств Петру Великому пришлось решать вторую внешнеполитическую задачу России — обеспечить ей выход к Балтийскому морю. Известно, что по его замыслу на берегах Невы была выстроена новая столица российской империи — Санкт-Петербург, или Северная Пальмира. Следовательно, первоначальный план о превращении Таганрога в столицу империи оказался только мечтой. Однако **небезынтересно проследить ход развития, если бы данный проект оказался воплощенным в жизнь.** Поэтому займемся этим несуществующим сценарием мировой истории. При этом будем исходить из того, что его осуществила наследница Петра I — императрица Елизавета Петровна.

Для этого необходимо было прежде поставить на колени Турцию, после войны с которой в 1739 г. был подписан невыгодный для России Белградский договор. В соответствии с ним Азов и Таганрог были разрушены, а турки получили право построить крепость в устье Кубани [см. Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история М., 1992, с. 703]. Этот Белградский договор был позорным для нашего отечества, поскольку он не отражал реального соотношения сил России и Турции. Им занимался и его подписывал уполномоченный от России французский посол в Константинополе маркиз де Вильнев, его же меньше всего волновали интересы России. В действительности же в этот период уже начался упадок Османской империи и ее военного потенциала, обусловленный внутренним кризисом. «Уже на рубеже XVII-XVIII вв., несмотря на отдельные успехи, — отмечает Л.С. Васильев, — Турция потерпела и ряд серьезных поражений в войнах. И хотя в начале XVIII в. она все же смогла взять реванш в войнах с Венецией, Австрией и Россией, дни ее военно-политического могущества были уже сочтены. Все чаще та или иная европейская держава в итоге войны с Турцией добивалась определенных льгот либо преимуществ в торговле (первые такого рода льготы — капитуляции — были предоставлены французам в знак

благодарности за их помощь в войне с Венецией и Габсбургами еще в 1535 г.; в 1580 г. таких же льгот добились и англичане; в начале XVIII в. — австрийцы). Примерно с 1740 г. капитуляции стали превращаться в неравноправные договоры, предоставлявшие односторонние преимущества европейским торговцам...» [Васильев Л.С. История Востока. М., 1993, т. 1, с. 291-292].

На ослабление военного потенциала Турции, вызванного ее усиливающейся отсталостью в сравнении с европейскими державами, указывают и ее потери в войнах XVIII столетия. «В войнах с Россией турки понесли в несколько раз большие потери, чем русские: военная техника и военное искусство турок в этом столетии уже начали уступать европейским армиям. В результате огромная турецкая армия в 280 тыс. человек не приносила Турции побед в войне» [Урлани: В.Ц. История военных потерь. СПб., 1994, с. 61]. В отдельных битвах турки терпели жестокие поражения; достаточно вспомнить, что в 1737 г. при штурме Очакова погибло 17 тыс. турок, тогда как русские войска в этом сражении потеряли во много раз меньше.

В XVIII веке возрастает мировая роль Европы при одновременном уменьшении значения главных неевропейских государств, в том числе и Османской Турции. Это связано с тем, что Европа находилась в расцвете феодально-абсолютистских отношений (характеризуемых некоторыми историками как особую (шестую) фазу развития феодализма), тогда как в неевропейские страны только входили в эту фазу. «Не все общества Евразии выработали к XVI-XVIII вв. полноценную шестую фазу: страны Западной Европы, включая Францию, Германию, Великобританию (и отчасти Священную Римскую империю и Италию), принадлежали к абсолютистской постсредневековой фазе в полной и развернутой форме; на Дальнем Востоке в эту же фазу начал входить Китай и — с некоторым запозданием Япония; слабее признаки шестой фазы были в Польше, на Балканах, в России; она едва намечалась в Турции; Иран же, Средняя Азия и Индия, а также все арабские страны задержались в пятой фазе (под этим понимается эпоха средневековья — В.П.)» [Дьяконов И.М. Пути истории, М., 1994, с. 164].

Необходимо отметить, что уже при Петре Великом Россия находилась в состоянии перехода от постсредневекового общества к буржуазному.

В послепетровской России начало постепенно завоевывать позиции проникшее из Западной Европы альтернативное мышление, выступающее действенным фактором исторического процесса. Таким образом, ко времени царствования императрицы Елизаветы Петровны Россия объективно имела превосходство перед Османской Турцией. Существовал вместе с тем субъективный фактор, а именно: искусство добиваться поставленных целей в сложном переплетении интересов различных держав на международной арене. Россия имела для осуществления своих планов достаточно искусных дипломатов и политиков, искусенных в тонкостях отношений, существующих между европейскими странами. «Значительно укрепились при Елизавете Петровне международные позиции Российской империи, дипломатия которой вернулась к принципам и заветам Петра Великого. Не сбылись надежды тех, кто рассчитывал на вытеснение России из Европы, на ее возвращение к «азиатскому варварству». Российской дипломатии удалось отстоять национальные интересы России в напряженной борьбе с ее противниками, среди которых ведущая (хотя и закулисная) роль принадлежала Франции Людовика XV» [Черкасов П., Чернышевский Д. Указ. соч., с. 147].

Императрица Елизавета Петровна решила осуществить мечту своего отца и «прорубить» окно в Европу на юге. После успешного участия 30-тысячной русской армии в войне за «австрийское наследство» (1740-1748 гг.) был разработан план военной кампании против Турции. Под командованием генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина сто-тысячная русская армия двинулась на юг, где форсировала Сиваш и овладела Перекопом. На этот раз были приняты во внимание промахи русской армии Ласси, которая не рискнула без запасов воды и продовольствия двинуться в глубь Крыма десять лет назад. Хорошо экипированная и обеспеченная всем необходимым русская армия при поддержке флота разгромила ханские войска и заняла Крым.

Таким образом, был положен конец татарским нашествиям на русские земли.

Оставив в Очакове, Бахчисарае, Перекопе и второй столице крымских татар Карасу-Базар гарнизоны, Апраксин двинул войска на Бендеры. Они дошли до Днестра, где к ним присоединилась пятидесятитысячная армия под командованием Салтыкова. Здесь их поджидали турецкие войска. В ходе завязавшегося сражения 90-тысячная турецкая армия потерпела сокрушительное поражение: бросив оружие и снаряжение, турки в панике бежали, что дало возможность практически без боя занять Хотин. Армии Апраксина и Салтыкова вступили в Яссы, где с жителей города была получена большая контрибуция и обеспечен отдых солдатам. Памятуя о том, что сейчас не время мечтать о переходе за Дунай и походе на Константинополь (в свое время, десять лет назад об этом мечтал русский фельдмаршал Миних, но благодаря предательскому поведению Австрии эти планы были разрушены), было принято решение удовлетвориться меньшим — образованием особого Молдавского княжества под протекторатом России. Турция срочно двинула еще одно стотысячное войско к Днестру, однако и оно было наголову разгромлено объединенными армиями Апраксина и Салтыкова.

После такого неслыханного поражения своих войск Османская Турция, испугавшись, что для русских армий открывалась дорога на Константинополь, срочно запросила мира без всяких условий. Между императорской Россией и Османской Портой был заключен договор, в котором были фактически приняты все требования выдвигающиеся русской делегацией десять лет назад на конгрессе трех держав — России, Австрии и Турции в Немирове. Тогда эти требования сводились к следующим шести пунктам: 1) отмена всех прежних русско-турецких договоров и замена их новым договором; 2) переход к России Кубани, Крыма и земель между устьями Дона и Дуная с целью обеспечения спокойствия Русского государства; 3) превращение Молдавии и Валахии в независимые княжества, пользующиеся покровительством России, — они должны были стать барьером, предохраняющим Россию и Турцию

от возможных взаимных конфликтов; 4) признание Турцией императорского титула русских царей; 5) свободное плавание русских торговых судов по Черному морю; 6) добросовестное выполнение Турцией условий Карловицкого мира, подтверждающего неприкосновенность Польши [см. Заичкин И.А., Почаев И.Н. Указ. соч., с. 701]. На этот раз Австрия не вмешалась, ибо ей недвусмысленно дали понять, что теперь русские армии могут войти на ее территорию.

В соответствии с новым русско-турецким договором 1749 г. Россия значительно укрепила свои позиции и расширила свои владения. По условиям этого договора (подписан он был в Яссах) за счет турецкой стороны были восстановлены Азов и Таганрог, причем последний фактически был построен заново по плану русских архитекторов, просмотренному и утвержденному Елизаветой Петровной, а также освобождена турецкая крепость у устья Кубани. Кабарда потеряла статус нейтральной территории, вошла в сферу влияния России. При этом Россия получила право держать свой флот в Азовском и Черном морях (кстати, морская база российского Черноморского флота была основана в Севастополе). Купцам разрешалась свободная торговля на территории другой стороны на общих основаниях, однако торговля с Турцией уже могла вестись русскими купцами на своих кораблях.

Когда Турки выстроили Таганрог (на это им понадобилось не так уж много времени, всего пять лет), тогда Елизавета Петровна во исполнение желания своего великого отца перенесла столицу императорской России в Таганрог и переименовала его в Южный Петербург. Однако и Северная Пальмира не была забыта, ибо летом весь императорский двор переезжал туда.

Вполне естественно, что новая столица, Южный Петербург, стал местом притяжения для купцов, ремесленников и прочего люда и вскоре вокруг нее вырос пояс небольших городов и поселений. Край здесь весьма благодатный, и поэтому стало развиваться сельское хозяйство. Богатейшие залежи угля стали основой для развития промышленности. Значительно возросла торговля со странами Сре-

диземного моря — в гавани Южного Петербурга ежегодно бросали якоря тысячи кораблей. Торговля и промышленность обогатили Южный Петербург, что позволило сделать его еще краше и превратить в мощный центр культурной и научной мысли Российской империи. Новая столица приобрела весьма необычный колорит, ибо в ней жили не только русские, но и выходцы из Греции, Италии, Испании, Франции, Египта, Палестины, Турции, Кавказа и других южных стран. Южный Петербург со своими прекрасными дворцами и зданиями утопал в зелени многочисленных садов (не следует забывать, что когда-то здесь была голая степь).

Чтобы связать Южный Петербург с его северным двойником, Елизавета приказала возобновить работы по устройству Волго-Донского канала. После завершения работ между Южным Петербургом и Северной Пальмирой было установлено водное сообщение. В XIX веке их связала железная дорога, проходящая по прямой линии (так как император Николай I по линейке прочертил трассу будущей дороги). От Южного Петербурга к Крыму, где были расположены дворцы царской семьи и знати, а также на Кавказ и в святую Палестину по морю курсировали суда. Южная столица императорской России стала центром всего Азово-Черноморского бассейна. Ее влияние на положение дел в этом регионе было несомненным и способствовало его экономическому и политическому подъему, культурному расцвету.

Перенесение Елизаветой Петровной столицы империи в Южный Петербург оказало влияние и на международный статус России, интенсифицировало целый комплекс связей страны с Европой и Ближним Востоком. Немало в этом плане было сделано Екатериной II, которая решила покончить с опасностью, угрожавшей южным владениям России со стороны Турции. Сначала упадок военной мощи, а затем становившееся все более очевидным экономическое и политическое (не говоря уже о социальном, научно-техническом, культурном и т. п.) отставание Турции от быстро развивавшейся капиталистической Европы, включая и Россию, привели в конце XVIII в. к тому, что для европейских держав, прежде с

трудом отбивавшихся от турок, возник так называемый «восточный вопрос» — как быть с Турцией? [Васильев Л. С. Указ. соч., т. I, с. 292]. Нет ничего удивительного в том, что Екатерина II предприняла решительные действия в отношении с Портой, которые обострились в результате активных действий французской дипломатии.

России пришлось начать войну с Турцией в одиночку, ибо предпринятые главой русской дипломатической службы Н. Паниным попытки создать антитурецкий блок в составе России, Дании, Швеции, Польши, Пруссии и Англии не удалась. Русские войска под командованием генералов Румянцева и Суворова нанесли туркам серию поражений, решивших ход войны. Успеху русского оружия на суше сопутствовала удача и на море. Турецкий флот в бухте Чесма, недалеко от острова Хиос, потерпел сокрушительное поражение в битве с русским флотом под командованием адмирала Г. А. Спиридонова.

«Потерпев серию серьезных поражений, султан вынужден был просить Екатерину о мире. Императрица не была расположена к мирным переговорам после одержанных побед; ее взор манили отдаленные очертания купола св. Софии в Константинополе. Вольтер в шутливом письме к Екатерине высказал предположение, что освобожденный от Османов Константинополь вполне мог бы стать новой столицей Российской империи. Это в шутку высказанная мысль глубоко засела в честолюбивой голове Екатерины» [Черкасов П., Чернышевский Д. Указ. соч., с. 188]. Однако ей пришлось отказаться от этой пленительной, но все же иллюзорной идеи в силу реальных обстоятельств. Хотя Турция фактически утратила бышую роль в международных делах, в интересах европейских держав было сохранение ее в качестве самостоятельного государства. Поэтому императрица вынуждена была довольствоваться контролем над проливами Босфор и Дарданеллы и контрибуцией в размере нескольких миллионов рублей, которые пошли на развитие Южного Петербурга. Таким образом, историческая задача выхода России в Средиземное море Екатериной II была выполнена, столица империи получила новый импульс для своего развития и процветания.

После Октябрьской революции 1917 года большевики перенесли столицу государства в Москву, но Южный Петербург (во время первой мировой войны он был переименован в Южный Петроград) остался неформально интеллектуальной столицей нового Советского государства. Признавая значимость Южного Петрограда, большевистское руководство в ходе образования Советского Союза выделило азово-черноморский регион, охватывающий Северный Кавказ, Дон, Крым, Донбасс и Одесскую область. Этот регион стал играть значительную роль в развитии России после распада Советского Союза благодаря своему мощному культурному и экономическому потенциалу, а также геостратегическому положению.

Однако и этот альтернативный сценарий развития России остался неосуществленным.

Пираты Мадагаскара помогли кораблям России проникнуть в Индийский океан

В

есьма увлекательным является неосуществленный сценарий мировой истории, согласно которому пиратские «республики» Мадагаскара помогли проложить путь кораблям Петра I в южное полушарие. Известно, что пиратство внесло свой вклад в историю почти каждой страны, где было развито мореходство. И хотя среди великих держав это меньше всего относится к России, тем не менее ее история тоже не обошлась без пиратства [см. Нойкирхен Х. Пираты. Киев, 1992, с. 6]. Балтийское море бороздили каперские корабли, выполнявшие задания Петра Великого. В конце своего пребывания на престоле «саардамский плотник Петр Михайлов» стремился проложить российским кораблям путь в моря южного полушария, используя для этого пиратские «республики» на Мадагаскаре.

Такого рода стремление первого императора России обусловлено рядом причин экономического и политического характера. Прежде всего он хотел добиться для России посреднической роли в торговле между азиатскими и европейскими странами, в частности между Индией и Западной Европой. Вот почему в 1715 г. в Персию был направлен в ранге посланника Артемий Волынский, которому предписывалось выяснить, «каким способом в тех краях «купецество российских подданных размножить» и нельзя ли через Персию учинить купечество в Индию» [Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. М., 1992, с. 622]. Затем в 1717 году в Среднюю Азию была снаряжена русская экспедиция во главе с кабардинским князем

Бековичем-Черкасским (ее численность составляла 5 тысяч человек) для того, чтобы, во-первых, склонить хивинского хана к добровольному принятию русского подданства, а бухарского эмира — к дружбе с русским царем; во-вторых, разведать торговые пути в Индию. Однако данная экспедиция потерпела неудачу, ибо хивинский хан обманным путем вероломно перебил всех русских.

Другая, не менее важная причина носила политический характер — в Иране первой четверти XVII столетия сложилось неустойчивое положение, связанное с резким ослаблением шахской власти и ростом сепаратистских тенденций. Все это сопровождалось религиозным преследованием армян и грузин, стремившихся к русскому покровительству, возрастала угроза вторжения Турции в восточные районы Закавказья. Последнее обстоятельство значительно усложняло ситуацию на южных границах России, так как Порты стремилась натравить исповедующие ислам народы на своего северного соседа. В результате Петр I встал во главе военного похода на Каспий (1722 г.), который закончился подписанием договора между Россией и Ираном. Россия получила западное и южное побережье Каспийского моря. Ирану была обещана помощь в случае нападения неприятеля, под которым прежде всего подразумевалась Турция. Таким образом, «при Петре I было «прорублено» второе «окно» — теперь уже в страны Востока» [Зайчкин И.А., Почкаев И.Н. Указ. соч., с. 624].

Не менее существенным оказалось и то, что во время войны России со Швецией на стороне последней фактически выступила Англия, опасавшаяся усиления России на Балтике. Известно, что английская эскадра появилась у русских берегов на Балтике, чтобы помешать русским войскам нанести удары по территории Швеции, что Швеция, надеясь на союз с Англией, затягивала войну с Россией [см. История России с древности до наших дней. М., 1994, с. 105-106]. Следует считаться с тем фактом, что Англия любыми способами стремилась не допустить экспансии России не только в Западную Европу, но и в Азию.

Необходимо принимать во внимание и тот факт, что в ту эпоху на побережье Мадагаскара стали создаваться «пиратские» республики. В XVIII веке в Индийский океан пришли изгнанные из Карибского моря пираты-европейцы, которые объединились со своими местными «коллегами» (арабами и индийцами) и образовали свои сообщества [см. Блон Ж. Великий час океанов. М., 1993, т. I, Маховский Я. История морского пиратства. Киев, 1992]. Так на Мадагаскаре была основана «пиратская» республика Либерталия, чьим идеалом было равенство.

Все эти факторы были приняты во внимание Петром Первым, который понимал, что Англия и другие морские державы не очень обрадуются появлению нового морского соперника на морских путях между Европой и Востоком. В связи с этим он строжайше засекретил подготовку плавания двух российских фрегатов на Мадагаскар, а оттуда при благоприятных обстоятельствах и в Индию. Чтобы обеспечить им спокойную стоянку у южной оконечности Африки, Петр I дал командующему экспедицией послание главарю пиратов на Мадагаскаре: «Понеже мы заблагорассудили для некоторых дел отправить к Вам Нашего вице-адмирала Вилстера с несколькими офицерами, того ради Вас просим, дабы оных склонно к себе допустить, свободное пребывание дать, и в том, что они именем Нашим Вам предлагать будут, полную и совершенную веру дать, и с таким склонным ответом их к Нам паки отпустить ж изволили, какого Мы от Вас уповаем, и пребываем Вам приятель. Дано в С.-Петербурге. Ноябрь 9 1723 года. Петр» [Дело «Грамота Государя Императора королю Мадагаскарскому о благосклонном принятии отправленного к нему адмирала Вилстера и о довериях к предложениям его» // Архив нынешней политики России МИД СССР. Фонд «Сношения России с Мадагаскаром. 1723 г.», оп. 65/2]. Для усиления воздействия этой верительной грамоты Петр I обратился к своему адресату как к «королю Мадагаскарскому» (так в те времена было принято).

Однако экспедиция в южные моря не удалась — корабли вынужденны были вернуться, едва начав свой путь. Поста-

раемся мысленно проследить ход и последствия этого несостоявшегося похода русских кораблей в случае его успешного осуществления.

Два российских фрегата под командованием адмирала Вилстера вышли в Балтийское море, прошли Атлантический океан, обогнули мыс Доброй надежды и прибыли на Мадагаскар. Здесь адмирал Вилстер вступает в переговоры с предводителем «береговых братьев» и достаточно быстро находит общий язык относительно помощи в плавании к берегам Индии. Все дело заключается в том, что «пиратство в Индийском океане становится международным и усиливается по простой причине — захват судов Ост-Индских компаний приносит не меньшую выгоду, чем в свое время пленение испанских галеонов в Карибском море» [Блон Ж. Указ. соч., т. I, с. 455]. В сезон летних муссонов на судах из Европы перевозятся оружие, инструмент, одежда, деньги. На обратном пути в сезон зимних муссонов трюмы судов забиты пряностями, лекарственными растениями, благовониями, изделиями из лака, сандаловым и эбеновым деревом, хлопковыми и шелковыми тканями. Все эти ценные товары в случае захвата их пиратами продавались негодьям, которых не интересовало их происхождение (пираты оставляли себе только оружие, инструмент и одежду). Адмирал Вилстер пообещал мадагаскарским пиратам тайное покровительство Российской империи в дальнейшем захвате торговых кораблей голландской и английской Ост-Индских компаний, чтобы ослабить экономическое могущество Голландии и Англии и воспрепятствовать их укреплению в азиатских странах.

Российские фрегаты достигли берегов Индии, где в это время происходила агония некогда блестящей монгольской империи. После смерти Аурангзеба в 1707 году эта империя фактически распадается. Три его преемника являются уже не правителями, а марионетками в руках враждующих раджей. О последствиях Аурангзеба Дж. Неру пишет следующее: «Освобождалась арена для борьбы за величественный приз, оставленный им, — за Индию. Среди ее участников — его собственные бездарные потомки и некоторые из его крупных заместителей, маратхи и сикхи, люди, алчно, визи-

равшие на Индию с северо-западных границ, а также заморские нации — англичане и французы» [Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. М., 1981, т. II, с. 74-75]. Иными словами, после смерти Аурангзеба в Индии началась эпоха «великой анархии».

Безжалостным ударом истории монгольская империя — а с нею и вся Индия — быстро погрузилась в хаос. Между сыновьями Аурангзеба дело дошло до войны, в результате которой двое из них — Азам и Камбахш, погибли. Затем после непродолжительного правления Муаззама марионеточные владыки быстро сменяли друг друга в основном под ударами кинжалов убийц. И только одному из них, хитроумному и проницательному сибариту Мухаммед-шаху удалось успешно справиться с заговорщиками и интригами и на десятилетия взять власть в свои руки [см. Hansen W. Pawitron. W., 1980, p. 623].

Именно с ним и пришлось вести переговоры адмиралу Вилстеру, который сумел расположить его к себе. Успеху российского адмирала способствовало и то, что при монгольском дворе традиционно уважали сильные морские державы. Ведь еще Акбар Великий, который благодаря своему дальновидному либерализму сумел соединить воедино этнически и религиозно мозаичную Индию, пытался завладеть португальской колонией Гоа, но потерпел фиаско. Неудивительно, что «моголы не любили моря и были беспомощны перед лицом морской державы» [Неру Дж. Указ. соч., с. 73]. Понятно, почему упадок Монгольской империи усматривают в ее морском бессилии, когда наступило время морских держав.

Следует иметь в виду, что еще в XIV-XV вв., когда через Индию транзитом стали перевозиться товары и вывозиться индийские товары мусульманскими и другими купцами, на побережье субконтинента было выстроено множество удобных морских портов. Из них в Европу стали поступать многочисленные редкие экзотические товары и весьма ценящиеся пряности [см. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986, с. 239-242].

Вот почему в Европе сложилось представление о сказочных богатствах Индии, об «Индии чудес» и туда ринулись

европейские купцы и мореплаватели. С самого начала португальцы, затем голландцы, а потом французы и англичане стали сосредоточивать в своих руках контроль за торговыми путями и торговлей, строить многочисленные склады и фактории, создавать новые поселения и порты и «даже активно вмешиваться в политическую борьбу местных правителей» [Васильев Л.С. История Востока. М., 1993, т. I, с. 333]. Активную деятельность развивала британская Ост-Индская компания, через которую Англия проводила свою эксплуататорскую политику в Индии.

Вполне естественно, что Мухаммед-шах увидел в лице Вилстера мощную морскую российскую державу (к тому же он знал об успешном Каспийском походе Петра I и заключенном договоре между Россией и Ираном). Он оговорил с адмиралом условия союза империи Моголов с Россией, направленного, в частности, против Англии, ибо местное население не испытывало симпатий к британцам. Кроме того, британская Ост-Индская компания имела в своем распоряжении армию, которая представляла собой «недисциплинированное сборище подонков из разных европейских стран, искавших себе легкой наживы в колониях» [Маховский Я. Указ. соч., с. 131]. Российские фрегаты отправились на родину. По прибытии в Санкт-Петербург адмирал Вилстер доложил о результатах предпринятой экспедиции. И хотя к этому времени Петр I уже скончался, российское правительство воспользовалось открывшимися возможностями в освоении колоссального субконтинента.

Несмотря на то, что в России наступила эпоха дворцовых переворотов, в сознании русского высшего света отложились свидетельства купца Афанасия Никитина о богатствах правителей Индии. Оказавшись в 1469 году в «Индии мусульманской», он был потрясен великолепием дворцовых ритуалов: «...совершил султан торжественный выезд: с ним двадцать везиров великих выехало да слонов триста, облаченных в булатные доспехи, с башенками, да и башенки окованы. В башенках по шесть человек в доспехах с пушками и пищалями, а на большом слоне по двенадцать человек». И дальше перечисляет: «Да тысяча ко-

ней верховых в золотой сбруе, да сто верблюдов с большими барабанами, да трубачей триста, да плясунов триста, да триста наложниц». Особенно его поражает роскошная одежда владыки: «На султани кафтан весь яхонтами унизан, да шапка-шишак с огромным алмазом, да саадак золотой с яхонтами, да три сабли на нем все в золоте, да седло золотое, да сбруя золотая, все в золоте». Наблюдая пышную процессию, Афанасий Никитин удивляется: «А брат султанов сидит на золотых носилках, над ним балдахин бархатный, а маковка — золотая с яхонтами...» [Никитин Афанасий, *Хождение за три моря*. Л., 1986, с. 53].

Привлекаемые богатством мусульманских правителей и лелея надежду на расширение экспансии на азиатском континенте, правящие круги императорской России принимают решение о тесном контакте с Мухаммед-шахом. К нему направлено полномочное посольство, сопровождаемое мощной эскадрой военных российских кораблей. После обстоятельных и сложных переговоров между империей Моголов и императорской Россией был подписан договор о союзе. Согласно договору, государство Мухаммед-шаха получало дипломатическую и военную защиту прежде всего от английского колониального проникновения в Индию. Россия получала право использовать побережье Индостана для своих военно-морских баз и внутренние регионы субконтинента для размещения своих военных поселений с целью проведения необходимых военных операций против англичан и иных европейских колонизаторов. Специальные статьи договора были посвящены торговым отношениям между Индией и Россией, созданию российских факторий в Индии, причем они были сформулированы на основах равноправия.

После подписания этого договора началось его практическое осуществление, весьма взаимовыгодное для обеих сторон. Ведь и Россия и Индия являются огромными «мирами-экономиками» [Ф. Бродель]. Они прекрасно между собой взаимодействуют в силу того, что русским вполне знаком и понятен азиатский мир в отличие от европейцев. «Приход Васко да Гаммы в Каликут 27 мая 1498 г. открыл им (португальцам, голландцам, англичанам,

французам и другим европейцам — В.П.), — отмечает Ф. Бродель, — двери. Но этим европейцам не по силам было мгновенно включиться в незнакомый мир, который им приходилось открывать, несмотря на сенсационные сообщения некоторых западных путешественников, их знаменитых предшественников. Азия остается для европейцев озадачивающей, какой-то другой планетой: другие растения, другие люди, другие цивилизации, другие религии, другие формы общества, иные формы собственности. Здесь все принимало новый облик. Даже реки здесь не походили на европейские водные потоки. То, что на Западе было пространственным величием, становилось пространственной необъятностью, города представляли как громадные скопления народов. Странные цивилизации, странные общества, странные города!» [Бродель Ф. Время мира. М., 1992, с. 502]. Русским же с их широким общечеловеческим духом мировосприятия не составляло особого труда войти в близкие отношения с различными этносами Индии.

Прежде всего Мухаммед-шах по подсказке своих русских советников пошел на союз с маратхскими князьями (они стояли во главе маленького и бедного народа горцев в Западных Гатах). Как раз это единение мусульман и маратхцев оказалось действенной силой, противостоящей колониальной политике Англии и иных европейских держав. Именно благодаря достигнутому единству, основанному на религиозной терпимости, мусульманская и индуистская цивилизации Индии получили мощное экономическое развитие. Ведь страна обладала богатыми ресурсами, а мир между мусульманами и индуистами способствовал подъему экономики. В XVIII столетии под воздействием купцов из Гуджарата оживилась даже торговля на берегах Индийского океана Африки [см. Бродель Ф. Время мира, с. 533], не говоря уже о Европе и России.

Правители Индии долгое время испытывали затруднения, вызванные деятельностью малабарских пиратов. В конце XVII века на Малабарском берегу возникла целая династия пиратов — семейство индийских махараджей Ангрия. Первый из них, Конаджи, создал на протя-

жении пятисоткилометровой полосы малабарского берега к югу от Бомбея ряд крепостей (Алибаг, Савандург, Герия). «Этот некоронованный пиратский властитель, — пишет Я. Махновский, — сумел в короткий срок парализовать морскую торговлю, что особенно ощутимо ударило по Ост-Индской компании и португальским колонистам» [Махновский Я. Указ. соч., с. 130].

Британские военно-морские силы не смогли справиться с малабарскими пиратами, хотя и нанесли им определенный ущерб. И только совместная экспедиция мусульманской и русской военной эскадр позволила нанести такой удар, что малабарские пираты были окончательно рассеяны и не смогли больше возродиться.

Россия тоже получила немалые выгоды от достигнутого договора с империей Моголов, ибо на фоне кризиса феодалных порядков и возникновений буржуазных отношений в XVII столетии царское правительство смогло освободить крестьян от крепостной зависимости. В это же время начал быстро формироваться и развиваться всероссийский рынок, чему способствовала отмена внутренних таможенных пошлин в 1754 году. «Через порты Прибалтики и Причерноморья Россия вела активную внешнюю торговлю с Западом, экспортируя металл, пеньку, льняные ткани, парусное полотно, лес, кожи. С конца XVIII в. начали вывозить хлеб. На Восток экспортировались в основном товары русских мануфактур. Из-за границы ввозили сахар, шелк, красильные вещества, кофе, чай, изделия из драгоценных металлов, предметы роскоши. При этом русский экспорт значительно превосходил импортные поставки» [История России с древности до наших дней. С. 120].

Развитие мануфактуры в России происходило весьма бурно, так как Индия поглощала немалое количество ее изделий. Это в свою очередь привело к резкому росту числа действующих мануфактур, которые государство передавало в руки купцов и дворянской знати, занимающихся промышленным предпринимательством. Мануфактурное производство требовало применения наемного труда. Однако рабочая сила рекрутировалась из крестьянства, находившегося до тех пор в крепостной зависимости. Без ос-

вобождения крестьян из этой кабалы не могло быть и речи о стремительном развитии промышленных предприятий, что и было осуществлено Екатериной Великой, отменившей крепостное право.

Следует считаться и с тем, что из Индии в Россию шел практически неиссякаемый поток сокровищ и богатств, Россия потребляла немало сахара, чая и шелка и пр.. Именно Индия удовлетворяла эти потребности всероссийского рынка. Ведь климат Индии чрезвычайно благоприятен для сельского хозяйства и позволяет выращивать два (в некоторых местностях — даже три) урожая в год. Осенний и весенний урожай были очень щедрыми — крестьяне получали более двадцати сортов риса, пшеницу, овощи, фрукты, сахарный тростник, чай. Индийские ремесленники выдвигали шелк и ткани, производили индиго. Для того, чтобы экспорт из Индии в Россию шел непрерывно, необходимо было иметь немало серебра, что объясняется особенностями денежного обращения в этот период. «Но ведь постоянное правило состояло в том, — замечает Ф. Бродель, — что пряности и другие азиатские товары можно было получить только за белый металл, иногда — но не столь часто — за медь, денежное использование которой было в Индии и Китае значительным. Европейское присутствие ничего не изменит в этом деле. Вы увидите португальцев, голландцев, англичан, французов, берущих займы серебром у мусульман, у бания, у ростовщиков Киото: без этого нечего было делать на пространстве от Нагасаки до Сурата. Именно ради решения этой неразрешимой проблемы португальцы, а потом великие индийские компании отправляли из Европы серебряную монету, но цены пряностей возрастали на месте производства» [Бродель Ф. Игры обмена. М., 1988, с. 210-211].

Единственный выход состоял в том, чтобы внедриться в местную азиатскую торговлю, что с успехом и сделали русские купцы. Понятно, в результате огромные сокровища стали идти из Индии в Россию, принося выгоду и самой Индии. Как заметил Х. Фербер, знающий проблемы экономики, «на каждую штуку полотна, выработанную для Европы, нужно было соткать сто штук для внутреннего потребления» [цит. по: Бродель Ф. Время мира, с. 533].

И в России, и в Индии в рамках императорских режимов стали бурно развиваться производительные силы и расти сословие буржуазии. Постепенно русское дворянство в основном приобщилось к промышленной, предпринимательской деятельности и стало весьма богатым. Среди крестьянства произошло расслоение. Часть его вместе с казаками устремилась в Индию, где они смогли стать богатыми людьми и продолжать служить Российской империи. В Индии тоже шло развитие экономики. Здесь наибольших успехов добивается группа очень богатых персов и гуджаратцев, мусульман и индуистов в разных видах торговой и банковской деятельности, судостроении, фрахтовании, некоторых видах промышленности. Богатство семей этой группы нередко становилось объектом вымогательства со стороны государства, однако они все равно продолжали процветать. «В Индии богатейшие купцы, даже если они и были подвержены вымогательствам, были многочисленны и сохранились. Могущественная кастовая солидарность прикрывала и гарантировала успех группы, обеспечивала ее купеческую поддержку от Индонезии до Москвы» [Бродель Ф. *Время мира*, с. 537].

Тандем России и Индии остановил колонизаторские поползновения Англии, Франции и других европейских держав на Дальнем Востоке. Более того, Россия при поддержке Индии освоила Австралию задолго до английского проникновения туда. Сюда переселялись желающие из России и Индии.

В результате взаимодействия трех культур — российской и индийской и культуры аборигенов возникла оригинальная культура. Экономическая, политическая и культурная экспансия России и Индии распространилась на весь бассейн Индийского океана вплоть до Африки и южной части Тихого океана. Связь между двумя государствами осуществлялась не только посредством морских коммуникаций, но и сухопутным путем через Иран и Афганистан. Британская империя владела колониями в Канаде, Южной Америке, в Северной и Западной Африке. Однако значительная часть Азии была ей недоступна. Тесное взаимодействие России и Индии оказало ограничивающее влия-

ние на политику Османской Турции, Западной Европы и способствовало распаду колониальной системы уже в начале XX столетия. К этому союзу двух крупнейших держав евроазиатского континента присоединились Иран, Япония и Германия, чей блок оказал благотворное влияние на обстановку в мире. И в настоящем, благодаря тесным экономическим, политическим и культурным связям эти страны занимают ведущее место в мировом развитии. Такими видятся последствия, казалось бы, не столь существенных событий, которые могли бы обеспечить успешное проникновение России в район Индийского океана.

Однако данный сценарий остался неосуществленным, и мы имеем то, что имеем.

В России начала XIX века устанавливается конституционная монархия

особое место в истории России принадлежит XIX веку, его началу, когда заколебались основы империи, когда, по выражению А. Герцена, «императорская власть в России оставила далеко позади деспотизм Рима и Византии» [43, т. VI, с. 209]. Тогда наше отечество находилось в длительном кризисе и экономическом застое, к тому же, несмотря на победу Александра I над Наполеоном, Россия вышла из войны ослабленной. Феодално-крепостническая система уже перестала соответствовать потребностям развития производительных сил общества, само существование самодержавия находилось под вопросом. Впервые и верховная власть, и общество задумались о правомерности неограниченного самовластия и крепостного права. Начался процесс осознания необходимости и неизбежности кардинальных преобразований, ибо несмотря на его военно-политическое положение в мире началось крушение экономических основ Российского государства [257, 131].

Достаточно упомянуть такой штрих — Александр I осознал постыдность процветавшей тогда неприкрытой торговли людьми и издал указ, запрещающий печатать в газетах объявления о подобного рода сделках. Речь шла о поисках такого пути развития страны, который позволял бы, вливаясь в общее русло мировой цивилизации, возродить демократические идеалы прошлого и сохранить самобытный характер ценностных ориентаций русского народа. Решение этих проблем представителями передовой мысли того времени связывалось прежде всего с установлением конституци-

онной монархии и реформирование земельных отношений как экономической основы социально-политического строя. Вот как описывает ход этих поисков С.В. Мироненко: «Сперва грандиозные реформаторские замыслы М.М. Сперанского, одного из крупнейших государственных деятелей России XIX в., а затем конкретные проекты русской конституции («Уставная грамота Российской империи», созданная под руководством Н.Н. Новосильцева) и освобождения крепостных крестьян (планы решения крестьянского вопроса, принадлежавшие А.А. Аракчееву и Д.А. Гурьеву) показали, насколько серьезно было озабочено этими проблемами правительство. Возникновение декабризма, создание конституции Н.М. Муравьева и «Русской правды» П.И. Пестеля, наконец, само восстание 14 декабря 1825 г. явились неопровержимым свидетельством того, что еще в большей степени те же проблемы волновали и общество» [85, 254].

По поручению Александра I в 1820 году была разработана первая за всю многовековую историю России конституция — «Уставная грамота Российской империи». В этом проекте русской конституции вместо основополагающего принципа — суверенитета народа — формулируется положение о суверенитете императорской власти (статья 12). Далее речь идет о буржуазном по своей сути новом органе — двухпалатном парламенте, без рассмотрения и одобрения которого монарх не мог издать ни одного закона. Император провозглашался главой исполнительной власти («государь есть верховная глава общего управления империи»), ему же и никому больше принадлежит законодательная инициатива. В специальной главе конституционного проекта излагались даруемые гражданам Российской империи гражданские свободы: свобода слова, вероисповеданий (хотя и оговаривалось, что православная религия остается господствующей, а политическое и гражданское равноправие предусмотрено только для христиан), равенство всех перед законом, неприкосновенность личности, свобода печати. О крепостном же праве вообще не было сказано ни слова. *Подразумевалось, что крепостные крестьяне не являются*

гражданами. Проектом конституции закреплялось федеративное устройство страны, разделенной на «наместничества» с действующими в них двухпалатными парламентами. Однако этот проект конституции и манифесты, призванные возвестить о ее даровании «любезными верным подданным», не получили осуществления и не были дарованы. Этому помешало «мощное и вполне определенное сопротивление подавляющей части дворянства» [85, 263].

Преобразованию России в конституционную монархию содействовал весьма узкий общественный слой. *Для достижения этой цели правительству нужно было применить насилие по отношению к своей собственной социальной опоре. Оно на это не пошло.*

Немалую роль в этом сыграл поворот настроенности Александра I, который разочаровался в русской действительности, посчитал невозможным осуществить на практике свои прекраснодушные замыслы. Порывы молодости прошли, силы были на исходе; французское свободомыслие к зрелости сменилось религиозным настроением. «Александр был прекрасный цветок, но тепличный, не успевший акклиматизироваться, он роскошно цвел при хорошей погоде, наполняя окружающую среду благоуханием, но когда подула буря, настало столь обычное ненастье, — пишет В.О. Ключевский, — этот цветок завял и опустился» [101, 236]. Это относится не только к душевному состоянию императора, но и отразилось на его политической деятельности — *не осуществилась альтернатива крепостному строю, не реализовался иной путь развития России.*

Но представим себе, что события вдруг стали разворачиваться совершенно иным образом, а именно: конституция и манифест обнародованы и вступили в действие.

Император Александр I после формирования двухпалатного парламента вносит на его рассмотрение ряд указов, значительно улучшающих положение крепостных крестьян. Теперь помещики не имеют права ни продавать их, ни творить над ними произвол. Напротив, они долж-

ны заботиться об улучшении их жизни. Понятно, что эти указы выполняют вполне прагматическую функцию — улучшение условий жизни крепостных крестьян способствует процветанию и их самих и землевладельцев. Когда же крестьяне значительно повысили свой жизненный уровень, тогда был принят закон об отмене крепостного права с определенной компенсацией за отошедшую крестьянам часть земель (крестьянам предоставили право выкупить эти земли в течение двадцати пяти лет, для этого им предоставлялась казной ссуда).

В России началось бурное развитие капитализма, причем довольно своеобразного, отражающего общинные традиции русского народа. Техническая модернизация предприятий проводилась не так, как в Англии, где все патриархальные формы человеческих отношений сметены чистоганом и голой экономической прагматичностью. Напротив, она проводилась таким образом, что эффективно использовались традиционные общинные формы отношений между людьми. Ряд заводов и фабрик был выкуплен артельными коллективами, что резко повысило производительность труда и принесло большие прибыли их работникам (примечательно, что с таким предложением обращались к правительству уральские заводские артели еще в середине XVIII века, но тогда от него отмахнулись).

Вместо продолжительного экономического кризиса теперь начинается бурный подъем и промышленности, и сельского хозяйства, причем свое место в новой структуре производства нашли и ремесленные, и кустарные промыслы, удовлетворяя потребности населения империи. С этим подъемом национальной экономики связано развитие наук и просвещения, ибо предприятиям понадобилось много достаточно квалифицированной и грамотной рабочей силы, инженерных кадров.

Соответственно изменилось вооружение отечественной армии и флота: они получили в свое распоряжение новейшие артиллерийские орудия, стрелковое оружие, боевые корабли. И вполне закономерно, что в ходе Крымской войны англо-французские войска потерпели сокру-

пительное поражение. Это резко повысило международный авторитет императорской России.

Однако в реальности к власти пришел Николай I, чья политика привела к торможению развития России.

Известны слова нового императора, сказанные им при вступлении на трон: «Революция у порога России, но обещаю, что она не перешагнет его, пока я жив». И он сдержал свое обещание — он сам и подчиненный ему мощный государственный аппарат сделали все, чтобы не допустить никаких радикальных изменений. Все действия, предпринимаемые правительством во время его тридцатилетнего царствования, мотивировались прежде всего паническим страхом нарушить существующий порядок вещей в какой-нибудь области человеческой жизнедеятельности. В николаевские времена везде господствовал страх, везде шныряли шпионы, доносчики и осведомители [121]. Сохранялась феодальная структура, препятствующая дальнейшему развитию российского общества.

В николаевской России функционировала система своеобразного «государственного феодализма», по выражению И. Коссецкого [139], в основе которой лежал принцип, что вся земля принадлежит государству, что с точки зрения права она является собственностью императора. Все области жизни находились под контролем бюрократической иерархии. Любые попытки реформ не давали результатов, ибо бюрократия не была в них заинтересована. Она была поглощена исключительно делопроизводством, непрестанно разрастающимся. Например, только в 1840 г. Министерство государственного имущества получило 88 тысяч документов, само же выслало 96 тысяч бумаг.

В промышленности, весьма слабо развитой, также применялись своеобразные феодально-государственные методы [257]. На государственных предприятиях постоянные рабочие жили в казармах и подчинялись военному режиму. Они были поделены на подразделения и работали под надзором офицеров. Рабочий день продолжался двенадцать часов. Такая система не создавала никаких условий для технического прогресса, и нет ничего удивительного в том,

что Крымская война закончилась поражением России, а Николай I, тяжело переживавший случившееся, вскоре скончался. Вступивший на престол Александр II осуществил освобождение крестьян от крепостного права и провел ряд других реформ.

Вполне логично, что реформы по отмене крепостного права привели «царя-освободителя» к необходимости принять конституцию, сущность которой состояла в либеральных преобразованиях. Л.Г. Захарова пишет: «Утром 1 марта 1881 г., за несколько часов до своей гибели, Александр II назначил на 4 марта заседание Совета министров для обсуждения правительственного сообщения о созыве в Петербурге временных подготовительных комиссий (наподобие редакционных комиссий 1858-1860 гг.) и общей комиссии с совещательным участием представителей земства и самоуправления наиболее значительных городов» [85, 321].

Собравшийся после убийства Александра II Совет министров во главе с Александром III окончательно похоронил всякие конституционные замыслы. И если реформы 1861 года, отменившие крепостное право, положили начало эволюционному пути превращения самодержавия в буржуазную или конституционную монархию, то царствие Александра III затормозило, но не отменило этот путь.

Самое интересное состоит в том, что в правление Николая II самодержавие трансформировалось в «думскую монархию», просуществовавшую около десяти лет (1907-1914 гг.). После реформ 1905-1907 годов английский справочник следующим образом определял русский государственный строй: *«С 1905 г. Россия стала конституционной наследственной монархией, но фактически законодательная, исполнительная и судебная власть продолжают, в значительной степени, соединяться в лице Императора, который продолжает носить титул Самодержца»* [151, 357]. Волею монарха был введен представительный строй, причем преемственность не была нарушена — открылась новая страница в книге по имени «Российская империя».

В России установился новый строй социально-политических отношений. «Этот строй просуществовал около десяти лет; его изучали и знают меньше, — подчеркивает С.С. Ольденбург, — чем предшествующий период; можно сказать — он отошел в историю раньше, чем в нее вошел. Почти нет обстоятельных иностранных исследований, посвященных этому строю — по крайней мере его в целом. До сих пор иностранцы, говоря о царской России, нередко смешивают дореформенные порядки со временами думской монархии и удивляются, когда узнают, в какой широкой мере были в России осуществлены гражданские свободы» [151, 358].

Именно во время думской монархии начал свою деятельность один из самых умных, проницательных и решительных государственных мужей — П.А. Столыпин. Он, будучи сторонником монархии, но в ее обновленном, цивилизованном виде, стал осуществлять ряд преобразований: аграрная реформа, переселенческая политика, масштабное железнодорожное строительство, совершенствование национальных отношений, другие крупные социальные, экономические, политические начинания. Суть своих реформ он выразил в словах: «Нам нужна великая Россия».

Столыпин, как премьер-министр и министр внутренних дел, принял активное участие в проведении земельной реформы. В своей «Речи в Совете по делам местного хозяйства» 11 марта 1908 г. он сказал следующее: «Многие думают, что пока еще нет в деревне полного успокоения, необходимо все оставить по-старому; но правительство думает иначе... Правительство убеждено, что, прекращая всякие попытки к беспорядкам, безжалостно прекращая их физической силой, оно обязано всю свою нравственную силу направить к обновлению страны. Обновление это, конечно, должно последовать снизу. Надо начать с замены выветрившихся камней фундамента, и делать это так, чтобы не поколебать, а укрепить всю постройку» [151, 383]. В этих словах четко сформулирована первоначальная задача преобразований в России.

На фундаментальный характер этих преобразований

— путь агропромышленной модернизации, на которой поворачивала вся столыпинская Россия, обратил внимание Ленин, заклеив его как патриархально-реакционный, «бонапартистский». Именно он ввел и новый термин «аграрный бонапартизм» при оценке столыпинских реформ, представляющих «глубочайший сдвиг в сторону аграрного бонапартизма» [125, т. XVII, с. 273]. Что же скрывается за этим термином? А это, по Ленину, перерождение самодержавия под революционным давлением снизу из сословной монархии в общенародную с опорой не на дворянство или буржуазию, а прежде всего на крепких консервативных крестьян, которые, получив в полную собственность всю землю, становятся «удовлетворенными и реакционными» [125, т. XX, с. 406]. Это позволяет сильной авторитарной власти использовать всеобщее избирательное право в качестве средства своего господства. И хотя Ленин крайне враждебно относился к такому «черносотенному» варианту исторического развития России, он признавал шансы на его успех, ибо оно — «несомненно, прогрессивно в научно-экономическом смысле» [125, т. XVI, с. 219].

Допустим, что «аграрно-бонапартистская», по оценке В.И. Ленина, модель социально-политического преобразования общества осуществляется на практике последовательно и полно.

Столыпинская реформа удалась. Крестьяне получили землю. Так как государство стало оказывать сельскому хозяйству большое внимание (выдаются ссуды на мелиорацию, расширяется агрономическое образование, устраиваются образцовые хозяйства и опытные поля на принадлежащих казне землях), то результаты не заставили себя долго ждать. После такой реформы, когда фермеры получают доход, превышающий зарплату городских рабочих, у крестьян не возникает желания мигрировать в город и продавать себя внаем. Их приходится туда привлекать не столько деньгами, сколько интересной работой, творческим трудом. И неудивительно, что русские промышленники с их «темным мужицким демократизмом» (Ленин) в полной мере использовали естественную тягу народа к твор-

ческой целесообразной деятельности (в противовес Западу, где эта тяга подавлялась).

Наряду с земельной реформой идет *переустройство армии* на основании новейшего военного опыта, воссоздание флота и *развитие народного образования*. Наше отечество пошло бы по своему, оригинальному пути развития, не похожему на западный и в чем-то сходный с японским. В отличие от многоэтнической Японии функционирует многонациональная русская цивилизация.

Увы, все это не состоялось из-за убийства П.А. Столыпина, обернулось в итоге колоссальными жертвами для народа.

В

Восстание декабристов 14 декабря 1825 г. увенчалось успехом

Первая четверть XIX века в России чрезвычайно насыщена острыми социальными конфликтами и отмечена целым рядом неординарных событий.

Это время правления императора Александра I, пытавшегося осуществить скромные реформы (прежде всего запрет продажи крестьян без земли, т. е. ликвидация рабовладельческого элемента крепостного права), провозглашение в государевой «Грамоте Российскому народу» эпохи законности, гарантом которой выступает монархия, вмешательство России в европейский политический кризис и ее военные авантюры, закончившиеся не очень удачно, первые административные перестройки (проекты и реформы Сперанского), вторжение Наполеона в Россию, победа над «басурманом», секретная подготовка нового этапа реформ, освобождение от крепостного права крестьян Прибалтики без земли и т. д.

Однако ослабления напряженности в обществе не наступило. В 1818-1820 гг. ширятся крестьянские волнения, происходит восстание на Дону, не редкость и выступления рабочих. «Но самым серьезным было восстание 1819 года в военном поселении в Чугуеве (Украина), — отмечает А. Шубин. — Восставшие захватили оружие, перебили начальников, установили контроль над городом. Только крупный контингент войск смог подавить выступление» [Шубин А. Гармония истории. М., 1992, с. 108].

В эту эпоху патернализма произошло усиление местного дворянства — никто не вмешивается в их дела, только пос-

тоянно пугают освобождением крестьян. Губернаторы стали весьма самостоятельными, несмотря на министерскую реформу с ее отраслевым принципом управления. Дворянская элита находится в довольно непривычном состоянии вольности. Она предчувствует рождение чего-то нового, тревожащего и опасного, к чему надо готовиться, собирать силы. Процветают общества масонов, формируются и действуют тайные общества среди молодых гвардейских офицеров. «В 1814–1815 гг. в армии возникли первые тайные организации, ставившие задачей изменение существующего строя. Их основатели — М.Ф. Орлов, М.А. Дмитриев-Мамонов, А. и М. Муравьевы — считали недопустимым сохранение крепостного состояния крестьян и солдат, совершивших гражданский подвиг во время наполеоновского нашествия. Огромное влияние на офицеров оказало знакомство с европейскими порядками во время заграничного похода русской армии» [История России с древности до наших дней. С. 141].

Вполне естественно, что следующим шагом стало создание в 1816 году «Союза спасения» (Общества истинных и верных сынов Отечества) по инициативе А.З. Муравьева, Н.М. Муравьева, С.П. Трубецкого, М. и И. Муравьевых-Апостолов и И.Д. Якушкина. Эта конспиративная организация состояла из 30 патриотически настроенных молодых военных. Ее основная цель — установление конституционной монархии и отмена крепостного права.

Эту цель предполагалось осуществить при смене монархов на престоле (обсуждался вопрос и о цареубийстве). С 1818 года эта организация стала называться «Союзом благоденствия». Она приняла новый устав и затем разделилась на «Северное» и «Южное» общества. Историк и правовед В.В. Леонтович в своей книге «История либерализма в России» дает следующую характеристику членам этих организаций (декабристам): «...среди декабристов были и настоящие либералы, но бесспорно между ними было еще больше сторонников политического радикализма и даже представителей социалистических тенденций» [Леонтович В.В. История либерализма в России (1762-1914). М., 1995, с. 112]. Понятно, что при подготовке и проведении восстания 14 декабря 1825 года

главными руководителями оказались крайние элементы, а не либералы.

Как известно, восшествие на престол императора Николая I сопровождалось выступлением войск под командованием членов тайного общества декабристов на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. Согласно разработанному плану, войска должны были заставить Сенат огласить манифест к русскому народу с кратким изложением программы «Северного общества». При этом предполагалось захватить Зимний дворец, Петропавловскую крепость и убить Николая I.

Однако восстание не увенчалось успехом — восставшие рассыпались под градом обрушенной на них картечи. Несколько сот декабристов привлекли к следствию, почти половина из них были признаны виновными и подвергались различного рода наказаниям. Даже закончившись поражением, выступление декабристов вызвало эхо революционных процессов, непрестанно сотрясавших российское общество.

Какими же могли быть его последствия, оказалсь оно успешным? Какие повороты исторических судеб могло знаменовать это событие?

Попробуем представить возможную последовательность и перспективы развития страны, если бы замысел декабристов увенчался успехом:

Когда собравшиеся на Сенатской площади войска (около 3 тысяч человек) были окружены частями, присягнувшими на верность новому императору Николаю I, то восставшие отбили несколько атак конницы. В это время на площадь явился «диктатор восстания» князь С.П. Трубецкой и отдал приказ о наступлении на императорские части. В результате конница была рассеяна и захвачены орудия, из которых Николай I отдал команду стрелять картечью по восставшим. В полном соответствии с планом были заняты Зимний дворец и Петропавловская крепость, арестован император Николай I и здесь же на месте расстрелян, во избежание различного рода последующих осложнений. Затем на площадь привели членов правительствующего Сената, председатель которого огласил манифест к русскому народу, подготовленный Северным обществом. Власть в Санкт-Петер-

бурге оказалась в руках декабристов, которые создали свое правительство. Весть о победе восстания направляется членам Южного общества, которых поддержал черниговский полк во главе с П.И. Пестелем, С.И. Муравьевым-Апостолом и М.П. Бестужевым-Рюминым. Нашлись и сочувствующие армейские части, блокировавшие неблагонадежные полки царского правительства.

Исторический опыт показывает, что захватить власть — дело трудное. Однако еще труднее удержать власть в своих руках. Ситуация в российских условиях, которые декабристы стремились преобразовать, осложнялась тем, что нужны были люди, способные к проведению преобразований. Известно, что император Александр I всегда подчеркивал то обстоятельство, что одним из главнейших препятствий на пути проведения реформ в России служит отсутствие «людей». Под последними он разумел помощников, единомышленников, способных «взять реформы». По его же мнению выходило, что реформы «некем взять». Когда в 1814 году Г. Державин приехал, чтобы поздравить Александра I с победой в войне против Наполеона, император отвечал ему: «Да, Гаврила Романович, мне Господь помог устроить внешние дела России, теперь примусь за внутренние, но людей нет». — «Они есть, Ваше Величество... их искать надобно», — ответил Г. Державин [цит. по: Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. М., 1994, с. 3].

В этом споре прав оказался сановный поэт, ибо в самой элите бюрократии того времени имелись люди, на которых мог опереться император в своих преобразованиях. Здесь необходимо считаться с особенностями российского мышления, привыкшего воспринимать мир в черно-белом, контрастном цвете. Перед нами манихейский подход к миру, когда все события истории располагаются в системе координат «добро» («хорошо») — «зло» («плохо»). Данное восприятие истории не всегда укладывается в рамки научного постижения мира, но прекрасно вписывается в логику обыденного сознания. «И неудивительно, что неизменно притягательный период — от Отечественной войны 1812 года до 14 декабря 1825 года, — подчеркивает М.А. Давыдов, — для нас прочно связывается с декабристами и Аракчеев-

вым. Рядом с ними мы еще различаем несколько фигур — Пушкина, Карамзина, Вяземского и немногих других. Однако помимо них существовала и стотысячная масса русского дворянства, о которой мы не то, чтобы забываем, просто считаем, что содержание эпохи в основном исчерпывается противостоянием аракчеевцев и декабристов. Между тем противостояние это — хотя и важная, но только часть ее. Вот почему нам не обойтись без анализа породившей эти силы среды, т. е. русского дворянства конца XVIII — начала XIX века» [Давыдов. М.А. Указ. соч., с. 3-4].

Оказывается, что всегда, в любую историческую эпоху имеются лица, которые наиболее полно и глубоко по сравнению с другими воплощают свое время, наиболее выпукло отражая те или иные черты эпохи. К таким относятся в рассматриваемый нами период М.С. Воронцов, Д.В. Давыдов, А.П. Ермолов, А.А. Закревский, П.Д. Киселев и И.В. Сабанеев. Они относились к весьма популярным лицам и представляли не декабристскую и не аракчеевскую Россию. Их значимость в жизни российского общества состоит в том, что они относятся к тем, кто выступает в роли несущих опор эпохи. Они входят в состав элиты русской армии первой половины XIX века не только благодаря своему участию в великих войнах начала столетия, не только в силу своих званий и должностей, но из-за своего мощного нравственного влияния на общество. Именно перечисленные выше лица входили в ту группу генералитета русской армии, которая ориентировалась на князя П.М. Волконского, начальника Главного штаба, единственного конкурента Аракчеева (другая группа генералитета концентрировалась вокруг Аракчеева). Анализ показывает, что именно эти представители военной элиты входили в «оппозицию Его Величества»: «Они были людьми, прекрасно видевшими все пороки существующей системы, причем тем яснее, что принадлежали к элите государственных деятелей. Они порицали эту систему, они страдали за нее, как только и могут страдать люди, любящие свое Отечество, и от нее, ибо были в ней достаточно чужеродными элементами. И все же, несмотря ни на что, считали ее более подходящей для

той России, чем «мечтания» декабристов» [Давыдов М.А. Указ. соч., с.182].

Пришедшие к власти декабристы прекрасно ориентировались в сложившейся ситуации и стремились привлечь этих представителей военной элиты русской армии, чтобы воплотить в действительность свои идеалы. Последние были сформулированы еще в 1816 году на встрече молодых гвардейских офицеров в одной из казарм лейб-гвардии Семеновского полка. Здесь присутствовали Н. Муравьев — сын наставника императора, князь С. Трубецкой, братья С. и М. Муравьевы-Апостолы, И. Якушкин. Об этом живо повествует болгарская писательница В. Иосифова в художественно-документальной повести «Декабристы»: «Иван Якушкин срывается с места и бросается к друзьям. Он останавливается перед братьями Муравьевыми-Апостолами и страстно говорит:

— Поколение за поколением рождаются рабами, которые получают в наследство страну, пропитанную с древнейших времен жестокостью. Жизнь ее терзаема алогизмами и противоречиями.

Никита Муравьев поправляет густые свои черные волосы. Волнение переполняет его. Он громко говорит:

— В условиях самодержавной власти, когда и дышать мучительно трудно, где даже вздох мужика подвержен издевательствам и мукам, мы, офицеры России, молчим. Довольно молчать!

Трубецкой... говорит тихо:

— Мы понимаем, почему Петр I решил прорубить окно в Европу. Через это окно должна была войти передовая культура, проникнуть современные знания, разнообразные науки.

Теперь поднялся Никита Муравьев:

— Но он открыл окно лишь для своего правящего сословия. Деревянные жилища нашего народа остались с соломенными крышами! Крестьяне и при нем гнули спину, ходили в лаптях или в лучшем случае зимой в домашних валенках.

— Это несуразности и противоречия русской империи! — вмешался Сергей Муравьев. — Но его увлекательный пример перед нашими глазами! Не забывайте, что Петр I распахнул это окно не безвольной рукой. Просвещенный властелин орудовал с топором в руке, сокрушая тяжелые

стены консерватизма» [Иосифова Б. Декабристы. М., 1989, с. 10-11].

Чтобы воплотить в жизнь свои идеалы и цели, декабристы после прихода к власти проводят съезд для объединения «Северного» и «Южного» обществ и принятия решения конституции. На нем решили, что наиболее привлекательной в глазах стотысячного дворянства на нынешнем этапе преобразований российского общества будет конституция Н.М. Муравьева. На ее создание сильное влияние оказали европейские и особенно американская конституции, с которыми этот декабрист был хорошо знаком. «Он говорил зрелым юридическим языком своего времени, а не лепетом наивного и неподготовленного политического мечтателя». Очевидно также, что если Н. Муравьев «считал нужным положить два рубля в сутки на содержание русского депутата, так не потому, что в Род-Айленде клали на это столько-то долларов, а потому, что он прикидывал, во что обойдется по русским ценам пристойное содержание избранника народа; приличествующее его общественному положению» [Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955, т. I, с. 378-379]. И хотя при написании своей конституции Н. Муравьев использовал самые разные источники, в том числе и американские, он понимая своеобразие англо-саксонского права и поэтому трансформировал заимствованные принципы в соответствии с действующим русским законодательством и собственными теоретическими положениями.

По конституции Н. Муравьева во главе исполнительной власти стоит император. Его prerogatives как «верховного чиновника российского правительства» во многом напоминают права и обязанности президента США. Император «соединяет в особе своей всю исполнительную власть», является верховным начальником «сухопутной и морской силы», назначает «посланников и министров, и консулов и представляет Россию во всех отношениях с иностранными державами», имеет право «останавливать действие законодательной власти и принуждает ее ко вторичному рассмотрению закона» [Конституция Н.И. Муравьева // Сборник документов по истории России с древнейших времен до второй четверти

XIX в. Екатеринбург, 1993, гл. X, параграф 101]. Вето императора отменяется, если Народное вече вновь примет отвергнутый закон большинством в 2/3 голосов. Немаловажно и то, что власть императора является наследственной по прямой линии от отца к сыну. На основании данной конституции императором России объявляется старший сын Николая I Александр II, который родился в 1818 году. Понятно, что от его имени всеми делами управляло правительство; главное здесь заключалось в том, что в общественном сознании русского народа и правящего сословия сохранилась преемственность при реформировании общества. И действительно, основная масса дворянства, за исключением весьма консервативной части, пошла на сотрудничество с новым правительством декабристов.

Это связано с тем, что предложенная конституция охраняла привилегии господствующего сословия, владеющего основными богатствами страны. Россия провозглашалась конституционной монархией, организованной на принципах федерализма. Всей полнотой законодательной власти обладало Народное вече, состоящее из двух палат: Верховной думы и Палаты представителей. Территория России разделялась на 13 держав и две области (Московскую и Донскую), причем каждая держава посылает в Верховную думу трех граждан. Московская область — двух, Донская — одного представителя. «Народное вече собирается, по крайней мере, раз в год». Примечательна такая конституционная норма: *«Никакой должностной человек, в службе общественной находящийся, не может быть членом ни той, ни другой палаты, пока будет сохранять свою должность»* [Конституция Н.М. Муравьева. Параграфы 79, 85].

Император обязан «при каждом съезде обеих палат доставлять Народному вече сведения о состоянии России и представлять его суждению принятие мер, которые ему покажутся необходимыми или приличными» [Конституция Н.М. Муравьева. Параграф 101, пункт 13]. Власть императора ограничена более, нежели права президента США, специальными оговорками. Так, например *«не может употреблять войск во внутренности России в случае возмущения, не*

сделав о том предложения Народному вече, которое немедленно обязано удостовериться посредством следствия о необходимости военного положения» [Конституция Н.М. Муравьева. Параграф 101, пункт 15].

Важным и оригинальным является ограничение прав лиц, служащих при дворе императора: «придворные звания не дают особам; носящим оные, права почитать себя в общественной службе... и потому, они не получают ни жалованья, ни каких-либо вознаграждений из общественно-го казначейства... Сверх того, они лишаются на то время прав гражданства, т. е. права избирать и преимуществ быть избранным на общественную должность, поелику они находятся в частном служении» [Конституция Н.М. Муравьева. Параграф 104]. Все эти ограничения были связаны с конкретными условиями русской действительности — непомерным влиянием двора на политику императора. Характерно также и то, что члены семьи императора «не пользуются никакими особыми правами и преимуществами» [там же. Параграф 103].

О сохранении и укреплении привилегий правящей элиты свидетельствует наличие в конституции огромного имущественного ценза. Например, для избрания членом Верховной думы требовалось не только достижение 30-летнего возраста, 9 лет гражданства в России для иностранца, но и *«недвижимого имущества ценою на 1500 фунтов чистого серебра или движимого на 3000 фунтов серебра»* [Параграф 75]. Это означает, что право на участие в управлении государством обеспечивается богатством.

В то же время с отменой крепостного права земля, как один из основных видов богатства, осталась у прежних собственников, крестьяне же получили по 2 десятины (не следует забывать, что один гектар равен 0,44 десятины), что стало источником социального напряжения в стране.

Введение муравьевской конституции положило начало довольно противоречивым процессам в развитии российского общества. Декабристы критически осмыслили западную действительность, подвергли аналитическому изучению различные сферы общественных отношений и использовали сильные стороны в качестве образцов для перестройки об-

щественной жизни России (все это в концентрированном виде и вошло в действующую конституцию). «Последнее обстоятельство было совершенно новым. Если екатерининский вольтерьянец, пусть не в полной мере, но все же в общих чертах начал улавливать, в чем состоит суть западной цивилизации, и в этом отношении между ним и представителем поколения декабристов существуют лишь количественные различия, то в плане выводов, которые делали для себя из познания этой цивилизации люди двух названных исторических типов, между ними лежит пропасть качественных ценностных расхождений» [Оболонский А. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994, с. 88]. Иными словами, произошедшее изменение можно выразить формулой: русские дворяне осознали себя гражданами своего отечества. Немаловажным является и то, что *действующая конституция отменила сословное деление и гарантировала законодательным путем гражданские и политические права всем представителям бывших сословий.*

И Вместе с тем необходимо считаться с теми социальными процессами, которые стали развиваться на развалинах сословного общества. Переход от отношений крепостничества к буржуазным порядкам порождает немалое число «отщепенцев», или «аутсайдеров», которые выпали из прежних социальных структур. Увеличивается миграция больших масс из деревни в города и между городами. Вчерашние крестьяне превращаются в ремесленников и купцов, многие из которых дают своим детям образование. Светское образование получают и многие дети священнослужителей, что открывает им путь и к другим занятиям. Индивиды переходят из одной социальной группы в другую не один раз в течение своей жизни, изменяют свои ценностные ориентации.

Вроде бы открывается невиданный раньше простор для развития личности, чтобы он стал наконец «неповторимой человеческой индивидуальностью». Кажется, что теперь-то начинают осуществляться идеалы гвардейцев Семеновского полка.

Однако все в действительности оказывается не так просто. Это относится, в первую очередь, к крестьянам (следует помнить, что Россия является крестьянской страной).

«Отпадение масс людей от устойчивых систем коллективных представлений порождает падение нравов, рост преступности, пьянство, хулиганство, бессмысленную жестокость» [Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994, с. 15].

Происходит рост числа «аутсайдеров» (люмпенов). К тому же крестьяне остались фактически без земли.

Не следует забывать и то существенное обстоятельство, что «восстание декабристов повело к распаду тех групп, которые изучали и обсуждали либеральные идеи», что «вместе с ними исчезла почва, на которой могла бы развиваться либеральная идеология» [Леонтович В.В. Указ. соч., с. 113]. И хотя восстание декабристов вспыхнуло, как известно, под знаменем либерализма, оно способствовало укреплению в России революционной традиции в силу самого насильственного характера этой акции: таким образом, сама идеология и практика декабристов в зародыше содержала социалистический тоталитаризм.

Логика развития установленной нами системы в итоге привела к тому, что на первый план выдвинулся П.И. Пестель, составивший программный документ «Русская правда».

В силу ряда причин (рост числа люмпенов, недовольство крестьян тем, что им не отдали необходимое количество земли и пр.) возросла социальная напряженность. Этим воспользовался П.И. Пестель, обладавший замашками диктатора, и при поддержке С. Муравьева (вспомним его тезис о необходимости террора, чтобы сокрушить стену консерватизма) и других радикально настроенных декабристов, он устанавливает республиканский строй в стране. Теперь в качестве конституции принимается его «Русская правда», согласно которой Россия становится строго централизованным государством. Земельный фонд делится на общественную и частную половину. Освобождаемые крестьяне получают земельные наделы, а в промышленности устанавливается свободная конкуренция [см. из «Русской правды» П.И. Пестеля // Сборник документов по истории России с древнейших времен до второй четверти XIX в. Екатеринбург, 1993].

П.И. Пестель на практике осуществил знаменитую фразу Н.И. Тургенева «*Le president, — sans phrases*», т. е. «пре-

зидент, без лишних слов». Фактически он становится диктатором и использует всю силу террора, чтобы подавить сопротивление консервативных сил. К сложившейся ситуации вполне применимо то, что случилось во времена Великой французской революции 1789 года. «Сколько веков подряд, считая только от Гуго Капета, накапливалась растущая от столетия к столетию масса злобы, обмана, притеснения человека человеком! Грешили короли, грешили священники, грешил народ. Явные негодяи шествовали, торжествуя, украшенные диадемами, коронами, митрами: еще вреднее были скрытые негодяи со своими прекрасно звучащими формулами, благовидностью, благонаправием и пустотой внутри. Раса шарлатанов стала многочисленной, словно песок на морском берегу, пока наконец не скопилось столько шарлатанства, что, образно говоря, им стали тяготиться и земля, и небо... Жатва на ниве, вспаханной долгими столетиями, в последнее время желтела и созревала все быстрее, и вот она созрела и снимается так быстро, будто всю ее хотят убрать за один день. Снимается в этом царстве террора и доставляется домой, в царство теней» [Карлейль Т. История французской революции. М., 1991, с. 480]. П.И. Пестель сыграл роль Робеспьера, создав фактически прообраз тоталитарного государства.

В результате Россия пережила эпоху террора, затем эволюционировала от диктатуры к демократическому режиму и стала высокоразвитой страной уже в конце прошлого столетия.

В реальности же этот сценарий мировой цивилизации не воплотился в жизнь. Его основные параметры оказались реализованными почти через 100 лет после восстания декабристов.

Покушение на Распутина в 1916 году не удалось

фигурой Г. Распутина связан весьма причудливый, маловероятный, но все же в силу стечения ряда обстоятельств имевший шансы осуществиться такой сценарий мировой истории, *который основан на выходе царской России из первой мировой войны.*

При рассмотрении этого несостоявшегося варианта всемирной истории целесообразно исходить из новой интерпретации в высшей степени загадочной личности Распутина, предложенной на основе многолетних исследований деятельности «старца», или «народного царедворца» В. Фалеевым. Он пишет: «Вчитываясь в архивные документы, в прижизненные газетные и журнальные публикации о Распутине, в мемуары дипломатов и политиков, где отражена деятельность старца Григория, я понял, что Григорий Ефимович Распутин — это совсем не та личность, образ которой сложился по воспоминаниям его убийц. Есть Распутин, служащий коммерческим целям! Это эротоман, пьяница, шарлатан, гипнотизер и «немецкий шпион»... Его образ создан политическими памфлетами, рожденными борьбой политических амбиций. Потом уже «обработан» художественной фантазией талантливых писателей и режиссеров... Но на самом деле не блаженный Гришка, а реальный политик, самобытный крестьянский философ пророческого склада, христианский демократ. Образ Сатаны, всеми правдами и неправдами пробравшийся в царский дворец, соблазняющий светских дам и нянек царских детей, — это увлекательная, но злая сказка» [196, 59].

Распутин — вождь духовных христиан (так называемых «хлыстов» — христоверов, чье кредо звучит так: «Всякий мужчина может стать Христом, каждая женщина — Богородицей») имел мистическую убежденность в обновлении церкви и преобразовании России, считал энергичную трудовую деятельность реальным путем освобождения крестьян из тисков нищеты и зависимости. Он выражал интересы той части российского крестьянства, которая не желала войны, а стремилась к миру и мирному труду [169, 62], поэтому Распутин видел прозорливо необходимость выхода России из войны. Он считал себя спасителем России, и основания для этого имелись, о чем свидетельствует сложившаяся в конце XIX — начале XX века ситуация.

В начале царствования Николая II его политика выражалась формулой: «будущее России — в Азии». Это значит, что неиссякаемый источник сил и средств Россия могла обрести благодаря своему доминированию в Азии. Такие общественные деятели того времени, как князь Э.Э. Ухтомский, исходили из необходимости органического вращивания нашего отечества в Азию, в нахождении общего языка с Китаем, из существования глубокого духовного сродства России и Азии. Ухтомский писал: «Для Всероссийской державы нет другого исхода, — или стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетавшей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения, потому что Европа сама по себе нас, в конце концов, подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы будут еще опаснее, чем западные иноплеменники» [151, 105-105]. Эти взгляды разделял Вл. Соловьев, хотя и опасался нового нашествия монголов на Европу, первой жертвой которого опять должна будет стать Россия. Достаточно вспомнить его знаменитое стихотворение «Панмонголизм».

Тем временем рост русского влияния в Азии, усилившийся в связи с постройкой Транссибирской магистрали, тревожил и Японию, и Запад.

«Большая азиатская программа» России крайне беспокоила иностранные державы и вызвала разжигание русофобии. В любопытном меморандуме от 12 февраля 1902 года Бюлов писал: «Бесспорно, к самым примечательным

явлениям момента принадлежит постепенное выявление антирусского течения, даже там, где этого меньше всего ожидаешь... Для меня растущая русофобия — установленный факт, в достаточной мере объясняющийся событиями последней четверти века». Далее он указывает на быстрый рост русской мощи в Азии, на ожидающийся распад Турции [151, 199].

Это факт — экономический подъем России перед началом первой мировой войны вызывал страх и зависть других держав. Поэтому американские миллионеры и японские деятели субсидировали революционное движение в России (понятно, что русские революционеры не щадили жизни за дело революции, но они не отказывались от помощи внешних врагов нашего отечества), что, в частности, способствовало поражению России в войне с Японией, а в более широкой перспективе привело к свержению царя и гибели императорской России [151, гл. 10].

Революционное брожение охватило и армию, неся хаос и разрушение стране. Генерал А.И. Деникин пишет, что еще в 1907 году он четко представил опасность различного рода митингов, революций, советов и того, что «можно ожидать от разнузданной, лишенной сдерживающих начал солдатской черни» [56, 77]. Опасения генерала с фотографической точностью были воспроизведены в 1917 году. Крестьяне хотели мира и земли, чем и воспользовались революционеры всех мастей, разрушив руками масс Российскую империю. Вот почему поражает дальновидность Распутина — когда 29 ноября 1916 года германский канцлер предложил России заключить сепаратный мир, то Распутин посоветовал Николаю II пойти на это. Неудивительно, что против выступали великий князь Николай Николаевич и представитель Государственной думы Родзянко.

В результате в особняке князя Юсупова, куда его заманили, а после неудачной попытки отравить Распутина застрелили. Тело убитого увезли на острова и сбросили в польню.

Это убийство представляет собою начало государственного переворота, считает В. Фалеев и в пользу своего мнения приводит высказывания А. Блока: «Пуля, его прикончившая, попала в самое сердце династии» и З. Шаховс-

кой: «Если бы Государь послушался Распутина и заключил бы тот Брест-Литовский мир, то в России не было бы революции» [196, 59].

Что же произошло бы дальше, если бы покушение на Распутина не удалось, и Николай II принял совет старца о заключении сепаратного мира с Германией?

Тогда события разворачиваются в следующем порядке.

Прежде всего, вопреки протестам многочисленных политических партий, нападавших на любые попытки императора Николая II заключить сепаратный мир с Германией, население империи с радостью встретило этот акт. Всенародная поддержка помогла царю сломить сопротивление военной партии, поддерживаемой французским послом М. Палеологом (ибо Франция вместе с Англией была заинтересована в продолжении войны России против Германии и ее союзников: выход России из войны резко ослаблял их собственные позиции). Царь в данном случае нашел опору в многочисленной российско-немецкой аристократии, занимавшей высшие должности в правительстве и армии и не желавшей войны с Германией. О симпатиях обрусевших немцев свидетельствует, например, такой случай в аристократическом петербургском клубе. Один из генералов царской свиты сказал: «Наши уже подходят к Риге» (речь идет о войне 1915 года). «Кто это наши?» — спросили его. «Разумеется, немцы», — ответил генерал. «Как вы смели, — возмутились присутствующие, — будучи русским генералом, выражать симпатии немцам...» — «Господа, — ответил генерал, — я верный слуга Его Императорского Величества, но позвольте мне быть немцем» [257, 165]. Генерал относился к той группе людей, которые считали конфликт с Германией чем-то ненормальным, вредным, противоречащим естественному порядку вещей и губительным для российского государства. Эти силы выступили на стороне Николая II и фактически установили военную диктатуру.

Офицеры-монархисты быстро навели порядок — члены военной партии, носители аристократических фамилий и придворных званий, интриговавших против императора, банкиры, издатели, адвокаты и профессора, а также руково-

дители многочисленных партий, выступавших против царского режима, были изолированы от общества. Большая часть армии была демобилизована, солдаты вернулись домой, где уже начали работу землеустроительные комиссии, продолжавшие столыпинские преобразования в сельском хозяйстве. Все крестьяне получили свои наделы — одни в своих родных местах, другие переселялись в Сибирь и на Дальний Восток.

Продолжалось строительство железных дорог, где трудились артели; их высокопроизводительный труд позволил в довольно короткое время покрыть Российскую империю густой сетью путей сообщения.

Немалые средства были выделены на развитие народного образования и к 1928 году уже везде в стране обязательным было начальное образование, готовились перейти к всеобщему среднему образованию.

И хотя война ослабила экономически наше отечество, однако проведенные столыпинские реформы динамизировали развитие страны, и она быстро достигла необычайной экономической, военной (армия и флот были качественно преобразованы), политической и научно-технической мощи.

Здесь следует отметить, что выход России из войны имел важные международные последствия. Он поставил в тяжелое положение Францию и Англию — их ждало полное поражение со стороны германских войск. Только вмешательство Соединенных Штатов Америки, чья 4-миллионная армия высадилась на европейском континенте, спасло Антанту от сокрушительного разгрома. Правда, американским войскам тоже досталось от воинственных германских генералов. В результате был заключен мир между воюющими державами, причем Германия и ее союзники не только сохранили довоенные позиции, но и получили небольшую контрибуцию от своих противников (исключая Россию). Все это помогло стабилизировать ситуацию в европейских странах. Они занялись своими делами в экономической сфере.

Россия несколько отошла от европейских дел (хотя и следила зорко за происходящими событиями на европейском континенте), ибо она стала осуществлять, прерванную ранее «великую азиатскую программу».

К 1920 году была завершена приостановленная в связи с первой мировой войной «Большая программа», целью которой ставилась реорганизация императорской армии и усиление артиллерии. Наряду с этим большое внимание уделялось и выполнению утвержденной еще 23 июня 1912 года «Программы усиленного судостроения», чтобы пополнить Балтийский, Тихоокеанский и Черноморский флоты. Ведь при ее помощи Николай II стремился воплотить в жизнь свои самые сокровенные мечты и надежды. В рескрипте морскому министру И.К. Григоровичу он писал относительно дня утверждения программы судостроения, что он является «днем великих надежд для России», ибо «флот должен быть воссоздан в могуществе и силе, отвечающих достоинству и славе России». Отметив упорство, с которым морское министерство провело уже ряд мер по поднятию боеспособности флота, Николай II заявил: «Как бы ни были важны сами по себе все эти меры, они имеют значение подготовительной работы к осуществлению основной задачи, от которой зависит и наша внешняя безопасность и наше международное положение. Эта задача — наряду с правильной постановкой сухопутной обороны соорудить и флот, соответствующий по своей численности и боевым качествам потребности России». Теперь с ассигнованием на это необходимых средств на И.К. Григоровича с его ведомством возлагается священный долг «выполнить великое историческое предназначение», в его руках «будущее России как морской державы... честь и слава родной земли» [Морской сборник. 1912. № 7, с. 1]. Осуществление этих программ, в частности, было нацелено на то, чтобы решить старую проблему, связанную с Турцией, чей распад был спрогнозирован уже в начале XX. Советский историк К.Ф. Шацилло в своей книге «Россия перед первой мировой войной» пишет: «Летом 1913 г. морское министерство России совместно с министерством иностранных дел решило разработать и представить в правительство многолетний план политики царизма в проливах. Он предусматривал «разрешение» этой проблемы в пользу России в 1918-1919 гг». [Шацилло К.Ф. Россия перед первой мировой войной. М., 1974, с. 91].

К 1920 г. императорское правительство с учетом опыта

первой мировой войны сумело создать целые отряды десантных судов и подводных лодок для всех своих трех флотов. Это оказалось очень кстати, ибо окончательно прояснилась ситуация с османской империей, потерпевшей тяжелое поражение в первой мировой войне. И хотя Германия поддерживала ее, она распалась — арабские территории перешли под англо-французское управление. В самой Турции началась гражданская война между сторонниками султана и приверженцами Ататюрка (Мустафы Кемалья), осложненная действиями греческой армии, которая опустошала плодородные долины, изгоняла тысячи турок. Следует отметить, что за султаном и греками стояли Франция и Англия, стремившиеся руками греческой армии навязать договор Турции с целью ее расчленения.

Понятно, что Россия не была заинтересована в контроле Запада над Турцией, и поэтому она вмешалась в происходящую гражданскую войну. Кемаль-паша и его соратники нашли общий язык с правительством России: с ней было заключено соглашение о контроле России над проливами и о включении в ее состав части бывшей Великой Армении. В обмен на это Великое национальное собрание Турции во главе с Кемаль-пашой получило от России, заинтересованной в ослаблении влияния своих главных конкурентов, оружие, боеприпасы и золото. Россия к тому же содействовала подписанию мирного договора между Турцией и Грецией таким образом, что обе стороны оказались ей благодарны. С тех пор Турция вошла в сферу влияния России и всегда сотрудничала с ней, не забывая о своих интересах.

Императорская Россия обеспечила себе прочный тыл в регионе Черного моря и Кавказа и поэтому свое внимание сосредоточила на осуществлении восточной политики, направленной в сторону Дальнего Востока. Для этого в столицах Российской империи, а также во Владивостоке и Иркутске были созданы мощные научные академические и университетские центры по изучению проблем Азии, особенно Индии, Китая и Японии. Полученные данные использовались правительством в целях проведения гибкой и адекватной политики. Не следует забывать, что Азия — это не Африка; здесь существуют большие государства с древней и своеобраз-

разной культурой, глубокими и прочными традициями своей обычной цивилизации. И поскольку ключевым вопросом для России являются отношения с Китаем, постольку пристальное внимание уделяется прежде всего Китаю, где происходят сложные социальные процессы.

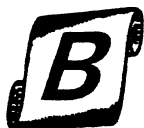
В то время, как иностранные державы стремились расчленить Китай на части и установить там свое влияние, Россия выступала за сохранение его целостности, что естественно следует из «великой азиатской программы». Вот почему, когда Япония начала агрессию программы против Китая в 1932 г., российские военные силы (армия и Тихоокеанский флот), обеспечивая безопасность своего китайского союзника, нанесли серию хорошо подготовленных ударов по японским вооруженным силам. Японии пришлось оставить в покое Китай и подписать мирный договор, по которому Россия вернула себе территории, захваченные Японией в русско-японской войне 1904-1905 гг.

Вся политика России нацелена на превращение страны в евразийскую державу, и это принесло свои плоды. Экономическая, политическая, военная, интеллектуальная сила и потенциал нашего отечества выросли во много раз по сравнению с довоенным 1913 годом, когда оно не только кормило полмира своим хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами, но и набирало высокие темпы развития промышленности, когда золотой запас превышал наличие банкнот, когда процветали наука и культура.

Развитие России осуществляется по собственному пути — евразийскому, сходному с японским, но все-таки вполне своеобразному. Это позволило ей использовать свое преимущество как страны, находящейся между Западом и Востоком; она воспринимала все научные и технические идеи и достижения как и на Востоке, так и на Западе, ассимилировала их, перерабатывала и продуцировала собственные, рождаемые творческим гением русского народа. Все это позволило России без всяких трудностей вступить в технократическую эпоху и занять достойное место среди цивилизаций мира.

Однако все получилось иначе, война до победного конца привела к революции.

Ленин скончался в 1939 году

последнее время столкнулись прямо противоположные оценки роли Ленина и руководимой им партии в исторической судьбе России.

Согласно первой точке зрения, классовую борьбу в России 1917 года невозможно было остановить, большевистская революция была закономерным ее результатом и не могла быть «непорочной». Советские историки Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов в своей книге «История и конъюнктура» подвергают критике сторонников идеи «послушной истории революции»: «Выходит, что, захватив власть, большевики должны были сохранить буржуазные партии, которые ожесточенно им сопротивлялись и готовили вооруженную реставрацию прошлого. Большевики должны были позволить оппозиционным газетам оказывать мощное влияние на общественное мнение и стать орудием организации контрреволюционных сил, направленных на свержение власти, конституированной II Всероссийским съездом Советов. Большевики должны были отвергнуть опыт всех предыдущих революций и действовать, взяв власть, как обычные реформаторы. Тогда, может быть, большевикам вообще не следовало брать власть?» [19, 254]. Вполне понятно, что Ленин принимал как должное жестокости небывало свирепой революционной борьбы. И в то же время, считает другой историк, А.И. Козлов, «мы даже сегодня до конца не подозреваем, что читаем Ленина по-сталински» [164, 160-161]. Иными словами, нужно не «идеологизировать» Ленина и его политику, а постараться трезво и реалистично оценить тогдаш-

нюю ситуацию в нашей стране, чтобы с этих позиций вынести непредвзятое суждение.

Противоположная точка зрения утверждает, что Ленин и его партия являются преступниками, что их деяния в ходе революции и гражданской войны незаконны. Ярким выражением такого подхода представляется роман Ю.П. Власова «Огненный крест. Историческая исповедь», написанный на основании документов. «История советского государства, — пишет Ю. Власов, — представляется сегодня уже не как славная борьба трудового народа с капиталистической несправедливостью, а как история становления, развития и укрепления бюрократической партийной диктатуры. Это история сведения участия народа в государственной жизни к пустой формальности. Это история жестокого и беспросветного насилия над народом именем партии, именем нового святого — Ленина. Все это заставляет другими глазами смотреть на ленинизм, революцию и гражданскую войну. Совершенно другим предстает наше прошлое: не традиционно-героическим и славным, а мучительно-кровавым восхождением в якобы светлое будущее. Обманное будущее...» [38, ч. I, II]. В этом произведении отнюдь не идеализируется дореволюционное прошлое России, но показывается «мракобесие» ленинизма. В конце книги автор делает следующее резюме: «Вожди «победоносного учения» вдруг разом предстали не великанами духа, ума, а безнравственными захватчиками власти, настоящими палачами...» [38, ч. II, 590]. Ленинизм здесь рассматривается с позиций нравственности, что вполне правомерно и позволяет осмыслить отнюдь не простые проблемы одной из сложнейших и труднейших полос нашей истории.

И все же не следует поддаваться всплеску эмоций или оставаться в плену догм, когда старые мифы сменяются новыми. Необходимо последовательно-критически (в лучшем смысле этого слова) исследовать феномен Ленина, показать подлинного Ленина как революционера и политика, чтобы получить более или менее адекватное представление о тех днях становления системы советской власти.

Это предполагает обращение к упоминавшейся выше триаде — **собственность, власть и нравственность**, ибо без этого невозможно осмыслить реальные пути исторического разви-

тия любого общества, в том числе и советского варианта социализма.

Эта триада неразрывно связана с внешне невинным вопросом: как и почему люди трудятся?

Нам известны три типа исторических и исторически сформированных мотивационных структур: внеэкономическое принуждение (физическое принуждение), экономическое принуждение (материальный фактор) и моральные стимулы (например, энтузиазм труда, духовно-нравственная потребность трудиться). Первая структура характерна для докапиталистических классовых обществ, вторая присуща капиталистическому способу производства, основанному на принципе свободного найма рабочей силы, третья же никогда не была исторически опробирована в массовом масштабе и достаточно длительно (хотя прекрасным примером этой мотивационной структуры служит деятельность наших духоборов).

В дореволюционной России достаточно хорошо «работала» вторая мотивационная структура. Благодаря этому буржуазное общество представляет собою саморегулирующуюся и самонастраивающуюся систему.

В ходе революции и последовавшей затем гражданской войны с ее жестокостями с обеих сторон (белый и красный террор) капиталистические структуры были разрушены полностью. Перед новой властью встала проблема, как заставить работать людей в новых условиях, ибо без развития производительных сил неизбежен крах социализма. После периода чрезвычайного положения («военного коммунизма») моральные факторы привлечения к труду не дали скольконибудь существенных результатов, предпринимаемые в этом направлении усилия кончались экономическим фиаско. Не случайно, что деятели революции настаивали на средствах внеэкономического принуждения (впоследствии Сталин ввел трудовые лагеря), что Троцкий в послереволюционный период выдвинул постулат милитаризации труда и предоставления социалистическому государству полной свободы в распоряжении рабочей силой.

Ленин как гибкий и реалистично мыслящий политик после восстаний тамбовских крестьян под предводительством

Антонова (так называемая «антоновщина»), кронштадтского «бунта» выдвинул концепцию новой экономической политики, или НЭПа. Известный английский советолог Э. Карр в своей фундаментальной монографии пишет: «Философия НЭПа, хотя и поощряла государственные учреждения заняться торговлей, тем не менее настаивала на том, что торговлю нужно вести на принципах рынка, без вмешательства государства; поэтому она так же враждебно была настроена к любому контролирующему органу, как и практика военного коммунизма, хотя и по другой причине» [93, 666-667].

Принятие НЭПа означает, что Ленин совершил «коренную перемену» в господствующих тогда взглядах об исключительной роли насильственных, внеэкономических методах строительства социализма.

Сама ленинская концепция НЭПа была внутренне противоречива, ибо, с одной стороны, речь идет о «рыночном» НЭПе, а с другой — о «плановом, бестоварном» социализме как конечной цели¹. Это противоречие могло разрешиться двумя способами: «либо свертыванием НЭПа и переходом к «плановому, бестоварному» социализму, либо радикальным обновлением в «рыночном» духе модели социализма» [86, 139]. После смерти Ленина был осуществлен первый вариант «снятия» этого противоречия, повлекший за собою уничтожение массы крестьянства, старой ленинской гвардии, массовые репрессии, установление власти номенклатуры с вождем на верхушке ее пирамиды.

Вот и возникает вопрос: что было бы, если бы Ленин не умер в январе 1924 года, а прожил бы еще лет пятнадцать?

Очевидно, на практике смог бы осуществиться второй вариант разрешения противоречия концепции НЭПа.

Поэтому *представим себе, что Ленин не умер тогда,*

¹ Известный американский экономист русского происхождения В. Леонтьев пишет об открытом характере экономической теории Маркса: «Листая страницы трудов Маркса, легко обнаружить множество намеков и предположений, которые могут быть интерпретированы как провозвестники почти всех современных теоретических конструкций» [126, 103]. Ленинская концепция НЭПа и представляла собою одну из интерпретаций Марксовой теории.

и посмотрим на возможный ход событий в нашей стране. При этом следует иметь в виду эволюцию его мысли: сначала доказательство возможности госкапитализма при диктатуре пролетариата, общая характеристика тогдашнего общественного строя Советской России, затем большое внимание к корпорации как основному пути сохранения и развития социалистических тенденций в условиях НЭПа. Здесь существенны следующие два фактора: во – первых, ленинская концепция перехода к социализму в российских условиях отнюдь не была директивой и не представляла собой жесткий план, а гибкая, диалектическая система подходов, способная измениться соответственно изменяющимся условиям [86, 140]; во – вторых, качества Ленина как государственного мужа, как хладнокровного политика, добивающегося поставленной цели. В связи в этом необходимо привести характеристику Ленина, данную ему его политическим оппонентом В. Черновым: «Ум у Ленина был энергический, но холодный. Я бы сказал даже: это был прежде всего насмешливый, язвительный, цинический ум. Для Ленина не могло быть ничего хуже сантиментальности. А сантиментальностью для него было всякое вмешивание в вопросы политики морального, этического элемента. Все это было для него пустяком, ложью, «светским поповством». В политике есть лишь расчет. В политике есть лишь одна заповедь: добиться победы. Одна добродетель: воля к власти для осуществления целиком своей программы. Одно преступление: нерешительность, упускающая шансы успеха» [216,81]. Ленин вывернул наизнанку, наоборот известное изречение военных, что «война есть продолжение политики, только иными средствами», и позволял себе переноситься «по ту сторону совести» в отношении врагов своего дела.

Он прекрасно понимает силу теории в решении практических задач, поэтому всегда подвергает тщательной теоретической проработке ту или иную проблему, требующую решения. Автору данной работы пришлось посетить в Кремле Музей-квартиру Ленина и первое, что бросилось в глаза — это богатейшая библиотека по самым различным проблемам. Гид отметила громадную работоспособность вождя Октября, проработывавшего ежедневно 800 страниц текста.

Он умел сразу извлекать суть проблемы и делать верные выводы. Так, свою знаменитую работу «О кооперации» он написал на основе тщательной проработки книги А.В. Чаянова. Затем его внимание привлекли труды Н.Д. Кондратьева, в которых изложены теоретические положения, позволяющие решить проблему индустриализации страны наименее болезненным способом.

Ленин сразу оценил подход Кондратьева, исходившего из экономических методов включения значительной части сельского населения в объективно необходимый процесс индустриального преобразования страны. Такой подход направлен против политического способа разрешения этой проблемы, подразумевающего принесение крестьянства в жертву индустриализации [173, 22].

С присущей ему энергичностью Председатель Совнаркома стал проводить в жизнь перспективный план развития экономики, обозначенный Кондратьевым, тем более, что он был созвучен его собственным мыслям.

Ленин принял концепцию кондратьевского перспективного плана развития народного хозяйства на 1923-1928 годы, суть которого состояла в следующем:

- рациональное сочетание директивного и индикативного, рекомендательного планирования;
- исходным является план-прогноз, план-предвидение, определяющий стратегическую линию развития народного хозяйства на длительный период;
- построение плана в динамике, что дает возможность определять реальность выполнения заложенных проектов развития взаимосвязанных отраслей;
- рациональное сочетание плана и рынка под непосредственным контролем государства [173, 23-25].

Отныне функция союзного Госплана состоит в разработке стратегической линии развития, согласовании методов построения планов, применяемых на местах, обобщении итогов плановой деятельности местных органов. Таким образом, Госплан стал мозговым центром экономики, освободился от решения текущих дел, что снизило опасность разработки некомпетентных планов.

В жизнь был проведен и план социального развития де-

ревни, предложенный Кондратьевым и созвучный ленинской трактовке социалистического преобразования сельского хозяйства. В данном случае была признана опасной нарастающая нивелировка крестьянства к середняцкому типу, что не позволяло государству из-за чрезвычайно низкой товарности сельскохозяйственного производства иметь в достатке хлеб для внутреннего потребления и на экспорт. Ведь экспорт хлеба и других продуктов сельского хозяйства служил источником накопления средств для индустриализации страны. Поэтому в действие ввели предложенную Кондратьевым кооперативную снабженческо-сбытовую систему, которая к тому же способствовала изменению отношений собственности в деревне, становлению коллективных форм хозяйства.

Вместе с тем Ленин учел и выводы Чаянова об эффективности индивидуальных крестьянских хозяйств. Поэтому наряду с крупными коллективными хозяйствами получили распространение и фермерские хозяйства.

Сельское хозяйство за счет роста производства и аграрного экспорта позволило стать на ноги легкой промышленности, и эти два сектора народного хозяйства выступили в качестве источников средств развития тяжелой индустрии страны. В результате продуманной политики экономика страны к середине 30-х годов достигла уровня развитых цивилизованных государств мира. Страна стала, как и задумывалось ленинским кооперативным планом, социалистической, сочетающей план и рынок, которые выступают средством повышения жизненного уровня населения, способствуют раскрытию творческого потенциала человека.

Одновременно с динамичным развитием экономики происходили существенные перемены в области науки и культуры. Особое внимание обращалось на подготовку высококвалифицированных специалистов, которые к тому же осваивали все достижения мировой культуры. Неудивительно, что в Советской России наступил расцвет науки, что в академических институтах и вузах работают А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, В.И. Вернадский, Н.И. Вавилов и другие крупные ученые, пользующиеся мировой известностью. На небывалые высоты поднялась культура с ее многообразными течениями и направлениями, где нашлось место и крестьянским

поэтам, и живописцам-авангардистам, и писателям-реалистам и т. д.

Мощный культурный подъем, в свою очередь, способствовал укреплению экономической силы и связанной с нею обороноспособности нашего отечества. Последнее было необходимо, ибо в Европе уже сгущались тучи новой мировой войны — в Германии к власти пришел Гитлер, стремившийся завоевать для нее «жизненное пространство».

Чтобы обезопасить страну от возможного нападения немецких фашистов, Ленин проявляет свои незаурядные дипломатические способности. Так как Советская Россия стала достаточно богатой страной, он решил выплатить царские долги иностранным государствам-кредиторам в течение определенного срока. Это значительно улучшило отношения Советской России с ведущими капиталистическими странами, тем более, что в идеологической сфере был снят лозунг с мировой революции (Ленин убедился, что он не отвечает международным реалиям). Советский Союз был принят в Лигу наций, что облегчило ему заключение пакта о дружбе и взаимопомощи с Англией, Францией, Соединенными Штатами Америки, Польшей, Чехословакией.

В результате война с Германией была отодвинута на два года, а когда она началась, то вооруженные силы союзнической коалиции в течение короткого срока разгромили военную машину гитлеровского рейха. Нацистское правительство пало, к власти пришли демократические силы, которых не могли до конца уничтожить террористические службы Гитлера, в том числе из-за поддержки Советского Союза. Наше отечество не очень пострадало от войны, после нее оно продолжало развиваться по пути социалистической демократии.

Но действительность оказалась совсем иной.

Советский Союз начал войну против фашистской Германии

овсем недавно наша страна отпраздновала полувековой юбилей победы над фашистской Германией, которая очень дорого обошлась советскому народу. Согласно последним официальным данным, в Великой Отечественной войне погибло 27,5 млн человек.

Долгое время в советской историографии господствовала точка зрения о том, что Советский Союз не успел подготовиться к войне. «Неизбежность агрессии фашизма и, следовательно, раньше или позже войны с гитлеровской Германией в Советском Союзе, — подчеркивает Д. Проэктор, — осознавалась повсеместно. На протяжении ряда лет страна делала все, чтобы организовать оборону. После начала второй мировой войны в этом направлении были приложены новые усилия. Однако история отвела нам слишком небольшой отрезок времени» [Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985, с. 271].

Советский Союз стремился любым способом предотвратить войну, оттянуть ее начало и не дать Гитлеру повода для агрессии. Общая обстановка оставляла некоторую надежду, что Германия не будет нападать до тех пор, пока она не обеспечит себе тыл на Западе, ибо война на два фронта является рискованной авантюрой. К тому же Гитлер провел достаточно эффективно меры по дезинформации, одной из которых являлась военная операция против Англии. Необходимо учитывать и позицию Сталина, не сумевшего воспользоваться благоприятной ситуацией, когда в 1940 году практически все вооруженные силы Германии были заняты на Западе, и счи-

тавшего, что он переиграет Гитлера. Вот почему, «несмотря на настораживающий ход событий, СССР до самого начала войны с Германией не мог поверить в неизбежность немецкого нападения» [Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. М., 1992, с. 266]. Более того, наша страна увеличила поставки в Германию. Правительство отказывалось принимать во внимание многочисленные сообщения о готовящемся на СССР нападении и не укрепило должным образом западные границы.

Целый ряд историков считает, что Сталин и Молотов осознавали угрозу нападения Германии, но надеялись на отсрочку до осени, что давало возможность СССР подготовиться к войне к 1942 году. Поэтому, дескать, с целью зондажа Сталин решил опубликовать знаменитое сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года, которому историки придают большое значение. Приведем текст этого сообщения ТАСС: «Еще до приезда английского посла в СССР г. Крипписа в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз в свою очередь стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

Тасс заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового,

более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо» [цит. по: Верт А. Россия в войне 1941-1945. М., 1967, с. 78].

Сейчас это знаменитое сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года осмысливается совершенно иначе, нежели каких-нибудь 5 лет назад. Вышли книги В. Суворова «Ледокол» и «День «М»», И. Бунича «Операция «Гроза», или ошибка в третьем знаке», в которых обосновывается мысль о том, что Советский Союз готовился напасть на Германию [см. Суворов В. Ледокол. Кто начал вторую мировую войну? Киев-Черкассы, 1993; День «М». Когда началась вторая мировая война? Черкассы, 1994; Бунич И. Операция «Гроза», или ошибка в третьем знаке. В 2 кн. СПб., 1994]. Версия Суворова основана на речи Сталина перед выпускниками Академий Красной Армии в Кремле 5 мая 1941 года. В ней, якобы, была сформулирована новая стратегия Красной Армии — наступательная. Сам В. Суворов не имел перед собой текста этой речи Сталина, он использовал материалы немец-

ких историков, построенных на допросе советских офицеров, слышавших эту речь и попавших в плен в начале войны. Против версии В. Суворова выступает израильский ученый Г. Городецкий, который в беседе с обозревателем журнала «Новое время» Л. Безыменским *на вопрос, «планировал Сталин нападение или нет?» дал отрицательный ответ* [Анти-«Ледокол». Беседа Л. Безыменского с Г. Городецким // Новое время. 1995, № 11, с. 34].

В последнее время появились материалы, свидетельствующие о том, что дискуссия о подготовке Сталиным наступательной войны против Гитлера переходит на совершенно иной уровень. Спор уже основывается на анализе документов и фактов, зафиксированных официально. Недавно опубликованы материалы, относящиеся к этой дискуссии, и оказывается, что концепция новой стратегии Красной Армии сформулирована Сталиным не в речи перед выпускниками военных академий, а в реплике во время произнесения тостов на этом приеме. «Российская газета» приводит следующую стенограмму: «Выступает генерал-майор танковых войск. Провозглашает тост за мирную сталинскую внешнюю политику. Тов. Сталин: Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, — теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, нашу агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная армия современная армия, а современная армия — армия наступательная» [Кириллов А. Стратегия «трибуны» и «банкета» // Российская газета. 24 июня 1995].

Само намерение Сталина развязать войну против гитлеровской Германии не вызывает сомнений. Иное дело, что для этого необходимо было осуществить целый комплекс мер, без которых невозможно вступление в войну СССР.

Попытаемся промоделировать этот неосуществленный сценарий мировой истории, учитывая реальную расстановку сил того времени. При этом будем исходить, несмотря на ожесточенные споры историков, из того, что в 1941 году Сталин и не помышлял о наступлении, трезво оценивая состояние Красной Армии и оборонной промышленности.

«Теоретически Советский Союз превосходил Германию (и ее союзников) не только в живой силе, — пишет Н. Грант, — но и в количестве самолетов, танков и даже артиллерии. Но цифры, однако, создавали ложную картину. Около 80% советских самолетов представляли собой устаревшие типы. Большинство танков было оснащено слишком легким вооружением, чтобы быть эффективным средством ведения войны (во время войны русские произвели самый лучший танк второй мировой войны — Т-34, однако он начал поступать на вооружение в значительных количествах только в 1943 году). Короче говоря, Советский Союз не был готов к нападению и был плохо вооружен для его отражения» [Грант Н. Конфликты XX. Иллюстрированная история. М., 1995, с. 204]. Неудивительно, что по оценке Сталина наша страна могла быть готова к современной войне в 1942 году. Он питал надежду, что Гитлер не нападет до этого времени. Будем исходить из допущения, что в силу различных причин Гитлер отложил осуществление плана «Барбаросса» на весну 1942 года. Этим и воспользовался Сталин, который решился наконец-то объективно оценить информацию, доставленную ему разведкой.

Кстати, об эффективности работы разведывательных органов в то время И. Бунич пишет следующее: «Советская разведка глобальна. В мире нет тайн, не попадающих в ее всевидящее око. Собственная сеть, сеть Коминтерна, завербованные эмигранты, завербованные английские, французские, испанские и бельгийские аристократы, немецкие и итальянские антифашисты, руководство католической церкви, мощные еврейские круги, социал-демократические круги — дают такой поток информации, в котором впору захлебнуться и который просто невозможно анализировать. Впрочем, от советской разведки это и не требуется. Анализом разведанных занимается лично Сталин и только Сталин» [Бунич,

И. Указ. соч. кн. 1. с. 44]. И вот Сталин, используя эти разведанные, решил, что пришла пора действовать.

Концентрация ресурсов страны на цели вооружения позволила быстро модернизировать Советские Вооруженные Силы, обеспечить ускоренный выпуск новейших образцов танков, самолетов, кораблей и автоматического оружия. В 1941 году было вдвое больше изготовлено танков «КВ» (2400 штук), чем это предусматривалось Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 марта 1941 года [см. О производстве танков «КВ» на 1941 год // Известия ЦК КПСС. 1990, № 2, с. 202-203] и вдвое больше танков Т-34, чем определялось Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 5 мая 1941 года [см. О производстве танков Т-34 // Известия ЦК КПСС. 1990, № 2, с. 204]. Всего за этот год было произведено 8000 танков с великолепными характеристиками. Полностью была реализована в этом же году программа выпуска самолетов — всего 20150, среди них львиная доля приходится на боевые самолеты. Помимо этого, были приняты меры к укомплектованию Вооруженных Сил надлежащими командирскими кадрами. Об этом шла речь в справке-докладе начальника Управления по начальствующему составу РККА Наркомата Обороны СССР Е.А. Щаденко, представленной 20 марта 1940 года [см. О накоплении начальствующего состава и пополнении им Рабоче-Крестьянской Красной Армии // Известия ЦК КПСС. 1990, № 1, с. 177-185]. Отмобилизованная Красная Армия насчитывала около 8 млн человек, причем она была прекрасно оснащена новейшим вооружением.

Генеральный штаб разработал план стратегического развертывания мощной группировки войск в западной части СССР и приведения войск в состояние боевой готовности. Само собой разумеется, что все детали этого плана были тщательно проработаны.

Чтобы дезориентировать германский генеральный штаб, была проведена колоссальная мистификация: на советском Дальнем Востоке был развернут мощный кулак сухопутных войск и приведен в состояние боевой готовности Тихоокеанский флот, чтобы якобы нанести удар по Японии. Сталина обуревали имперские амбиции, и он прекрасно помнил о том, что Страна восходящего солнца нанесла поражение импера-

торской России, в результате чего «среди прочего Япония получала Порт-Артур и Дайрен, другие города в Маньчжурии, южную половину Сахалина и право определять будущее Кореи» [Грант Н. Указ. соч., с. 28]. Не забыл он и о том, что Япония пыталась весьма активно вмешиваться во внутренние дела Российской империи — финансировала оппозиционные партии и ввозила оружие, в том числе и на Кавказ [см. Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция. М., 1993]. Не было предано забвению и то, что Российская империя намеревалась в 1923 году взять реванш у Японии за свое поражение в войне 1904-1905 гг. Подобно гитлеровской мистификации, получившей имя «Морской лев» и нацеленной на Англию, по распоряжению Сталина была разработана операция «Красный тайфун» — план вторжения в Маньчжурию и Японию. К этому времени Япония уже увязла в войне с Соединенными Штатами Америки после нападения на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе. Умело организованная «утечка» информации об операции «Красный тайфун» вовремя дошла до Гитлера, на которого она и была рассчитана.

Сталин уже колеблется и готов напасть на фашистскую Германию и заодно, после блицкрига на Западе, и на Японию. Вся экономика страны, подпитываемая англо-американскими инвестициями, работает на вооруженные силы. За последние четыре года, начиная с 1938 года, практически полностью переведенная на военные рельсы, экономика выдала уже десятки тысяч орудий, тысячи новейших самолетов и танков, сотни кораблей разных классов и подводных лодок, чье число превысило количество подлодок США, Англии, Японии и Германии вместе взятых. «Сталин доволен. Создано почти тройное военное преимущество над любой комбинацией возможных противников. Пожалуй, можно начинать. Начинать осторожно, постепенно, не зарываясь...» [Бунич И. Указ. соч., кн. 1, с. 56].

И Сталин отдает Генеральному штабу советской армии приказ начать военные действия против фашистской Германии, осуществить операцию под кодовым названием «Гроза». Она зашумела и загремела на линиях связи между фронтовыми, корпусными и дивизионными штабами. Из сотен

сейфов были извлечены толстые красные пакеты с надписью: «Вскрыть по получении сигнала «Гроза». В них оказались пачки оперативных приказов с названиями прусских, польских и румынских городов и населенных пунктов, которые предписывалось взять в первые 72 часа после начала операции. На приложенных секретных картах красные стрелы тянулись к Варшаве и Копенгагену, Берлину и Кенигсбергу, Бухаресту, Будапешту и Вене.

Общая обстановка в частях и соединениях советской армии характеризуется следующим образом. «На Северо-Западном фронте, — пишет И. Бунич, — командир танковой дивизии доблестный полковник Черняховский. Вскрыв свой красный конверт, не минуты не колеблясь, бросил свои танки в наступление на Тильзит, имея целью, захватив его, развивать наступление на Кенигсберг, как и было указано в извлеченном из пакета приказе... На Западном фронте танковая дивизия 14-го механизированного корпуса под командованием заместителя командира дивизии подполковника Сергея Медникова одновременно с немецкими танками, но в другом направлении форсировала Буг и начала наступление на Демблин, как и было приказано вскрытым красным пакетом... На Южном фронте несколько дивизий, уже тайно развернутых в междуречье между Днестром и Прутом, успели вторгнуться на территорию Румынии, поддержанные ураганным огнем мониторов Дунайской флотилии» [Бунич И. Указ. соч., кн. 2, с. 645-646]. Бойцы и командиры советской армии с воодушевлением принимали участие в операции «Гроза», ибо верили, что настал, наконец, час решительного удара по германскому фашизму, по этой коричневой чуме.

На Северо-Западном направлении действовали два фронта — Северо-Западный и Северный под общим командованием генерала армии К. Мерецкова. В полном соответствии с полученным приказом, запустившим в ход операцию «Гроза», эти фронты на первом этапе захватили Восточную Пруссию, на втором — остатки Финляндии и Норвегии и после особого распоряжения оккупировали Швецию. Свою задачу решал и Западный фронт, войска которого в результате ряда операций захватил и Польшу, Чехословакию и вышли на берлинское направление. Войска Южного фронта сумели во-

рваться в Румынию, лишив Германию нефтяных промыслов, заняли Венгрию, Австрию и совместно с частями армии И. Тито выбили немцев из Югославии. Затем они заняли Италию и разгромили прежде всего немецко-фашистские войска, итальянские же воинские части сдались на милость победителя.

Итальянские партизаны сумели захватить Б. Муссолини вместе с его зятем, министром иностранных дел Чиано и передали их в руки советского военного командования, отправившего их в Москву.

После этого все силы были сконцентрированы на Берлине, взятом в кольцо советскими войсками.

В это время группа влиятельных немецких генералов устроила заговор, в результате которого были арестованы Гитлер, Геринг, Геббельс и другие руководители нацистской Германии. Ускользнуть удалось только Гиммлеру, однако и того случайно застрелил советский военный патруль. Пришедшие к власти генералы-заговорщики пытались заключить с Советским Союзом перемирие, однако им была предложена безоговорочная капитуляция. Голос рассудка оказался наиболее сильным аргументом при обсуждении этих условий советского военного командования, и берлинский гарнизон капитулировал. Арестованные нацистские военные преступники были воздушным путем, под прикрытием нескольких эскадрилий, доставлены в Москву для допроса и следствия, чтобы предстать затем перед судом за совершенные преступления против собственного народа.

После ликвидации вооруженных сил фашистской Германии советские армии вступили во Францию, Данию, Голландию и Испанию. Западная Европа попала под власть Советского Союза, который неизменно расширился за счет вступления в него новых советских социалистических республик, возникших на развалинах буржуазных государств. Следует иметь в виду и то немаловажное обстоятельство, что под протекторат СССР попали практически все колонии западно-европейских стран, находящиеся в Африке, Азии и Южной Америке.

И здесь начинает набирать обороты сталинский террор, благо есть сеть концентрационных лагерей, прекрасно при-

способленных для заполнения новыми жертвами. Дело в том, что начиная с сентября 1940 года в Советском Союзе развернулось небывалое строительство новых лагерей, несмотря на то, что действующая система ГУЛАГа и без того ежегодно принимала по сталинской разнарядке около миллиона новых заключенных. В ход пошла также система немецких концентрационных лагерей, в том числе Освенцим, Трешлинка и др. Прежде всего эти новые «зоны» предназначались для немцев, о чем свидетельствует приказ Сталина (N 7116 от 16 декабря 1944 года): «В период с 25 декабря 1944-го по 10 января 1945 года мобилизовать и интернировать для работ в СССР всех трудоспособных немцев — мужчин в возрасте от 17 до 45 лет и женщин от 18 до 30 лет...» Однако это относилось не только к немцам, но и к представителям других европейских стран: «Мобилизации подлежат как подданные Германии и Венгрии, так и подданные Румынии, Югославии и Чехословакии независимо от занимаемых должностей и выполняемых обязанностей... Разрешается взять с собой одежду и 15-суточный запас продовольствия...» Интернированию подлежали также итальянцы, французы, испанцы, голландцы, бельгийцы и другие.

В жизнь было претворено решение весьма сложной проблемы, поставленной Сталиным еще в 1940 году, когда это никому и в голову не приходило. «А вопрос был очень сложным, — замечает И. Бунич, — куда девать население Германии, Дании, Бельгии, Голландии, Франции, Италии, Испании, разных там Румыний, Венгрий и что там еще есть в Европе? Примерно треть предполагалось ликвидировать, треть — перевоспитать на месте, а треть — перевоспитать в СССР, перевоспитать трудом в Сибири, Заполярье и Северном Казахстане» [Бунич И. Указ. соч., кн. 2, с. 41].

По приказу Сталина арестовываются все крупные ученые и инженеры, в том числе специалист в области ракетной техники В. фон Браун, известный физик В. Гейзенберг, работающий в области атомного оружия, и др. Им предоставлены довольно сносные условия, чтобы они работали над секретными видами оружия. Арестованы и расстреляны почти все известные буржуазные писатели, поэты и иные представители творческой интеллигенции (Сталин как верный про-

должатель дела Ленина помнил фразу последнего, что «интеллигенция — это говно...»). В живых оставили только тех из них, кто поставил свой талант на службу «вождю всех народов и всех времен», восхваляя его в своих произведениях.

В результате успешного проведения операции «Гроза» в руки Советского Союза попала вся Западная Европа с ее трехсотмиллионным населением и огромным промышленным потенциалом.

Это подогрело аппетиты Сталина, и он решил продолжить свою имперскую экспансию. Она началась в весьма необычной форме, что еще раз подчеркивает восточное коварство и изощренность ума большевистского вождя.

В свое время Ленин пришел к идее, что крах капиталистической системы можно приблизить при помощи инфляции, «запустив» в мир капитала массу фальшивых денег. По его личному указанию еще в 1918 году ВЧК были организованы секретные лаборатории по производству фальшивых денег и документов. После 1938 года эти лаборатории были изъяты из ведения НКВД и переданы в подчинение международному отделу ЦК ВКП(б), или лично Сталину. Ничего нет удивительного в том, что в «особой папке» имеется секретное постановление Политбюро от 10 ноября 1940 года. «О передаче в порядке помощи немецкой стороне клише и технологии для изготовления банкнот британских фунтов стерлингов». Теперь все эти лаборатории стали работать на полную мощность. В результате страны Британской империи были наводнены фальшивыми банкнотами, что действительно вызвало расстройство финансовой системы зоны фунта (аналогичная операция была проведена и против американского доллара).

Следующим этапом стало военное нападение на Англию, когда она была окружена кораблями военно-морских сил СССР. В ходе операции десантники захватили Лондон и все остальные крупные города. Затем пришла очередь Соединенных Штатов Америки, увязших в войне с Японией. Американские вооруженные силы не могли противостоять закаленным в военных действиях советским армиям, они подверглись разгрому.

После оккупации США ничего не стоило расправиться с

Японией, получившей наконец-то по заслугам. Советские войска были введены в Иран, Турцию и Индию. Само собой разумеется, что были разгромлены гоминьдановские войска, причем Маньчжурия (вместе с Кореей) была присоединена к Советскому Союзу. Остальная часть Китая отдана Мао Цзэ-дуну, но опять-таки под протекторатом СССР. В итоге осуществилась мечта Ленина — возникла Мировая Советская Социалистическая Республика, с капиталистической системой покончено навсегда, во всем мире господствует социализм в его сталинской версии. В отличие от Ленина Сталин сумел переиграть определенные круги на Западе и материализовать еще недавно «бродивший по Европе призрак» в мрачную действительность его мирового господства.

В действительности подобного рода сценарий мировой цивилизации остался неосуществленным. И слава богу! В противном случае сам этот возможный сценарий не смог бы быть написан.

Сталин умер в 1960 году

Б

уквально фантастически звучит сценарий мировой истории, связанный с допущением о том, что Сталин завершил жизнь не 5 марта 1953 года, а на 7 лет позже, в 1960 году. *Однако стоит «проиграть» и такой вариант*, тем более, что не так давно вышло повествование В. Ершова «Коридоры смерти». Построенное на документах, опубликованных материалах, авторских воспоминаниях и рассказах очевидцев; в нем описывается то, что *могло произойти бы в случае отсрочки смерти Сталина всего на сутки* [72].

Значимость прочтения такого неосуществленного сценария следует и из того, что в последнее время в отечественной прессе и публицистике проводится отождествление фашизма и большевизма. В этом наши публицисты не оригинальны, ибо еще в 1931 году испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в своей известной книге «Восстание масс» проводил своеобразную параллель между большевизмом и фашизмом (они различаются только знаками) — ведь они есть «не что иное, как псевдовосход человечества, за которым не следует утра завтрашнего дня, а наступит все тот же вчерашний день, который уже столько раз приходил» [153, 120-121].

Отождествлению фашизма и большевизма способствовали как манипуляции нацистами терминами и символами рабоче-социалистических движений (А. Баллок в книге «Гитлер: исследование тирании» отмечает, что Гитлер именно у социал-демократов взял идеи партии и массовой пропаганды, что его завораживал марш рабочих колонн [240,

40-41]), так и подобие методов и приемов политической деятельности нацистов и большевиков (это признавал, в частности, Н. Бухарин [71, 239]).

И все же в этой проблеме наиболее глубоко разобрался Н. А. Бердяев, который, с одной стороны, считал аналогичными «русский коммунизм» и немецкий национал-социализм, с другой — подчеркивал их несовместимость с социализмом. В своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма» он писал: «Сталинизм, то есть коммунизм периода строительства, перерождается незаметно в своеобразный русский фашизм. Ему присущи все особенности фашизма: тоталитарное государство, государственный капитализм, национализм, вождизм и, как базис, — милитаризованная молодежь. Ленин не был еще диктатором в современном смысле слова. Сталин уже вождь-диктатор в современном, фашистском смысле» [8, 42]. При этом он подчеркивал, что социализм является объективно закономерной стадией развития человечества: «Движение к социализму — к социализму, понимаемому в широком, не доктринерском смысле, — есть мировое явление» [8, 43].

В последнее время многие исследователи пришли к выводу, что понятийный аппарат («социализм», «коммунизм», «капитализм», и т. д.) уже не адекватен сущности систем, созданных Гитлером и Сталиным. Широкое хождение для их характеристики получило понятие «тоталитаризма» в его различных вариантах (европейские фашистские и социалистические страны, некоторые азиатские, африканские и латино-американские режимы). Во всяком случае политологи суммировали основные признаки тоталитарных режимов:

- стремление к насильственному преобразованию общества и человека;
- однопартийная диктатура с харизматическим вождем;
- сращивание господствующей партии с государством;
- абсолютно централизованная экономика;
- террористическая тайная полиция;
- монополярная идеология;
- «коллективизм», сводящий к минимуму суверенитет отдельного индивида [115, 8].

Для классификации тоталитарных режимов применяются понятия типа «левые» и «правые», «фашистские» и «красно-фашистские» и т. д., что позволяет выявить общие и специфические черты различных тоталитарных государств.

И наконец, буквально в 1922 году вышла книга «Квинтэссенция: философский альманах», где советское общество и подобный ему общественный строй, сложившийся на разных континентах, не признается ни капиталистическим, ни социалистическим. «Это строй, — пишут О.И. Шкартан, В.В. Радаев, — с особыми, устойчиво воспроизводимыми чертами, которые знаменуют утверждение новой, самостоятельной общественно-экономической формации. В ее основу легло уничтожение частно-капиталистической собственности (как правило, вместе с ее представителями) и непосредственное (насильственное, внеэкономическое) обобществление государством решающей массы средств производства. Его можно именовать этакратическим» [96, 102]. Причем, утверждают эти авторы, неправомерно отождествлять с социализмом этакратическое общество, в основе которого лежит «государственный способ производства» (раньше употребляли не совсем точный термин «азиатский способ производства»). Это значит, что история движется нелинейным путем и, что Сталин стоял во главе властно-правовой иерархии, или административно-командной системы, подобно восточному деспоту.

Такой подход позволяет *смоделировать развитие событий в Советском Союзе, от которого зависела бы судьба и всего мира, проживи Сталин еще семь лет.*

Прежде всего готовилась расправа с евреями, когда в конце 40-х — начале 50-х годов началась «борьба с космополитизмом». «Именно в эти годы, в конце 1948 года, были ликвидированы Еврейский антифашистский комитет (его руководители были казнены 12 августа 1952 года), а также многие еврейские культурные учреждения. Начались массовые аресты евреев — артистов и писателей, прежде всего творивших на языке идиш, а также других деятелей культуры — тех, кто в какой-либо форме проявлял инте-

рес к еврейским проблемам. В 1949 году началась кампания против «космополитизма». В январе 1953 года было объявлено о «деле врачей», обвинявшихся в том, что они «злодейски подрывали здоровье больных», ставили неправильные диагнозы, неправильным лечением губили пациентов» [155, 88-89].

Это была прелюдия к тотальному уничтожению евреев, живущих в Советском Союзе. Вполне вероятно, что Сталин уже при выселении немцев из Поволжья в Казахстан подумал о евреях: «Ах, как ОН сожалел о том, что эти выскочки, болтуны, краснобаи не жили на территории страны компактно, как он завидовал государствам, державшим их в черте оседлости, где их, подобно крымским татарам или калмыкам, можно было накрыть в считанные часы, дать возможность взять с собой только самое необходимое, оставив на месте дорогую мебель, ковры, рояли, ценности (в богатстве всех евреев он, подобно обывателям, не сомневался; правда, единственный из них, у кого Он был в доме, Каганович, жил не шикарней прочих членов Политбюро)... Не сажать, а швырять их в грузовики, затыкать орущие глотки, гнать машины по проселкам, по ухабам, пусть летят через борта, под колеса идущих сзади, пусть корчатся в пыли, в снегу ли, пусть взывают к своему Иегове о помощи, о спасении — пусть взывают к Нему, Великому и Любимому товарищу Сталину, земному Богу, справедливому и милосердному, — ничто не поможет им, обреченным Его волей...» [194, 134-135]. Однако тогда этого нельзя было сделать по весьма существенным причинам, евреи нужны были для борьбы с фашистской Германией, учитывая их влияние в странах Запада.

До этого Сталин проводил весьма осторожную политику в отношении лиц еврейской национальности, чтобы мировое общественное мнение не обвинило его антисемитизме. Иное дело, что ему удалось сорвать «замыслы по созданию в России государства под управлением сионистов»; этакой «земли обетованной», центра притяжения всей диаспоры, ликвидировав конкуренцию Троцкого и его соратников...» [39, кн. 2, 257].

Вся борьба Сталина с Троцким прекрасно описана в книге Д. Волкогонова «Троцкий». Именно Троцкий был одним из основных архитекторов большевистской тоталитарной системы и он же стал ее жертвой. Сталину на руку было представить Троцкого в определенном свете: «Многие за рубежом все еще верили, что они со Сталиным затеяли дьявольскую игру: герой русской революции выехал за рубеж, чтобы готовить экспорт революции» [39, кн. 2, 160], а потом все объяснилось борьбой за власть двух конкурентов, и один из них оказался неудачником¹.

О том же, как Сталин расправился с евреями — представителями старой ленинской гвардии, руководителями НКВД, работниками ряда государственных учреждений, рассказывается в книге комиссара НКВД А. Орлова (Л. Фельдбина), оставшегося в 1938 году в США, которая называется «Тайная история сталинских преступлений» [152]. Иными словами, была создана картина борьбы за власть между двумя бывшими соратниками по революционной борьбе.

Сталин тогда проводил единственно верную политику в отношении евреев, не выделяя их из числа других народов; это объясняется тем, что он «хорошо понимал могущество всемирной сионистской империи, не имевшей названия и границ, но захватившей ключевые позиции в экономике (а следовательно, и в политике) Англии, Соединенных Штатов и других стран», что «в борьбе с фашизмом сионистская империя была... самым надежным союзником» [194, 257]. Ведь Гитлер стремился к полному истреблению евреев, и поэтому еврейский мир Запада оказывал всестороннюю поддержку тому, кто противостоял фашизму.

Теперь же Сталин (когда война с немецкими фашистами была выиграна и Советский Союз обладал громадной военной мощью) решил окончательно «решить» проблему евреев, т. е. осуществить их депортацию в районы Сибири и Дальнего Востока. И все пошло по накатанному сцена-

¹ Эта борьба дорого обошлась нашему народу — ознакомившись с подготовленной Троцким рукописью «Преданная революция», Сталин окончательно решился на развертывание массовых репрессий [39, кн. 2, 186].

рию — вначале путем идеологической кампании о вреде «космополитизма», когда в «Правде» от 28 января 1949 года напечатали редакционную статью «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Начались обсуждения и осуждения «всяких шмулей и ищиков» на собраниях творческой интеллигенции. К евреям прилипла кличка «безродный космополит». Таким образом была подготовлена моральная атмосфера в обществе, позволяющая «бить жидов».

Затем начался следующий акт тщательно спланированной акции. С Казанского вокзала под звуки оркестра был отправлен поезд «Москва — Биробиджан. Экспресс особого назначения», в котором находились евреи, согласившиеся осваивать Восточную Сибирь. «Вагоны были еще дореволюционные, вагоны первого класса, их и отобрали, тщательно отремонтировали, обновили, двери сверкали полировкой, надраенной медью ручек, инкрустацией, — пишет В. Ерашов, — мягкая ковровая дорожка глушила шаги; в купе горели — чтобы была видна исправность каждой — все лампочки; новехонькое белье пахло хорошим одеколоном; в открытых напоказ шкафчиках-барах каждого купе поблескивали бутылки с разноцветными наклейками; на столиках — коробки дорогих конфет; в тисненых лидеринных корочках памятки пассажиру — расписание движения, перечень услуг; душ и туалет на два соседствующих купе; имеются два вагона-ресторана, работают круглосуточно, прилагается меню; если уважаемые пассажиры пожелают, можно через проводника пригласить к себе официанта; работает клуб-вагон; телеграммы принимаются проводником и передаются по радио немедленно; свежие газеты получают на станциях не позже десяти утра и разносят по купе» [72, 147]. Экспресс особого назначения двинулся в путь, рассчитанный на четверо суток вместо положенных семи.

К этому времени севернее Биробиджана заключенные-строители, которым были обещаны амнистия и награды особе-отличившимся, сдали под ключ благоустроенный поселок. После этого их отвели за несколько километров от него, выстроили в шеренгу и расстреляли из пулеметов.

Убитых похоронила сотня оставшихся заключенных-строителей, их тоже расстреляли на краю последней ямы. Их зарыли охранники, которых уничтожил специальный взвод, прибывший чуть позже. Всего таких поселков, разбросанных по глухим местам Хабаровского края, Амурской области и Якутии, насчитывалось два десятка. Их приготовили специально для московских евреев, тогда как судьбу остальных решили иначе.

В Москве началась операция под кодовым названием «Восток»; в ней приняло участие сто десять тысяч (по двое на каждую еврейскую семью) сотрудников госбезопасности и милиции. В два часа ночи 14 марта 1953 года всех евреев (кто сопротивлялся, тому надевали наручники) погрузили в заранее подготовленные предприятиями и учреждениями грузовые машины и автобусы и привезли на вокзалы столицы. Там всех евреев погрузили в пять тысяч теплушек армейского образца из расчета сорок человек на вагон, вывели поезда на Окружную дорогу с интервалом в десять минут и через Казань по спецмаршрутам отправили на Восток.

Одновременно с этим красный экспресс особого назначения «Москва — Биробиджан» проследовал через станцию Слюдянка, выскочил на отрезок пути, разрушенный сотрудниками госбезопасности, рухнул под откос и сразу сгорел (он был начинен в багажниках под полом канистрами с бензином для пущей надежности). Организовавшие катастрофу офицеры МГБ были расстреляны. Утром было передано «Заявление ТАСС» о том, что в два часа ночи 14 марта 1953 года в районе станции Слюдянка агенты сионистской организации «Джойнт» пустили под откос специальный поезд с их соотечественниками, ехавшими осваивать богатства Сибири. Вслед за этим по всей стране прокатилась хорошо продуманная «стихийная» волна еврейских погромов, в результате которой все евреи в Советском Союзе были полностью уничтожены.

Эта акция была предпринята Сталиным для того, чтобы осуществить далеко идущие планы по уничтожению капиталистического Запада (советские евреи могли передать информацию о задуманных планах на Запад, что постави-

ло бы их существование под угрозой). Он стремился претворить в жизнь положение, высказанное Молотовым в 1926 году на XV партконференции: «... Политика нашей партии есть и остается политикой окончательного триумфа социализма в мировом масштабе...» [220, 91].

Этому благоприятствовали некоторые факторы, характеризующие международную обстановку. В последний год войны американские банкиры и промышленники поставили задачу создания «мира по-американски», где США должны были занять господствующее место и одновременно остановить мировой революционный процесс. Международный империализм не оставлял «намерений взять реванш, нанести контрудар по мировому социалистическому содружеству и другим силам мирового революционного процесса, используя для этого все средства, в том числе и вооруженное насилие» [74, 338]. На подъеме находился Китай, чьи интересы в строительстве социализма требовали дружбы и союза с СССР.

Однако благодаря успехам в Китае стали проявляться националистические тенденции, трактующие остальные народы как «варварские» [247, 72-73]. В Китае Мао Цзэ-дун фактически находился во главе военно-бюрократической диктатуры. Сталин же был «монархом» во имя интересов пролетариата (В. Молотов).

Наконец, в середине 50-х годов влияние американской гегемонии стало ослабевать, а мощь мирового социализма расти [257, 221].

Советский Союз располагал атомной и водородной бомбами. После запуска первого в мире спутника Сталин потребовал ускорить работы по созданию спутников с космонавтами, что и было осуществлено в 1959 году. Сталин и Мао Цзэ-дун заключают между собой секретное соглашение, согласно которому была сформирована стомиллионная китайская армия, где были советские офицеры. Был составлен план ведения войны против стран Запада. В нем предусматривался при поддержке китайских частей десант 14-й армии, расположенной на Чукотке, на Аляску и развитие наступления на США, а также внезапное нападение на американские войска, расквартированные в Южной Корее

и Японии. Само собой разумеется, нанесение удара советско-китайских соединений по Западной Европе. В итоге Запад уничтожен, оставшиеся в живых оказались во власти восточных деспотов.

К счастью, этот сценарий мировой истории не состоялся. Сталин умер вовремя.

Андропов приходит к власти в 1976 году

Известны слова Черчилля о России — «секрет, возвращенный в тайну, скрывающую в себе загадку». Их можно отнести к Ю.В. Андропову, которого после прихода его на пост высшего руководителя Советского Союза мировое общественное мнение восприняло как сфинкса. Причем любопытно, что одни называли его «тайным либералом», другие считали его «отвратительней змеи» [181, 5]. Иными словами, сразу возникли два «имиджа» Андропова, и нелегко разобраться в том, какой из них соответствует реальности, какой из них является подлинным, а какой апокрифическим. Удивительного в этом ничего нет, ибо он на протяжении 15 лет занимал пост руководителя одной из самых мощных в мире служб госбезопасности (их шефы предпочитают не рекламировать себя, оставаясь обычно в тени).

Эмигрировавшие из Советского Союза в 1977 году В. Соловьев и Е. Клепикова в своей книге «Заговорщики в Кремле: от Андропова до Горбачева», основанной на ряде «независимых» источников и реконструированных фактах, пытаются дать негативный образ Андропова. Они считают, что он сам создал себе лирический образ: «утонченный интеллектуал, разборчивый эрудит (принадлежность к карательной организации только добавляла остроты в сверкающий букет достоинств), снисходительный либерал, знающий языки и накоротке со всей европейской культурой» [181, 87]. Дескать, Андропов пустил легенду о знании им английского языка, о чтении перед сном в оригинале философских опытов Монтеня. На самом же деле у него

низкий образовательный уровень, беспросветная унылая юность. породившая пласт обид: «Настоящий Андропов проще, грубее, примитивнее и невежественней. Настоящий Андропов знал о Монтене лишь понаслышке и не читал его не только по-французски, но и в добротном русском переводе, выпущенном в период хрущевской оттепели. Настоящий Андропов не читал даже Макиавелли, которого мог бы взять себе в учителя» [181, 87].

Понять этих авторов вполне можно, ибо для них Андропов неприемлем в политическом плане.

Однако это не значит, что следует исказить образ одной из крупнейших фигур Советского государства (тем более, что он для них не был доступен в общении; их знание о нем весьма опосредованно и не очень достоверно).

Наверно, стоит обратиться к тому, кто достаточно хорошо знал Андропова. Для этого достаточно открыть книгу «кремлевского врача» Е. Чазова «Здоровье и власть». В ней отмечается масштабность мышления, высокий уровень общего развития, аналитические и дипломатические способности Андропова. Е. Чазов пишет: «Несомненно, это был человек, беспредельно, не на словах, а на деле преданный идеалам социализма и коммунизма. Продукт воспитания пролетарской революции, он верно служил тому строю, который принял еще молодым мальчишкой — комсомольцем. Была еще одна подоплека — этот строй сделал из него, волжского матроса, видного государственного деятеля. Конечно, такой человек будет защищать до конца и свои идеалы, и взрастивший его строй. И не может быть сомнений, что этот социалистический строй он готов был защищать любыми средствами, искренне веря, что служит делу народа. Он отличался от многих партийных руководителей, пришедших в партию ради карьеры, своей честностью и искренней верой в социализм» [214, 172]. Автору этой книги из бесед со многими друзьями известно их мнение об Андропове — в быту аскетичен, увлекается искусством и литературой, обладает аналитическим умом и волей.

Во всяком случае, государственного деятеля судят по его делам.

Известный индийский дипломат, представляющий свою страну в Советском Союзе, Т.Н. Кауль пишет: «Хотя плохое состояние здоровья не позволило Андропову выполнить все задуманное в течение тех 15 месяцев, которые он находился на своем посту, он, несомненно, добился определенных сдвигов к лучшему, укрепив дисциплину в партии и государственном аппарате. Он принял все усилия, чтобы организовать поддержку экономическим реформам и программам... Он хотел «наверстать упущенное», влить свежую кровь в партию, включая Политбюро» [95, 86].

Он начал чистку коррумпированных элементов в партии и государственном аппарате. Народ и партия в целом положительно восприняли его деятельность.

Действительно, Андропов заслужил уважение широких масс трудящихся. И прежде всего здесь сыграли роль отстранение Щелокова от должности министра внутренних дел, исключение его и Медунова из членов ЦК КПСС за злоупотребления, начаты расследования по целому ряду крупных дел, связанных со взяточничеством. Он не только стремился укрепить государственную и хозяйственную дисциплину, но искал новые подходы в развитии экономики страны. Об этом свидетельствует ряд принятых постановлений — о соблюдении договорных обязательств по поставкам продукции; о дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений; меры по ускорению научно-технического прогресса; об усилении работы по обеспечению опережающего роста производительности труда в сравнении с ростом заработной платы; о ходе подготовки экономического эксперимента по расширению прав предприятий в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы и т. д. В июне 1983 года на сессии Верховного Совета принимается специальный закон «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями».

Государство проводит политику жесткой экономии, направленную на то, чтобы беречь каждую копейку, ставить заслон расточительству. И результаты не замедлили ска-

заться — в 1983 году объем промышленного производства вырос на 4% против 2,9% в предыдущем году, производительность труда увеличилась на 3,5%, национальный доход повысился на 3,1%, что значительно превосходит показатели нынешней ситуации (когда падает производство, когда страна разорвана на части и стремительно движется к хаосу).

Сила Андропова была в том, что он исходил из принципа детерминации политики экономикой, что народ должен иметь нормальные условия для своего существования. В его статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» прямо говорится: «Во главу угла сегодня выдвигается задача продумать и последовательно осуществить меры, способные дать больший простор действию колоссальных созидательных сил, заложенных в нашей экономике. Эти меры должны быть тщательно подготовленными, реалистическими, а значит, при их разработке необходимо неуклонно исходить из законов развития экономической системы социализма. Объективный характер этих законов требует избавиться от всякого рода попыток управлять экономикой чуждыми ее природе методами» [2, 236].

Только развитие экономики может способствовать росту благосостояния народа, расцвету его духовной и культурной жизни.

В силу обстоятельств — достаточно почтенный возраст, а главное — его болезнь, — Андропову не удалось осуществить намеченную им программу обновления экономики, партии и государства.

Поэтому представляет интерес попытаться представить вариант развития нашего общества в случае, когда у Андропова было бы больше времени для их осуществления, чем какие-то 15 месяцев.

Самый оптимальный случай — это приход его к власти в 1976 году, что было возможно при выполнении некоторых условий. Одним из условий является преодоление сопротивления «серого кардинала» — М. Сулова, склонного к перестраховке и догматизму. В начале 70-х годов

тот страдал болезнью сердца (атеросклерозом сосудов и коронарной недостаточностью) и Е. Чазов сумел его вылечить. Предположим, что этого не случилось, и Суслов скончался в середине 70-х годов. Его смерть отразилась на жизни партии и страны, ибо он не только олицетворял старые, консервативные методы партийного руководства и был верным партийной догме, но и занимал второе место в партии, а следовательно, и в стране.

На этот пост Брежнев без всяких колебаний назначает Андропова, так как он был многим ему обязан и понимал, «несмотря на снижение критического восприятия, что в Политбюро нет кандидатуры более достойной, чем Андропов» [214, 164]. Вот здесь-то новый второй секретарь, а по сути первый в партии и государстве человек, развернул все свои способности. Брежнев видел в нем своего преемника, однако не все в Политбюро были согласны с этим. Поэтому Андропову пришлось пустить в ход все свои дипломатические способности и многочисленные связи с военными и сотрудниками госбезопасности, чтобы ввести в состав ЦК и Политбюро своих людей, своих единомышленников. Здесь ему большую помощь оказал КГБ, который защищал не только идеи социализма, единство многонационального государства и существующий порядок вещей, но и регулировал общественное мнение. Именно эта многоликая и могущественная организация помогла второму лицу в стране решить кадровые вопросы на высшем уровне.

Аппарат госбезопасности, которого боялись и который верно служил породившему его государственному строю, занялся искоренением коррупции — в стране начались открытые процессы над крупными руководителями партийных и государственных органов, связанных с дельцами теневой экономики (достаточно вспомнить Рашидова). В жизнь стала последовательно проводиться программа обновления кадров министерства внутренних дел — в его сотрудники принимали демобилизованных солдат, готовили молодых офицеров. Более того, чтобы ускорить очищение МВД от коррумпированных элементов, по предложению Андропова, его объединили с КГБ. Через некоторое

время занялись и обеспечением этой организации, особенно ее милицейской части, новейшей техникой для повышения результативности их работы.

Обновилось и уголовное законодательство, в которое были введены новые статьи, позволяющие эффективно бороться с мафиозными структурами, экономическими преступлениями, бесхозяйственностью.

Андропов много энергии уделил тому, чтобы на всех уровнях партийной и государственной системы находились профессионалы. В беседе с Чазовым он следующим образом изложил свое мнение по этому вопросу: «В любом обществе есть недостатки. Если говорить о социалистическом, то самый большой его недостаток — отсутствие системы, а главное, отсутствие объективных критериев подбора и выдвижения кадров. При капитализме идет естественный отбор руководителей на основе конкурентной борьбы, если исключить относительно небольшой процент наследований крупного капитала. У нас же очень много субъективизма, оценки даются по произносимым лозунгам и даже политической демагогии. Если бы у нас на всех уровнях руководства — от колхоза до Совета Министров — были умные, профессионально сильные, преданные конкретному делу руководители, мы бы уже давно шли в ногу по всем показателям с передовыми странами мира» [214, 180].

В связи с этим была разработана система подбора руководящих кадров, учитывающая деловые качества и профессионализм того или иного лица. Здесь начала практиковаться конкурсная методика, когда кандидатам на любую должность предлагалось решить специально подобранные задачи соответствующего профиля. Более того, конкурсная система начинала действовать уже на студенческой скамье, что помогало выявить одаренных людей в той или иной области деятельности.

В жизнь вошли деловой стиль, решительно пресекалась различного рода демагогия; к тому же была прекращена практика, когда партийных работников перемещали на государственные посты, не отвечающие их профессиональному уровню.

Покончено было также с идущим от Хрущева принципом выдвижения на партийные должности специалистов — инженеров, учителей, врачей и других. Для партийной работы стали готовить специалистов на гуманитарных и политологических факультетах университетов, чтобы они занимались политической работой, осуществляли управление социальными процессами не командными методами, а политическими средствами.

Первоочередное внимание в области подготовки высококвалифицированных кадров было уделено вузам, где все большее распространение получили новационные модели образования. Одна из них на основе изучения зарубежного опыта подготовки специалистов в области радиоэлектроники. Суть модели состоит в следующем: каждый студент в году часть времени изучает блоками набор дисциплин, часть — проходит практику на предприятии, входящем в вуз. На этом специализированном предприятии будущий специалист проходит все ступени — от рабочего до директора. И хотя это требует больших затрат, они окупаются во много крат после окончания института работой подготовленного специалиста, сочетающего в своей деятельности теорию и практику.

В сфере промышленности стали широко использовать достижения научно-технической революции (науку стали рассматривать как важнейший экономический фактор развития), что позволило повысить эффективность производства. Андропов не симпатизировал Косыгину, однако у него он научился пониманию необходимости поиска новых экономических путей развития. Сыграло свою роль и пребывание в Венгрии в 50-х годах — новый правитель использовал все ценное из венгерского опыта. Получила апробацию концепция венгерского экономиста Я. Корнаи о бездефицитной социалистической экономике; успешные результаты привели к ее воплощению в жизнь.

Андропов понимал также значимость развития сельского хозяйства страны, понимал нелепость ситуации, тупиковый характер положения в этой области, что помимо всего привело к зависимости Советского Союза от иностранных

экспортеров зерна на мировой рынок, прежде всего США и Канады. И здесь пригодился венгерский опыт: в 1973 году в одном из самых экономически отсталых и безнадежных районов Грузии осуществили абашский эксперимент — вводится венгерская система оплаты в виде доли от общего урожая, что повысило материальную заинтересованность колхозника. В масштабах Западной Грузии за короткое время этот эксперимент показал поразительное увеличение урожая винограда [181, 65]. Результаты эксперимента по применению венгерского метода на грузинской земле до прихода к власти Андропова держались в тайне. После его прихода абашская модель была расширена до всесоюзных масштабов и принесла колоссальный эффект, позволив нашей стране достигнуть высокого уровня бытового и экономического благоустройства (между прочим, это подрезало крылья теневой экономики). Следует сказать, что власти держали в поле внимания и опыт других стран, поощряя использование всего того ценного, что приживалось в наших условиях.

Не осталась без внимания и проблема национальных отношений — в этой весьма деликатной сфере межчеловеческих коммуникаций стала проводиться кропотливая работа, снимающая различного рода этнические напряженности. Были значительно расширены права всех национальностей, поощрялось развитие национальных культур. На практике осуществлялся андроповский тезис о равном представительстве всех национальностей в партийных и государственных органах.

Но самое главное, что успел сделать Андропов, это воплотить в жизнь подлинно социалистические распределительные отношения, когда каждый получает за свой труд, когда исключается уравниловка. Это тоже способствовало решению национальных проблем.

В области внешней политики наметился гораздо более гибкий подход — необходимо было приостановить гонку вооружений. СССР и США удалось договориться о радикальном сокращении ядерных средств средней дальности действия в три раза. Запад оказался уступчивым в том числе и по причине того, что Андропов завязал тесные отношения с

руководством Китая. Именно советско-китайский фактор стал давить на Запад и вынудил его адаптироваться к новым реалиям в мире.

Однако рассмотренный вариант не реализовался, Андропов не успел осуществить задуманное, Великая держава оказалась разорванной на части безответственными политиками.

ГКЧП взял власть в августе 1991 года

е так уж много времени прошло со дня событий августа 1991 года, которые интерпретируются по-разному: одни называют его путчем, другие псевдопутчем. В своем «Обращении» президент России Б. Ельцин, называя их путчистами, заявляет: «Горстка политических авантюристов объявила себя верховной властью, вошла в антиконституционный сговор, совершив тем самым тягчайшее государственное преступление. Демократические перемены, которых наш народ добился за последние пять лет, растоптаны. В одну ночь уничтожена свобода слова, свобода шествия и демонстраций, законное право граждан выражать свое мнение и отстаивать свою гражданскую позицию. Все средства связи находятся в руках путчистов... В своих обращениях путчисты прибегают к испытанной годами демагогии, обвиняют в нынешних трудностях демократические силы, обещают восстановить экономику, обеспечить гражданам СССР лучшую жизнь, безопасность и процветание. Какая лицемерная ложь!» [Ельцин — Хасбулатов: единство, компромисс, борьба. М., 1994, с. 90-91].

Августовские события 1991 года квалифицируются как путч и бывшим Генеральным секретарем ЦК КПСС, бывшим Президентом Советского Союза М. Горбачевым. В своей книге «Августовский путч (причины и следствия)» он утверждает, что логика глубоких реформ не исключала насильственного переворота, ибо она без решительной схватки сил реакции и демократии не могла обойтись [см. Горбачев М.С. Августовский путч (причины и следствия). М., 1991, с. 5-6].

Ведь страна входила в системный кризис, порожденный сломом старой, командно-административной системы.

По М. Горбачеву выходит, что он стремился выдержать курс реформ в рамках политических, конституционных форм. Однако все проводимые демократические преобразования встретили сильное сопротивление со стороны противников перестройки. Здесь хотелось бы обратить внимание на то, как воспринималась перестройка в массовом сознании. Буквально сразу после избрания М. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС весной 1985 года возник следующий анекдот. Встречаются американская и советская собаки и после взаимных приветствий обмениваются впечатлениями о своей жизни. Американская собака говорит, что ей живется даже очень неплохо, советская же жалуется ей, что у нее дела обстоят совершенно иначе: цепь отпустили, однако чашку с едой убрали подальше и гавкай сколько хочешь. Зато открыто радовались те, кто сумел погреть руки на перестройке, хапнуть побольше: понятно, что интерпретированная в их духе демократия весьма способствовала грабежу национального достояния.

Именно М. Горбачев своими непродуманными и непоследовательными действиями способствовал вхождению Советского Союза в системный кризис. Возникает впечатление, что он целенаправленно разваливал страну, ибо те, кто ему указывал на это, характеризовались им как сторонники реакционного переворота.

Горбачев категорически отвергает версию о том, что он знал о предстоящем путче, что он нашел беспроблемный вариант: «Если путч удался, то Президент, давший ГКЧП шанс, выигрывает. Если путч проваливается, то опять прав. С разных сторон пускаются подобные «утки» [Горбачев М.С. Указ. соч., с. 17]. Бывший президент СССР, единственный в многовековой истории обладающий неограниченной властью правитель, который развалил свое государство, может говорить и писать все, что ему угодно. Однако факты и черты его личности свидетельствуют о лицемерии выдвигаемых им утверждений. Именно он сам своим бездействием подготовил этот путч, что и дает основание называть его «псевдопутчем». В пользу этого свидетельствует и тот дополнитель-

ный аргумент, что настоящие путчисты никогда не церемонятся со своими противниками — их сразу арестовывают и уничтожают.

Одним из существенных фактов является то, что М. Горбачев в ноябре (12 числа) 1990 года подписывает секретный президентский указ о создании в случае чрезвычайной обстановки новых органов власти. Нелишне отметить, что они уже существуют и действуют за кулисами, подобно президентскому указу. Эти тайные органы власти не подотчетны Советам народных депутатов. Они получили название «суженные совещания» (СУС). «В этот теневой кабинет входят председатель облисполкома, три его заместителя, начальники гарнизона, штаба гражданской обороны и местных управлений КГБ и внутренних дел. Все они, естественно, — члены КПСС. Сетью СУС покрыта страна. Им подчинены войска и техника. Полномочия их огромны, и они могут быть активизированы, как только президент сочтет, что настало время для введения «особого периода правления».

Это не одна тайная структура такого рода. Есть сведения о действующих в глубоком подполье органах слежки и подавления и подпольных организациях, созданных компартией» [Табачник Г. Последние хозяева Кремля]. Ростов-на-Дону — Харьков, 1995, с. 499. Этим Указом М. Горбачев подготовил условия для создания в августе 1991 года ГКЧП, как бы легализовал его деятельность.

Не выдерживает критики и утверждение М. Горбачева о том, что он в Форосе был отрезан от всего мира, что правительственная, обычная, космическая и стратегическая связь были отключены. Однако директор объединения «Сигнал», изготовившего аппаратуру президентской связи, категорически заявил, что «изолировать президента от связи невозможно», что президент «добровольно не вышел на связь». К тому же и сам форосский узник через два года после августа 1991 года признался в том, что он знал о готовящемся перевороте, но выжидал развития ситуации [см. Табачник Г. Указ. соч., с. 529-530]. Как бы там ни было (назвать августовские события 1991 года путчем или псевдопутчем), основное состоит в том, что этот «переворот» зако-

номерно вытекает из всей истории эволюции Советского государства.

Еще в 1926 году И. Сталин в своих трудах пророчески предвидел те события, которые действительно произошли в жизни Советского Союза (на это обратил внимание в беседе академик Ю.А. Жданов). Во-первых, утеря партией внутренней социалистической перспективы. И это произошло — пришел к власти Н. Хрущев и выдвинул идею о построении коммунизма в нашей стране к 1980 году. Понятно, что в итоге партия потеряла доверие народа. Во-вторых, произойдет потеря внешней перспективы; чтобы этого не случилось, И. Сталин завещал своим соратникам крепить союз с Китаем любой ценой. Однако Н. Хрущев пренебрег этой рекомендацией и разорвал отношения с Китаем. В-третьих, сращивание партии с госаппаратом, что приведет к перерождению партии. И этот прогноз оправдался — именно переродившаяся часть партноменклатуры решила демонтировать советскую командно-административную систему, чтобы иметь собственность. В-четвертых, упадок теоретической мысли, догматизация марксистской теории. «Серый кардинал» (М. Суслов) все сделал для этого. Таким образом, И. Сталин как в воду глядел [см. Сталин И. Соч., т. 8]. Вполне естественно, что произошло столкновение внутри партноменклатуры — между «демократами», стремившимися к завладению народной собственностью, и «консерваторами», ориентированными на постулаты марксизма (это не помешало им приватизировать партийную собственность). Оно и приняло форму августовских событий 1991 года, когда ГКЧП попытался взять власть в свои руки, однако из-за позиции М. Горбачева потерпел фиаско.

Так как имелась реальная возможность для ГКЧП (он состоял из вице-президента Г. Янаева, первого заместителя председателя Совета обороны О. Бакланова, председателя КГБ В. Крючкова, премьер-министра В. Павлова, министра внутренних дел Б. Пуго, председателя крестьянского союза В. Стародубцева, президента Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства и связи А. Тизякова и министра обороны Д. Язова) взять власть в свои руки, то *«проиграем» этот неосуществленный сце-*

нарий мировой истории (не следует забывать, что Советский Союз оказывал самое непосредственное влияние на отношения во всем мире). Здесь мы будем исходить из того, что было исключено хамелеоноподобное поведение М. Горбачева — этого Герострата XX столетия, разрушившего уже не собор, а целое государство.

Генеральный секретарь КПСС, президент Советского Союза М. Горбачев находится в Форосе. К нему обращается О. Шейн и задает ему ряд вопросов, требующих безотлагательного решения. Однако тот все время дает трафаретный ответ: «Осенью соберем съезд и все обсудим». Сейчас, при действующем законе о департизации, КПСС оказалась загнанной в угол и любой промах с ее стороны мог ее погубить. К тому же не находил себе места В. Крючков, ибо у него не было информации относительно ряда важных фактов. Прежде всего М. Горбачев перед отлетом в Форос о чем-то целых два часа вел разговор с Б. Ельциным в парке Ново-Огарево. Содержание этого разговора не удалось установить, так как собеседники воспользовались переданными американцами средствами защиты информации. Не менее существенно и то, что по сообщению В. Болдина (он руководил аппаратом президента СССР), М. Горбачев имеет некие средства связи, не попавшие под контроль КГБ [см. Бунич И. Кейс президента. СПб., 1993].

Поэтому ГКЧП принял решение начать операцию по захвату власти и наведению необходимого порядка в стране.

Министру обороны Д. Язову позвонил начальник генерального штаба и доложил, что блокирована тягачами взлетная полоса, с которой мог взлететь самолет президента, что севастопольский полк КГБ поднят по тревоге и оцепил район президентской дачи, что морские части пограничных войск КГБ направили в район Фороса четыре дополнительных сторожевика. В Форос направились В. Болдин, О. Шенин, О. Бакланов и главком сухопутных войск В. Варенников в сопровождении генерала Плеханова, отвечающего за охрану всех государственных и партийных деятелей и объектов государственной важности (без него вся делегация могла просто не попасть на дачу М. Горбачева). В ходе переговоров прибывших с М. Горбачевым последний отказался вводить

чрезвычайный режим в стране, отказался от требования В. Варенникова подать в отставку [см. Горбачев М. Указ. соч., с. 12]. В ГКЧП ожидали такого поведения М. Горбачева и поэтому на этот случай был подготовлен запасной вариант: на дачу в Форосе проник ганфайтер-перехватчик (профессионал высокого класса, по мощи равный целому подразделению спецназа) [см. Головачев В. «Смерш-2». М., 1994], со своим напарником. Им удалось ликвидировать 32 человека из охраны президента и уничтожить М. Горбачева, а затем благополучно скрыться. Естественно, что вся семья убитого президента СССР и бывшего генерального секретаря КПСС была потрясена произошедшим, а затем его жена выступила по Центральному телевидению с рассказом о случившемся.

После этого офицеры КГБ забрали кодовый чемодан, или, как его называют на американский манер, «КЕЙС ПРЕЗИДЕНТА», содержащий специальную аппаратуру для активации и постановки на боевой взвод ядерного оружия и программу зашифрованных команд в ракетные части стратегического назначения, включая и подводные лодки [см. Бунич И. Кейс президента]. Из Фороса по каналу правительственной связи в Москву остальным членам ГКЧП сообщили о кончине М. Горбачева, затем делегация вылетела в столицу. Генерал В. Варенников по прямому проводу позвонил президенту Соединенных Штатов Америки Дж. Бушу, сообщил о смерти М. Горбачева и предупредил его, что если он будет вмешиваться во внутренние дела Советского Союза (сообщать информацию о действиях ГКЧП Б. Ельцину и пр.), то США это весьма дорого обойдется.

И сразу пришла в движение вся государственная и партийная машина: после сообщения средств массовой информации о смерти М. Горбачева в стране введено чрезвычайное положение, обязанности президента СССР возложены на Г. Янаева, и. о. генерального секретаря КПСС стал А. Лукьянов. Чтобы обезвредить Б. Ельцина и его окружение, в Белый дом было отправлено спецподразделение команды «Альфа». На всякий случай это спецподразделение находилось под контролем другого подразделения специального назначения. И когда командир команды «Альфа» решил не выполнять отданного приказа (известно, что «Альфа» «не пошла на

штурм Белого дома» [Болтунов М. Альфа не хотела убивать. СПб., 1995, с. 6]), его ликвидировали: задание было выполнено. Все видные противники ГКЧП оказались арестованными и их тут же расстреляли по обвинению в том, что они являлись американскими «агентами влияния».

Дальнейший ход событий оказывается неоднозначен и может протекать по одному из сценариев.

Рассмотрим вначале первый, самый жесткий сценарий. Когда в ГКЧП возобладали точка зрения ортодоксальных марксистов, она была выражена еще раньше известной Н. Андреевой. Последняя с начала перестройки получила всемирную известность своей статьей, которая была опубликована «Советской Россией» и которая называлась «Не могу поступиться принципами». За этой фигурой находились весьма мощные силы партийного и чекистского аппаратов. Известно, что Н. Андреева основала партию большевиков-ленинцев и уже после указа Б. Ельцина о департизации провела чрезвычайный съезд партии в Минске. На нем она заявила, что «Горбачев сорвал с себя маску. Это классовый враг! Это предатель! Это агент ЦРУ!» Речь Н. Андреевой транслировалась на весь Советский Союз по первому каналу Центрального телевидения в программе «Время».

И вот теперь Н. Андреева и ее сторонники во властных государственных и партийных структурах развернулись вовсю, исходя из принципов классовой борьбы. Опорой ГКЧП стали «суженные совещания» (СУС), которые вступили на политическую арену страны уже как легальные структуры.

В условиях чрезвычайного положения быстро был введен железный порядок, в ход пошли «ежовые рукавицы». Это значит, что по всей стране в городах был введен комендантский час. В действие вступили части КГБ, в том числе знаменитая дивизия им. Дзержинского, которая по своему численному составу и насыщенности техникой превосходила общевойсковую армию. По всей стране были приведены в порядок и приготовлены к приему заключенных концентрационные лагеря. Подверглись арестам все инакомыслящие, националисты и сепаратисты, все противники чрезвычайных мер, все американские «агенты влияния». После допросов с

пристрастием (вот где пригодился сталинский опыт террора!) их отправили в концлагеря.

Наряду с этим была проведена еще одна широкомасштабная операция — буквально за короткий срок органами МВД и КГБ весь Советский Союз был очищен от дельцов теневой экономики, спекулянтов, различного рода мафиози и связанных с ними чиновников госаппарата и партаппарата. Все они давно были известны правоохранительным органам, однако их не трогали из-за связи с коррумпированными элементами государства и партии. Нелишне отметить, что все подразделения МВД, участвующие в этой операции, находились под контролем КГБ. Ведь и некоторые сотрудники правоохранительных органов оказались коррумпированными, причем они страшно боялись чекистов.

Все города Советского Союза были очищены от антисоциальных и уголовных элементов (только в одной Москве, по докладу Б. Пуго, насчитывалось более 200 тысяч бомжей). Все уголовные элементы были отправлены в концлагеря, где им дали возможность творить террор над политическими заключенными (совсем, как в добрые сталинские времена). Эта операция встретила «решительную поддержку всех трудящихся» и укрепила позиции ГКЧП.

Под настойчивым давлением Н. Андреевой была проведена чистка КПСС, которая фактически давно уже не была единой организацией единомышленников-коммунистов. В ней, по сути, сосуществовало несколько партий, ибо в нее как единственную правящую партию многие вступили из соображений карьеры, преследуя свои узкие эгоистические интересы. В результате проведенной чистки под лозунгом идейной чистоты рядов партии, ее численный состав сократился в три раза. Под пресс очищения партии от чужеродных элементов попали прежде всего все сторонники либерализма и буржуазной демократии. Причем их заставили публично покаяться в своих идеологических заблуждениях, а потом отправили в концлагеря на перевоспитание.

На полный ход запущена мощная идеологическая машина, которая на все лады пропагандировала учение классиков марксизма-ленинизма, подвергая уничтожающей критике частную собственность. Весь идеологический прессинг

исходит из кардинальной идеи основоположников марксизма: «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., — одним словом, когда мы его потребляем...» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 120].

В духе этой идеи были ликвидированы все возникшие кооперативы, вся экономика полностью стала плановой, централизованной. В сознание масс настойчиво внедряется мысль, что так как горбачевская перестройка привела народное хозяйство на грань краха, то в кризисный период только централизованная плановая экономика может спасти страну от него.

Однако предпринятые меры отодвигают экономический коллапс Советского Союза в лучшем случае лет на десять. Затем возникает необходимость в возврате к ленинскому НЭПу, что не прошло мимо внимания более дальновидных партийных и государственных деятелей. Именно они настояли на **втором, мягком, сценарии развития страны, исходящем из многоукладности экономики.**

Одним из решающих факторов в принятии ГКЧП мягкого сценария стало мнение представителей военно-промышленного комплекса страны, в котором сосредоточены цвет интеллектуальной мысли советского народа. Ведь «стратегический паритет СССР не мог базироваться на отсталой экономике. Он опирался на гигантский научно-технический потенциал, созданный в течение предыдущих десятилетий гением нашего народа. То, что он был, главным образом, подчинен развитию ВПК, не меняет его ценности. А то, что паритет был достигнут при половинном (по сравнению с США) объеме валового продукта, является еще одним подтверждением наших необыкновенных способностей» [Дзарасов С.С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М., 1994, с. 286]. Многие технологии и изделия, созданные советскими учеными и инженерами, находятся на вершине мировой научно-технической мысли. Иное дело, что путем переключения части интеллектуального потенциала

ВПК и его производственных мощностей на производство товаров для гражданской сферы можно поднять эффективность народного хозяйства страны.

Не менее существенным в развитии промышленности и аграрного сектора является многоукладность экономики. Дела обстоят неблагоприятно — люди живут трудно, темпы развития хозяйства замедлились. Вся сложность состоит в том, что не работают стимулы. Данная проблема по-своему характеру является не чисто экономической, а политико-экономической. Чтобы люди производительно и качественно работали, нужна экономическая заинтересованность, которая возникает в условиях действия рыночного механизма. Не случайно, когда В.И. Ленин ввел НЭП, сразу же начался подъем народного хозяйства Советского Союза.

В качестве консультанта был приглашен известный экономист В. Леонтьев, чьи расчеты способствовали подъему экономики Японии, Италии и Норвегии. В Японии его наградили самым почетным орденом страны Восходящего солнца за то, что его научные работы содействовали ускорению ее экономического развития.

В. Леонтьев предложил свою модель развития советской экономики, органически включающей рыночный механизм. Он следующим образом обрисовал направленность своей модели: «Я увлекаюсь парусным спортом и, когда объясняю студентам, как функционирует экономика страны, сравниваю ее с яхтой в море. Чтобы дела шли хорошо, нужен ветер, — это заинтересованность. Руль — государственное регулирование. У американской экономики слабый руль. Нельзя делать так, как говорил Рейган: поднимите паруса, пусть их наполняет ветер, и идите в кабину коктейли пить. Так нас и на скалы вынесет, разобьем яхту вдребезги. У Советского Союза сейчас наоборот: ветер не наполняет паруса, а тогда и руль не помогает. Я думаю, что более правильно делают японцы. У них, конечно, есть частная инициатива, но и государство играет большую роль, влияя на развитие экономики в лучшем направлении» [Леонтьев В. Экономические эссе. Теории. Исследования. Факты и политика. М., 1990, с. 15]. По мнению В. Леонтьева наиболее подходящей моделью экономического развития является японская.

После тщательного обсуждения в правительстве пришли к выводу о необходимости экономической трансформации народного хозяйства, избрали модель государственно-регулируемой экономики, основанной на взаимодействии государственного и частного секторов. Их соотношение представлялось следующим образом: «... в обозримом будущем доминировать в сфере крупного производства должна государственная собственность, а не частная. В основном это связано с тем, что в монополистической структуре экономики требуется более высокая степень государственного контроля. Частный сектор должен охватывать преимущественно мелкое и среднее производство. Сохранение в руках государства крупного производства диктуется и необходимостью направлять структурную перестройку экономики» [Дзарасов С.С. Указ. соч., с. 265].

В ходе структурной трансформации советской экономики было признано необходимым считаться с тем, что для отечественного менталитета характерны стереотипы государственности, тоталитаризма и монополизма. Их истоки следует искать не только в государственном социализме, но и в исторической традиции, идущей с Востока. В этом плане ценен и японский опыт, на чем настаивает В. Леонтьев, и пример китайских реформ, проводимых по инициативе Дэн Сяопина.

Действительно, опыт Китая весьма поучителен. На протяжении 20 лет Китай находился фактически в состоянии застоя, в экономике страны и жизни народа не произошло заметных сдвигов и улучшений. И только с 1978 года благодаря деятельности Дэн Сяопина значительно улучшилось положение китайской экономики. Уже в 1993 году валовый национальный продукт Китая в сопоставимых ценах возрос по сравнению с 1978 годом в 3,8 раза. «По абсолютным показателям производства ряда важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции — углю и цементу, велосипедам, стиральным машинам, телевизорам, зерну, мясу, птице и так далее — Китай вышел на первое место в мире» [Усов В. Кот, умевший ловить мышей // Новое время. 1995, № 11, с. 23]. Таковы первые реальные итоги реформ, проводимых Дэн Сяопином. Самый мудрый из всех политиков XX

столетия, Дэн Сяопин исходит из того, что наиболее быструю отдачу реформа дает на селе (через 3 года). В городе для заметных результатов требуется минимум 3-5 лет, а самым сложным является перестройка политической структуры, причем ее эффект проявляется кое в чем через 3-4 и даже 10 лет [см. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988, с. 236].

В ходе проводимых структурных преобразований советской экономики был учтен и китайский опыт, и тенденции развития экономики на Западе. В частности, в западном аграрном секторе в силу различных причин уже просматривается тенденция к созданию крупных хозяйств. Поэтому в области сельского хозяйства дали возможность развиваться и фермерам, не забыв о необходимости создания для этого нужной инфраструктуры, и коллективным хозяйствам, освободив их от жесткой регламентации со стороны государства.

В промышленности стали осуществлять постепенно конверсию оборонных предприятий с учетом рыночных отношений. Здесь, как и во всей крупной промышленности, часть ответственности за принятие решений и их осуществление осталась в руках государства, а часть — передана самим предприятиям. «Прежде всего мы наконец-то поняли, что в деле конверсии исключительная роль принадлежит регионам и предприятиям, которые в условиях перехода к рынку... сами должны оценивать свой производственный и экспортный потенциал... Как раз потребность рынка и позволит военному предприятию сделать свой выбор — что выгоднее для него: производить и экспортировать вооружение либо конверсироваться» [Акшинцев С. Основные приоритеты военного экспорта России // Военный парад. 1994. Май — Июнь, с. 118].

Благодаря высоким технологиям продукция военных предприятий пользуется спросом не только в странах «третьего мира», но и в ведущих государствах Запада. Используя опыт США, государство создало новую систему поставок вооружений по линии государственной программы.

В политической сфере за КПСС осталась ведущая роль. В ее руках находится право решения кадровых проблем в государственной сфере. Никто не мешал появлению и функционированию новых политических партий, кроме экстре-

мистского типа (они запрещены законом). Существенные преобразования произошли в административном устройстве страны — в силу многонациональности советских республик принято решение об архаичности их существования, не отвечающему современному состоянию межнациональных отношений, и вся территория страны была разделена на регионы, обладающие достаточно большими правами. Возник Союз Советских Социалистических Регионов (СССР), где каждому народу были предоставлены условия для его развития и тем самым были сняты межнациональные трения.

Благодаря произведенным экономическим преобразованиям Советский Союз превращается буквально на глазах в процветающую державу, которая стала открытой миру и отказалась от установления мирового господства. В международном плане СССР тоже стал добиваться определенных успехов: он пошел на тесное сближение с Китаем и другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, со странами Латинской Америки и Африки, сумел наладить хорошие отношения с Западом.

Однако данный мягкий (как и жесткий тоже) сценарий развития страны в силу ряда причин, в основном субъективного характера, не осуществился.

Часть шестая.

Будущее «неосуществленных сценариев»
истории

Восток

История мировой цивилизации поистине парадоксальна, ибо она на локальном уровне неоднократно поворачивает к нам одно и то же лицо (например, термидор присущ был Великой французской революции 1789 года, он повторился и в нашей отечественной истории). Вполне вероятно, что спектр возможностей всемирной истории достаточно узок; поэтому некоторые неосуществленные сценарии цивилизации в прошлом теперь появляются в новых условиях и на новом уровне и имеют шансы воплотиться в жизнь. И если раньше центр мировой цивилизации перемещался с Востока на Запад (на это обратил внимание в свое время Гегель), то теперь начинается его движение с Запада на Восток. Известный американский футуролог О. Тоффлер пишет об этом несомненном факте следующее: «Меняется местоположение центров экономической и культурной жизни. Банковское дело уже не столь безусловно концентрируется в Лондоне, Нью-Йорке или Цюрихе. Сегодня Мехико, несмотря на то, что является сверхурбанизированной, загрязненной клоакой, в интеллектуальном отношении живет более интенсивной жизнью, чем многие европейские столицы. Он кишит художниками, политическими беженцами, интеллектуалами. Возможно, лучшая в мире художественная литература создается в Южной Америке» [145, 279-280].

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что вестернизация Востока фактически не удалась, ибо он сумел продемонстрировать изумительную способность адаптироваться к современности, не только не меня радикально своей ци-

визационной структуры, но и опираясь на нее. Л. Васильев пишет: «Комплекс неполноценности, вызванный в свое время, особенно в XIX в., наглядным сравнением отсталой Азии с передовой Европой, ныне остался в далеком прошлом. Традиционная структура Востока, опирающаяся на устоявшиеся веками нормы великих цивилизаций, в свою очередь санкционированные и освященные религиями, снова выходит на передний план и даже укрепляется в новых условиях» [30, 407]. Это значит, что убыстрение развития традиции-цивилизации Востока сегодня порождает условия для осуществления несостоявшихся раньше альтернативных вариантов тех или иных локальных восточных цивилизаций.

Прежде всего *рассмотрим такой неосуществленный в прошлом сценарий, как возникновение «Пакс Синика»* (о нем шла речь выше). Именно этот сценарий имеет достаточно большую вероятность осуществиться в начале XXI столетия. Американские специалисты Дж. Грейсон и К. О'Делл в своей книге «Американский менеджмент на пороге XXI века» ставят вопрос о том, останутся ли США лидером в надвигающемся веке. Они подчеркивают, что новые индустриальные страны Азии — Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур, или четыре «дракона», — уже наступают на пятки Соединенным Штатам, что за ними, подобно теням на стене, просматриваются Китай и Индия: «Конкуренция в Азии — это не просто более острая конкуренция. Это — совсем другая конкуренция. Это не вызов со стороны одной страны, это — вызов со стороны целого региона. Страны эффективно освоили и усовершенствовали американскую технологию, наладили взаимодействие с правительством, подняли средний уровень образования, создали в стране дух экономического роста, научились мыслить категориями завтрашнего дня и добавили все это к не имеющей себе равных трудовой морали, целеустремленности, низкому жизненному уровню. Очень сильные обстоятельства для обеспечения конкурентоспособности» [46, 309].

Американцы до сих пор находятся в плену западноцентристских догм и считают восточные страны неспособными достичь западного уровня жизни и мышления. Им как-то в

голову не приходит, что ко времени высадки первых переселенцев на северо-востоке американского континента восточные цивилизации были уже древними и мудрыми, что они обладали для своего времени большим экономическим и военным потенциалом, имели высокоразвитую науку и технику [237]. Во всяком случае несомненно одно — не очень хорошее знание мира восточных цивилизаций, или цивилизационной традиции Востока, с его совершенно отличными от западных концепций философии и религии, снижает конкурентоспособность Америки, а следовательно, ослабляет позиции Запада перед наступлением Востока.

Выводы Дж. Грейсона и К.О'Делла подкрепляются аналитическими размышлениями американского писателя и журналиста Р. Элеганта, хорошо знающего Азиатско-Тихоокеанский регион. Его книга «Тихоокеанская судьба. Современная Азия изнутри» посвящена событиям в огромном Тихоокеанском регионе, куда перемещается центр международного экономического и финансового влияния. Основная мысль этой книги такова — энергичная Азия занимает место, еще вчера принадлежавшее Европе, ибо в Азии концентрируются деньги, власть и технология будущего. Действительно, уже сейчас для областей Тихоокеанского бассейна (ТОБ) характерно динамичное развитие. Оно выявило парадокс: именно американские капиталы и американский рынок способствовали возрождению Азии в первые послевоенные десятилетия, а теперь эпоха безраздельного господства Старого Света и США в Азии ушла в прошлое.

В регионе ТОБ, включающем в себя Тайвань, Южную Корею, Японию, Сингапур, Малайзию, Индонезию, Австралию, Китай, Гонконг, Филиппины и Таиланд, проживает два миллиарда человек. Они производят около половины мирового ВВП (валового национального продукта). Япония и Тайвань прочно удерживают пальму первенства по размерам золотовалютных запасов — соответственно 97 и 75 млрд. долл. [244, 20]. Торговля США со странами ТОБ составляет 70% национальной торговли (308 млрд. долл. в год), а линия Токио — Сиэтл — наиболее оживленная в международной гражданской авиации [244, 4]. Наряду с этим растет дисбаланс американской внешней торговли, в первую очередь в

торговле с Японией. Ряд азиатских государств вырываются вперед в области экономики и технологии.

В основе «восточной экспансии», продолжает Р. Элегант, лежат не только материальные факторы. Например, Японию не покидает чувство собственной уязвимости — «столетия отчаянной бедности» заставляют жителей страны Ямато опасаться снова стать бедными. К тому же японцы сознают степень национальной зависимости от ввозимых извне сырьевых ресурсов, от «ненадежных и вздорных иностранцев». Вот почему «надо еще быстрее продвигаться вперед даже после того, как цель достигнута», вот почему «экспансия переходит в сверхэкспансию» [244. 99].

Значительное место Р. Элегант уделяет Китаю, и хотя им дается анализ осуществляемым там экономическим реформам, основное внимание сосредоточивается на причинах относительной устойчивости и могущества нынешней автократической власти, партийной и государственной бюрократии. Они, по его мнению, коренятся в древних национально-культурных традициях, системе мандарината: ничего не меняется и не изменится в Китае, ибо в 1988 г. он был таким же, как в 1688 или 688 г. [244, 311]. Эти выводы отнюдь не являются бесспорными, однако они схватывают нечто реальное — ведь экономическое процветание и динамизм хозяйственного развития Китая и других стран Азии обусловлены стабильностью и постоянством политических структур, которые в регионе многие столетия тяготели к восточной деспотии.

Рассматривая особенности небывалого взлета Японии, четырех «драконов», Китая и других стран Юго-Восточной Азии, Р. Элегант выделяет такие явления, как сугубо азиатский прагматизм (равнодушие к социально-политическим и идеологическим спорам, всему тому, что мешает материальному прогрессу) и конфуцианство (трудолюбие, дисциплина, безусловное подчинение указаниям старших и пр.). Конфуцианство до сих пор является в этих странах своего рода государственной религией, моральным кодексом и учебником для правителей и чиновников. Однако оно составило лишь психологическую основу материального успеха, движущей силой которого стал авторитаризм, позволивший ко-

ординировать различные факторы: амбиции технократов и предпринимателей, иностранную помощь, стремление народа покончить с нищетой и т. д. Р. Элегант отвергает точку зрения, что индустриальные страны Азии постепенно уходят от режимов диктаторского типа в сторону либеральной демократии западного типа. «Было бы чересчур самонадеянно, глупо полагать, что азиатам можно что-либо навязать — тем более англосаксонские институты» [244, 74]. Прочность однопартийных режимов свидетельствует о тщетности их преодоления.

Несомненно, что в начале XXI столетия Китай займет одно из ведущих мест в ТОБе (прогнозы предрекают, что в 2010 году он по экономическому потенциалу будет находиться на втором месте в мире после Японии) и начнет уверенно восходить к доминированию в Азии (а значит, и во всем мире). Иными словами, *весьма реальны шансы Китая создать «Пакс Синика», синизировать по меньшей мере полмира, к чему он стремился издавна*. Ведь идея господства в Азии никогда не покидала Китай, о чем и идет речь в пророческой работе В. Соловьева «Китай и Европа», опубликованной сто лет назад.

Одновременно с блестящим и шумным празднованием в Париже столетия «великой революции» на другом конце света произошло малозаметное, но важное по своим последствиям событие. Китайское правительство решило использовать достижения европейской цивилизации — в 1889 году декретом богдыхана было положено начало строительству железных дорог, способствующих процветанию и могуществу государства. Прочитав об этом сообщении, В. Соловьев вспоминает одно из заседаний Парижского Географического Общества, где выступали французские географы и египтологи, голландские и португальские путешественники, негр из Средней Африки и итальянский монах, а также китайский военный агент в Париже — генерал Чен Ки-тонг. Именно он в толпе с разноцветными лицами, но в одноцветной европейской одежде, сохранил свой национальный наряд и был героем вечера. Его речь, произнесенная на чистейшем парижском наречии, показалась всем остроумным пустословием и вызвала шумную овацию. В. Соловьев тоже был вос-

хищен остроумием желтого генерала, но вместе с тем его поразила полновесный смысл, скрывавшийся под видом легкомысленной болтовни. В его словах, по существу, выразилось целое исповедание тогдашнего 400-миллионного китайского народа, осуществление чаяний которого в будущем отечественный историк оценил как неизбежность.

Вот фрагмент той речи: «Мы готовы и способны взять от вас все, что нам нужно, всю технику вашей умственной и материальной культуры, но ни одного вашего верования, ни одной вашей идеи и даже ни одного вашего вкуса не усвоим. Мы глорим только себя и уважаем только силу. В своей силе мы не сомневаемся: она прочнее вашей. Вы истощаетесь в непрерывных опытах, а мы воспользуемся плодами этих опытов для своего усиления. Мы радуемся вашему прогрессу, но принимать в нем активное участие у нас нет ни надобности, ни охоты: вы сами готовите средства, которые мы употребим, чтобы покорить вас» [179, 85]. Таков смысл речи китайского генерала Чен Ки-тонга, и европейцы восприняли ее с тем легкомысленным восторгом, с каким иудеи маккавейской эпохи впервые приветствовали римлян.

Пророчество В. Соловьева начинает приобретать зримые формы, ибо Китай весьма эффективно проводит экономические реформы, осуществляет план «четырёх модернизаций», чтобы превратиться в мощную и процветающую социалистическую страну.

Велика в этом роль архитектора преобразований — Дэн Сяопина. Намеченные им планы выполняются, и в итоге Китай к середине XXI века приблизится к уровню развитых капиталистических стран [6, 256-257].

Однако плановое управление, которое «реализуется и корректируется через рынок» [104, 167], позволит Китаю достигнуть доминирования в Азии уже в 2010 году, и занявшей первое место Японии придется затем потесниться.

Таким образом, *несбывшееся в прошлом — создание «Пакс Синика» — начинает осуществляться.*

Не менее интересно и то, что в наши дни ставится вопрос о *продолжении и развитии лучших традиций многовековой цивилизации империи инков при одновременной ре-*

цепции важнейших достижений современной науки и техники [253, 46-48].

Возрождение доколумбовой цивилизации народов государства инков следует рассматривать в контексте тех социальных и идеологических процессов, которые ныне происходят в Латинской Америке. Известный мексиканский мыслитель Л. Сеа в своей книге «Философия американской истории» подчеркивает необходимость самообретения и освобождения испаноязычных американцев, что предполагает знание собственной истории: «Осознание собственных сил и умение применять их — вот наиболее верный способ возрождения действительности нашей Америки». Испанцы, индейцы, метисы, негры — все они, безусловно принадлежат нашей собственной реальности и нашей истории. Поэтому любой проект, предусматривающий обновление Америки, должен исходить из нее же» [169, 321]. Эта история необычайна, ибо она сотворена из крови и жертв многочисленных народов, боровшихся с европейскими завоевателями, с сильными врагами.

По мнению Л. Сеа, Испанская Америка может обрести спасение не в напрасных попытках подражать Северной Америке, а в опоре только на саму себя, на свои традиции, на весь культурный опыт индейцев, негров, метисов и креолов: «Единственный способ достичь этого состоит в том, чтобы воспитывать латиноамериканцев в духе познания собственной действительности, чтобы они, по незнанию, не принялись бы вновь за поиски заемных, чуждых их собственной действительности образцов, которые могут привести их только к новым поражениям» [169, 324]. Это значит, что на смену европейскому образованию должно прийти американское, причем все должны знать назубок историю Америки от инков до наших дней. Разумеется, это не означает пренебрежения мировой культурой. Ее нужно ассимилировать и адаптировать по принципу «испаноязычная культура — ствол дерева, мировая культура — его черенок».

Л. Сеа подчеркивает, что Латинская Америка вошла в поток всемирной истории отнюдь не благодаря испанской конкисте, а в силу сопротивления народов Америки раз-

рушительным действиям испанских конкистадоров и колонизаторов [169, 325]. Поэтому нужно обратиться к собственному прошлому во имя собственного свободного будущего.

В Андских странах (Боливия, Перу), расположенных на территории бывшей империи инков, сейчас начинает выявляться ранее скрытое противостояние «закрытого универсума» Сьерры и «анклавов европейской цивилизации».

Многие исследователи отмечают стремление коренного населения Сьерры сохранить свое видение мира, живучесть культурно-мировоззренческих и психологических стереотипов доколумбовых цивилизаций, что «проявляется в народной культуре индейцев, оказавшейся на положении субкультуры: в театрализованных праздничных представлениях, широко распространенной устной анонимной поэзии, исконных напевах и танцах (в то время как, по свидетельству специалистов в этой области, среди индейцев Сьерры почти не прививается музыка, услышанная по национальному радио)» [253, 43]. Однако наибольшая стойкость присуща онтологическим концепциям, выраженным в мифах о Вамани — вторых по значимости божествах в пантеоне доколумбовых кечуа, дающих людям воду, о Пачакути и особенно об Инкари (Инке-царе) [245, 32-33]. Последние два мифа несут ныне колоссальную идеологическую нагрузку — они носят мессианский характер и обосновывают возможность в не таком уж далеком будущем освобождение коренного населения.

В качестве примера приведем содержание мифа об Инкари. Согласно ему прежний подлинный мир коренных жителей Анд, зиждившийся на извечных законах вселенной, гармонизировавший с природой и разрушенный европейцами, не исчез окончательно — он скрылся то ли в недрах земли, то ли в глубинах гор и при новом, очередном повороте времени (напомним, что для мышления представителей доколумбовых цивилизаций характерно циклическое восприятие мира, когда мир циклически пульсировал) снова станет реальностью. По одной из версий, казненный испанцами последний Инка и теперь помогает своему народу «ночным присутствием», не давая ему погибнуть окончательно. При этом он обещает грядущее ниспровержение угнетателей и возвраще-

ние к исконному, единственно возможному на земле порядку вещей. Согласно же другой версии, отрубленная голова Инки (зарытая где-то то ли в Куско, то ли в Лиме, то ли даже в Испании) жива и из нее постепенно вырастает тело. Когда же все тело вырастет, тогда Инка вновь вернется в мир и восстановит прежнюю жизнь индейцев.

«В этих мифах, бытующих в селениях и среди маргинального населения лимских кварталов бедноты, — отмечает Т.В. Гончарова, — Инка — не исторический образ древнего правителя и тем более не казненный испанцами Атауальпа, но некий незыблемый архетип подлинно человеческого бытия, воплощение идеи порядка, культуры, неразрушенной природы, общей материальной устроенности и патриархального коллективизма. И даже раскрестьяненными маргиналами больших городов, судя по опросам, прошлое продолжает интерпретироваться как «золотой век» населения Анд: прошлое — это все высокое, положительное (порядок, богатство, человеческое братство), а настоящее — все низкое, отрицательное (социальный хаос, нищета, отчуждение)» [253, 44].

Характерно переосмысление древних архетипов, возникшее под влиянием знакомства с современными экономическими и политическими категориями. Инка отождествляется с «трудом», а его неперемнная победа над «капиталом» (существующей системой) и будет коммунизмом, тем самым коммунизмом, который уже имел место на этой земле до прибытия европейцев и основополагающие принципы которого продолжают сохраняться в мировидении и психологии коренного населения Перу и Боливии.

Не надо забывать, что эти надежды весьма сильны среди индейского населения Андских стран, что достаточно серьезно вера и возможность восстановления их прежнего мира, хотя бы в основных чертах. Вот почему этот вопрос настойчиво ставится в последние десятилетия, вот почему идея восстановления Туантинсуйю (империи инков), сопутствовавшая всем крупным индейским восстаниям прошлых веков, находится в центре большинства программных документов и многочисленных манифестов, выпущенных индейскими движениями Боливии и Перу в конце 70-х — начале 80-х годов

(«Манифест Тиауанаку», «Освобождение индейцев Боливии», «Манифест движения индейцев Перу» и др.) [236, 215-220].

Чтобы решить задачу духовно-психологической деколонизации коренного населения, воспитания «индейского самосознания», идеологи и руководители ряда индейских движений и организаций проводят работу по реабилитации своей древней культуры, наследия своей автохтонной цивилизации. Все это они подкрепляют тезисом о плюралистичности цивилизаций и многовекторности исторического процесса. Они отвергают европейскую модель развития как неприемлемую не только для индейцев, но и для всего человечества, выражая уверенность, что, преодолев пять веков угнетения и геноцида, индейским народам удастся *«вернуться к самим себе»*.

Индейские движения требуют передачи им политической власти, возвращения исконных земель, полного освобождения от господства европейцев во всех областях жизни, возрождения древних коллективистских традиций и создания на их основе «совсем иного общества» [253, 46].

И весьма вероятно, что неосуществленный некогда сценарий оттора испанским конкистадорам наконец станет действительностью.

Запад

Западная цивилизация родилась и созрела в Европе, только потом она, совершив ряд скачков — Возрождение, Реформация, паровой двигатель, промышленная революция, — в ходе колониальной экспансии утвердилась на других континентах. К 1900 году большинство мыслящих людей считало, что только «западный» мир является цивилизованным.

Однако через 80 лет многие укрепились во мнении, что западная цивилизация вряд ли выступает источником прогресса человечества в будущем, что ее «трудно почувствовать» [265, 10]. Ведь именно старая Европа как сердце западного мира в XX столетии стала ареной двух кровопролитных мировых войн, именно теперь ей приходится уступать экономическую власть Азии. *Может быть, правота на стороне О. Шпенглера, который в своем «Закате Европы» пред- рек ее конец?*

Однако в конце жизни маститый немецкий исследователь изменил свою точку зрения — он, как уже отмечалось выше, пришел к мысли о **возрождении Европы**. Очевидно, на него оказало влияние никогда не исчезавшее стремление европейцев все-таки интегрироваться в единое целое. Не все принимали это стремление. Тот же Г. Уэллс писал: «При нашем подходе к истории Европы с более широкой точки зрения — истории всемирной, нам яснее видно, нежели историку, описывающему судьбы отдельного народа, насколько пагубной и связывающей была традиция латинской Римской империи. Настойчивой и упорной борьбе за это призрачное превосходство

предстояло поглощать силы Европы в продолжение целого тысячелетия. В течение всего этого периода можно проследить непрерывную борьбу различных стремлений, которая проходит через всю умственную жизнь Европы словно наваждение помраченного рассудка. Одним из таких стремлений было заветное желание удачливых правителей. примером которых является Карл Великий» [195, 191]. Со времен Карла Великого жила мечта о восстановлении Западной империи под названием Священная Римская империя. Правда, формально таковая существовала, но ведь реального единства Западной Европы она не дала [109].

Вплотить в действительность мечту Карла Великого не раз пытались на протяжении тысячелетий европейской истории — достаточно вспомнить устремления римских пап, монахов габсбургской династии, Наполеона, Гитлера. Все эти попытки так и остались неосуществленными сценариями мировой цивилизации, как это было показано выше. И вот теперь, в конце XX столетия, эта несостоявшаяся мечта обретает вполне реальные контуры в виде «Соединенных Штатов Европы», или Европейского сообщества (ЕС).

Западно-европейская интеграция с самого начала выражала стремление крупной буржуазии Старого Света консолидироваться в ее претензии играть ведущую роль в сложном и плюралистическом мире. К этому прибавилось желание избавиться от расхождения между международным политическим положением Западной Европы и ее весом в мировой экономике.

Все стремления к объединению во многом питались идеями европеизма, рожденными еще во времена Карла Великого. Эти идеи выдвигались в межвоенный период и получали новую жизнь после второй мировой войны. «Европеизм, — отмечает отечественный ученый А.И. Уткин, — это идеология обособления Западной Европы, образования западно-европейского союза как автономного центра на мировой арене. Это идейно-политическое явление, впитавшее центристские взгляды западно-европейской буржуазии, нацелено на возвращение узкому кругу

бывших колониальных империй их прежнего мирового влияния. Европеизм... ориентируется на большую независимость... от США, отсюда вытекает определенная антиамериканская направленность европеизма» [185, 51-52]. При этом многие европейцы выступают с идеей полного перерастания сообщества в «Соединенные Штаты Европы» (любопытно, что Ленин считал данный процесс реакционным по своей сути).

Европейское экономическое сообщество («Общий рынок») возникло по Римскому договору в 1957 году, и практически сразу начало отгораживать себя от третьих стран повышенным тарифом. В ЕЭС с самого начала входили ФРГ, Франция, Италия, Бельгия, Голландия и Люксембург. Между ними проводилось взаимное внешнеторговое разоружение: отказ от квот, контингентирования товаров и тарифов. Условия «Общего рынка» способствовали сближению условий конкуренции, обострению взаимной конкуренции, что привело к переделу сфер сбыта товаров. В области продуктов сельского хозяйства для передела этих сфер был применен принцип единого рынка, т. е. установление цен сверху, что стало инструментом вытеснения с рынка неконкурентноспособных хозяйств.

В рамках ЕЭС начались процессы миграции рабочей силы и капиталов, стимулируемые созданием европейской валютной системы и введением соответствующей валютной единицы (эку).

«Европейское экономическое сообщество выросло в мощный противовес Соединенным Штатам Америки. По ряду ключевых экономических показателей ЕЭС даже превосходило США. Особенно заметно это превосходство выразилось в темпах роста производства, объеме и темпах расширения внешней торговли и заграничных капиталовложений, возникновении рынка «евровалют», противостоящего долларовой кредитному рынку, и т. п.» [91, 191].

В 1973 году сообщество пополнилось Англией, Данией и Ирландией, что стимулировало переход в сферу притяжения ЕЭС ряда других европейских и заморских стран со значительным английским влиянием (прежде всего стран и терри-

торий бывшей Британской империи). После ликвидации режимов профашистского типа к сообществу присоединились Греция (1981 г.), Испания и Португалия (1986 г.). Органы ЕЭС и созданные ранее Европейское объединение угля и стали, Европейское сообщество по атомной энергии и межгосударственные организации стран «шестерки» в 1967 году слились в единую институциональную систему интеграционной группировки — с тех пор она стала именовать себя **Европейским сообществом (ЕС)**.

Система ЕС не ограничивается членским составом. Она образовала «большую зону свободной торговли» (в ней отменены пошлины на импорт большинства промышленных изделий во взаимной торговле), куда входят 19 стран, в том числе Швеция, Финляндия, Австрия, Исландия, Норвегия и др. Далее к системе ЕС примыкает большая группа ассоциированных с ним стран (они имеют льготы во взаимных отношениях) — это большинство стран Африки и бассейна Карибского моря, многие страны Тихого и Индийского океанов, Ближнего Востока. Общая численность населения ассоциированных членов ЕС насчитывает порядка 300 млн человек, проживающих в 66 государствах. И, наконец, ЕС заключило разного рода преференциальные или специальные торгово-экономические соглашения с рядом стран Средиземноморья (Тунис, Марокко, Алжир), Ближнего Востока (Египет, Иордания, Ливан, Сирия, Израиль), Южной Азии (Индия, Бангладеш, Пакистан, Шри-Ланка), Латинской Америки (Аргентина, Уругвай, Бразилия, Мексика).

«Интеграционная группировка, то есть непосредственно ЕС, — отмечает А. Сутулин, — теперь охватывает большую, а главное, наиболее мощную в экономическом и военном отношении часть Западной Европы — старейшей цитадели капитализма с глобальными связями и влиянием. Она объединяет, в частности, все крупнейшие державы этого региона, всегда игравшие значительную роль в мировой экономике, и ряд экономически развитых малых стран, которые прочно удерживают в некоторых областях (вывоз капитала, международная торговля и др.) довольно солидные позиции в экономике империализма, в систе-

ме его мирохозяйственных связей. ЕС в составе 12 стран занимает территорию около 2,3 млн кв. км с населением 322 млн человек, со значительными и разнообразными природными ресурсами» [185, 54]. Достаточно сказать, что для крупнейшего лицензиара в мире — США основным партнером в технологическом обмене является Западная Европа, поскольку ЕС поставляет значительную часть научно-технических знаний (свыше 3/4 лицензионных платежей США переводят в этот регион) [177, 158-159].

В определенных пределах ЕС официально выступает как единый субъект международных отношений. При штаб-квартире ЕС в Брюсселе аккредитованы послы свыше 100 стран, а его представители аккредитованы не только в ассоциированных странах, но и во многих других государствах. Сообщество имеет единые торговые или экономические соглашения с 90 государствами мира, а в общей сложности выступает единым участником примерно 250 соглашений, через которые связано более чем со 100 странами; общее же число различных международных органов, с которыми ЕС поддерживает официальные отношения, почти равно 100 [185, 54-55].

В настоящее время ЕС является мощным объединением с крупнейшей зоной преференциальной торговли, охватывающей западно-европейские и больше половины освободившихся стран. ЕС имеет достаточно высокий экономический потенциал, чтобы конкурировать с Японией и США (другими двумя центрами мирового капиталистического хозяйства). Однако ныне происходит обострение экономического соперничества между этими тремя центрами, на что обращает внимание французский исследователь Т. де Монбриаль в своей книге «Что делать? Большие маневры на мировой арене». Он пишет об относительном ослаблении экономических позиций Соединенных Штатов в мире и усилении позиций ЕС и Японии, обвиняет последнюю и США в проведении протекционистской политики [243, 301].

Изменение соотношения сил в мировом хозяйстве, усиление конкуренции (в частности, в связи с возвышением Японии, «азиатских драконов», ряд новых других индус-

триальных государств), появление новых источников военной угрозы в регионах юга, нестабильность в Восточной Европе и пр., по мнению Т. де Монбриалья, представляют определенную угрозу западноевропейским интересам. Эти факторы придают ускорению западно-европейской интеграции и созданию в ЕС «оборонной общности» неотложный характер. Исходя из этого и учитывая объединение Германии, он полагает невозможным вступление в сообщество в обозримом будущем не только восточно-европейских стран, но и Австрии и Швеции. На нынешнем этапе ЕС должно сосредоточиться на реализации положений Единого европейского акта, что позволяет сообществу подняться на качественно новую ступень интеграции [243, 330].

Сейчас, после развала Советского Союза, идет речь о создании Германией и Францией особого объединения вооруженных сил. Следует также отметить и возможность перехода стран ЕС в будущем к единому языку — им станет английский язык (проведенный социологический опрос в ряде стран сообщества показал, что многие высказались за английский в роли языка межнационального общения).

Таким образом, происходит осуществление несостоявшегося ранее сценария мировой цивилизации — создание единой Западной Европы.

Наряду с Западной Европой в мир Запада входят также и Соединенные Штаты Америки.

С будущим Америки опосредовано связан неосуществленный сценарий, рассмотренный выше, — Африка не колонизована европейцами, в результате чего в Америке нет негров-рабов, а ныне просто чернокожих граждан.

Соединенные Штаты Америки — это многонациональное государство, где живет множество этнических групп при доминировании англосаксов (не случайно здесь английский язык является государственным). Когда-то думали, что в американском огромном «котле» проварятся все этнические группы и в результате возникнет американская нация. Однако этого не произошло, ибо в Америке каждая этническая группа сохранила свое своеобразие и в языковом, и в культурном аспектах.

Среди многих проблем для Америки особую значимость имеют отношения между белыми, «этническими меньшинствами» и неграми (не следует забывать, что негритянская популяция составляет почти четверть населения). Время от времени Америку потрясают различной степени расовые волнения, примером чего служат расовый взрыв в конце 60-х годов. Вот здесь-то «этнические меньшинства» предъявили свои требования находящимся у власти демократам: «Вы не делитесь с неграми своими успехами в обществе, своими директорскими постами и кабинетами, не пускаете их в свои фешенебельные районы; у них нет на это денег, и они не отправят свою ребятню в ваши прекрасные школы, как и мы не посылаем туда своих... Черные дети, по вашей милости отставшие в учении, ходят теперь в наши школы, а поскольку вы не даете денег, чтобы им помочь, качества образования это не повышает. Ведь это вы, управляющие страной, штатом, городом, отказывали им в праве на сносные бытовые условия и создали центры преступности. А сами держитесь от них подальше, и это рождает у вас ощущение безопасности...» [11, 186]. Тогда налицо была напряженность между «белыми» и «черными» районами. Не случайно в Милуоки, соединяющую два таких района, эстакаду называли «самым длинным в мире мостом, который построили между Африкой и Европой». Понятна враждебность и ненависть негров к белым, чей уровень жизни гораздо выше тех, кто живет в черных гетто.

И вот в мае 1992 года улицы Лос-Анджелеса были охвачены беспрецедентным за весь двадцатый век взрывом ненависти негритянского населения. «Приехав в Лос-Анджелес после окончания беспорядков, — пишет Дж. Шмальц в «Нью-Йорк Таймс», — Буш выглядел откровенно потрясенным — напуганный президент за бронированным стеклом автомобиля» [147, А3].

Расовое насилие и предрассудки поставили Америку, эту самую богатую страну в мире, в тяжелое положение, они превратили американцев в дикарей.

События в Лос-Анджелесе — это предупредительный звонок, предвещающий мало приятного для будущего США.

Ведь эти негритянские волнения связаны с экономическим положением дискриминируемого черного населения. И если Америка в начале XXI века утратит положение лидера в мировой экономике, то это снизит жизненный уровень ее населения, что обострит расовую проблему и может привести к развалу США.

Вот как может откликнуться когда-то неосуществленная альтернатива.

Россия

а пороге XXI столетия перед Россией снова стала проблема выбора одного из возможных альтернативных путей развития нашего отечества. В его истории уже имеется ряд неосуществленных сценариев, одни из которых уже начинают осуществляться, другие имеют определенную вероятность осуществиться. Речь идет о двух таких сценариях («Гитлер выиграл войну» и «В России устанавливается конституционная монархия»), чье возможное воплощение зависит от того, кто одержит победу в борьбе за власть из существующих реальных сил — демократы или государственники.

Если первые возьмут в конечном счете верх, то возможно воплощение в жизнь модернизированного варианта генерального плана «Ост», имеющего на всякий случай «жесткую» и «мягкую» ипостаси.

Если придут к власти вторые, то резко возрастет вероятность развития страны по «евразийскому» пути, намеченного стольпинскими реформами.

В настоящее время публицистика и научная литература (правда, не вся) на уровень аксиомы возвели тезис о необходимости возвращения России на столбовую дорожку мировой цивилизации. Поэтому цель экономической реформы, проводимой методом шокотерапии, усматривается в переходе к социально-экономическим отношениям (а следовательно, и к общественному устройству), господствующим в развитых капиталистических странах (любопытно, что наши демократы стараются избегать слова «капитализм», тогда как его спокойно употребляют на Западе).

Но как-то упускается из виду тот немаловажный факт, что такому подходу присущи двоякого рода недостатки: «Во-первых, затушевываются принципиальные различия экономических систем, например, Великобритании, стран Скандинавии, Японии. Во-вторых, «общепринятая» модель рыночной экономики нередко отождествляется с американской» [134, 102]. Поэтому неудивительно, что средства массовой информации весьма настойчиво внедряют в массовое сознание американскую модель жизни.

Сейчас идет спор демократов и государственников (воспроизводящий по существу полемику западников и славянофилов прошлого века), что вызвано проблемой выбора Россией своего пути исторического развития.

Демократы выступают за то, чтобы страна развивалась по западному пути, так как он принесет нашему народу изобилие и поможет ему войти в круг цивилизованных народов. И хотя данная цель в общем-то заманчива, все-таки следует выяснить, что он может фактически нам дать. Оказывается, что здесь прорисовываются контуры генерального плана «Ост», который не удалось осуществить Гитлеру из-за поражения в Великой Отечественной войне (уже сейчас резко снизился уровень рождаемости россиян, больницы не очень-то снабжаются лекарствами, разрушается система образования, отечество членится на части и прочие напасти).

Это все объяснимо, ибо предлагаемый путь исторически и логически требует по крайней мере два-три столетия жесточайшей эксплуатации народа молодым и хищным капитализмом (в отличие от западного, цивилизованного, впитавшего в себя элементы социализма современного капитализма, российский капитализм на ранних этапах своего возрождения, может быть только диким).

Молодой хищник, представляющий собой слой дельцов теневой экономики, бывших партocrats и так называемых «жирных котов», награбивших национальное богатство, по беспощадной безжалостности, если не превзойдет, то сравняется с лагерным социализмом. К. Маркс адекватно отразил природу молодого капитализма, когда утверждал: «Историческое назначение капитализма будет выполнено тогда, когда... всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисципли-

лине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения» [136, т. 46, ч. I, 280].

Известно, что вступившие с опозданием на западный путь страны превратились в сырьевые колонии, где Молох капитализма действует еще более жестко — рабочая сила оплачивается ниже минимальной границы ее стоимости, а это рано или поздно приводит к физическому вымиранию народов. Ярким примером служит Индия, где англичане насильно вводили земельную частную собственность и институт батрачества, чтобы разрушить общинный строй с традиционными формами производства. В одном только городе — корпоративно-ремесленной Дакке — население уменьшилось со 150 тысяч до 20 тысяч человек. Именно на эти ужасы искусственного внедрения капитализма извне обращал внимание К. Маркс, когда писал о «... европейском деспотизме, возвращенном британской Ост-Индской компанией на почве азиатского деспотизма, что дает в результате сочетание более чудовищное, чем священные чудовища, которые нас пугают в храме Сальсетты» [136, т. 9, 131]. И вместе с тем он научно доказал, что западная схема прогресса осуществляется на основе замены всех национально-своеобразных форм человеческих отношений чистоганом и голой экономической рациональностью.

Российские сторонники прогресса по-западному акцентируют внимание на изобилии, достигнутом Западом, но оставляют в тени тот неопровержимый факт, что оно получено потом и кровью многих поколений, которых индустриальная машина превратила в атомарную пыль. Достаточно вспомнить, что еще В. Соловьев критически относился к современному ему западному обществу, культивировавшему индивида-атома. Многие наши демократы продуцируют при помощи средств массовой информации иллюзию западной модели существования России, на деле же осуществляя планы, разработанные в «мозговых» трестах Америки. Ведь еще 40 с лишним лет назад был разработан план психологической войны против нашего отечества, в котором отмечалось, что «психологическая война — чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди совет-

ского народа, которое подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране...» [231, 57].

Психологическая война, проводимая США, дала свои результаты — страна (великая и мощная держава — Советский Союз) теперь развалена. Осуществилось предвидение атамана П.Е. Краснова, который написал цикл романов. Один из них называется «От Красного знамени к двуглавному орлу» [116]. Редактор журнала «Континент» Максимов в своем интервью телеканалу «Останкино» весной 1992 года высказал мысль о том, что развал Советского Союза, дестабилизация положения в обществе произошли как бы по заранее продуманному плану. Еще более определенно об этом ранее высказался американский мультимиллионер, Дж. Сорос: «Уничтожение старой системы — вопрос более или менее решенный» [183, 8]. Но ведь это писалось еще осенью 1990 года! Теперь же Соединенные Штаты Америки приступили к расчленению самой России, о чем свидетельствует политика Америки и Японии.

С их стороны эта политика является продиктованной суровыми реалиями обстановки в мире. Дело в том, что мозговые тресты Запада «просчитали» надвигающийся энергетический кризис, тогда как наше отечество очень богато ресурсами (известно, что оно и Китай способны полностью обеспечивать себя ресурсами и энергией в отличие от других стран мира). Так как западной экономической машине грозит замедление темпов ее движения (особенно это касается США), то и была выработана программа превращения Советского Союза и соответственно России в сырьевую колонию с дешевой рабочей силой. Так, еще в 1990 году наш ученый С.Г. Кара-Мурзаев отмечал: «Даже в 60-е годы физики и математики корпорации РЭНД, разрабатывая методологию системного анализа, ввели понятие «истинной стоимости» ресурсов, основанное на учете лишь сиюминутной выгоды лишь небольшой части человечества — США» [92, 11]. Мозговые тресты Америки стараются управлять историей, используя политологию, социологию и компьютеры.

Рассмотрим случай, когда происходит осуществление несбывшегося гитлеровского сценария господства над Россией в его «жесткой» ипостаси, разработанной западными специ-

алистами. Этот сценарий в глобальном масштабе излагается в статье Ю. Шишиной «Психодизайн — XXI. Технология Апокалипсиса», опубликованной в 1991 году. Она пишет: «События, разворачивающиеся в нашей стране, точь-в-точь напомнили мне программу «Барбаросса», подготовленную для нас полвека тому назад тайной канцелярией рейха. Если читатель не поленится заглянуть в протоколы Нюрнбергского процесса или книгу историка В.И. Дашичева, собравшего документы второй мировой войны, то он и сам без труда обнаружит, что А. Гитлер еще тогда запрограммировал все сегодня происходящее: расчленение страны, натравливание народов друг на друга, отделение республик (и, кстати, первой — Грузии); даже отсутствие зубных и прочих врачей и развал начального образования для ослабления умственной и биологической силы нашего народа. Современные политики приняли все его планы один к одному, даже не взяв на себя труд переработать. А ведь полвека назад не было ни технотроники, ни принципиально новых систем управления материальными процессами, текущими в ноосфере, мировыми денежными потоками, коллективным и индивидуальным сознанием, устрашающей геной инженерии» [225, 144].

Нам предлагают «новый мировой порядок», в чем же его предназначение для россиян?

На Западе стремятся осуществить идею «золотого миллиарда» избранных (к ним относятся американцы, евреи, немцы, французы, англичане и другие представители западной цивилизации), которые наслаждаются жизнью в «технотронных оазисах» (Бжезинский) на всех континентах. Остальные миллиарды, в том числе и россияне, находятся в «глобальном гетто». Наша страна становится гигантским концлагерем — зоной депривации, где все находящиеся искусственно лишаются нормальных жизненных потребностей. Россиян лишают пищи, лекарств, возможности к самоорганизации, налагается запрет на умственную деятельность. Иными словами, россиян посредством террористических способов держат в особых зонах, они влачат жалкое существование. «Но роптать нам все же не следует, ибо на примере Ирака и других «малоразвитых стран» понятно: шуток не будет. Если мы сами подобру-поздорову не обособимся в концлагере, не бу-

дем помалкивать, станем заливать шахты, то и к нам прилетят технотронно управляемые ракеты, чтобы «разъяснить» нам, где истинная справедливость» [225, 146]. *Нарисованный сценарий будущего нашего отечества поистине мрачен и бесперспективен.*

Здесь излагается то, что происходит в случае воплощения в действительность промоделированной на западных компьютерах программы овладения нашими национальными богатствами. Однако необходимо учитывать ограниченность компьютерной программы господства над нашим отечеством. Во-первых, компьютерное моделирование основано на математическом формализме, что позволяет «схватить» абстрактно-всеобщие моменты действительности, но упускает ее качественные аспекты. Во-вторых, для западного мышления характерны рационализм и позитивизм, на что обращали внимание русские мыслители XIX начала XX века, т. е. не учитывается иррациональная сторона и мышления, и действительности. Следует помнить и предостережение великого А. Пушкина о том, что русский бунт беспощаден и бессмысленен. *Не исключено, что воплощение в реальность политиками западной модели развития России неизбежно приведет к очередному грандиозному краху, к грядущему коллапсу, в результате которого может погибнуть и Запад* (таким образом, может осуществиться пророчество о конце мира на пороге III тысячелетия).

Очевидно, что кое-кто на Западе понимает опасность воплощения в жизнь подобного рода «жесткой» ипостаси «гитлеровского сценария из-за проявления иррациональной стороны реальности».

Действительно, после распада Советского Союза, чье противостояние Соединенным Штатам Америки определяло весь фон мировых событий (заметим, что фактически это было противостояние не социализма и капитализма, а двух государств!), из тени вышел мусульманский мир. Влиятельные круги исламского фундаментализма стремятся к мировому господству, что представляет угрозу существованию Запада. Не следует забывать и растущую мощь новой сверхдержавы — Китая, который имеет ядерное оружие, спутники, новейшие ЭВМ, ракеты, колоссальный демографический

потенциал и динамичную экономику. Перед его возрастающим могуществом начинает уже дрожать высокоразвитая Япония. А пробуждающийся африканский континент, а динамичные социальные процессы в Латинской Америке! Иными словами, на место противоборства СССР и США (американцы еще с сожалением вспомнят о непредсказуемых последствиях своей деятельности по развалу Советского Союза, ибо это им в будущем дорого обойдется) пришло непримиримое противоречие между полисной и неполисной цивилизациями.

Сейчас Атлантический океан, а не Средиземное море является центром полисной (западной) цивилизации. На периферии евроамериканской цивилизации происходит расшатывание традиционных структур (Россия «оказалась на периферии полисной цивилизации») [58, 13], связанное с явлением «озлобленной зависти», которая проявляется в антизападничестве и всплеске уравнительного пафоса (от большевистской революции до «пылающего ислама»). Ныне евроамериканская цивилизация находится перед лицом тех же проблем, что и Римская империя накануне своего краха. Однако условия несколько иные. Во-первых, полисная цивилизация теперь не находится в глухом «варварском» окружении, подобно греко-римской предшественнице. Во-вторых, масштабность неполисных цивилизаций перестает быть геополитической доминантой: включение России в систему демократического севера (объединенная Европа, Япония и Северная Америка) и осуществление плана Дж. Буша по созданию общеамериканского рынка приведут к выпадению Латинской Америки из контекста «третьего мира».

Вот именно включение России в систему евроамериканской цивилизации может спасти ее перед лицом опасности, идущей со стороны юга, представляющего собой совокупность неполисных цивилизаций.

Поэтому теперь просматривается возможность осуществления «мягкой» ипостаси неосуществленного фашистской Германией сценария. Вот почему Запад настаивает на энергичном создании в России многочисленного слоя собственников, требует решительного введения частной собственности, что возможно только за счет всего русского

народа. «Полисная цивилизация втягивает в свою орбиту все новые регионы, — подчеркивают Д. Драгунский и В. Цымбурский. — посредством воспитания в них сильного и обширного среднего слоя, исповедующего и воспроизводящего традиционные полисные ценности: труд как путь к преуспеянию и состязательность как путь к самоутверждению. В оптимальном варианте этот процесс должен сопровождаться рассасыванием массы низов, тяготеющих к разным версиям люмпен-идеологии» [58, 14]. Именно этим объясняется приглашение России войти в семерку развитых стран Запада, стать восьмым членом могущественного клуба, вершащего дела в мировой экономике и политике, вот почему Россию приглашают принять участие в программе «звездных войн», вот почему не исключена возможность вхождения ее армии в блок НАТО. Этим самым Запад усилит свою мощь, к тому же раскрываются блестящие перспективы использовать в своих целях интеллектуальный потенциал России (финансирование программ для работы российских ядерщиков позволит американцам извлечь большую выгоду, не прибегая к «утечке мозгов») и ее ресурсы (трудовые, природные). Понятно, что Запад не даст России стать могущественной державой, как это произошло с Японией; достаточно будет того, что ей создадут режим сателлита Запада.

Весьма велика вероятность того, что Россия не воспримет западного пути.

В свое время Н. Бердяев писал в своей книге «Философия неравенства» о русском народе следующее: «Русский народ не есть народ западно-европейский, он — в большей степени народ восточно-азиатский. Душа русского народа — сложная и запутанная душа, в ней столкнулись и смешались два потока мировой истории, восточной и западной. И эти две стихии в душе русского народа не были органически претворены в цельный характер, в единую волю и единый разум... И западники, и славянофилы не могли понять тайны русской души. Чтобы понять эту тайну, нужно быть в чем-то третьем, нужно вознестись над противоположностью двух начал, восточного и западного, и двух сознаний — славянофильского и западнического. Нужно знать Восток не только по смутным пере-

живаниям восточной стихии и Запад не только по поверхностному западническому сознанию. Острота познания рождается от выхода в третье из двух противоположностей. Россия есть великий и цельный Востоко-Запад по замыслу Божьему, и она есть неудавшийся и смешанный Востоко-Запад по фактическому своему состоянию, по эмпирическому своему состоянию» [9, 32-33]. Вот именно, русский человек не воспримет Запад во всей его полноте; в нем удивительным образом сочетаются немецкий гений и татарский размах [246, 442], что придает самобытность России.

Вполне реальна возможность развития нашего отечества по прерванному в начале века третьему пути — ни по пути западного капитализма, ни по пути государственного социализма, а по евразийскому пути.

Речь идет об осуществлении сценария мировой цивилизации, связанного со сталинскими реформами. Российский философ Ю. Бородай в статье «Третий путь» аргументированно показывает, что Ленин со своими приверженцами пресекли поворот сталинской России на путь агропромышленной модернизации, охарактеризовав его как неправильный, патриархально-реакционный, «бонапартистский» путь [21, 140-147]. Оказывается, что добуржуазные цивилизации, сохранившие свои традиционные отношения между людьми со всем набором старинных моральных ценностей, сумели прекрасно воспринять новейшие сложные технологии. Именно Япония первая продемонстрировала третий путь развития, который стал в наши дни всемирно-исторической реальностью (Южная Корея, Тайвань, Сингапур и другие страны азиатско-тихоокеанского региона успешно идут по этому пути).

Исследователи отмечают, что в отличие от США как эталона «общества потребления» в Японии с ее набором фундаментальных ценностей, противоположных американским, приоритетным является ориентация на творческий труд, что японская экономика по эффективности превосходит западную, что в Японии нет безработицы [134, 109-110]. Японский опыт противоречит тезису о благотворности резкой социальной дифференциации в нашей стране. Ведь тенденция развития мировой экономики состоит как раз-таки

в сокращении неравенства доходов. «Характерно, что, уровень социального неравенства среди основных промышленных держав является наименьшим в наиболее динамично развивающемся государстве — в Японии» [134, 109]. Японский опыт свидетельствует о значимости наряду с материальными стимулами широкого спектра нематериальных.

Россия как евразийская страна имеет культуру, сочетающую в себе элементы восточных и западных культур, и поэтому русская и японская традиционные культуры имеют сходные черты — склонность к сотрудничеству, общинности, коллективизму и т. д. Нам, чтобы по-своему осуществить третий путь, прежде всего необходимо внутри общинности вырастить Личность, о чем говорил А. Герцен, восстановить духовность. *Евразийская доктрина, выражающая определенный способ мышления и мироощущения, имеет глубокие национальные, российские корни и сейчас происходит ее актуализация, связанная с деятельностью государственников, желающих построить сильную и процветающую Россию, как Столыпин в свое время.*

© 2010 г. Издательство «Юридический центр Пресс»

Контуры планетарной Цивилизации

настоящее время происходит становление глобальной цивилизации, очерчиваются ее контуры, т. е. развитие человеческой цивилизации вступает в новый, во многом переломный период, для которого характерно обострение целого ряда проблем планетарного масштаба. Они охватывают чрезвычайно широкий круг вопросов, начиная экологическими, демографическими, экономическими и кончая вопросами социального (СПИД, терроризм, преступность, наркомания) и морального плана, связанных с общими мировоззренческими установками человека, его культурными ценностями. «Нетрудно заметить, что становление глобальной цивилизации сопряжено с обострением трагического противоречия между различными ее зонами, в одной из которых человек располагает всеми ее благами и достижениями, а в другой — гораздо более обширной — царят голод, болезни, нищета. Именно это противоречие создает наиболее опасную угрозу, — считает Г. Дилигенский, — целостности глобальной цивилизации, без его разрешения вряд ли будет возможным ее дальнейшее поступательное развитие» [57, 30].

Многие социологи, политологи, культурологи, футурологи отмечают противоречия, связанные с формированием новой, планетарной цивилизации. В начале нашего столетия П. Сорокин дал великолепную и точную характеристику этого процесса, выражающегося в экстраординарном кризисе: «Это — не просто экономические или политические неурядицы, кризис затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Это

— кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это — кризис форм социальной, политической и экономической организации, включая формы брака и семьи. Короче говоря, это — кризис почти всей жизни, образа мыслей и поведения, присущих западному обществу. Если быть более точным, этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий» [182, 429].

Экстраординарность кризиса XX столетия связана, как уже говорилось выше, с космическими процессами и прежде всего с начинающимся возрастанием активности Солнца. В свое время А. Чижевский в книге «Физические факторы исторического процесса» объяснил волнения на Земле, коллективные психозы, войны процессами на Солнце [219]. Установленная П. Сорокиным закономерность смены типов культуры прекрасно коррелирует со структурами циклов Эдди, где прослеживается что-то вроде 900-1200-летнего цикла солнечной активности, слагающегося из длинного (600-700 лет) и короткого (200-300 лет) полуциклов. Во всяком случае имеется определенная синхронность между вызванными солнечной активностью изменениями на нашей планете и историческими событиями крупного масштаба (понятно, что не следует забывать и значимость чисто исторических и социальных факторов).

Несомненно то, что сейчас человечество и его цивилизация столкнулись с фундаментальными процессами планетарной шкалы, которые ставят вопрос о существовании нашей цивилизации. Одни из них связаны с жизнеспособностью общества на Западе в сложившейся ситуации.

Рассмотрим в связи с этим основные положения «Доклада» института всемирной вахты (Вашингтон), позволяющего бросить как бы «глобальный взгляд» на проблемы, возникшие сегодня перед человечеством. Без их решения невозможно создание экологически устойчивого общества.

Прежде всего требует своего решения в 90-е годы проблема преодоления бедности. В 1989 году, отмечает А. Дернинг, в мире насчитывалось 157 миллиардеров, примерно 2 млн миллионеров и 100 млн бездомных. Ежегодно

5 млрд расходуется жителями США на соблюдение различных малокалорийных диет, в то время как 400 млн человек во всем мире недоедают [239, 135]. По данным МБРР и ФАО, в абсолютной бедности на планете живет 0,7 — 1 млрд человек. Но самое страшное — это усиление тенденции роста бедности. В 1989 году отмечено резкое снижение жизненного уровня во многих регионах Азии, Африки и Латинской Америки. Таким образом, еще раз можно констатировать, что **богатые становятся богаче, а бедные — беднее.**

Известно, что большинство современных экологических трудностей, начиная от отравления грунтовых вод и кончая изменениями климата, являются побочными продуктами нарастающего объема промышленного производства и потребления товаров и услуг. Бедность же ведет непосредственно к экологической катастрофе, причина которой — стремление отчаявшихся людей к сверхэксплуатации природных ресурсов. Ничто не может быстрее подтолкнуть людей к варварскому использованию лесных ресурсов, почв и водных источников, как страх потерять в ближайшей перспективе возможность доступа к ним. Отсюда и вывод доклада о необходимости в целях разрешения нынешних и будущих экологических проблем преодоления бедности на основе целого комплекса мер социального, административного и экономического порядка. В связи с этим актуально положение А. Дернинга о том, что **«бедность — это роскошь, которую мы больше не можем себе позволить»** [239, 153].

В конце доклада Браун, Флейвин и Постел рисуют картину экологически устойчивого общества. Исходя из состояния окружающей среды, остроты современных и будущих экологических проблем, они считают, что у человечества для создания такого общества осталось не больше 40 лет. Авторы доклада полагают, что к 2030 году должна быть сформирована экологически справедливая и безопасная мировая экономика, чьи энергетические потребности будут полностью удовлетворяться благодаря использованию возобновляемых экологически «чистых» и весьма эффективных источников, преимущественно энергии Солнца. Для выживания человечества необходимо создать такое общество, как бы ни выглядело это утопически.

На международной конференции «К новой цивилизации», проходившей в июле 1992 года (Москва), выступил с докладом С. Лем, в котором он подчеркнул, что в результате человеческой деятельности непомерно перегруженная биосфера сама не способна вернуться к состоянию равновесия. По его мнению: «Неверно, что с арены истории уходит лишь коммунизм, не оправдавший себя как социотехническая идея. Классический капитализм тоже уже не в состоянии справиться с проблемами, которые он порождает» [124].

Самая фундаментальная проблема — это регулирование численности населения Земли путем активной деморегуляции, чтобы на протяжении жизни трех-четырёх поколений снизить его до 2—2,5 млрд человек. Вести борьбу с избыточной прокреационной способностью человека можно при помощи псевдогормональных препаратов, добавляемых в пищу, воду и даже воздух (в атмосферу). Но для этого необходимо решить острую проблему выбора между цивилизацией как глобальным правлением знатоков-экспертов и цивилизацией как правлением политических лидеров.

Сейчас формируется новая цивилизация. Она будет настолько глубоко революционной, считает О. Тоффлер, что изменит все наши старые представления: «Мир, который развивается в направлении новых ценностей и технологий, новых геополитических отношений, нового стиля жизни и форм коммуникации, требует новых идей и аналогий, классификаций и понятий» [276, 200]. Она — событие более глубокое, чем Первая волна, возникшая более 10000 лет назад благодаря изобретению агрокультуры, или Вторая волна, вызванная промышленной революцией.

Новая цивилизация характеризуется «демассированным» производством и распределением. Если традиционное индустриальное производство ориентируется на выпуск идентичных изделий в миллионах экземпляров, то «демассированное» — на выпуск небольших серий, рассчитанных на определенного потребителя. При этом продукция отраслей Третьей волны остается столь же дешевой, общедоступной и разнообразной, как и продукция массового производства.

Существенным является то, что в цивилизации третьей волны происходит (в определенном смысле) **возврат к доиндустриальному производству, но на более высокой технологической основе.** Здесь главным объектом собственности станет информация (наряду с собственностью на землю и средства производства). Вполне понятно, что основная масса людей в информационном обществе не будет заниматься принятием политических решений, их будут выбирать и проигрывать при помощи компьютеров представители правящей элиты. Вот и возникает *вопрос о том, какая форма правления осуществится*, кто будет доминировать в мире, сможет ли осуществиться сценарий глобальной «империи» Александра Македонского, выписанной А. Тойнби?

Рассмотрим различные возможности, связанные с необходимостью регулирования развития планетарной цивилизации. То есть речь идет об управляемой истории, что пытаются делать уже сегодня в разных регионах планеты те или иные силы, которые стремятся доминировать в мире.

На мировое господство теперь претендует ислам (выше шла речь о мировой экспансии ислама в средние века и о неосуществленном сценарии завоевания Западной Европы испанскими мусульманами). «Ислам вступает в XXI век, — отмечает Н. Жданов, — как одно из направлений человеческой цивилизации, как система воззрений и политической практики, материальной и духовной культуры. Ислам — это и миллионы верующих, партии, движения и международные организации» [74а, 4].

Ныне стоит в теоретическом и политико-практическом плане проблема исламской альтернативы мирового порядка.

Так как ислам является мировой, «универсальной» религией, то исламская концепция миропорядка исходит из универсализма, означающего необходимость принятия мировым сообществом ислама. Неудивительно, что Исламским советом в 1981 году была принята Всеобщая исламская декларация прав человека, нацеленная на установление исламского порядка. В ней изложено 14 пунктов, среди которых:

— равенство всех людей, независимо от происхождения, цвета кожи, пола и языка;

— сохранение, защита и почитание института семьи как основы общества;

— равная ответственность перед законом (шариатом) правителей и управляемых;

— священный характер любой земной власти, данной на время, определяемое законом;

— правовая защита каждого в соответствии с законом в случае нарушения его прав;

— избавление человечества от всякой эксплуатации, несправедливости и угнетения [74а, 10-11].

В августе 1983 г. проходил международный семинар (Лондон) на тему «Государство и политика в исламе», организованный Мусульманским институтом исследований и планирования. На нем была принята декларация, которая детализировала исламскую концепцию миропорядка и пути ее достижения. Ее основные положения таковы:

— Вся власть принадлежит Аллаху, и поэтому любое мусульманское государство, которое по своей воле подчинилось неисламской власти или идеологии, выступает, по существу, против правления Аллаха.

— Религия и политика (политическая практика) составляют неделимое целое, и любое отделение ислама от религии и политики является неприемлемым для «Уммы» (общины мусульман, которая является объектом «божественного откровения»).

— Политическая роль ислама и политическая роль богохульства (неверия) являются двумя противоположными тенденциями в истории, и ни одна из них не имеет ничего общего с другой.

— Концепция деятельности политических партий в западных демократиях приводит к расколу общества и, следовательно, не устраивает «Умму».

— Джихад (борьба в защиту и распространение ислама) является основным долгом мусульманина во все времена и должен стать неотъемлемым элементом современного исламского движения.

Были сформулированы политические цели «Уммы»:

— Ликвидировать всякую власть, находящуюся в конфликте с Аллахом и его пророком.

— Ликвидировать национализм во всех его проявлениях и формах, и в особенности в форме «нация-государство».

— Объединить все исламские движения в единое глобальное движение с тем, чтобы создать исламское государство.

— Преобразовать исламский мир в систему исламских государств, связанных друг с другом такими институтами, какие являются необходимыми для выражения единства «Уммы».

— Ликвидировать все политические, экономические, социальные, культурные и философские влияния западной цивилизации, которые внедрились в исламский мир.

— Возродить доминирующую, глобальную исламскую цивилизацию, основанную на концепции «таухид» (объединение).

— Создать необходимые институты, чтобы следовать принципу: «Не делай ничего греховного и сторонись постыдного».

— Установить справедливость во всех человеческих отношениях на всех уровнях в мире [74а, 11-12].

Панисламизм провозглашает исключительность и богоизбранность всех мусульман. Считается, что миру ислама противостоит мир «нового варварства», поэтому необходимо установить теократию. Не случайно в идеологической машине шиитского духовенства возникла идея «создания» великого исламского сообщества», или «великого исламского государства», сначала в пределах Азии, Африки и некоторых других развивающихся стран, а затем и на всем земном шаре» [82, 126]. **Панисламизм — теория мусульманского космополитизма.** Из-за противоречий в мире ислама возникла гибкая концепция «исламской солидарности», конечной целью которой является образование единого исламского государства. Политики считают необходимым выход мусульманских стран и организаций из ООН и образование Организации объединенных мусульманских наций со своим Советом Безопасности, создание мусульманского «общего рынка» и объединенных вооруженных сил с единым военным командованием. Как в связи с этим не вспомнить В. Соловьева, который указывал на значимость Мухаммеда и основанной им религии в общих судьбах человечества: «Если

же признавать в истории внутренний смысл и целесообразность, тогда без сомнения такое огромное мировое дело, как создание Ислама и основание мусульманской культуры, должно иметь провиденциальное значение» [179, 555]. *Не случайно Запад ныне трепещет перед заревом, поднимающимся над мусульманским Востоком.*

Не ослабевает и стремление Запада играть первую скрипку в становящейся планетарной цивилизации.

Дж. Робертс, показав в своей книге «Триумф Запада» причины ошеломляющего успеха западной цивилизации, делает вывод о том, что направление современной истории (рассматриваемой с 1700 года) характеризуется «доминированием» Запада. Под «доминированием» понимается два момента: во-первых, история всей мировой цивилизации под влиянием Запада приняла необратимый характер; во-вторых, неевропейские культуры воспринимают западные идеи, ценности и цели, изменяя тем самым локальное движение истории [265, 427-428]. И далее он утверждает: «Парадоксально, что мы можем теперь войти в эру своего величайшего триумфа, но не через государственные структуры и экономические отношения, а через умы и сердца всех людей. Возможно, они все теперь вестернизируются» [265, 429]. Это утверждение основано на принципе, что «ничто в истории не повторяется». Это значит, что история изменена Западом, который сделал мир Единым Миром, что это совершенно благодаря деятельности европейских администраторов, миссионеров и учителей. Ибо они принесли ценные дары неевропейцам, включающие в себя более мягкие стандарты поведения в отношении слабых, идеал более объективного правосудия, интеллектуальную строгость науки, дающую плоды в сфере здравоохранения и технологии и пр.

О возможности осуществления одного из вариантов Империи — «Пакс Американа» — говорил наш отечественный мыслитель Г. Федотов: «В случае победы Америки, Англии и их союзников единство мира должно отлиться в форме действительной, а не мнимой федерации. Такова сама структура и Соединенных Штатов, и Британского Содружества, В настоящее время англосаксы и не представляют себе власти, организованной вне самоуправления. Даже молодой им-

периализм Америки, при всей жадности к стратегическим базам, начинает с освобождения своих старых колоний. Опасность Атлантического варианта Империи не в злоупотреблении властью, а скорее в бездействии власти. У свободных народов нет вкуса к насилию, и это прекрасно. Но в настоящее время у них нет и вкуса к власти, и это опасно» [199, 194]. Не следует забывать, что это написано в 1947 году, поэтому поражает предвидение Г. Федотова, его удивительная историческая интуиция.

Вероятно, отсутствие «вкуса к власти» не позволило Западу решить ряд проблем. Прежде всего существенно то, что на Западе не решена адекватно проблема «индивид — общество», это привело к утрате способности веры и духовного порыва. Известный западный ученый К. Леви-Стросс говорит: «Отлучив человека от всего остального мироздания, западный индивидуализм лишил его защиты. Человек, верящий в безграничность своих возможностей, обречен на самоуничтожение» [81, 7]. Далее, следует учитывать и происходящие процессы в сфере культуры Запада, особенно американской культуры. Оказывается, тот же американец вдруг обнаруживает неустойчивость своей культуры, которая стала трещать по всем швам. Ее идеи, служившие ему ориентиром в жизнедеятельности, превращаются в ненужные и бессмысленные «механизмы» (здесь проявляется закономерность развития культуры — ее старение и деградация). Перед американцами стоит проблема создания аутентичной культуры — им, подчеркивает Л. Сеа, нужно вырастить древо культуры и выработать собственные концепции [280, 4-5].

Необходимо учитывать и тот существенный момент, что, как заметил О. Тоффлер, начался конец «белой интермеди» — господства белых над всем остальным миром. Он пишет: «В действительности уже произошел сдвиг в расовом распределении власти в мире... непохоже, что мы когда-либо вернемся к прежнему исключительному положению. Арабское представительство является сейчас и будет продолжать оставаться частью мировой структуры власти. Прибавьте к этому драматический рост Японии, Тайваня, Гонконга, Сингапура и Южной Кореи в последние годы и чрезвычайно быстрый уровень экономического роста в большинстве регио-

нов Восточной Азии и Океании... По мере того как компьютеры распространяются в Азии, по мере того как китайцы (и китайцы, проживающие за пределами) развивают свои собственные речеразличающие системы, способные обрабатывать их идеографический язык... по мере того, как дипломированные специалисты Индии или Сингапура создают программы для компьютеров в Манхэттене или Миннеаполисе, мы, вероятно, можем также стать свидетелями мощного потока финансовых, культурных и прочих влияний Востока на Запад» [145, 279].

Активное подключение незападных, восточных культур к проблеме компьютеризации, традиционным схемам западного мышления, может существенно изменить культуру Запада, может привести к громадным последствиям не в пользу Запада. Сложившейся ситуацией озабочен и Л. Сеа, размышляющий об опасности роста азиатского влияния в мире. Ведь то, что азиат взял из европейской культуры, не является собственно культурой, т. е. не является способом экзистенции, мировоззрением, а только орудиями и техникой. Азиат считается наследником прастарой культуры, которая передавалась от отца к сыну; он чувствует себя господином собственной и аутентичной культуры. Его мировоззрение резко отличается от европейского, хотя он и вынужден был из-за экспансионистских устремлений европейца взять у него технику. «Современность показывает нам, — пишет Л. Сеа, — на что способен азиат, использующий европейскую технику и собственное, совсем иное, мировоззрение. Будущее европейской культуры ему безразлично и он, очевидно, будет стараться ее уничтожить, если она и дальше будет проникать в его собственный мир» [280, 5].

Вспомним, что В. Соловьев в конце прошлого века пророчески заметил, что в будущем Китай будет господствовать над Европой, используя ее достижения в области науки и техники и собственное мировоззрение. Он также предсказывал предстоящее столкновение двух культурных миров — Европы и Китая [179, 134]. Во всяком случае, к аналогичным выводам пришел и О. Тоффлер: «Если говорить в долгосрочных исторических терминах, то я думаю, что белая ин-

термедия будет заменена «трехцветным будущим» [280, 280]. Интересно, что прозрение В. Соловьева и прогноз О. Тоффлера получают неожиданную аргументацию и со стороны экологии. Отечественный биолог Г.Н. Симкин на основании четвертьвекового исследования природных экосистем всех уровней — от механизмов популяционного гомеостаза до ландшафтных природных систем и целостной биосферы включительно — пришел к фундаментальному выводу: «Если человечеству действительно удастся избежать глобальной ядерной катастрофы, угрожающей планете расколом земного шара, то глобальной гибели биосферы не будет, а возможно и не быть: слишком сложны, устойчивы, многократно сдублированы ее функциональные биохимические блоки. Намного реальнее картина локальных (региональных) катастроф, на наш взгляд, в первую очередь угрожающих наиболее индустриально развитым странам и цивилизации «белого человека» вообще» [172, 96].

Во всяком случае несомненно одно — экономический рост Запада за счет неразумного, расточительного потребления невозобновляемых ресурсов приведет человечество к катастрофе. Если этот процесс удастся остановить, тогда можно поискать, считает А. Тойнби, инициатора следующего витка движения мира на Востоке, не исключено, что в Китае [188, 598]. Речь идет об общемировой значимости конфуцианства, т. е. об исторических судьбах конфуцианства в современном мире.

Историческое значение идей Конфуция уже по достоинству оценено многими учеными Востока и Запада. Они рассматривают его как учение, которое воплотило в себе разум и дух активности всего человечества и в своем поступательном развитии пересекло просторы Тихого океана, Европы и вторглось на американский континент. Некоторые из них даже считают, что «конфуцианство представляет собой наиболее выдающийся тип культуры во всей истории человечества» [111, 134].

Известно, что традиционное китайское конфуцианство оказало большое влияние на разные страны мира, и прежде всего на Юго-Восточную Азию. Все они в разной мере восприняли конфуцианские нормы и принципы в сфере культу-

ры, политики и этики и даже усвоили их в качестве составной части собственных обычаев и образа жизни. Это историко-культурное явление квалифицируется как образование «пояса конфуцианской культуры». Именно в конфуцианской культуре усматриваются приципы происшедшего после второй мировой войны резкого скачка в экономическом развитии Японии, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и Сэнгана. Более того, иногда даже экономика этих стран характеризуется как «конфуцианский капитализм» [46, 312].

Существует точка зрения, что нормы и принципы конфуцианской этики, несмотря на их несовместимость со многими сторонами жизни современного общества, могут сыграть активную роль в решении проблем современной цивилизации, морали, культуры, системы ценностей и социальной стабильности, с которой столкнулось «постиндустриальное общество» [111, 135]. Дело в том, что в странах с «постиндустриальным обществом» высокий уровень «товарности, сложившихся в обществе связей и отношений обусловил развитие этих стран, но одновременно нанес значительный удар традиционным межличностным отношениям, вытравив из них такие элементы, как родственные чувства, духовность, нормы морали и устои внутрисемейной жизни» [111, 135]. В этом проявился фактически противоречивый характер отношений между материальной и духовной сторонами цивилизации, и обнажился тот факт, что высокий уровень развития материальной стороны отнюдь не всегда означает прогресс целого.

Многие специалисты поэтому считают, что присущий конфуцианским нормам и принципам высокий гуманистический дух обуславливает способность китайской философии не только стать средством решения проблем и преодоления кризиса западной культуры, но и задать новое направление развитию всей мировой культуры. Это окажет западной культуре существенную помощь в выполнении своей миссии регулятора духовной жизни общества. В этом усматривается новый будущий вклад китайской культуры в мировую культуру, в определение перспектив развития человечества в целом, в развитие его системы ценностей и его культуры [188, 599; 262, 183].

Не следует забывать и значимости России в становлении планетарной цивилизации.

Хотя Советский Союз развалился, однако интеграционные тенденции все равно возьмут верх и новые государства снова объединятся на качественно новой основе и уровне. Россия представляет собой мост, связывающий Европу и Азию, к тому же в ее культуре до сих пор идет синтез восточных и западных элементов. *Именно евроазиатская двукрылость нашего отечества призвана самой историей сыграть роль интегрирующего начала между Востоком и Западом* [198, 165-166]. Не случайно еще А. Герцен проричительно назвал Тихий океан, на берегах которого по соседству располагаются Россия и Китай, Средиземным морем Будущего. Китай ныне весьма успешно проводит экономические реформы (хотя здесь имеются и трудности) и движется по пути рыночного социализма, опираясь на тысячелетние традиции богатейшей культуры и нравственные устои народной жизни. И Россия пойдет своим путем, совершив переход к корпоративной системе [142, 234-237], что даст ей возможность дружить с Китаем и оказывать влияние на формирование планетарной цивилизации.

Человеческая свобода включает в себя способность «изобретать» будущее, управлять историей, насколько это возможно. Это значит, что сегодня стоящие перед человечеством проблемы требуют для своего решения координационного планирования. В отличие от прошлого человечество находится в уникальной ситуации, когда одновременно чрезвычайно обострились наши проблемы и расширились наши средства коммуникации и когда впервые в истории стали необходимыми и возможными подлинно коллективные и демократические решения. Чтобы осуществить правильный выбор, нужно осознать ситуацию и оказать на нее воздействие [251, 9]. Сегодня идет движение к многополярному миру, где придется учитывать не только интересы Запада, но и интересы стран ТОб, Африки, Латинской Америки, России.

На контуры формирующейся планетарной цивилизации указывает возникающая буквально на глазах новая культура — глобалтех: «Для последнего по времени возникновения из основных видов культур — глобалтеха — лучшей

ареной для выражения его мемов (эквивалент генов в применении к «видам» культур — В.П.), тем, сцен и грез оказалось не национальное государство, в жизни которого доминируют города (как у западно-европейского вида), не имперское образование, где доминирует великая бюрократия (как у восточно европейского), не ареал какой-либо религии, живущей под контролем муллы (у вида афразийской зоны), и не какой-либо иной территориально-целостный ареал. Скорее среда существования глобалтеха — это рынок, на котором доминируют раскинувшие сети связей во времени и пространстве, возглавляемые своего рода кшатриями и решающие судьбы экономики форумы посвященных, что именуются планетарными корпорациями. Последние связаны воедино через международные организации и профессиональные ассоциации» [94, 149].

Возникает социальный суперорганизм, способный формировать в определенной степени свою судьбу и несущий в себе многообразие культур разных народов.

Эта плантарная цивилизация осознает свое непосредственное окружение — Солнечную систему и начнет проникать в Галактику (все это очень похоже на разработанный А. Тойнби сценарий мировой империи Александра Македонского, сохранившейся до наших дней). Планетарная цивилизация будет представлять собой психоцивилизацию, ибо человечество, совершив научно-техническую и социальную революции, стоит на пороге психологической революции. Некоторые ее элементы уже проявляются в развитии американской культуры. Несомненно, что на контуры планетарной цивилизации, получившей возможность «проигрывать» альтернативные варианты собственного развития, наложат отпечаток компьютеризация, экологизация, космизация, генная инженерия и использование психотропных веществ, действующих на психику человека.

Одной из возможных альтернатив развития планетарной цивилизации может оказаться, в силу цикличности истории, возникновение социальной Мегамшины, подобной древневосточной монархии. Ведь западная цивилизация прервала естественный ход классического восточного пути развития цивилизаций: она — аномальное явление в кругу

цивилизаций. И нереализованные потенциалы европейской истории могут обрести жизнь. Если обратить внимание на тенденции в функционировании западных транснациональных корпораций (большинство из них являются американскими), то можно прийти к выводу о том, что нарождающаяся планетарная цивилизация по своей сути имеет шансы стать неорабовладельческой. Ведь проблемы глобального характера настолько сейчас усложнились, что демократические методы решения оказываются подчас уже неэффективными, и поэтому не исключена вероятность некоего «возврата» в прошлое, но на ином уровне. В отличие от физического принуждения классического рабства возможно применение (и это делается уже сейчас) мощных методов манипулирования психикой человека при помощи средств массовой коммуникации и информации, непосредственного воздействия на мозг человека и пр. *Планетарная цивилизация вполне может оказаться «неорабовладельческой».*

Заключение

В данной книге рассмотрен, вопреки точке зрения значительного числа историков, считающих, что история не знает сослагательного наклонения, целый ряд неосуществленных сценариев мировой цивилизации. Теперь уже очевидно, что это не совсем так, ибо их мнение основывается на описательном подходе к истории, ими не используется достаточно мощный философско-методологический инструментарий. Читатель смог увидеть, что из двадцати семи сценариев, о которых шла речь на предыдущих страницах, одни уже находятся в стадии реализации, например, мечта Карла Великого о создании Западной империи (теперь эта мечта, ее концептуальная основа о единстве Западной Европы осуществляется в других условиях), другие имеют большую вероятность воплощения в действительность (Россия может пойти по собственному пути развития, Китай сможет образовать «Паке Синика» и пр.). Это связано с тем, что весь материал излагался в русле философии истории и здесь использовался гегелевский подход, который «схватывает» феномен «размытой реальности» — не все возможности реализуются равновероятно, а также идея античной философии о правомерности существования разных мироустройств, а значит, и возможности стать действительностью несбывшихся альтернатив мировой истории.

В книге показывается связь исторических событий с космическими процессами, прежде всего солнечной активностью. Оказывается, что большинство неосуществившихся сценариев мировой цивилизации приходится на смену типов культур (в классификации П. Сорокина) и периоды изменений солнечной активности. И сейчас начинается увеличение активности нашего светила, с чем связано формирование планетарной цивилизации, для которой будут при-

сущи свои экономические, технические, психологические и культурные изменения.

Однако имеется и противоположная точка зрения, представленная в модели цивилизационного процесса С. Хантингтона. Мировая политика вступает в новую фазу, что вызвало появление различных версий ее будущего облика: конец истории, возврат к традиционному соперничеству между нациями-государствами, упадок наций-государств под напором различных тенденций — к трайбализму и глобализму и др. Каждая из этих версий «схватывает» отдельные аспекты нарождающейся реальности, но, по мнению С. Хантингтона, не выделен самый существенный, осевой аспект проблемы: «Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов» [205а, 33]. Таким образом, облик мира будет определяться в ходе взаимодействия таких крупных цивилизаций, как западная, японская, исламская, индуистская, конфуцианская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская. Самые же значительные конфликты развернутся по линии разлома между цивилизациями.

Причины такого сценария будущего человечества С. Хантингтон усматривает в следующем: во-первых, различия между цивилизациями наиболее существенны, они несхожи по своей истории, языку, культуре, традиции и, самое главное, религии; во-вторых, мир становится все более тесным, усиливается взаимодействие между цивилизациями, что ведет к росту цивилизованного самосознания; в-третьих, процессы экономической модернизации и социальных изменений ослабляют традиционную идентификацию людей с местом жительства, ослабевает и роль нации-государства как источ-

ника идентификации; поэтому возрастает значимость религии, нередко в форме фундаменталистских движений (ислам, западное христианство, иудаизм, буддизм, индуизм); в-четвертых, рост цивилизационного самосознания обусловлен двойственной ролью Запада: он находится на вершине своего могущества, что влечет за собой возврат незападных цивилизаций к собственным корням (речь идет об идее «возврата в Азию» Японии, «индуизации» Индии, «реисламизации» Ближнего Востока и пр.); в-пятых, культурные особенности и различия более стабильны и фундаментальны, чем политические и экономические, поэтому гораздо сложнее их разрешить или свести к компромиссу; в-шестых, усиливается экономический регионализм, который успешен, если он коренится в общности цивилизаций [с. 205а]. Следовательно, тезис об «универсальной цивилизации» находится в противоречии с партикуляризмом азиатских культур. На наш взгляд, данная модель цивилизационного процесса действительно «схватывает» такую грань, как усиление самобытности цивилизаций, однако интеграционные процессы в мировом масштабе имеют тенденцию к возрастанию, и в конечном счете они в синтезе с противоположной тенденцией приведут к мировой цивилизации, которая будет состоять из ряда самобытных культур, взаимодействующих в своей неслиянности. На это указывает и концепция неархимедового времени, согласно которой континуум временных моментов слагается из упорядоченного множества; применение данной концепции времени к анализу цивилизационного процесса и позволяет сделать указанный вывод.

Заслуживает внимания проблема, относящаяся к существованию в конце XX века целого спектра сценариев мировой цивилизации, ее будущего развития, т. е. речь идет о возможных путях развития современного мира в начале III тысячелетия. Еще раз подчеркнем, сейчас происходят глубокие цивилизационные сдвиги, характеризующие конец цивилизации, сформировавшейся в эпоху Возрождения. Это вызвало к жизни целый ряд футурологических концепций, изложенных в работах Ф. Фукуямы, О. Тоффлера, У. Эко, Ж. Аттали, А. Шаффа, С. Хантингтона, Я. Кучиньского, Г. Дилигенского, Дж. Нэобитта, А. Тойнби, Ж. Гимпеля, А. Дуги-

на и др. Осмысление всех этих концепций, выражающих альтернативные сценарии будущего человечества на основе идеи неархимедова времени, которая фиксирует природу социогенеза и культурогенеза как взаимопроникновение порядка и хаоса, дает возможность очертить контуры будущего цивилизаций.

К возможным сценариям мировой цивилизации могут быть отнесены следующие: 1) достаточно вероятен альянс России и Германии, хотя этому будут противодействовать Соединенные Штаты Америки, используя Англию и Францию; 2) не исключена возможность реализации союза славян и тюрков, что имеет свои основания в исследованиях Л. Гумилева и просматривающихся реальных тенденциях после распада Советского Союза; 3) в зародыше находится современный восточный Ренессанс (типа нашхбандизма в Узбекистане), который может противостоять волне исламского фундаментализма; 4) победа негров в Южно-Африканской Республике представляет собой детонатор, способный «сработать» на Западе и прежде всего в США; 5) вполне возможен сценарий, согласно которому Восток (в основном Китай и Индия) демографическим путем «завоюет» Запад, не говоря уже об арабах и неграх; 6) имеет определенный шанс осуществиться и комбинация «Россия плюс Иран плюс...»; 7) геостратегические факторы с необходимостью усиливают реинтеграционные тенденции стран СНГ, и тогда российская цивилизация имеет шанс стремительного развития в XXI столетии, вопреки прогнозам некоторых футурологов и политологов; 8) не исключен сценарий «нового средневековья», означающий крушение Суперсистемы Запада и т. д. Исследование этих альтернативных сценариев будущего мировой цивилизации требует отдельного рассмотрения.

Литература

1. Алтан тобчи («Золотое сказание»). М., 1973.
- 2. Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. М., 1984.
3. Артамонов М.И. История хазар. М., 1962.
4. Африка: Взаимодействие культур. М., 1989.
5. Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. М., 1991.
6. Барач Д. Дэн Сяопин. М., 1989.
7. Бердников В.А. Эволюция и прогресс. Новосибирск, 1991.
8. Бердяев Н.А. Русский коммунизм // Новое время. 1990, № 9.
9. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990.
10. Березкин Ю.Б. Инки. Исторический опыт империи. Л., 1991.
11. Березовский М. Бог любит Америку. М., 1980.
12. Бессонов Б. Фашизм: идеология, политика. М., 1985.
13. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. 2.
14. Бокщанин А.А. Императорский Китай в начале XV века. М., 1976.
15. Бокщанин А.А. Китай и страны южных морей в XIV-XVI вв. М., 1968.
16. Большаков О. История Халифата. 1. Ислам в Аравии (570-633). М., 1989.
17. Бонгард-Левин Г.М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973.
18. Бонно Р. «Ветви одного дерева» // Курьер ЮНЕСКО. 1990, июнь.
19. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992.
20. Борисов Ю.В. Шарль-Морис Талейран. М., 1981.
21. Бородай Ю. Третий путь // Наш современник. 1991, № 9.
22. Бродель Ф. Время мира. М., 1992.
23. Бродель Ф. Игры обмена. М., 1988.
24. Бродель Ф. Структуры повседневности. М., 1986.

25. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1899, т XXVII.
26. Брянец П.Д. История Литвы. СПб., 188.
27. Буганов В.И. Петр Великий и его время. М., 1989.
28. Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1979.
29. Бюттнер Т. История Африки с древнейших времен. М., 1981.
30. Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1988.
31. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Л., 1976.
32. Вебер Г. Всеобщая история. М., 1893, т. V.
33. Вебер Г. Всеобщая история. М., 1887, т. VI.
34. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
35. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.
36. Вернадский В.И. Биосфера. М., 1967.
37. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.
38. Власов Ю.П. Огненный крест. Историческая исповедь: В 2 ч. И., 1991-1992.
39. Волкогонов Д. Троцкий: политический портрет: В 2 кн. М., 1991-1992.
40. Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития. М., 1987.
41. Гаудио А. Цивилизация Сахары. М., 1977.
42. Гафуров Б.Г., Цубукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.
43. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 томах. М., 1954-1964.
44. Герье В. Западное монашество и папство. М., 1913.
45. Грант В. Эволюция организмов. М., 1991.
46. Гройсон Дж., О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века. М., 1991.
47. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949.
48. Гудяев В.И. Доколумбовы плавания в Америку: мифы и реальность. М., 1991.
49. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.
50. Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960.
51. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. М., 1974.
52. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

53. Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла: диалог. М., 1990.
54. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.
55. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
56. Деникин А. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль—сентябрь 1917. М., 1991.
57. Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Вопросы философии. 1991, № 3.
58. Драгунский Д.В., Цымбурский В.Л. Генотип европейской цивилизации // Полис. 1991, № 1.
59. Древние цивилизации / Аверinceв С.С., Алексеев В.П., Ардзинба В.Г. и др. — М., 1989.
60. Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1975.
61. Евсевицкий Б., Мудимбе В.И. Вслушиваясь в голос истории // Курьер ЮНЕСКО. 1990, май.
62. Емельянов Ю.В. Заметки о Бухарине: революция, история, личность. М., 1989.
63. Ершов В. Коридоры смерти. М., 1991.
64. Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы. М., 1980.
65. Жилин П.А. О войне и военной истории. М., 1984.
66. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 1991.
67. Заичкин В.А., Почкаев И.Н. Русская история IX — середина XVIII в. М., 1992.
68. Записки А.П. Ермолова. 1798-1826 гг. М., 1991.
69. Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории XIV-XIX вв. М., 1991.
70. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.
71. Иванов К.А. Средневековое папство и его представители. Пг., 1915.
72. Идлис Г.М. Закономерная циклическая повторяемость скачков в развитии науки, коррелирующая с солнечной активностью // История и методология естественных наук. Физика. 1979, вып. XXII.
82. «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии. М., 1987.

83. История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. — М., 1938, т. I.
84. История Древнего Востока / Под ред. Кузищина В.И. — М., 1988.
- 84 а. История древнего мира: В 3 томах. М., 1989.
- 84 б. История: неизбежное и случайное. Круглый стол советских историков // Знание — сила. 1980, № 1.
85. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. / Сост. Мироненко С.В. — М., 1991.
86. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991.
87. История средних веков: В 2 томах. М., 1990-1991.
88. Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Космопланетарный феномен человека. Новосибирск, 1991.
89. Какое И.Б. На островах и берегах Африки // Курьер ЮНЕСКО. 1984, январь.
90. Калашников И. Жестокий век. М., 1980.
91. Капитализм на исходе столетия. М., 1987.
92. Кара-Мурзаев С.Г. Наука и кризис цивилизации // Вопросы философии. 1990, № 9.
93. Карр Э. История Советской России. М., 1990, т. I.
94. Каталог биосферы. Справочник. М., 1991.
95. Кауль Т.Н. От Сталина до Горбачева и далее. М., 1991.
96. Квинтэссенция: философский альманах. М., 1992.
97. Кедров А. Работоторговля // Курьер ЮНЕСКО. 1984, июль.
98. Кисловский Л.Д. Космические воздействия и эволюция биосферы. М., 1986.
99. Китайские социальные утопии. М., 1987.
100. Климов Г. Гитлер и его «политбюро» // Молодая гвардия. 1991, № 6.
101. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1937, т. V.
102. Ключевский В.О. Литературные портреты. М., 1991.
103. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1987-1990.
104. КНР: на путях реформ (теория и практика). М., 1989.
105. Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М., 1990.

106. Коваль В.С. «Барбаросса»: истоки и история величайшего преступления империализма. Киев, 1989.
108. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
109. Колесницкий Н.Ф. «Священная Римская империя»: призрачность и действительность. М., 1977.
110. Конисский Г. История Русов. Киев, 1991.
111. Конфуцианство и традиционная китайская культура: историческое наследие и современность (реферативный обзор) // Китаеведение. М., 1990, № 5.
112. Кораблев И.Ш. Ганнибал. М., 1976.
113. Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.
114. Кочакова Н.Б. Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея). М., 1986.
115. Кочесоков Р.Х. Феномен тоталитаризма. Ростов-на-Дону, 1990.
116. Краснов П.Н. Белая свитка. Тирасполь, 1991.
117. Кузмищев В.А. У истоков общественной мысли Перу. М., 1979.
118. Кулик С. Черный феникс: африканские сафари. М., 1988.
119. Кууси П. Этот человеческий мир. М., 1988.
120. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973.
121. Кюстин А. Николаевская Россия (1839). М., 1990.
122. Левек П. Эллинистический мир. М., 1989.
123. Лем С. Модель культуры // Вопросы философии. 1969, № 8.
124. Лем. С. Планета Земля. Век XXI // Комсомольская правда, 11 июля 1992.
125. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
126. Леонтьев В. Экономическое эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990.
127. Ливитий Тит. История Рима.
128. Лима-де Фариа А. Эволюция без отбора. М., 1991.
129. Лозинский С.Г. Социальные корни антисемитизма в средние века и в новое время. М., 1929.
130. Лубченков Ю., Романов В. Любовь и власть. Вильнюс, 1991, ч. I.

131. Мак-Фарленд Д. Поведение животных. М., 1988.
132. Мальро А. Зеркало лимба. М., 1989.
133. Мацявин В.В. Гибель древней империи. М., 1983.
134. Маляров И. Японский прорыв // Свободная мысль. 1991, № 15.
135. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
136. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание.
137. Материалисты Древней Греции. М., 1955.
138. Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.
139. Массэ А. Ислам. М., 1982.
140. Мельников Д., Черная А. Империя смерти. М., 1987.
141. Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966.
142. Моисеев Н.Н. Пути к созиданию. М., 1992.
143. Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии, 1991, № 3.
144. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: В 3 томах. М., 1981.
145. Новая технократическая волна на Западе. Сборник. М., 1986.
146. Ноосфера и человек. Труды семинара «Человек за ноосферу». М., 1991.
147. Нью-Йорк Таймс. Май 26 — июнь 5, 1992.
148. Ньянг С.С. Африканская космология // Курьер ЮНЕСКО, 1982, март.
149. Озима М. Глобальная эволюция Земли. М., 1990.
150. Окунь С.Б. История СССР, 1796-1825. Л., 1948.
151. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992.
152. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991.
153. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1991.
154. Павленко Н.И., Кобрин В.Б., Федоров В.А. История СССР с древнейших времен до 1861 года. М., 1989.
155. Перестройка и еврейский вопрос. М., 1989.
156. Печников Б.А. «Рыцари церкви». Кто они?: Очерки об истории современной деятельности католических орденов. М., 1991.
157. Пиацца Т. Молодые талантливые джазмены // Америка, 1992, июнь.

158. Писатель и время. М., 1991.
159. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. М., 1982.
160. Плутарх. Избранные жизнеописания. М., 1987, т. II.
161. «Повести временных лет». Статьи и комментарии Д.С. Лихачева. М.-Л., 1950, т. I.
162. Поликарпов В.С., Волков Ю.Г., Поликарпова В.А. Современная культура и генная инженерия. Ростов-на-Дону, 1991.
163. Рено Ф., Даже С. Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом. М., 1991.
164. Россия. 1917 год: Выбор исторического пути. М., 1989.
165. Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: Сборник М., 1989.
166. Саган К. Драконы Эдема. М., 1986.
167. Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.
168. Сеа Л. Открытие или сокрытие? // Три каравеллы на горизонте. М., 1991.
169. Сеа Л. Философия американской истории. Л., 1984.
170. Семенов С.А. Происхождение земледелия. Л., 1974.
171. Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. М., 1985.
172. Симкин Г.Н. Рождение этосферы // Вопросы философии, 1992, № 3.
173. Симонов В.В. Выбор пути. Н.Д. Кондратьев против «кондратьевщины» // Встречи с историей, 1990, вып. 3.
174. Скрипник А.П. Моральное зло. М., 1992.
175. Смирнов С. Хитроумие сэра Арнольда // Знание — сила, 1979, № 2.
176. Снисаренко А.Б. Рыцари удачи. Хроники европейских морей. СПб., 1991.
177. Современный капитализм: хозяйственный механизм и НТП. М., 1989.
178. Сокольский М.М. Неверная память (герои и антигерои России). М., 1990.
179. Соловьев В.С. Собрание сочинений. СПб, 1896, т. VI.
180. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.
181. Соловьев В., Клепикова Е. Заговорщики в Кремле: от Андропова до Горбачева. М., 1991.

182. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
183. Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу. М., 1991.
184. Су Мэй-Лин. Портулан Чжен Хэ // Курьер ЮНЕСКО, 1991, август.
- 184а. Сумерки богов. М., 1990.
185. Сутулин А.М. Три центра империализма: сферы экономического соперничества. М., 1987.
186. Терре Э. От Гегеля до Маркса — судьбы диалектики // Курьер ЮНЕСКО, 1990, июнь.
187. Тойнби А. Если бы Александр не умер тогда... // Знание — сила, 1979 № 2.
188. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.
189. Томсон Дж. История древней географии. М., 1953.
190. Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Харьков, 1926.
191. Турсунов А. Мирозданья тугие узлы // Вопросы философии, 1988, № 2.
192. Тьерри О. Избранные сочинения. М., 1937.
193. Тюменев А.И. Евреи в древности и в средние века. Пг., 1922.
194. Успенский В.Д. Тайный советник вождя: роман-исповедь. М., 1991.
195. Уэллс Г. Краткая история мира. М., 1924.
196. Фалеев В. Григорий Распутин без грима и дорисовок // Чудеса и приключения, 1991, № 1.
197. Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
198. Федоренко Н.Т. Китай: открывая будущее // Наш современник, 1991, № 9.
199. Федотов Г. Судьбы империй // Знамя, 1992, N 3-4.
200. Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991.
201. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
202. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990, № 3.
203. Фурман Д.Е. Выбор князя Владимира // Вопросы философии, 1988. № 6.
204. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
205. Хань У. Жизнеописание Юаньчжана. М., 1980.

205. Хайтингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис, 1994, №1.
206. Харли Дж. Б. Зеркало мира // Курьер ЮНЕСКО, 1991, август.
207. Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1962, т. III.
208. Хитров М. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. М., 1991.
209. Холодов Ю.А., Лебедева Н.Н Реакции нервной системы человека на электромагнитные поля. М., 1992.
210. Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1980, ч. II.
211. Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1950, т. I.
212. Цивилизация и исторический процесс. М., 1983.
213. Циркин Ю.Б. Финикийская культура в Испании. М., 1976.
214. Чазов Е. Здоровье и власть. М., 1992.
215. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
216. Чернов В. Ленин // Социум, 1991, № 1.
217. Черфаз Дж., Гриббин Дж. Новое о происхождении человека // Америка, 1984, № 332.
218. Честертон Г.К. Вечный человек. М., 1991.
219. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса, Калуга, 1924.
220. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.
221. Чичерин Б.И. История политических учений М., 1869, ч. I.
222. Шафаревич И. Есть ли у России будущее? М., 1991.
223. Шелленберг В. Мемуары. М., 1991.
224. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981.
225. Шишина Ю. Психодизайн — XXI // Наш современник, 1991, № 8.
226. Шмеман А. Исторический путь православия. Париж, 1985.
227. Шпенглер О. Закат Европы. М.-Пг., 1923, т. I.
228. Шугрин С.М., Обут А.М. Солнечная активность и биосфера. Новосибирск, 1986.
229. Эдди Дж. История об исчезнувших пятнах // Успехи физических наук, 1987, т. 125, вып. II.
230. Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 1982.
231. Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1985.
232. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
233. Andreski St Elements of Comparative Sociology. L., 1964.

234. Biale D. Power and power lessness in Jewish History. N.-Y., 1987.
235. Bielicki T. Ewolucija mózgu hominidoów // Kosmos Warszawa, 1987. T. 36, № 3.
236. Bonfie B.G. Utopia y revolucion. Mexico, 1921.
237. Böttger W. Kultur im alten China Jena. — Berlin, 1979.
238. Braudel F., Coarelli F., Aymard M. Morze Śródziemne. Gdansk, 1982.
239. Brown L.R., Durning A., Flavin Ch a e State of the World 1990, N.-Y., L, 1990.
240. Bullock A. Hitler: Studium tyranii. Warszawa, 1969.
241. Child G. The Urban Revolution // Town Planning Review, 1950, Vol. 21.
242. Coulborn R. The Origin of Givilized Societies. Princeton, 1959.
243. De Montrial T. Que faire? Les grandes monoeuvres du monde. P. 1990.
- 243a. Debray R. Le scribe: Genèse du politique. P., 1980.
244. Elegant R. Pacific Destiny Inside Asia Today. N.-Y., 1990.
245. Estudios latinoamericanos (Warszawa). 1981, № 1.
246. Foulée A. Szkic psychologiczny narodów europejskich. Warszawa.
247. Gawlikowski K. Nowabatalia o Konfucjusze. Warszawa, 1976.
248. Granet M. Cywilizacja chinske. Warszawa, 1973.
249. Grotein S.D. Jews and Arabs. N.-Y., 1974.
250. Hart E. Dann of a Millenium. Boston, 1990.
251. Hawken R. Ogilvy I., Schwartz P. Seven tomarrows toward a voluntary history. N.-Y., 1982.
252. Horosewicz M. Przez dwa millenia do rzyniskiej synagogi / / Czlowiek i swiatopoglad. 1988, № 3.
253. Iberica Americana. M., 1991.
254. Johnson F. Modern times. N.-Y., a etc., 1985.
255. Knowles M.D., Obolensky D. Historia Kosaola. Warszawa, 1988. T. 2.
256. Kossecki I. Cybernetyka społeczna. Warszawa, 1975.
257. Kossecki I. Gry sil i interesów w historii. Warszawa, 1981.
258. Lem S. Eilozofia przypadku. Kraków, 1988. T. 2.
259. Lewis R. Zycie codzienne w Jurcji Os'manskiej. Warszawa, 1981.

260. Moskati S. Fonicane. Praha, 1975.
261. Mukerjee R. The Destiny of Civilization. L., 1964.
262. Naisbitt I., Aburdence R. Megatrends 2000. N.-Y., 1990.
263. Podkowinski M. Gdyby Hitler wygral wojne. Warszawa, 1982.
264. Riche P. Zycie codzienne w paustwe Korola Wielkiego. Warszawa, 1979.
265. Roberts I.M. The Triumph of the West. L., 1985.
266. Ryszkiewicz M. Jak Zoctai czlowikiem — przepis ewolucyjny. Warszawa, 1989.
267. Ryszkiewicz M. Mieszkakncy swidtiw alternatywnych. Warszawa, 1987.
268. Smelser N. I. Sociology. N.-Y., 1988.
269. Swiderkowna A. Hellenka. Warszawa, 1978.
270. The Time's Atlas of World History. L., 1979.
271. Toynbee A.J.A. Conversation between A.J. Toynbee and G.R. Urban. N. Y., 1974.
272. Toynbee A.J.A. Hannibals Legacy. L. etc., 1965, vol. 1.
273. Toynbee A.J.A. Study of History. L. etc., 1948, vol. 3-4.
274. Toynbee A.J.A. Study of History. L. 1955-1901, vol. 1-12.
275. Toynbee A.J.A. The Western Question in Greeci and Turkey. L. etc., 1922.
276. Toffler A. The Third Wave. N.- Y., 1982.
277. Ulesent G. Urogenlandes über Rusland im Spengler Leufe. München, 1980.
278. Urbanski E.S. Hispanoaverykaj ej cywilizacja. Warszawa, 1981.
279. Wen-Yaun. Qian. The Jreat Inertia. L., 1985.
280. Zea L. O filizofii amerykeniskiej // Studia filozoficzne. 1987, № 12.
281. Смолий В.А., Степанков В.С. Богдан Хмельницький. Соціально-політични портрет. Київ, 1993, с. 485.
282. Боплан Г.Л. де. Опис України. Мєрїме П. Українські козаки та їхні о танні гетьмани; Богдан Хмельницький. Львів, 1990, с. 297-298.
283. Величко. Лєтопись. Київ. 1851. 11, 13.
284. Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. Київ, 1990, т. 2, с. 190.
285. Там же, с. 191-192.
286. Смолий В.А., Степанков В.С. Указ. соч., с. 483.

287. Там же, с. 483.
288. Боплан Г.Л. де; Меріме П. Указ. соч., с. 297.
289. Кониский Г. История русов или Малой России. Киев, 1991, с. 142.
290. Смолий В.А., Степанков В.С. Указ. соч., с. 484.
291. Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. М., 1991, с. 175.
292. См.: Полное собрание Законов Российской Империи. Т. I; Кониский Г. Указ. соч., с. 120.
293. Смолий В.А., Степанков В.С. Указ. соч., с. 364-365.
294. Крипякевич І.П. Історія України. Львів, 1990, с. 189.
295. Там же, с. 186.
296. Кониский Г. Указ. соч., с. 118.
297. Смолий В.А., Степанков В.С. Указ. соч., с. 486.
298. Крипякевич І.П. Указ. соч., с. 194.
299. Там же, с. 188.
300. Дорошенко Д. Нарис Історії України. У 2-х т. Київ, 1991, т. 2, с. 43.
301. Крипякевич І.П. Указ. соч., с. 189.
302. Смолий В.А., Степанков В.С. Указ. соч., с. 486.

Содержание

От редакции	3
Введение	5
<i>Часть первая. Природа цивилизации</i>	9
Биологическая эволюция и культурогенез	11
Происхождение цивилизации и ее характер	23
Единство и многообразие цивилизаций	37
Цивилизация и природа	49
<i>Часть вторая. Эллинизм</i>	59
Александр Македонский не умер тогда	61
Карфаген победил Рим	73
Антоний выиграл битву при Акциуме	85
<i>Часть третья. Восток</i>	97
Ашока мирным путем объединяет цивилизации	99
В Азии возникает «Пакс Синика»	107
Чингисхан погибает в детстве	115
Китай осуществляет морскую экспансию	
на юг в XV веке	123
Инки дали отпор испанским конкистадорам	131
Сулейман Великолепный захватывает Вену	139
Япония не изолировалась от внешнего мира	
в XVII веке	147
Африка — не колония европейцев	159
Государство Израиль возникло в 1920 году	167
Чан Кайши расстрелян в декабре 1936 года	179
<i>Часть четвертая. Запад</i>	193
В битве при Туре и Пуатье (732 г.) победу	
одержали арабы	195
Карл Великий создает суперэтническую	
империю Запада	203
Европа без христианства	212
Государства крестоносцев остались в	
Восточном Средиземноморье	220
Викинги осваивают Америку	232
Папство побеждает империю	244
Германский «Дранг нах Остен» XIII века	

прошел успешно.....	252
В Западной Европе господствует габсбургско- католическая империя.....	260
Наполеон побеждает Россию.....	268
Дочь губернатора Калифорнии донна Аррилага выходит замуж за камергера двора Н. Резанова.....	276
Гитлер выиграл войну.....	288
Французские коммунисты остаются у власти в 1947 году.....	296
<i>Часть пятая. Россия.</i>	307
Князь Владимир не принял православия.....	309
Великое княжество Литовское и Русское стало интегрирующим центром русских земель.....	317
Богдан Хмельницкий умер в 1668 году.....	325
Заговор полковника Цыклера удался — Петр Первый убит.....	337
Таганрог — Южный Петербург.....	345
Пираты Мадагаскара помогли кораблям России проникнуть в Индийский океан.....	355
В России начала XIX века устанавливается конституционная монархия.....	367
Восстание декабристов 14 декабря 1825 г увенчалось успехом.....	376
Покушение на Распутина в 1916 году не удалось.....	388
Ленин скончался в 1939 году.....	396
Советский Союз начал войну против фашистской Германии.....	404
Сталин умер в 1960 году.....	416
Андропов приходит к власти в 1976 году.....	425
ГКЧП взял власть в августе 1991 года.....	434
<i>Часть шестая. Будущее «неосуществленных сценариев» истории</i>	447
Восток.....	449
Запад.....	459
Россия.....	467
Контуры планетарной Цивилизации.....	477
Заключение.....	492
Литература.....	496

В.С. Поликарпов.
Если бы... Исторические версии.

Художественное оформление С. Царева
Корректоры: В. Югобашьян, А. Кодова

OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа

Лицензия ЛР № 062308 от 24 февраля 1993 г.

Сдано в набор 08.09.95. Формат 84х108/32. Бум.
газетная. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная.

Усл. п. л. 26,88. Тираж 15 000. экз. Заказ № 3107.

Издательство «Феникс»

344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУИПП «Курск».
305007 г. Курск, ул. Энгельса, 109.

ФЕНИКС